

Ганова Людмила. (Романы «Катунский дневник по понедельникам», «Глумление», «Ельценбург», «Люди - манекены», «Роман номер Хз», «Русская Монархия». Публицистика, кинокритика, арткритика.)
<https://russianmonarchy.blogspot.com/p/books.html>

Автор Ганова Людмила. (Убита в России в 2018 году (Столетие нелегитимной власти в России 1918-2018) Автор романа «Русская Монархия» 2010, о нелегитимности власти основанной на убийстве царской семьи Романовых 1918 и о восстановлении законной власти в России - Монархии Романовых) (Перепечатывали рукописи дети писателя: художник Цуриков Илья и поэт Ket Gun Февраль 2021).

Публицистика к роману «Русская Монархия» Ганова Людмила:
Роман “Русская Монархия” был написан мной в интеллектуальной дискуссии, которая велась несколько лет назад на радиостанции “Эхо Москвы”. Он посвящён одному очень сложному вопросу - русской истории, вопросу наследственной Монархии в России, как важнейшему институту организации её власти и казни последнего русского императора Николая Второго со всей его семьёй в Сибири.

Многое в этом вопросе поражает и вызывает удивление. Может быть, к этому вопросу русскую общественность заставило вернуться и то, что после казни царской семьи в России наступили страшные времена: начались страшные войны, были убиты миллионы людей и в России были страшные голода. Новая революционная власть так и не смогла решить ни один из этих вопросов. Это состояние русского общества длится уже сто лет и мы невольно начинаем сравнивать Русскую Монархию, которая правила в России несколько столетий и успешно правила с теми недостатками власти, которые свойственны и современному нашему обществу...

Фигура Императора Николая Второго, может быть, мы только сейчас стали понимать уровень его интеллекта и образованности, и возможности самой царской монархии в России. Прежде всего следует сказать, и самое важное, что Царь не только вёл безупречную жизнь и обладал безупречной репутацией в русском обществе, но и Россия действительно для него была и, управление ей, было самым важным делом его жизни.

В России начала двадцатого века было несколько крупных политических сил: партия Эсеров, Кадетов, Большевиков... Которые несомненно поставили перед собой задачу свержение власти Царя, и кем-то из них был избран путь по которому они пошли:

дискредитация власти Царя, военное свержение её, и установление собственной власти... Знаменитое "Кровавое воскресенье", которое было организовано, как шествие к резиденции царя нескольких тысяч людей с письмом о помощи во главе с каким-то попом. Это самая настоящая провокация, достаточно и сотни людей, которые могли бы передать такое письмо или встретиться с Царём.

Николай Второй был публичной личностью и ходил даже на заседание Государственной Думы, где были представлены самые различные политические силы России.

Возможно, что целью этого шествия был захват резиденции царя? Так Николай Второй лично был обвинён в расстреле этого шествия. Мы знаем, что большевикам именно военным путём удалось захватить власть в России. Ленин великолепно понимал нелегитимность своего военного революционного переворота и собственного правления, и пытался замолчать этот вопрос. Что происходило дальше, никто в России не знает, нет официальных распоряжений и документов. Однако факты упрямая вещь: царская семья осталась без охраны (новой власти). Стали говорить, что Николай Второй отрёкся от престола... Никаких документов до сих пор общественности не предъявлено по этому поводу! Потом царская

семья почему-то оказалась в Сибири, в Екатеринбурге, и была расстреляна в подвале Ипатьевского дома.

Царь не трогал “революционера” Ленина и не стал расстреливать его, хотя мог бы.

Хотя лозунг “расстреливать и вешать” до сих пор муссируется в нашем обществе.

Кто стоял во главе самой высшей власти в то время в России ?

Владимир Ильич Ленин ! И именно он, следовательно, должен нести юридическую, моральную и нравственную ответственность за убийство и страшную казнь, а все остальные члены семьи, жена, маленькие дети, за что они были казнены ? Всё же Владимиром Ильичем Лениным. Он всегда упрямо молчал по этому вопросу, хотя и написал много трудов.

Современная власть в России основана на страшном перевороте и захвате власти Большевиками в России, а, значит, незаконна. И поэтому, видимо, она заботится о том, чтобы был постоянно скомпрометировано правление последнего императора Николая Второго. Именно поэтому Владимир Ильич Ленин забальзамирован и помещён в саркофаг на главной площади страны, и никто его оттуда не собирается убирать. Он стал во многом символом этой власти. Давайте не будем забывать, что он захватил власть в этой стране насильственным незаконным революционным путём.

О императоре Николае Втором в современной России разрешено говорить только плохо.

Давайте вспомним стрельбу по белому дому парламента из танков в 90-х. Хотя в конституции написано, что разрешены мирные шествия граждан и митинги, в них вам могут отказать без объяснения причин.

Мы прикоснулись к очень важной тайне русской истории: как был уничтожен институт наследственной монархической власти в России и к проблеме её восстановления в России. Существует мировой конкретный исторический опыт такой мирной передачи диктатором Франко власти её законному наследнику в Испании. Как видите, он возможен...

Писатель Ганова Людмила написала в мае 2018 открытое письмо в Нобелевский Комитет по вручению литературных премий и Шведскому Монарху Карлу XVI Густаву о привлечении внимания к нелегитимной власти в России основанной на незаконном расстреле царской семьи Романовых и Роману «РУССКАЯ МОНАРХИЯ»-2010 о восстановлении законной власти в России!

Инфразвуковое? оружие спецслужб В.В.Путина!

Ослабление организма, отказ в медицинской помощи.

Силовой захват спецслужбами В.В.Путина с автоматами в закрытую реанимацию против воли человека и детей 25.10.18 (аналогии Нюрнбергский процесс - «медицинские действия без согласия человека») Дети арестованы в больнице! Недопуск детей к матери! пытки 25 дней, убийство в столетие нелегитимной власти в России 1918-2018 !!!

Расследование документы, аудиозаписи, книги, публицистика ...

<https://russianmonarchy.blogspot.com>

Ганова Людмила с детьми Цуриков Илья и Ket Gun.

Эта великая река или визитная карточка земли (Окончательный вариант).

Ганова Людмила:

Посвящается моему сыну и Антуану де Сент-Экзюпери.

Илья Александрович придирчиво посмотрел на корешки книг, стоявшие на полке внизу пульта управления.

Из цикла «Рождение вселенной» проект Гановой Людмилы.
Художник Цуриков Илья.

-Может, что-нибудь почитать? Да мне сорок один год, ну и что? Эта мысль откуда-то легонько всплыла на берегу его человеческого океана мозга и вот не собиралась так просто уходить.

-Конечно, я устал, а усталость затормаживает всё вокруг и хочется уйти даже от самого себя.

-Визитная карточка земли - усмехнулся он. Так любила говорить его мать. Он был с ней здесь в детстве, на этом самом месте. Трудно поверить, что это так красиво. Большая мощная горная река была зажата в каменном русле так сильно, что она уходила почти вся туда, в глубину горы, а сверху был переброшен маленький пешеходный мостик.

-Мир земли и мир космоса. Да, Земля - это тоже дитя во чреве матери - Космоса, тщательно им оберегаемое и сохраняемое, которое иначе и сбересть невозможно.

Понять то, что раньше ему открывалось на земле - космическом корабле по ночам он был, конечно, не в состоянии. Как большинство людей он бежал от созерцания прекрасного и глубочайшего космоса, наполненного сумасшедшим сиянием звёзд.

Сейчас он чувствовал, что может открывать его целыми часами, приближаясь к истине, и она становится всё более глубокой и важной в его жизни. Нет, Космос не втягивал его настолько, что ему захотелось бы исчезнуть, раствориться в нём навсегда, хотя, как все космонавты, он знал и эту его страшную силу.

Сейчас, вот в этот самый момент он чувствовал он чувствовал себя равным Вселенной.

-Это была глубокая и простая мысль, как чёрная бархатная живая ткань космического пространства перед ним. А уютный мир Земли и привычных понятий детства приносил всегда с собой в дар всегда новый тёплый новый день.

Вообще-то он привык к своей работе на энергетическом спутнике по получению чистой энергии и передаче её на землю, но вот что-то мешало ему в последнее время найти равновесие в своей жизни и обрести её полностью.

-Да, мне сейчас сорок один год, столько же, сколько было моей матери, когда она написала вот эту тоненькую в супер - обложке книжку. Он её очень любил, но не очень серьёзно относился ко всем её зелёным делам.

В её время на Земле уже набирала обороты ускорения экологическая гибель планеты. Земля неуклонно превращалась в свалку отходов производств. Но все к этому уже привыкли. То, что природа создавала миллионы лет, реки, моря, стало варварски уничтожаться.

Реки - перегораживаться плотинами, а моря стали гигантскими отстойниками всех нечистот. Река за двадцать тридцать лет такой

чудовищной эксплуатации уничтожалась полностью. Да и море могло исчезнуть навсегда.

-Всемирная экологическая мирная революция, действительно, сделала реальными наивные планы зелёных по получению солнечной и ветровой энергии, созданию замкнутых технологий всех действующих предприятий, полной ликвидации всех крупных плотинных ГЭС и очистке гигантских вонючих водохранилищ с мёртвой водой.

-Они говорили об экологическом геноциде, превосходящем политический, о том, что у человечества нет больше времени смотреть на всё это со стороны. О том, что чума двадцатого века - СПИД - это следствие той же причины.

-НЕТ, зря ты отмахиваешься, вы сами смешные, можно сказать что-то вроде динозавров вашего бога, технотронной системы которую вы считаете превыше всего и которой и которой поклоняетесь почти как роботы. А чудесное поклонение древних всему живому совсем не такая глупость как вас этому всю жизнь учат.

Тайна живого, она как тайна поэзии. Нет, ты погоди, выслушай, а не смейся. Вот, например, вклад Алтайского народа во всемирную цивилизацию - это именно его жизнь тысячелетиями в гармонии с прекрасной землёй, и его понимание этой жизни.

И они сделали всё, чтобы донести до нас это открытие в своём эпосе, каждая строчка которого гениальна. Этой красоты и жизни вместе с ней будут достойны, по видимому, лишь будущие поколения. Просто потому, что люди поймут это, к сожалению, не скоро, а наша задача - сохранить. Вот послушай:

Воды великой мощный свет
Вдоль неба движется кружась.
Высокий вздыбился хребет
Вершиной к небу прислонясь.

Ты только не думай, что их очень легко понять.

Да, оно истово, какое древнее слово, боролась за спасение одной реки, Катунь. Слово от этого зависела её жизнь. И в конце своей

жизни она мечтала о жизни там, на берегу своей великой реки. Что она хотела там ещё понять, или как хотела там жить?

Цифровая живопись. Цуриков Илья.

Вот только ей этого не удалось, так как она очень боялась за жизнь своих детей в этом "кошмарном мире", где "вообще не ценится человеческая жизнь". Внимательно разглядывая своё большое серебряное кольцо на руке, она не раз говорила и о том, что это, возможно, следующий этап в развитии человечества. Колечко было с лунным камнем, похожее на жука, бирюзовой воды, "как вода в Катунь".

-Можешь смеяться сколько угодно, но это так. Ну и денег у нас, конечно, нет, отец построил своими руками все лучшие дома в городе, камешек к камешку, ну а себе на крошечный дом у реки так и не заработал. Даже по законам капиталистического общества ему полагается шестьдесят процентов созданной прибыли, но будут ли они когда-нибудь у нас...

Он полистал книгу: "Прекрасные горы, полные гармонии и совершенства".

Это Белуха - центр Горного Алтая. Именно здесь берёт своё начало одна из самых юных и неповторимых рек Земли - Катунь. Белуха и сейчас хранит тайну её рождения. Но только прикоснись, откроешь и увидишь...

И только увидев эту реку, начинаешь понимать, что это величайшее достижение гения природы, которого человек должен быть достоин.....

А сейчас Катунь разворачивается, чтобы подойти к Пикету. Когда поднимаешься по длинному пологому склону на вершину горы, и с неё начинаешь всматриваться в окружающий тебя мир, мир земли, неба, прекрасной реки, вольно разворачивающейся внизу, то тебе открывается новое измерение этого мира, где всё находится в новом равновесии друг с другом, пронизанном солнцем, ветром, свободой.

Здесь в этом мире может родиться новое великое движение человеческой души, новое интеллектуальное поле его деятельности.

И как легко себе представить рериховское сказочное полотно, где под свирель нашего предка, вот на таком же холме танцуют медведи, и там внизу так же сказочно и привольно текут реки...

А что если взять отпуск и поехать туда в Национальный парк имени Рериха и пожить там? В книге были две фотографии его сестры, сделанные им в детстве. Он уже забыл про них. Катька совсем маленькая, ей года два. Она сидит заморожено перед кучей галечника, а он сверкает на солнце драгоценным блеском.

А вот она на полянке срывает невесомый шарик одуванчика, неподдельный, всеобъемлющий интерес, и сама такой же круглый и нежный мягкий шарик.

Одуванчик имеет форму земли, камешек светит светом звезды, а рыбка в реке повторяет роспись камушка. Нет это не мимикрия, а индекс жизненного взаимодействия, индекс гения планеты: Звезда, камешек, рыбка.

А его глаза, говорят, живые глаза его матери. Да, юность совершенна, но потом она уходит, а мы в своём развитии снова подходим к такому пределу, когда нам снова хочется открыть гармонию своего существования.

А сейчас на него внимательно смотрят глаза Христа. Они здесь всегда. Иконка, прошедшая через многие поколения его семьи и теперь висевшая в глубине матового, как серебряный оклад, светящегося металла корабля, была на своём месте. И он очень бы не хотел, чтобы она погибла вместе с ним.

Лик Христа лишь смутно проступал сквозь слои времени. Но это время, прошедшее сквозь икону, позволяло и открыть вместе с художником совершенство человеческой жизни и её духа.

У каждого времени, конечно, свои лица, точно и беспощадно о нём рассказывающие. У Христа были беззащитные глаза глубочайшего человеческого сострадания, открытые каждому, кто в нём нуждался.

Ганова Людмила: Рассказы...

27 февраля.

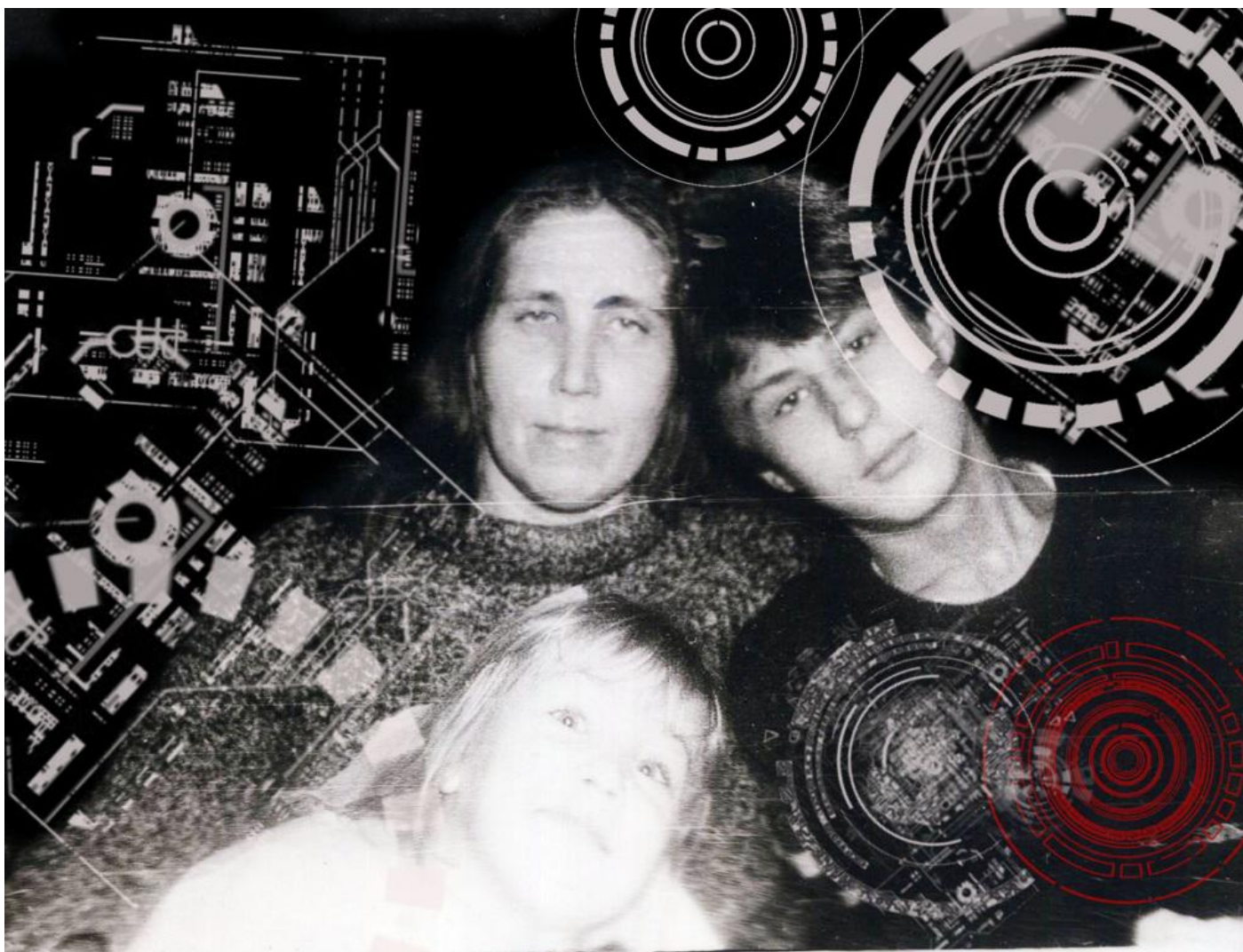
Пошли сегодня гулять я, Катя, Илья. Был ослепительный день, яркое солнце, мороз, холодный ветер. Дошли до клуба, посмотреть что идёт. Потом Илья стал с девчёнками кататься с горки. Детишки нашли себе в стороне от всех домов и взрослых параллельно с клубом длинную горку. Умницы и чудесно спокойно катаются. Илья предложил прокатить Катю с собой, сначала я воспротивилась, а потом посадила. Ей очень понравилось. Девочки, их было трое, которые сидели на солнышке очень тактично ждали, чтобы Катю не столкнуть и веселились и ...

Когда шли туда, Катерина шла сама и была очень забавна в своей длинненькой подпоясанной шубке, так потешно ставила ножки. На встречу шла старая бабка с двумя взрослыми мужчинами, и бабка сказала: «Большой человек идёт». Она сильно застыла, но домой идти не хотела, потом мы услышали, как каркнула ворона, и я

показала ей на крышу и вспомнила детское стихотворение Блока про весну и ворону. Чистый холодный воздух дышался легко и как будто каким-то чудесным образом прочищал всё, потом воробьи у дома, ершащиеся на солнышке. Илья тоже отдохнул и вечером стал проситься гулять со мной, но мне нужно было помыть двери, пол и унитаз. Купала Димку, ему месяц и он стал гладенько ровненький, очень беленькая прозрачное личико, хулиганит, писиет струйкой далеко, забавно тянется, значит растёт. Глаза по форме мамыны, но сам взгляд внимательный и недоверчивый - папин. Очень интересно наблюдать эту интеллектуальную черту у такого крошки. Значит, интеллект, вероятно, способен передаваться и чем дальше, тем в большей степени. Очень занимал меня вопрос: как ощущают себя эти рождённые малыши, но вот в месяц уже чувствуется, что как целое, как я по чистым умным размышляющим глазкам, что да, уже это целостность, самоощущение представляет

Сладко они и плачут. Это даже не плач, а песнь своя миру и от него сладко в груди. Мы побелили, целую неделю я убирала книги, сплю теперь на тоненьком матрасике и мне хорошо.

С полочки на меня нежными чуткими глазами смотрит Христос, рядом цветная фотография Ильи с Катей сидящей на ножке, фотография мне ужасно нравится, Илья на ней так красив и интеллигентен и мне впервые пришла мысль сравнить его по красоте с Христом. Рядом стоит китайская вазочка, которую я купила на базаре лет 10 назад из тёмно-синего, почти чёрного стекла, которое поражает совершенством своих форм и отсюда какая-то вечность этого совершенства, спокойствие прекрасного. Рядом стоял кубик-рубик, но Саня его убрал. И мой Мюссе, которого мне предстоит ещё одолеть.

Ганова Людмила с детьми.

Тихо и мирно стучат часы и я учусь тихо и мирно жить. Катя сегодня сказала новое слово "сядь", когда крутилась около своего трюмо. Она иступлённо орала на Илью сядь, сядь, сядь, а ему было по взрослому забавно.

Какое-то ощущение близости счастья, покоя и того, что я нашла своё, только мне нужно каждый день хотя бы час поработать, дало мне силы отказаться от иудиного приглашения, за три месяца выдать 595 часов.

А вечером в чисто выбеленной комнате за столом Илья сидел и рисовал спортивные машинки, все они у него получаются разные и удивительно современные, он хочет быть шофёром, что это за мечта. Было тихо и спокойно.

Когда он узнал, что меня приглашают работать в институт, он сказал: - Опять будешь целыми днями писать свои лекции, пропадать до 9 часов, и увидев на мне кудри, стал их распрямлять. И Надя мне рассказала: Узнав, что я ушла в институт, он, придя из школы, сел у двери и сказал: Буду сидеть здесь, пока она не придёт из института...

13 января.

Вчера мы с ней долго играли вечером.

Уже помыла Илью и с трудом уложила его спать, потом она прислушалась к тому, что пойдём, Катя, попоём Илье песенку, а потом мы пошли на кухню. Она перед тем как уснуть любит сходить и чего-нибудь перекусить. Повозилась ложечкой в варенье, в черёмухе, это для неё какая-то священная игра, потом мы пришли на дорожку. Она разулась и босыми ножками по дорожке. Потом стала просить со стола всякие вещи, я ей дала десять Илюшкиных шариков, домиков и много много другого. Берёт и берёт, нравится ей это. Все спят, я сижу около на стуле. Потом попросилась на стол. Села так тихонько на корточки и пописила, а потом несколько шажков своими крошечными божественными ножками. Смотрит своими мерцающими голубыми глазами, в отсвете света из прихожей они так необыкновенно сияют. Потом попросилась на ручки, я её взяла, раза два пронесла и она сразу глубоко заснула и проспала всю ночь, и не описелась.

А вышли гулять днём, день был очень холодный, ясный и солнце светило нестерпимо, какое-то сияние разрасталось, словно ты был погружён в нестерпимый холодный свет. Мы фотографировались - я с Катей, Бабка и прихватили Надьку.

Сегодня Илюша ходил первый раз на соревнование. Немного проспала. Ну собрались и ему уж выходить, а у меня в дверях, глядя на его бледное и немного потухшее личико, почему-то мигом сжалось сердце "проиграет". Я постаралась отогнать от себя это чувство, чтобы не мешать ему.

День мягкий, ленивый, воскресный вошёл уже в полную силу, а мы с Катей и с Надей смотрели телевизор. Сначала конец игры на фортепьяно великолепного пианиста Ересько. Как нежно он касался клавиш, это было какое-то одушевлённое отношение к инструменту, редчайшая гармония, и сколько много он при этом получал. Потом "здоровье". Как надоело со своей деланной улыбкой и поповским тоном сострадания эта Белянчикова.

Потом была "Утренняя Почта". Катерина крутилась здесь же и с удовольствием слушала музыку, танцы. Всё ей нравилось, личико круглилось, голубые глаза так понимающе - понимающе смотрели. Что-то будет с этим поколением, куда ещё дальше пойдёт оно.

Потом, чтобы она уснула мы вынесли её на улицу. И она сразу от притока свежего воздуха уснула. Мгновенно. Мы немножко походили со спящей на улице. Воздух был прекрасный и уходить не хотелось.

Катерина и Илья - фото.

1 апреля 1984.

Ну вот моя динозавриха, как я зову Катерину, ибо стоит она сейчас так же как я когда-то видела на какой-то репродукции, какого-то динозавра на двух ногах, опирающегося на хвост. Она, не умея стоять на ногах и учась, вот проходит этот этап развития, только эти чудесные ножки человека, но в их позе, смелости явно прочитывается этот период.

Илька чётко подметил, что когда она сидит, то сидит по-лягушачьи просто тазик так сейчас сделан. Но этот ребёнок проходит и этапы интеллектуального развития, ибо она говорит уже 9 слов, внимательно следит за всем новым и всё старается понять, очень чутко замечает грубый голос, крики и выражает своё недовольство. Вчера она долго не видела Илью, он целый день играл на лестнице и когда он пришёл она бурно выражала ему свою радость: меня это поразило. Илька нежно заботится о ней. Сегодня они играли в футбол. Снова приду

Илька. Он всегда придумывает такие вещи что они её очень смешат. Просто поразительно, что такое маленькое существо обладает таким интеллектуальным качеством как смех. Смеётся она очень по доброму, грудным рассыпчатым смехом. После купания немного выспавшись, она захотела сосать и немного приоткрыв глаза, сладко нежась сосала молоко. И природа, в сущности своей такая безжалостная здесь была удивительно нежной и совершенной.

Потом раскинулась в койке, и сладко сладко спит. Сон детей особенный. Он очень одухотворён, кажется что происходит какой-то духовный процесс.

Она очень самостоятельна, меня забавляет, что днём насосавшись на коечке, она сбрасывает обе ножки с койки и собирается идти, хотя ходить ещё не умеет. После сна у неё краснеют бровки и делается белым, белым личико. Крошечный носик, с упрямыми ноздриками и крохотным ротиком удивительны. Спи спокойно моё солнышко. Илька помылся, я стала с ним мягче. Завтра ему в школу. Нам предстоит много работать и учиться.

23 апреля 84.

Ну вот многие беды позади. Катерина сказала первые слова, и я глядя в её чудесные голубые глазки со строгими бровками и крошечным ротиком, видя, как младенчески прекрасны эти мгновения бытия и это тельце для меня священо.

Чудо жизни, чудо маленьких пальчиков (Илька сказал, как виноградинки) чудо первого замаха для того чтобы шагнуть, нежнейшей кожицы, белеющей на лице.

Вчера, нет позавчера Саша вечером зашёл и сел рядом с кроваткой на которой она шумела и играла. Катерина училась переворачиваться и подавала ножку, а я её целовала, это я её приучила, когда кормила. Она и ему подала ножку для поцелуя. Таким я его некогда не видела, и нежностей от него таких не слышала - Ой ты моя маленькая, ты моя хорошенькая. Он и сам проникся этим состоянием гармонии. Счастья. Лицо его сделалось нежным и детское счастье мира осветило и его. А вчера мы впервые пошли с ней гулять. Я завязала шапочку, одели курточку, синие штанишки, она, которая так любит одевать чужие тапочки и обувь одела, наконец, маленькие Илюшкины ботиночки и отправилась на улицу. Саша был красив, он иногда умеет быть таким. Катя на всё смотрела, смотрела да и сделалась пьяная от воздуха, почти заснула. Потом он поднёс её к дереву, она потрогала корявую бугристую кору старого клёна, потом показал ей голубей, потом встретили Найду (она оказалась жива) и снова с полными сосками молока, а Илька говорил, что или её убили и что она лежит в ящике, а ребяташки написали "Спи спокойно, Найда". Десять лет она жила возле нашего дома, и ребяташки её подкармливали, а она считала его и территорию, прилегающую к нему своими, прогоняя других собак. Кажется мне, что она знала всех обитателей дома и её ненавидела только Аркашкина бабка, которая ненавидела всех, и помногу часов лепетала рассказы про то, как плохи другие, что, наверное, её очень радовало. Я её назвала Найда, она подошла, но я всё-таки побоялась, что это не она. Нужно будет спросить у Ильи.

На песке, там где спокойно и где нейтральная полоса от домов за погребками играли Серёжка и Илья, ставили камешки и сбивали их в течении нескольких часов. Мы пошли к Илье. Он подбежал к нам.

- Это кто, Катерина?

- Да.

Мне его стало жалко после той истории в школе и я была с ним нежна.

Прохладный вечер, первое солнечное по летнему тепло, всё было вокруг мягко.

Сегодня с утра дождь, хочется лежать, читать, ни о чём не думать. Хочу много успеть с Ильёй.

Ганова Людмила с дочерью Екатериной

Листки из рассказов....

14 апреля 84.

Вчера Мать, наконец, побелила свою комнатку. Она собиралась с силами почти целую зиму, вытащила тряпки в прихожую, но её изношенный организм видно страшился тяжести предстоящего труда и она откладывала со дня на день. Вчера, наконец, она побелила и когда вечером в почти пустой идеально выбеленной комнатке она лежала на перине на полу, пытаясь отдохнуть, я поразились и внутренне содрогнулась от того, как мало её осталось, какую жалость вызывало её маленькое тельце согбенное постоянным трудом и заботами. Единственное в чём она никогда себе не изменяла - это был труд.

Сегодня после школы пришёл несносный Марк и они стали с Ильёй лузгать орехи, облокотившись об стол. Катерина тут же подсоседалась. Это, во-первых, её любимая поза на руках за столом, она привыкла к ней с 2 месяцев, когда мы делали с ней, с Ильёй уроки. Меня позабавило то, что она чувствовала себя с ними как рыба в воде, этот настрой настолько проглядывал в ней, что было

просто удивительно. Такое появляется в ней только тогда, когда она с Ильёй или с детьми.

А ведь ей всего 10 месяцев.

Сегодня Надя связала шапочку из белого пуха с махером, надели на Катерину, так видно она так пришлась ей по духу, что она как обычно не захотела её снимать (она очень не любит одевать одежду всякую). Идёт она ей замечательно, нужно будет связать ей такую шапочку. Илька ей её одел и не хотел, чтобы я её снимала.

Не знаю, как пробудить в нём потенциальные силы заниматься учёбой. Желание, ведь он бы мог свернуть горы.

Решила пойти и говорить с Ниной Владимировной, как она мне неприятна. Бездумная, ненавидящая детей. Чтоб тебе пусто было.

Катерина сегодня изъявила желание купаться вслед за Ильёй. И так долго она купалась, оседавая маленьким изящным как амфибия тельцем в ванночку, цепко ловясь за края, столько радости было.

Сейчас откинула голову и спит. Буду спать и я, прочитав несколько стихотворений Элисео Диего "Книга Удивлений".

Ганова Людмила (Школа)

Сегодня был первый день середины лета. Мягкое ровное спокойное тепло было разлито равномерно, и от этого так же спокойно и ровно было на душе. Я начала выздоравливать и нервозность, неровности исчезли. Целый день работала: были три лекции и экзамен; А ведь мне нужно успевать ещё что-то делать.

1) Очень интересная улыбка.

- 2) Потом как он шёл за нами, когда мы с ней пошли купаться.
- 3) Фотографии на фоне универмага. "По моему это прекрасно".
- 4) Разговор в столовке. Серёжа - Дон Жуан. Деньги.
- 5) Поставили тройку;
- 6) Сцена когда деревенский бард запел на углу.
- 7) Сцена с Полянкер.
- 8) Когда они играли вальс с Юрой Ивановым деревенское - городское.
- 9) Как он пел "Или я в масштабах ваших недостаточно красив".
- 10) Останемся дня на два на три;
- 11) В автобусе;

5 апреля 1980 года.

До сих пор - главное это то, что я не могу писать каждый день, а ведь я сознаю, что это необходимо мне как воздух. Сегодня суббота, я вымылась, отдыхаю, и чувство что время тихонько уплывает как-то затормаживает меня и я ни в силах скинуть это оцепенение.

Сегодня холод на улице отступил, Илья даже уснул и спит тихонько на диване, для него смены времён года - очень трудный период.

После крупной ссоры с бабкой, когда я её толкнула, она прицепилась и как это часто у неё бывает временно теряет всякое чувство меры, он стал вести себя плохо. Думаю, что потихоньку сведу эту болезнь на нет. Вчера мы с ним гуляли, заходили в гараж.

Я съездила в Новосибирск, наверное, мы навсегда расстались с Галиной, просто она мне больше не нужна и если общаться, то на равных, чувство неравноправия для меня невыносимо.

Не знаю, будет ли её Бухаров большим живописцем, он конечно, талантлив, но себя он не нашёл, а то, что это Грицюк только в более мрачном варианте для меня ясно.

Принесла чай, включила магнитофон, завтра напишу рассказ.

Одиночество.

Маленькая комнатка в благоустроенной пятиэтажке. Шкаф, стол, с одной стороны койка и холодильник с другой посередине маленький проход. Но койке спит домашняя женщина, наконец, она просыпается во сне она снова видела себя раздетой, принимала душ и она снова в болезни. Последний год она постоянно болеет и нервы сейчас у неё напряжены до предела. Окна были закрыты сутками, дом белят, вот и стук в окно означает, что нужно срывать газеты чтобы можно покрасить ...

(карандашом)

..... Мы расположились с ней на Илькином столике она на кресле, я на его стульчике, пили чай и беседовали и смотрели дедов цветной телевизор, конкурс "Грина Клуб", кинопутешествий Флоренцию "Флоренция, ты ирис нежный".

В общем-то чувствую я себя не очень хорошо, а завтра у меня три лекции. Надо их выдержать и затратить как можно меньше сил. В принципе мне почти ясно, что я должна делать этот год: постараться подлечиться, и подготовиться к аспирантуре, и суметь оставаться спокойной. Это очень трудно, но я постараюсь это сделать.

Да, ещё и Илью подготовить к школе; написать несколько статей и рассказов. Вот так.

А теперь мне хочется несколько слов сказать о(неразборчиво) экспедиции, в которую мы ездили.

Бывает так, что встретишь интересного человека; Повезло мне и на этот раз. Серёжа Честнов.

Первая сцена.

По поручению Нины Леопольдовны договариваюсь с ним о том чтобы он взял магнитофон.

- А я ненадёжный.

- Почему же ты такой ненадёжный (это меня останавливает).

Со здоровьем всё более или менее в порядке, после мёда было обострение, а сейчас я хочу последний в 4 раз принять грязь, летом подлечиться лопухом и заготовить облепиховое масло.

На работе я более или менее приработалась, однако, один вид Веры Павловны не переносим, а сейчас она слава Богу на бюллетне, вообще утром, когда там тихо и никого нет я потихоньку успокаиваюсь и всё начинает приобретать то значение, которое имеет и мне хорошо.

Весна. Почему-то я жду хорошего. Мне спокойно.

28 июня 1981 года. Сегодня мне исполнилось 33 года. Да, середина жизни, Христов возраст; Ощущаю ли я в себе это равновесие или нет; Да в общем-то нет; Вчера я искупалась с Ильёй и Сашкой; Был чудесный летний день, вода в Ануе ушла далеко к другому берегу и почти обнажило всё дно, вода была такая тёплая, что я после недолгой борьбы всё-таки не устояла перед искушением (хотя почти знала, что заболею и пережила несколько волшебных мгновений радости, почти ликования, которое я испытывала в детстве ведь я так много плавала).

Мы с Надей выпили по стопке коньяку, была клубника, которую

Сегодня я вышла из больницы. Чувствую себя я ещё слабо, но всё-таки хорошо. К весне я привыкнуть не успела, когда я сильно болела всё быстро распускалось и было странно видеть большую светло зелёную траву и листья, которые выросли без меня.

В больнице мне некоторое время пришлось бороться с собой, с чувством глубокого страха, конечно, я поняла, что всё кончено, но то, что я не умею бороться с собой, было неприятно.

Сегодня меня поразило, по радио передавали что-то русское - старинное сильную и мрачную песню, а женщины, стоящие на выписку, их было много, стояли внутренне напрягшись перед осмотром, и эта музыка точно передавала их внутренний настрой. Вообще говоря, заведение это мрачное, переполненные палаты, стулья и койки в коридорах, множество историй услышала и узнала я там, некоторые можно было бы записать: так в нашей палате лежали дочь и мать, мать из деревни, потом пришла моя ученица, и она долго не хотела идти в палату, потом Тома беременная и со сломанной ногой, муж которой требовал, чтобы она сделала аборт. Лежала Ольга, которая вышла в 18 лет замуж по любви, совершенно по Достоевскому разругалась и расскандалилась с мужем, сделала аборт, получила страшное воспаление можно бы сделать интересную повесть. Илья, когда я пришла домой, сказал зачем, он уже стал внутренне свыкаться с тем, что меня нет. Мы с ним целый день провели вместе, потом уже с Сашкой ходили в копторг, купили колбасы, сала, минеральной воды и дома ели, слушали магнитофон, он баловался и так устал, что не смог сразу заснуть, он вырос и мне было трудно привыкнуть к нему.

Писать отныне я буду всегда за исключением тех дней, когда сильная боль. Очень трудное время я сейчас переживаю. Во-первых, Цуриков мне изменяет, сомнительной причиной служит то, что якобы я его выгоняю. Может это и действительно часто, но без этого он не стал бы тем что есть. Я ненавижу пьяных. В общем ерунда, и я могу его возненавидеть. Сегодня произошла история белят у нас дом

Здесь мне хотелось бы вести нечто вроде дневника. Каждый день сбывается очень многое неповторимого, что было сущностью и правдой, а потом всё это уходит и ничего не остаётся. Кроме того мне бы хотелось записывать нечто вроде рассказов. Уже недели две я ношу в себе почти рассказ, который озаглавила бы Встреча.

Я шла на работу, у меня был насморк, и вообще подняться собратся и идти мучиться - это большая нагрузка, предмет терзаний. Когда я поворачивала на мостик, где течёт канализация и где очень сильно пахнет, то заметила женщину в рабочем, какой-то нерешительности стоящую направо, она меня окликнула, но я как-то не сразу остановилась, побоялась, что бы она предложит или скажет что-нибудь непристойное. Но она спросила дорогу, как пройти на остановку. Всё дело в том, что здесь пройти было нельзя, нужно поворачивать назад и полукругом возвращаться. Ну я говорю: "Пойдёмте покажу". Я пригляделась к ней. Она была пьяная, тяжёлый нос картошкой, маленькие светленькие глазки, почти рябая, нос распух и красный, да и лицо помятое после попойки. Она ругалась: - Не понимаю, как я здесь оказалась. С друзьями зашла вечером сюда пьяная и не помню где ночевала, да ведь получка как-то не потеряла, и она в доказательство вытащила пачечку денег все 85 рублей, пять рублей, наверное, вчера пропила. Мне главное на работе ждут, работу не охота терять, хорошая у меня работа на кирпичном заводе, два часа уголь побросаю, а потом ничего не делаю. На ней были кирзовые сапоги, рабочий костюм Х/Б брюки заправлены в голенища и фигурка 35-38 летней женщины говорила о том, что она действительно занимается физическим трудом, абсолютное отсутствие живота и почти стройность.

- Мне бы только переодеться, я бы пошла к хирургу, он бы мне дал освобождение. И она показала на руку, на двух пальцах была краснота.

- У меня там дома ребёнок закрыт.

- Да почему же закрыт?

- То я так вожусь соседка уходит на смену, а я с ним сижу, ему 6 месяцев, она попросила ему купить пелёночки, я пошла, да и зашла к подруге, а там сабантуй, ну и напилась и забыла. Что же я наделала! Главное, чтобы кот там не лёг на ребёночка, а то задохнётся, у меня кот. Что же я наделала.

Мы шли, я ей посоветовала: - Вы бы не пили, или бы родили, ведь с ребёнком жить так хорошо!

- Нету у меня детей, ну не заводятся, ты думаешь я с мужем не жила, когда мне было 19 я вышла, прожила 3 года, всё время ругались, а сейчас мне никто не нужен!

- Ну вам вот сюда пройти прямо квартал, и там и остановка.

Она поблагодарила и мы разошлись. Я никак не могла забыть ни об этой женщине, её судьбе и о той маленькой жизни, судьба которой зависела от того ляжет ли на неё кот или нет.....

2 мая 1984.

Для нас время понятие нетекучее, оно проявляет себя, когда ты долго не видишь человека, чуть лучше в детях, через некоторое очень смутно ощущаемое время ты обнаруживаешь, что оно что-то в нём изменило, что он вырос. НЕЗАМЕТНО. Почему? Оно вроде бы приучает к тому, что этот вопрос не стоит ставить, не к чему так издавна так ведётся, привыкаешь, но привычка, хорошо ли это.

Мы идём фотографироваться, фотография вещь дорогая, Илья не хочет, но сама мысль эта возникла у меня после того как моя мать принесла нашу детскую фотографию, где мне годика четыре, а Наде два, мать сидит молодая уже уставшая от забот, а дед то есть мой отец выглядит моложаво. Я на ней мякоськая круглая с очень русским лицом, и я понимаю, что Илья очень на меня похож. Вдруг я решаю, что нужно Катю, ей 11 месяцев сфотографировать с Ильёй, ему 8 лет, он кончил первый класс. Ильке не охота, он с трудом соглашается, он не любит ничего нового (он в первый раз как увидел фотографию, то на мою...).

Художник Цуриков Илья

23 мая 1984.

Сегодня ветер, который кажется пытается развеять непогоду, и на душе как-то беспокойно, словно ты не можешь прийти к определённом решению.

Вообще эта маета, неприкаянность, вероятно, свойство русского человека.

Мы на даче уже целую неделю, и не смотря на то, что всё выбелено, помыто и мы боремся с сорняками, порядок удаётся навести только относительный.

Деревня тоже производит заброшенное впечатление, дома кажутся случайными и бесприютными. Большое небо, большое пространство земли, человек здесь только соседствует с природой, а не подавляет её как в городе, почти забывая её. Здесь она почти полновластный хозяин и её власть чувствуется и в понурой, от постоянного труда фигуре мужичка гонящего

Как изменяется время или читая Борхеса.

Мне очень хочется узнать, что там новенького придумали о времени физики. И придумали ли вообще. Конечно такое желание немного ошарашивает и в первую очередь владельца. Но где-то через неделю я поняла, откуда это. Просто такое ощущение, что время и всё вокруг остановилось. Ну и что, что каждый день ты стал чуть-чуть старше, дети чуть-чуть выросли.

Я так толком не смогла разобраться в учении Эйнштейна ничего кроме популярного изложения достать не смогла. У меня есть IV том его воспоминаний, купленный в букинистическом отделе лет 15 назад. Это отличная книга, написанная прекрасным языком, и я ей очень дорожу. Ну вот самой фундаментальной теории в его изложении я так и не смогла купить.

Жизнь в маленьком провинциальном городке строга очерчена в своих рамках и обязанностях и всё это и так может показаться достаточно странным.

В этом меняющемся постоянно мире выходит, что одно время не меняется, движется прямолинейно и в одну сторону.

Мне почему-то представляется вполне вероятным, что здесь что-нибудь да не так.

В этой физике потом всегда всё отрицается, или делается лишь одно из многих закономерностей новой более всеобъемлющей теории. Наверное, и время может по-другому меняться в другой части или конце вселенной, но мы ещё не знаем, не открыли. Человек как-то

плохо помещается входит в день, его мозг такое богатство возможностей что он часто не знает, что с ним делать, мог бы служить ему гораздо больше. Грубо говоря, вселенная ещё где-нибудь экспериментирует, не верится мне, что мы единственные в ней её дети, так упорно стремящиеся себя уничтожить.

Мы живём в такое время, когда ещё многого не открыли, но вот вот откроют, вероятно, отсюда такое состояние неудовлетворённости. Из них самые интересные, по-моему, как продлить жизнь клетке, то есть и нашу жизнь и как бороться с раком. Две стороны одной проблемы. Вообще-то мы привыкли думать масштабно, глобально, в государственном плане, а наша личная жизнь плохо в этот план вписывается, не идёт от него.

Вот я, сейчас, например, сразу вспоминаю, что в решениях XX съезда записана удивительно глубокая социальная мысль сокращение рабочего дня до 6 часов. Мысль, которую человечество вынашивало начиная с социалистов-утопистов, если не раньше. Но мы о ней почему-то забыли. Не смогли выполнить, ну не смогли, но ведь поставили, давайте решать до конца. Как было бы хорошо, если бы мы, все что не смогли, не успели переносили в решения следующего и так пока не выполним. А что если поставить эту же задачу перед всеми сразу: сможем ли мы выполнять за 6 часов то, что раньше делали за восемь? Это другая сторона той же проблемы производительности труда, но зато не на 5%, а на 20% сразу. Мне почему-то кажется, что все были бы согласны. Жаль, что нет такой машины, которая могла бы всех мгновенно опросить. Лично для меня здесь самое важное то, что слишком мало времени оставляем мы своим детям. Катастрофически. Да и вообще мы слишком заняты, слишком много работаем, или бываем на работе и, как ни странно, основные центральные события нашей небольшой личной жизни проходят пробегают скомканно, мы не успеваем их со всей полнотой открыть для себя, пережить.

Вчера я, несмотря на усталость, нашла в себе силы не орать, как обычно, по пустякам с одиннадцатилетним сыном. Я проследила за собой и сказала это же самое обычными спокойными словами и была награждена двумя часами необычного счастливого общения и понимания. Он помыл посуду, скипятил трёхлетней сестрёнке молочка, мы все вместе поели свежий суп и говорили, говорили. Целый год раньше я не могла заставить его оранием помыть её ни разу. Я стала свидетелем удивительного умственного процесса: он решал вопросы в принципе давно известные мне, но в то же время они были совершенно по особому увязаны с остальными, я этого и

представить не могла, и поэтому это были новые удивительные мысли.

Нервное напряжение стало постоянно сопровождать меня последнее время, едва встану, как пустяки почему-то выводят меня из себя, всё трогает, всё задевает, а потом это напряжение даёт долго длящееся состояние какой-то апатии, оглушённости. Нет целостности, гармонии, единства в моём существовании, оно дробится на отдельные осколки бытия, не приносящие удовлетворения.

Однажды я увидела, как маленькая холёная беленькая собачёнка (Катка говорит собачёшка) вытянулась у своего подъезда и, закрыв глаза, расслабилась. Это был совершенный покой перед огромным кирпичным, загнутым клюшкой, домом.

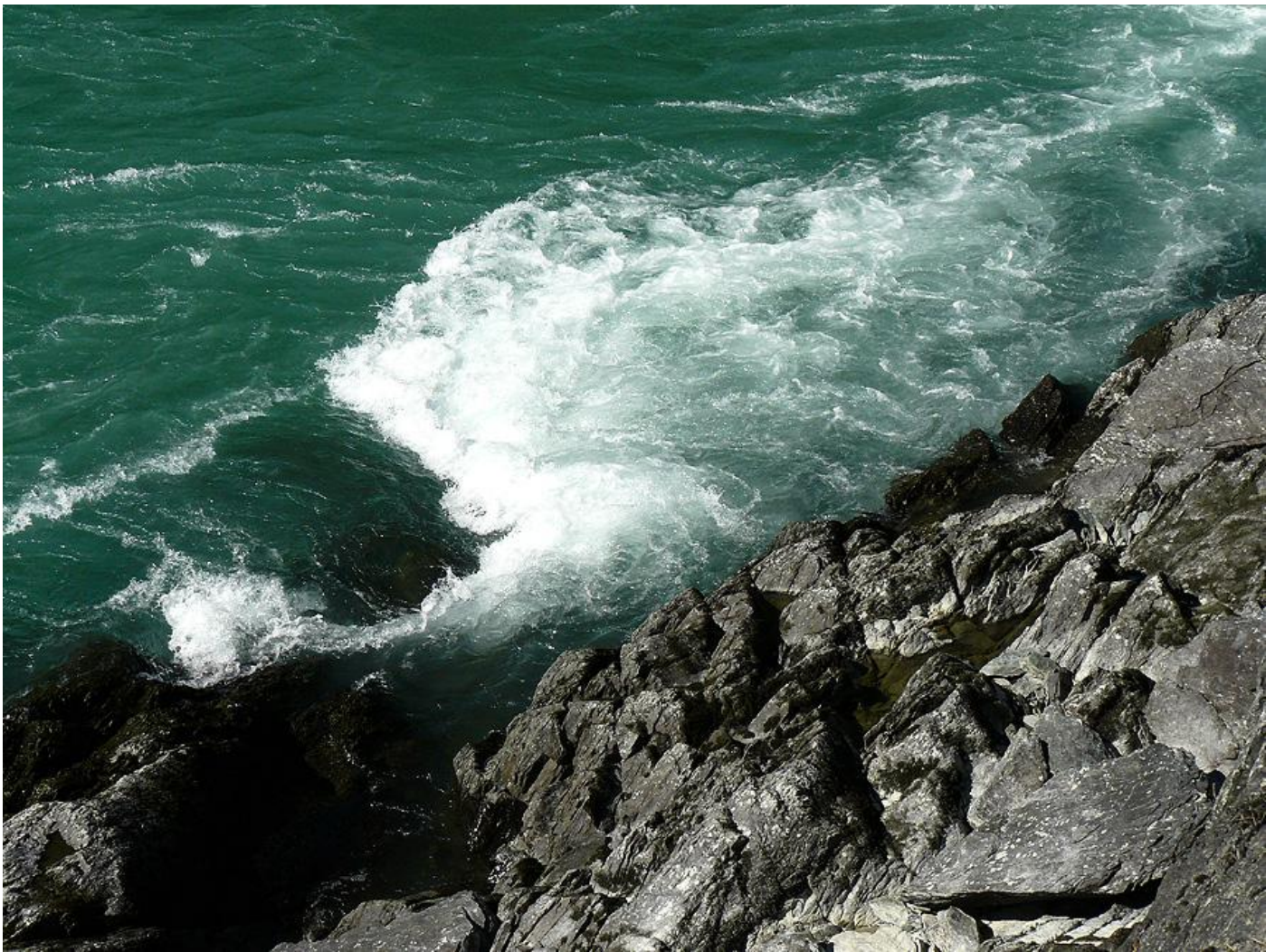
Он, дом, к вечеру наполнялся усталыми нервными отработанными людьми, подъезжали и суетились машины, бегали дети, утомлённые одними и теми же заботами и мыслями шли взрослые. Но собачёнка была как Кантовская вещь в себе. Вот когда мне было суждено её понять и увидеть, что она существует. Потом где-то снова через неделю, я вспомнила выставку "Модернизм XX Века", увиденную несколько лет назад в Москве с полотнами, доставленными из Парижа, Нью-Йорка музеев и частных собраний. Там, на одной из картин рождалось странное ощущение томления, размышления от почти примитивно нарисованной, лежащей на тахте женщины. Всё было очень условно, непонятно откуда рождалось ощущение причастности к этой магии в замкнутой сфере комнаты размышления. Я не могла по своему каталогу найти название картины.

Удивила меня на выставке работа и художника, но она во мне живёт почти особой жизнью. Пикассо. Я привыкла дома к вечной для меня "Любительница абсента". Современная красивая женщина XX века. Ольга Хохлова, - такой сплав чувств и мыслей мог родиться только в нашей современности - непринуждённо сидела в кресле так, что через мгновение могла встать и сойти в зал. Реализм XX века, граничащий с магией яви, концентрирующий богатство жизни в её мгновении.

Меня как и всех не удивляет, что большую часть своего времени я провожу в замкнутом пространстве своей недавно полученной квартиры, состоящей из двух небольших комнат: детской и нашей.

Нравится мне красный грузинский ковёр, меняющий к вечеру свой цвет на живой глубокий так благородный всегда. У ковра стоит спокойный раздвинутый старинный диван, а впереди него почти квадратная комната, где находятся у одной стенки телевизор с

креслом, у другой - полированный шкаф с полкой любимых книг, а вверху польская бронзовая люстра, имитирующая свечи - вещь удивительной гармонии. На абсолютно пустой стенке маленькая в ладонь иконка с едва проступающим ликом Христа, и совершенно живыми страдающими глазами. Кто, когда их создал, ведь это искусство, умение граничит с возможностью жизни, искусством природы. Сколько лет они живут. Этой напряжённой жизнью? Окно с балконом закрыто большой капроновой шторой с жёлтыми льняными гардинами. Я мечтаю купить ещё жёлтого льна и сделать из ненужных перин подушек. Больше никогда в этой комнате я ничего менять не буду.

Горный Алтай. Река Катунь. Фото Цуриков Илья & Ket Gun. К роману Гановой Людмилы «Катунский Дневник по Понедельникам»

<https://russianmonarchy.blogspot.com>

Современная Литература 21 века:

<https://www.literatura-21.ru>

Меня как и всех не удивляет то, что большую часть своего времени я провожу в замкнутом пространстве своей недавно полученной квартиры, состоящей из двух комнат.

Нравится мне красный грузинский ковёр, меняющий к вечеру свой цвет на живой глубокий, почти вишнёвый, так же загорается вино живым блеском. У ковра стоит старенький развёрнутый диван а впереди квадратная почти спокойная комната, где находится только телевизор, кресло, перед ним, небольшой полированный шкаф с полкой любимых книг - Соколов-Микитов, Камю, Бенуа, Матисен, Рембо, Тацит, Карпентьер, Вулф, Борхес, Письма Чехова, дневники Толстого. Всё что смогла купить в районном центре: как не имеющее с их точки зрения потребительской ценности.

Вверху польская бронзовая люстра, имитирующая свечи, купленная мной в уценённом магазине вместо 220 за 100 рублей - вещь удивительной гармонии, являющаяся центром комнаты...

15.05.18

Демократия нивелирует ценность личности. Все в этом государстве оказываются никем... Иллюзия свободы выбора при демократии — это изодранный обман, созданный демократией же...

Как можно выбрать между Хилари и Трампом? И, как можно предположить, какими они будут президентами? Вообще Трамп ничего не сделал, чтобы быть американским президентом. Все его устремления — это мессия всего мира и управление всем миром, и он постоянно это демонстрирует.

Америка, как страна, его не интересует совсем...

ГАНОВА ЛЮДМИЛА:

Автор романа "РУССКАЯ МОНАРХИЯ"

<https://russianmonarchy.blogspot.com>

Как изменяется время или читая Борхеса.

Мне очень хочется узнать, что там новенького придумали о времени физики. И придумали ли вообще. Я так толком не смогла разобраться в учении Эйнштейна: ничего кроме популярного

изложения достать не смогла. У меня есть IV том его воспоминаний, купленный в букинистическом отделе, это отличная книга, написанная прекрасным языком, и я ей очень дорожу. Но вот самой фундаментальной теории, в его изложении, которая представляется мне неизмеримо богаче, ведь жила в маленьком провинциальном городе. Я так и не смогла купить или достать.

В этом меняющемся постоянно мире, выходит, что одно время не меняется, движется прямолинейно и в одну сторону. Мне представляется вполне вероятным, что здесь что-нибудь да не так. В этой физике потом всегда всё отрицается или делается лишь одно из многих закономерностей, частным случаем более всеобъемлющей теории. Наверное, и время может по-другому меняться где-нибудь в другой части вселенной, но мы ещё не знаем не открыли. Грубо говоря Вселенная ещё где-нибудь экспериментирует, не верится мне, что мы единственные в ней неразумные дети упорно стремящиеся себя уничтожить.

Мы живём в такое время, когда ещё многого не открыли, но вот - вот откроют. Из них самые интересные, по-моему, это как продлить жизнь клетке, то есть и нашу жизнь и бороться с раком. Выходит, две стороны одной проблемы. Вообще-то мы привыкли думать масштабно, глобально в государственном плане.

Вот я, например, сейчас сразу почему-то вспоминаю, что в решениях XX съезда записано удивительная глубокая мысль - сократить рабочий день до 6 часов. Для меня самое важное здесь то, что слишком мало времени мы оставляем своим детям. Почему мы о ней забыли. Что было бы если всем предложить выполнять свою работу за 6 часов. Справитесь или нет. Да и вообще, пока мы слишком заняты, слишком много работаем, или бездельничаем, и как ни странно, основные центральные события нашей небольшой личной жизни проходят, пробегают скомканно, мы не успеваем их со всей полнотой открыть, пережить. Вчера я, несмотря на усталость, нашла в себе силы не орать как обычно по пустякам с одиннадцатилетним сыном. Я проследила за собой и сказала всё, что хотела сказать и так много раз говорила это обычными нормальными словами, и была награждена двумя часами необычного счастливого общения и понимания. Он помыл посуду, скипятил трёхлетней сестрёнке молочка, мы все вместе поели свежий суп и говорили говорили. Я стала свидетелем удивительного умственного процесса: он решал и давно известные мне вещи, но в то же время они были совершенно по-особому увязаны с остальными. Я этого и представить не могу и поэтому это были новые мысли.

Целый год раньше я не могла ни разу оранием заставить её помыть ни разу.

Нервное напряжение стало сопровождать меня почему-то последнее время, едва встану, как пустяки меня выводят из себя, а потом это напряжение даёт долго длящееся состояние какой-то апатии, оглушённости. Нет целостности, гармонии, единства в мысли существование оно дробит на отдельные осколки бытия. Однажды я увидела как маленькая холёная беленькая собачёнка вытянулась у своего подъезда и расслабилась. Это был совершенный покой перед огромным кирпичным, загнутым клюшкой домом. Он, дом, к вечеру наполнялся усталыми, нервными выработанными людьми, подъезжали и сутились машины, бегали дети, утомлённые одними и теми же заботами и мыслями взрослые, но она странно была как "вещь в себе". Вот когда мне было суждено понять эту непознаваемую мысль. Я просто убедилась что она существует слишком высокомерно мы относимся к братьям нашим меньшим. Потом где-то через неделю я вспомнила выставку "Модернизм XX века" увиденную несколько лет назад в Москве, с полотнами, доставленными из Парижа, Нью-Йорка, наших музеев и частных собраний. Там, на одной из картин рождалось странное ощущение - томление (слово XIX века в XX ему нет места) от почти примитивно нарисованной, лежащей на тахте женщины. Всё было очень условно, непонятно откуда рождалось ощущение причастности к этой магии в замкнутой сфере комнаты.

Удивила меня на выставке работа Пикассо. Современная красивая женщина XX века Ольга Хохлова - такой спектр чувств и мысли мог родиться только в XX веке, - непринуждённо сидящая в кресле едва ли не единственная реалистичная работа, реализм XX века граничащий с магией яви - ещё чуть чуть и она сойдёт с полотна в зал.

Мне нравилась и моя, недавно полученная небольшая квартира из двух комнат: красный грузинский ковёр, меняющий вечеру свой цвет, у которого стоял развёрнутый старенький диван, а впереди квадратная почти комната где находились только телевизор, кресло перед ним небольшой полированный шкаф, с полкой любимых книг: Соколов-Микитов, Камю, Бенуа, Матисен, Рембо, Алехо Карпентьер, а вверху польская бронзовая люстра, имитирующая свечи, вещь удивительной гармонии и являющаяся центром комнаты. На абсолютно пустой стенке рядом с телевизором в центре небольшая квадратная иконка, с едва проступающим ликом Христа, и совершенно живыми страдающими глазами. Как их можно написать, что они всегда живые. Ведь это граничит с искусством природы,

искусством создания. Я её обнаружила на божнице в старой крестьянской избе деда мужа.

Окно с балконом я закрыла большой кремовой капроновой шторой и жёлтыми льняными гардинами, которые гармонируют с бронзой люстры. Рядом со шкафом картина, взятая мною у деда. Я мечтаю купить ещё жёлтого льна и сделать из ненужных перин много всяких подушек. Больше никогда в этой комнате я никогда менять не буду. Если буду хорошо жить, то куплю на пол ковёр индийский или вьетнамский.

В этом же ряду стоит для меня и жёлтая комната известного американского писателя, прочитанная мной в детстве, герой которого находил, лучше обретал в ней всегда душевное равновесие, едва он туда попадал.

В романе Марселя Пруста "В поисках утраченного времени" герой часто испытывает такое же томление, но уже на фоне огромного открытого мира, который он стремится полностью пережить, вместить, почувствовать, так что вполне возможно, что время в этом всеобъемлющем восприятии или останавливается, или уходит безвозвратно.

И что бы до конца уже доказать справедливость и законченность этих ассоциаций, выстроенных в одном ряду такой целостной, нужно обратиться к прозе Борхеса, классический рассказ которого проистекает из ряда таких внешне произвольных, но спаянных размышлений ассоциаций.

И вот я лежу с маленькой, с Катей на диване, рядом маленькое хрупкое тельце, раньше я всё годик полтора два я её называла динозавриком, которое я поглаживаю. Когда она купалась в ванне, то вся постановка ножек, животика напоминала мне позу динозавра, и я вполне серьёзно считала, что она проходит этот этап развития. Она долго засыпает и чутко нервно спит. Недавно я её чуть не потеряла. Это было невозможно, но это было так. В два дня. Утром, когда она встанет, я возьму её на ручки мягкая, нежная, полусонная, положу на коленки и буду баюкать и целовать пока она не проснётся. Это самое дорогое, что есть. Мы снова будем одно целое, и это самое большое реальное счастье. Только бы она выросла.

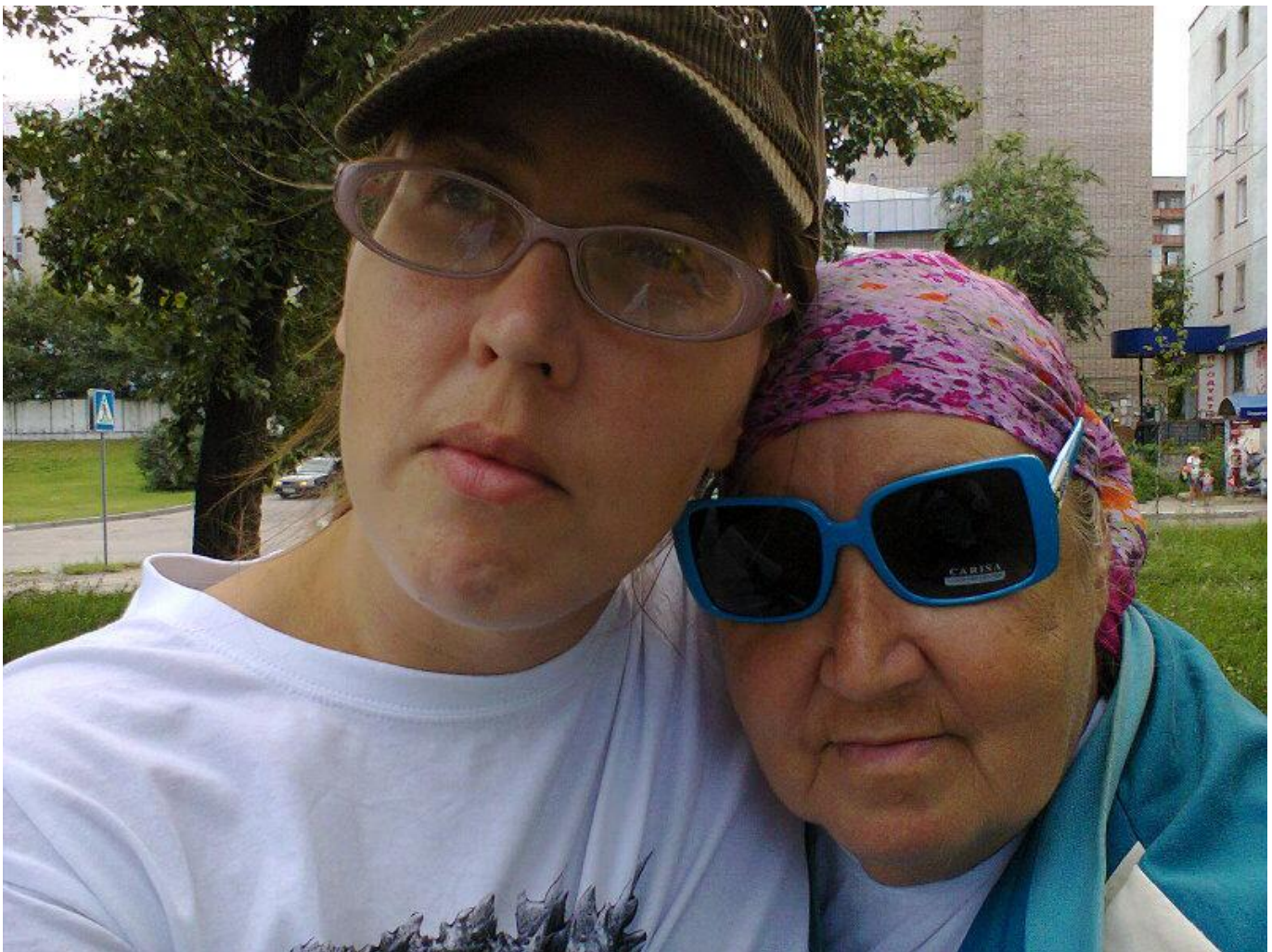
Сегодня утром я ушла из дома поздно. Время перевели на зимнее. В комнате после субботней уборки было чисто, тихий утренний свет негромко всё освещал. Я всё ещё никак не могла научиться собираться, как автоматически собираться. Что-то внутри от напряжения снова срабатывало на волнение.

Илья лежит на диване, спит, и вдруг просыпается.
- Мама, ты почему не ушла на работу?

Я торопливо ему наказываю, хотя знаю, что вряд ли он исполнит это и на половину. Упрямя в отца. Потом он идёт заспанный закрывать дверь, худенькие плечики, стройные красивые ноги, нежная красота подростка, мужчины, нежность условленная древними греками.

Я ничего не знаю об будущей жизни моих детей без меня, даже о том, кем они будут. Мне дан с ними всего только один день жизни. И это самое дорогое мне будет жить, мучиться без меня. Страшно. Странно, что никогда эти мысли раньше не приходили мне в голову. Только раз во время срочной операции ночью, пока ждала подготовку к операции, лёжа на узенькой неудобной каталке подумала о них и пожалела, что я не могу о них поплакать, вернее оплакать, где-то на пути пережитого страдания и боли уже я ушла от них слишком далеко. И поняла это.

Но я осталась жить.

Ганова Людмила с дочерью Екатериной

Ганова Людмила. Заметки с улицы.
Глава I. Вводное.

Город не менее уникальный чем многие другие. Много лет назад на одной из кафедр Бийского Педагогического института мне была показана её заведующим, художником Прибытковым, картина, которая, кажется называлась "Старый город".

Во всяком случае, он был главной темой этой картины. Под высоким небом стояли внизу старые дома, и всё легко задумчиво было укрыто снежной пеленой. Тот, кто прожил в городе много лет, был бы встревожен одной вещью: это был точно наш город, и картина была рассчитана на это медленное его узнавание и понимание той жизни, которой он жил.

Как икона, где в сущности, изображена молодая женщина с ребёнком на руках, говорит нам о святости их любви и очень многих сложных вещах, которым мы должны поклоняться, так и этот городской пейзаж говорил о высокой нежной любви человека к его простому городу.

И человек прошёл путь творца, что бы ещё раз воссоздать для нас этот город и его жизнь.

А на этажах в институте висели и другие его картины, это, можно было сказать, была целая открытая картинная галерея, где студенты могли видеть и тоже открывать для себя богатство внутреннего сложного мира этого интеллектуально одарённого человека, настоящего русского интеллигента: Горный Алтай, река, городские пейзажи.

Хорошо если в нашем доме висит где-нибудь красивый современный плакат, или хороший календарь с букетом лесных, полевых русских цветов. Или репродукции, которые, мы знаем, каждый день долгой зимы будут нас согревать, и будут нам нужны. Летом в городе, будет много живых цветов, в первую очередь, пионов, которые понавезут трудолюбивые как пчёлки дачники, ты будешь их неожиданно встречать. А осенью их место займут астры.

Мы ещё, в основном, не можем позволить себе иметь дома хороший пейзаж хорошего художника, где абсолютно точно и с отточенным совершенством будет воссоздано то место, где мы живём, что мы любим.

Много раз мы в нашем обществе прерывали культурные традиции, не считались ни с чем, хотели в этом желании начать жизнь заново, а в результате хорошо если снова оказывались на прежнем месте. Это не относится, наверное, только к новостройкам. Самая удачная из них "Зелёный клин". На новый микрорайон лучше всего смотреть, когда выезжаешь из города, и едешь вдоль реки. За мостом.

За матовой блестящей поверхностью реки, прекрасно отражающей глубину неба, серого высокого над рекой неба, неожиданно, на песке у самой поверхности, возникают светлые корпуса девятиэтажек и пятиэтажек, и на душе становится легко, хорошо от этого вида.

Бия - эта река нашего детства, река всех нас. Вода в ней зеленоватого, красивого, уходящего в глубину цвета.

Рядом с рекой в человеке всегда что-то оживает, что-то бесконечно притягивает его к ней, заставляет жить рядом и чувствовать себя от этого счастливым.

Недаром многие великие и безвестные города мира построены на воде; Венеция, Петербург.

Чистая река - чистая жизнь, эти понятия, наверное, глубже, чем они представляются нашему поверхностному современному сознанию, перегруженному информацией. Но вот законов, позволяющему их эти реки, хорошо сохранять от современной цивилизации, мы, конечно, создать не успели.

И вот, если пройдёшь по этому же песчаному берегу, но с другой стороны реки, то вдруг увидишь, что вода у самого берега стала странно пузыриться, что она утратила свою чистоту.

Виктор Цой пел нам об алюминиевых огурцах, выросших неподалёку от алюминиевого завода, которые стали опасны для человека. Мы вплотную подошли к этой черте и с нашей рекой, иногда нам уже запрещают летом в ней купаться. Что нас остановит? Неужели только тогда, когда мы окончательно убьём реку и всё живое в ней, мы поймём, что она нам нужна не только для купания. А этим мы уже пренебрегли, что она нужна всем нашим детям.

Когда стоишь на берегу, у почты, то от близкой реки невозможно оторвать глаза: кажется, что она сильная и свободная. Около неё рождается ветер, продувающий здесь всё, заносающий песок в глаза зазевавшемуся прохожему.

Рядом с рекой и почтой красиво здание гимназии с большим школьным двором. С другой стороны. По Зелёному клину хорошо пройти, жизнь чувствуется во всём: в широких улицах, новизна в этом ветре, который может закрутить столбик песка и бросить его в глаза зазевавшемуся прохожему или в лицо

Сразу на спуске на Зелёный клин расположилось амфитеатром каменная девятиэтажка, в которой раньше был большой хороший спортивный магазин, а теперь торговля идёт через маленькие отделы, где каждый торгует, кто, чем придётся.

Напротив недостроенная галерея, пытающаяся архитектурно объединить несколько жилых девятиэтажек и в ней уже отделан частный ресторан "Дионис". Это спокойное солидное в тёмных тонах

здание, с мансардой на крыше и маленькими шахматными окнами бойницами с другой стороны. Но вот людей заглядывающих сюда по вечерам немного.

Когда-то во времена перестройки, работница одной из швейных фабрик задавала Горбачёву вопрос, почему из стоимости мужского костюма в 200 рублей, работнице, сшившей его, достаётся 20 копеек.

Как у нас с этим сейчас, при демократии?

И сколько, как мы любим говорить, в процентном отношении достаётся этому же человеку в Америке, ну, например, на автомобильном конвейере?

И это - основной вопрос нашей жизни, но никакие революции его, по-видимому, не решают.

Но чтобы многие, из живущих здесь людей, могло свободно, по вечерам, сходить несколько раз в месяц с друзьями или с семьёй и посидеть в хорошем ресторане "Дионис", уже готовом к их услугам, этот вопрос должен начать решаться. Как? (Продолжение следует...)

Ганова Людмила с дочерью Екатериной. 90-е.

Ганова Людмила. Заметки с улицы Глава II.

Словно зеркально отражаясь друг в друге, в начале улицы Мерлина стоят две каменные девятиэтажки, делаю её современной.

Это широкая улица, где много света и воздуха.

Для школьников, спешащих в школу, они, наверное, квадратные параболы одной функции, развернувшиеся вдоль улицы - оси.

А вот для девушек, которые гениально - молоды и которые всегда хорошо одеты, (и как им это только удаётся) самое важное, что пришла весна, а сами они тоже полны цельного внутреннего желания жить, не смотря ни на что, хорошо.

И это лучшее желание, которое можно прочесть на их лицах.

Но то, что жить становится всё сложнее, лучше всего понимают люди постарше, целенаправленно направляющиеся по проспекту, но уже дальше, к центру социальной помощи.

Это люди, страдающие от хронического безденежья, хотя они и работают, но то, что они работают и поэтому деньги вроде бы должны получать. Но есть и такие, которые работу найти не могут.

Проблема эта вот уже целое десятилетие вдруг поразила всю нашу страну.

Около него сейчас стоит целая семья и прямо здесь же обсуждают: стоит ли собирать огромное количество справок, или не стоит, чтобы получить справку только, рассуждает один из них, что пока собираешь, на трамвае проедешь больше.

У респектабельных и внешне преуспевающих дам тоже, по-видимому, бывает, что они, деньги, кончаются. Несколько смущаясь, некоторые из них идут прямо к кассе в холле и получают там приличные суммы денег, но вот старушке, которая пришла в кассу уже не в первый раз, не повезло, как раз перед ней деньги кончились, хотя и её сумма была совсем небольшой.

Когда реформы в стране так многообещающе начинались, все тогда так привыкли получать зарплату, что никто, вероятно, не подумал, что они, реформы, вот так могут кончиться, а сейчас, согласитесь, очень сложно найти причину, которая бы заставила зарплату снова начать платить.

Конечно, все теперь интересуются, есть ли точно у нас закон, по которому её обязаны платить, а если нет, то, когда его примут в Думе. И обязательно ли будет его исполнять?

Вроде бы мы сейчас строим капитализм, а при капитализме во всём мире её платят. Выходит, капитализм у нас русский, свой.

Конечно, причин не платить теперь накопилось много, в этом никто не сомневается. Есть ещё и такой вариант: все думают, что кто-нибудь, наверное, начнёт платить, да так, вероятно, время от времени и происходит.

Выйдя из этого центра, хорошо перейти на соседнюю улицу и прогуляться по ней. Я имею в виду улицу Вали Максимовой с её сквером, а вечером посмотреть очередной боевик, потом "Санту-Барбару", чтобы и придиричиво сравнить их капитализм с нашим тоже.

В "Санта-Барбаре" недавно появился новый герой Роберт Бар, и бийчане теперь с ним связывают большие надежды. Не то, чтобы мы все устали от Круза, нет, мы к своей жизни очень привыкли. Но что-то в нас медленно, но требует перемен, как очень точно подметил и пропел нам гениальный Виктор Цой.

Да и самого Роберта Бара русский зритель, возможно, понимает лучше, чем американский, хотя в том, что он чистокровный (как сказал бы Тонал) американец никто не сомневается.

Нет, конечно, не таких перемен, как одинаковые бесконечные революции с речами с броневигов, а перемен более цивилизованных, как, например, всероссийская стачка, о которой так обаятельно говорит Шмаков и в которой мы совсем недавно, хотя и не так, как в бывших демонстрациях, но всё же участвовали.

У них там, например, во Франции такая культурно объявляется, затем после переговоров следует цивилизованное повышение зарплаты, а жизнь как раньше течёт по привычному руслу совершенствуясь, а не по-новому, как у нас.

Устраивает это тоже там, по-видимому, всех.

Между тем на улице Вали Максимовой, обнаруживаешь, что вдоль всего парка выстроились один новый магазинчик за другим и неплохо себя чувствуют.

У "Натали" висит очень дорогая и прекрасно сшитая шифоновая блузка с коротким рукавом, и её надеются продать, хотя и стоит она хорошую среднюю зарплату.

Рядом со старой парикмахерской, делающей причёски по компьютерным технологиям, "Марины", около которой всегда стояли несколько хороших иномарок, появилась новая парикмахерская с действительно французским названием "Шарм" и компьютерным набором причёсок.

Цены, наверное, теперь понизятся, но это никого не смущает.

Вместо продуктового магазина, в который раньше не всегда собираешься с силами зайти, открылся новый "До встречи".

Теперь это довольно-таки хорошо спланированное современное и удобное для покупателя помещение.

В центре иконостас из сладостей с чаем и кофе. Цены таковы, что каждая из сторон не обращает на другую никакого внимания. Правда, задаёшься вопросом: выдержит ли сёмга столь бесценного к себе отношения, или придётся вспоминать Чехова.

Рядом с одной из стен магазина, которая оказалась стеклянной, поставлено несколько хороших современных столиков, где можно присесть, выпить бутылочку пива, газ. воды, съесть мороженное и посмотреть на рядом идущий поток машин, а за ними сквер с настоящими большими берёзами и тополями.

Рядом с дверью в этот магазин - другая, в небольшой чистый магазинчик - бутик с косметикой, где большой и хороший выбор для покупателя и где современная девушка с русыми волосами и глубокими глазами внимательно поможет вам сделать хороший выбор.

Я бы на месте владельцев бутика доплачивала ей за соответствующий имидж. Глядя на неё понимаешь: новое поколение выбирает не столько "ПЕПСИ", похоже оно выбирает всё же другую для себя жизнь.

Выйдя на улицу, видишь, как лёгонькие иномарочки и джипы посOLIDнее, проезжая мимо новой аптеки из красного декоративного кирпича, шагнувшей уверенно на тротуар, замедляют движение (за ней любит прятаться милиция со своей машинкой, измеряется скорость движения), а потом, проехав это место, снова стремительно её набирают... Продолжение следует...

Ганова Людмила. Заметки с улицы.

Наш город уютно вытянулся и прилёг вдоль Бии на нескольких улицах. В своей обычной жизни он старается быть как все, и это, наверное, неплохое желание.

Каждый бийчанин, который первый раз приехал в Барнаул, помнит, что его первой мыслью была, что он "очень походит на его родной город".

Старинный мир замкнутого пространства сибирского города прошлого столетия заключён теперь в бывших частных каменных особняках, которые как маленькие жемчужины спрятались в нём и охраняют его покой.

Современная эпоха, быстрая на ум и дела, создавшая за следующее столетие лёгкие непрочные, но смешные по-детски конструкции кубиков пятиэтажек и посолиднее девятиэтажек, в которых протекает жизнь большинства горожан, стремящихся жить цивилизованно и иметь от жизни все доступные блага, многое дала людям.

Новые русские тоже стремятся обрести своё уверенное архитектурное лицо в городе, не очень задумываясь о витке прошлого века истории, заключённой в судьбе бывших частных особняков.

Впрочем, это скорее забота административного центра, спрятавшегося за фасадом вполне московского особняка с английским газоном. Кажется, что здесь должны напряжённо думать о жизни города.

Но вот если прогуляться совсем рядом с бывшими винными царского времени складами (объединение "Восток"), этого целого архитектурного комплекса, пожалуй, единственного в городе, то начинаешь понимать, что это не совсем так.

Сколько в нём нежности, красоты, почти наивного восхищения жизнью, и как плохо это понимают его теперешние случайные владельцы. Самая первая мысль - оккупация.

Эта красота нуждается в срочной защите и нашей помощи. Не плохо было бы разместить здесь, в конце концов, культурный центр вроде того, за который бьётся Майкл в "Санта-Барбаре" и которую так любили смотреть бийчане, и мысль о котором должна быть им теперь близка.

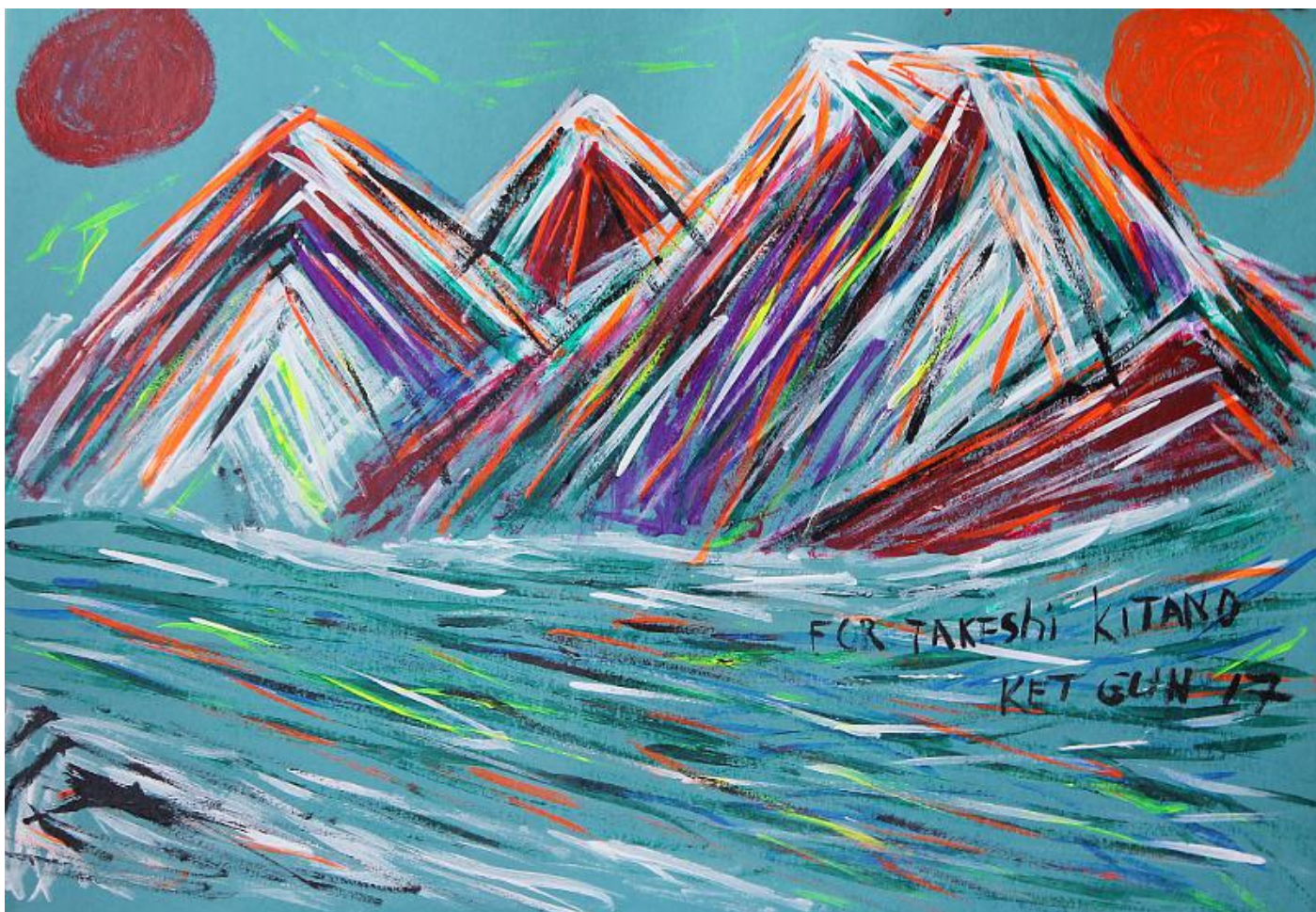
Но стремительно заворачивает от него за угол шумная улица, где и сверхдорогие джипы теперь не редкость, а нелепая пристройка пивного бара, позволяющая сравнить, как строили тогда и сейчас, и оторванная водосточная труба позволила всё-таки воде разрушить угол уникального здания, строившегося на века.

Но мы умеем ничего не замечать. Может быть, самым нелёгким местом в городе является привокзальная площадь, где летом между узкими проходами киосков маршируют плотными рядами городские и деревенские жители (на пути к рынку?), а зимой, пренебрегая заморским синтетическим товаром, стоят в военных полушубках и валенках продавцы. Диковатое место.

Там в окошечке фруктовых стальных киосков, согнувшись заглядывают покупатели, надеясь увидеть за далеко отодвинутыми весами, что и сколько они покупают.

Простой человек на этом базаре может прогуляться, спасаясь от голода после всех революций, которые с начала действовали от его

имени, а потом роняли его впопыхах, может он, наконец, попытаться и сам что-нибудь продать, если повезёт. Диковатое место. Но вот стоит только перейти дорогу и попадаешь в совсем небольшой чистый и тёплый новый магазинчик, где всё есть и сразу, где лимоны из Испании нежны и свежи, как золото, где настоящие весы (единственные в городе?) знают точную цену всему что продают. Да, там где чисто, тепло... (Продолжение следует).

Горный Алтай. Катунь. Рисунок Ket Gun. Аукцион Современного Искусства 21 века <https://www.auction21.ru>

Найденные отдельные листки...

Разные причины заставляют человека в современной жизни отправиться в путешествие, чтобы найти новые впечатления, а иногда ему достаточно выйти и не спеша пройтись по улицам своего города.

Темп и ритм современной жизни высок, и человек на самом деле жёстко в него заключён.

И вот эта прогулка, и стоящее за ней размышление о жизни, о себе, о том, как дальше жить, иногда человек очень остро испытывает необходимость в этом.

У нашего города своя уникальная история, начавшаяся с решения Петра I основать Бикатунскую крепость, и жило в нём уже не одно поколение людей. А в любом современном учебнике географии Бийск будет отмечен, как один из очень немногих городов России, связанный с космической промышленностью.

И это совмещение двух эпох и культур делает сибирский город по своему уникальным.

Как жили здесь раньше? Для меня старинные дома, это живые самые правдивые страницы их жизни, кроме того, они очень многое могут рассказать из того, к чему стремились их владельцы, как любили, и что хотели оставить после себя.

Однажды, научный сотрудник нашего музея рассказал мне то ли легенду, то ли обрывки живой истории, касающейся, может быть, самого красивого здания в городе: городского театра; Он был, оказывается, построен ещё молодым человеком на наследство, полученное от дяди, и подарен городу для того, чтобы люди из народа обучались там всяким нужным профессиям и ремёслам. История в духе Александра Грина.

А на нём нет даже мемориальной доски, рассказывающей когда и кем был построен. Если это так, то как себя чувствовало пролетарское сознание, жадно рвущееся к власти? Ему, по-видимому, невыносима была сама мысль о том, что дворянин или царский служащий мог совершить такой прекрасный шаг в своей жизни для людей и стремиться жить с ними в любви. А нам? Сейчас здание театра реставрируется и делается это очень тщательно. Наш мэр, Геннадий Карпушкин нашёл деньги для этого благородного дела.

В наши трудные времена им так же принято решение о том, чтобы пенсионеры, которые не могут получить пенсию вовремя смогли приобрести самые необходимые продукты питания. Многим это помогло спасти жизнь в наше время.

Очень красиво здание современного кассового центра построенного недавно, и заслуженно получившего премию за свои архитектурные идеи. В нём совмещается благородство и спокойствие, присущее кирпичным постройкам с красотой мраморных колонн. Разные стили умело функционально совмещены.

Рядом с ним через дорогу, в банальной пятиэтажке, на первом этаже, здание Собеса. Поднимаясь по его ступенькам, я услышала обрывок разговора крепкого русского деда, словно шагнувшего ещё из той эпохи, одетого в драповое советское пальто, которое раньше

носили почти всю жизнь. Он вслух решал со своим собеседником самый важный сейчас для России вопрос: богатые или бедные. Но как? Ему в этом принципиальном решении вопроса не мешало самое богатое здание в городе, выросшее недавно за его спиной.

А, действительно, как?

Новое поколение уже в своём парламенте будут, наверное, уже цивилизованно представлять свой народ (есть эти люди в России, есть) и решать этот вопрос не как в 17 году при помощи экспроприации и массовых убийств невинных людей.

Не так уж много нужно законов, чтобы наладить в основном экономическую жизнь страны. Первый и самый важный шаг: платить людям заработную плату, которую почему-то перестали вовремя платить.

Именно о таком механизме пишет политический оппонент Ленина в своих только сейчас опубликованных воспоминаниях, Милюков, политический оппонент Ленина. Мы опоздали опубликовать их и прочесть почти на сто лет.

Здание городского банка и старого универмага ещё полностью не отреставрированного, но уже сияющего с фасада прекрасной массивностью и чистотой линий и лепными украшениями говорит о том, что торговать раньше, может быть, было тоже самое прибыльное дело, при любой власти, а может быть, именно при нашей. Только, наверное, нам особенно не стоит забывать, что-то оставлять и тому, кто произвёл твой товар, а не 2-4 процента как оставил им в результате сильно разрекламированной и так много обещавшей почему-то на ваучеры реформы. Рядом с банком очень хороший новый городской сквер.

Рядом с театром здание бывшей школы №11, где и я проучилась свои 11 лет и где сейчас располагается здание филологического факультета. Но вот только сейчас мне стало по-настоящему интересно посмотреть, каким прихотливым почти музыкальным вкусом обладал его создатель. Перед ним сам застываешь в изумлении, а сколько радости.

Слава богу совсем недавно его крышу покрыли белой жемчужной, но вот на нескольких башенках ветер уже успел их сорвать. Торопились, делали так, как привыкли при советской власти.

Самым значительным и самым ухоженным зданием при коммунистах было здание горкома КПСС, где сейчас располагается городской музей с хорошей экспозицией внутри. В детстве я жила в двух кварталах от него, и, пробегая мимо массивной с красивыми решётками ограды, старалась дотянуться и заглянуть внутрь зелёного двора с беседкой.

Для меня этот итальянский прихотливый особняк в Сибири был неразрывно связан с таинственной женщиной - купчихой Асановой. Отец, на все мои расспросы коротко говорил, что раньше здесь жила она одна, купчиха Асанова и замолкал. Кажется его и исключили из партии именно в этом здании. Его, воевавшего всю войну, в пехоте и бывшего так же и радистом, имевшего почти двадцать орденов за неё.

На все эти вопросы мог бы ответить и рассказать Виктор Шипилов, который лучше всех знал не только историю города, но и люди жившие тогда в нём представляли для него не меньший интерес. После него остались неизданные рукописи. Он первым вступился и за здание церкви, в которой частично расположен завод Электропечь, кстати, аккуратно платящий людям заработную плату.

Может быть самое интересное занятие на свете, это разглядывать прекрасные старинные бывшие частные особняки, возникающие перед тобой на стареньких провинциальных улицах, где своё течение времени, где время почти ничего в них не изменило, и это для нас самое ценное.

С какой любовью и как спокойно сделана на них башенка на здании, сколько в ней гармонии и красоты. А вот прекрасный строгий на всю длину особняк на улице Фомченко. На магазине прочном и суровом словно вставшем наперекор времени, где раньше на 10 копеек ты покупал целое состояние: кулёчек конфет круглых разрисованных арбузиком. На нём всё те же массивные жёлтые двери, несомненно, представляющие художественную ценность.

Кирпичики здания библиотеки пединститута так прочны и словно светятся золотым изнутри, а кубы белых девятиэтажек общежитие пединститута, построенные при ректоре Малкове, дали приют уже не одному поколению студентов.

Хорош и целый посёлок из особняков внезапно выросший на краю города рядом с льнокомбинатом. Их архитектура - это вклад в будущее города, они уже созданы по законам архитектуры XX века. Это мечты нашего времени о красивой и достойной жизни. И их умелое воплощение.

Наступает зима, суровая и по-своему тоже красивая в Сибири, но город напряжённо живёт.

Или бывший керосинный магазин, на который интересно взглянуть и сразу многое поймёшь в том образе жизни и мысли, которые владели людьми, их построившие.

А вот несколько впечатлений от таких прогулок.

Ганова Людмила. Заметки с улицы.

Из серии «Русский Бренд в современной живописи» Художник Цуриков Илья <https://www.art-21.ru>

Человеку приехавшему в город в первый раз, захочется прежде всего пройти по центральной, самой ухоженной части города, и лучше всего это сделать от гостиницы навстречу потоку машин, вдоль сквера.

Кинотеатр с афишей обаятельно улыбающегося Ван Дамма фильма которого так любят в России. Универмаг, магазин "Космос", торгующий престижной европейской мебелью, мэрия с мягким почти колокольным отмечающим время в городе мелодичным боем часов расположенных в правом углу здания. Книжный "Дом Книги" магазин, в котором самое важное место на выставочных витринах занимает современный европейский и русский любовный роман (его легко определить по суперобложкам, выполненным в одном и том же стиле, которые наводят на мысль). Детективный жанр тоже представлен неплохо, это в основном американские и английские переводы.

Здесь можно теперь свободно купить Яна Флеминга: из серии "Агент 007" "Из России с любовью", "Человек с золотым пистолетом"

и Питера Чейни: "Ночной клуб". Значит вся эта литература пользуется спросом.

Сквер замыкает серое очень красивое здание бывшего горкома партии, в котором теперь в основном располагается суд. Оставшись без хозяина, оно выглядит внутри очень неуютно.

Похоже, что кроме Эрнста Неизвестного, который тревожно стучится в наши сердца своими памятниками жертвами сталинских репрессий, сами мы, словно устав от своей ещё во многом неустроенной жизни, хотели бы многое сейчас забыть.

А ведь именно в России раньше многих других европейских стран был введён суд присяжных и как показало время, именно он является основной гарантией честного суда и неприкосновенности каждой личности.

А ещё недавно, уже в советское время, мы сами выбирали своих судей, вряд ли кто-то это сделает лучше самих людей, живущих в своём городе.

«Огоньки» Художник Цуриков Илья <https://www.art-21.ru>

Современная цивилизация представляет каждому человеку неплохие возможности побывать едва ли не в любой точки Земного шара, не выходя из дома, и это великолепная возможность ТВ, которой мы часто пользуемся, устав от обыденности и обыкновенности вашей жизни, в которую мы почти всегда узко и жёстко заключены.

Но со временем мы начинаем всё острее осознавать, что нам что-то всё-таки не хватает: не то, чтобы чувства реальности: вроде бы вот всё, здесь, сейчас, перед тобой, на экране и ты умело включён в происходящее.

Скорее всего потом ещё не раз придётся заставить себя отмахнуться от этих неудобных размышлений, плохо вписывающихся в быстротекущую, но как-то скользкую мимо жизнь.

И вот, может быть, однажды, когда вечером идёшь со своей дачи и начинаешь привычно вглядываться в такую спокойную сверху, но всю наполненную тяжестью и силой быстрого движения реку с повадками крупного прекрасного зверя, вдруг начинаешь понимать, что она, река, тоже по-своему всё-таки живая.

Может быть, это священное и древнее чувство восхищения и глубокого понимания, что она тоже живая и настоящая, что она тебе нужна и что тебе хорошо рядом с ней и есть самое важное открытие в твоей современной жизни.

И ещё это откуда-то возникшее понимание сложности твоих связей с окружающей жизнью и природой в XX веке, хотя мы их, конечно, не научились определять.

Неужели только тогда, когда мы окончательно убьём реку и всё живое в ней мы поймём, что она нам всем нужна.

Должен произойти этот качественный сдвиг в сознании. Когда мы будем к нему готовы. Но вот президенту страны в конце своего президентского срока неплохо бы отчитаться по своей избирательной программе, сравнить что он обещал сделать и что им конкретно сделано.

Письмо.

Уважаемый Александр перед вами чистая реклама продукции Бийского Спирткомбината, т.к. её невозможно гнать по ТВ, то им

остаётся один путь: рассказ в виде статьи об успехах, и в дальнейшем книга, поскольку замахнулись они далеко, и поскольку туризм (иностраный тоже) развивается, то книга едва ли не в первую очередь рекламировать будет именно их и потому книга удобна и для продажи туристам (потом можно будет посмотреть табачную фабрику, но там успехи, кажется скромнее).

«Кукушкины слёзки» Дикие цветы. Алтай. Фото Цуриков Илья & Ket Gun.

Статью о Спирткомбинате, потом легко можно будет дополнить (и о директоре тоже).

Неплохо бы вам встретиться с ним под видом показать и суметь попытаться решить уже и сейчас как-то вопрос с деньгами. На сколько он потянет - эта сфера вашей компетенции, и я думаю, что вы сделаете это лучше, чем я. Если даже он ничего не заплатит, то я думаю что напечатать всё равно придётся. (Хотя я не думаю, что он так глуп или так жаден). Пусть привыкает к мысли, что выгодно и придётся хорошо заплатить. Этот очерк - та самая ненавязчивая реклама в чистом виде, о которой вы говорили, и хорошо её пускать время от времени с другими более серьёзными вещами.

Пусть потихонечку привыкают, однако, серьёзный разговор о всей книге хорошо вести, когда она вся будет в руках, я думаю, что статей

10-15 будет достаточно и фотографий тоже. Всего доброго. Ганова Людмила.

Ганова Людмила. Заметки с улицы №5.

Современная цивилизация представляет каждому человеку неплохие возможности побывать едва ли не в любом месте земного шара, не выходя из дома, и это великолепная возможность ТВ, которой мы часто пользуемся, устав от обыденности и обыкновенности нашей жизни, в которую мы почти всегда узко и жёстко заключены.

Но со временем мы начинаем всё острее осознавать, что нам чего-то всё-таки не хватает: не то чтобы чувства реальности, вроде бы вот всё, вот здесь, сейчас перед тобой на экране и ты умело включён в происходящее. Скорее всего потом ещё не раз придётся заставить себя отмахнуться от этих неудобных мыслей, размышлений, плохо вписывающихся в твою быстротекущую, но как-то скользящую мимо жизнь.

И вот, может быть однажды, когда в основном вечером идёшь со своей дачи и начинаешь привычно вглядываться в такую спокойную сверху, но всю наполненную тяжестью и силой быстрого движения реку с повадками крупного прекрасного зверя, у тебя вдруг рождается мысль, что она, река, тоже по-своему, всё-таки, живая, и ты никак не можешь от этого открытия отмахнуться. Что-то сильно перевернулось в твоей тоже усталой от жизни душе. Наверное, ты больше уже никогда не сможешь относиться к своей реке равнодушно, и если бы это могло зависеть от тебя, ты бы никогда не посмел больше разрешать сливать в неё из огромных труб грязь с заводов и из массивов жилых домов. Это две очень несоизмеримые вещи. Наверное, когда хочется, нетрудно организовать современную технологию очищения, уже применяемую во многих других городах страны и мира.

Может быть, это священное и древнее чувство восхищения и глубокого понимания того, что она живая и настоящая, что она тебе нужна и что тебе всегда хорошо рядом с ней и что твоя жизнь связана с ней очень важными моментами, и есть самое важное открытие в твоей быстрой современной жизни и ещё это возникшее откуда-то понимание сложности твоих связей с окружающей жизнью и природой XX века, просто мы ещё не научились это определять.

Ну вот так мной потихонечку овладело "охота к перемене мест", а Бийск - это ворота знаменитого Чуйского тракта ведущего в Горный Алтай, на природу редчайшей эталонной красоты, и ты это слышал

много раз в жизни. Деньги с трудом, но найдены, необходимые вещи для этого небольшого, но только твоего и настоящего путешествия собраны, осталось посмотреть необходимую информацию и выбрать маршрут. Оказывается, существует давняя научная и литературная традиция, когда путешественники и учёные, и писатели, и художники пытались передать в твоих книгах и картинах своё открытие Горного Алтая. Какие имена! Спасский, Гумбольдт, Чихачёв, Гуляев, Сапожников, Ферсман, Вернадский. Но самое значительное впечатление от книги Н.К. Рериха "Алтай Гималаи" и "Сердце Азии".

Ганова Людмила. Заметки с улицы.

Есть очень деликатная сфера частной жизни - это праздники. Привычки и обычай их проведения. Мы постепенно впитываем с раннего детства в семье, а обычное школьное воспитание их не менее уклончиво оставляет в стороне, хотя современная цивилизация накопила немало интересных и полезных сведений, которые бы помогли человеку эту культуру, таящую много риска, усвоить как можно раньше и серьёзнее. В гениальной пьесе нашего земляка В.М. Шукшина успешно поставленной в своё время и Бийским Драматическим Театром, действие начинается с той самой минуты, когда оказавшись в известном учреждении, её главные герои пытаются глубже понять и самих себя, и необычную ситуацию и саму жизнь, и относятся часто вместе с Шукшиным, когда это именно так, со смехом и настоящей открытостью к проблеме, которую пытаются решить.

Здесь нужно всё-таки сказать, что мы, русские, являемся изобретателями такого важного национального продукта, как русская водка, которая ценится во всём мире не менее, чем наше золото, и там, скорее всего, раньше и лучше понимали её ценность, чем мы.

Ещё в совсем недавние советские времена, после окончания очередной компании за всеобщую трезвость, был едва ли не закрыт Бийский спирткомбинат, здесь, слава Богу, наступили другие времена: наше общество стало более открытым и для новой информации, и для правды, и так мы узнали, что современная точка зрения медицины, очень строгой к слабостям человеческим, сводится к тому, что умеренное употребление виноградных сухих вин и крепких напитков, к которым относится и водка, всё-таки полезно

при сердечно-сосудистых заболеваниях, а многолетние исследования и наблюдения показали, что люди, умеющие её употреблять (до трёх маленьких стопочек в день) по последней публикации информации "Новых известий" живут дольше и болеют меньше, чем те, которые вообще не употребляют. Хорошо, когда твои привычки согласуются со строгой медициной.

Предприимчивые бизнесмены понавезли в наш город лет 5-7 назад всевозможных бутылочек, очень красиво оформленных и не менее интересно сделанных и выставили их в витринах своих магазинов и киосков в городе, сообразуясь с их ценами, кто отважился, ознакомились с их содержанием.

Так, в конце концов, многие с удивлением обнаружили, что наша родная Бийская водка не сколько не хуже "зарубежных аналогов" и обладает, кроме того, массой достоинств, которые у них, оказывается, отсутствуют. Это было, конечно, приятное открытие. Вполне возможно, что окрылённые своими успехами, умельцы Бийского спирткомбината создали в это время новые сорта водки.

Знатоки продукции и дегустаторы торжественно оценивали новую продукцию, это очень интересное действие было показано по ТВ, и называли целый букет открытых ими в процессе дегустации достоинств: принципиально новый вкус, свежесть и искристость напитков, их мягкость. Это был настоящий успех.

И вот передо мной в витрине оптового магазина выставлены бутылочки "Водки Пикантной" нашего спирткомбината, радостно оформленной в традиционно русских цветах: красный, голубой, белый, золотой, с красной навинченной пробкой, на которой написано Алтай, Бийск.

На верхней наклейке изображены две медали, которые были получены на международных конкурсах в Женеве и Копенгагене - в 1995 году.

На самой рекламной вклейке стилизация здания, отдалённо напоминающего театр, но которого в городе, по-видимому, всё-таки нет.

Так как эти рекламные поиски будут, конечно, продолжены и для других сортов водки (конкуренция, ничего не поделаешь) то, возможно, имеет смысл вести дальнейшие поиски в направлении других реально существующих старинных зданий - замков в городе. Их красота могла бы реально представлять наш город в мире, который является "воротами рая" редчайшей красоты Горного Алтая.

Это, вероятно, здания - замки, где сейчас расположены театр, банк, городской музей и др. Наверное, художникам, осуществляющим эти стилизации, было бы любопытно и интересно выслушать и такую

точку зрения на эту проблему. Кто же реально стоит за этими многими успехами современного предприятия, набирающего очки в современном бизнесе?

А недавно на Бийский спирткомбинат приезжали сами Французы, как известно, понимающие толк в этой продукции, и сами знаменитые на весь мир в своей

Рисунок Ket Gun.

Ганова Людмила. Катерина.

Весна в том году была долгая, холодная, но вот, наконец, листочки потихоньку распустились и она, казалось, собрала все свои силы в один из последних дней мая. День был ветреный, но яркий. Яркое сверкающее солнце заливало, ослепляло чистым светом всё, а ветер сильный и молодой всё приводил в движение, я решилась прогулять Катерину уже без курточки. Бабуля сидела сначала на лавочке на самом солнце в своей чистенькой фуфаечке, грела кости, а потом перешла под берёзку у подъезда.

Погода тёплая и солнечная установилась на неделю, мы съездили в деревню, чтобы всё посадить, и гуляли на улице почти целый день, переходя от нашего дома на лавочки другого подъезда, которые выходили все на улицы, а на лавочках с этой стороны никого не было: только кусты барбариса и сирени лениво нежились и набирали силу и соки на газонах. Илюшка забрался на огромный тополь и сидел на большой ветке, не мешала громкая чистая мелодия рок музыки магнитофона из соседнего дома, листья клёна были молодые зелёные и клейкие, мы несколько раз заходили домой поесть купленный хлеб и молоко, а бабушка всё сидела на скамейке.

Вечером, когда я с детьми возвращалась домой, я вежливо сказала: смотри ка какие деньки стоят, ну наконец-то.

Она, сидя, сказала. - Да, какой день был.

Я почувствовала, что этот день был прожит ей полностью и глубоко. Она словно единой мудростью вместе с таинственным и прекрасным миром маленькой частичкой которого она являлась.

Время, когда умирает кто-то близкий делается особым и смерть наполняется особым содержанием.

Пошли третьи сутки, как она умерла. Ей 92 года. Говорят что было. И через несколько часов её увезут и тело предадут земле. Да, так надо сделать ибо лицо её стало тёмно-жёлтым и всё заострилось и скоро смотреть на него будет уже нельзя. Странно, что эта старушка сделалась мне близкой. Сначала я знала, что эта древняя старушка, сидит чинно с бадожком по долгу на лавочке. Ну сидит и сидит, пробежишь, поздороваться и дальше. Работа в школе слишком суетлива, слишком берёт человека на износ вот и бегаешь как полоумный. Потом у меня родился Илья и я сама стала частенько присаживаться на скамеечку и оказывалась по соседству с ней. Простой немногословный разговор из любопытства.

Чувствуя, что вся эта жизнь как-то слишком молода и несовершенна рядом с ней, я узнаю сколько ей лет 87. С уважением думаю о том, что она прожила больше, чем все окружающие её люди. Она очень худенькая, но лицо очень чистое, светлое, на длинных пальцах между которыми покойно лежит бадожок сделанный из лёгонькой дюралевой палки для лыж на этих древних руках кольцо.

- Баба, а кольцо-то золотое?

- Да нет, это сынок Гоша, Георгий сделал мне из медного пяточка, когда уходил на войну. Носи мама на память. Трое их у меня там осталось. Думала не переживу.

И на глазах у неё наворачиваются слёзы. Я думаю о том, какое должно быть горе, чтобы человек спустя 30 лет чувствовал его так

живо. Да видно душевные раны не затягиваются. Я пытаюсь представить как смогла бы я пережить потерю Илюшки, а ему всего только год и не могу.

Только выросли им жить бы да жить, а тут на войну угнали. Молодые, неопытные были бы постарше так может сумели выжить.

Это сейчас всё, а тогда ведь ничего не было, росли как попало, в школу сошью им из старой тряпочки сумку и отправлю. Ни игрушек, ничего. Так, зря всё.

Да вот сейчас у меня два внука служат в армии, боюсь. Письмо написать некому я ведь неграмотная. А Галька что? Они ведь ей братья.

- Говорит не буду и всё.

- Ну приходи ко мне я напишу.

Она и вправду опираясь на бадожок пришла и с тех пор аккуратно раз в месяц, со своим конвертом и тетрадным листочком она приходила и я писала ей письма. В общем-то почти всегда одинаковые.

- Ну ты знаешь сама что написать, но ничего тревожащего, они оба работали в армии шофёрами, один на дальнем Востоке, другой где-то на Севере.

- Наверное, не дождусь, нога болит. Приглядываясь к ней, я обнаружила, что она проста, добра, справедлива и как-то стоит на этом очень просто.

Из всех девяти детей у неё осталась одна только Поля хрупкая ладная женщина лет пятьдесят и детям она писала, которая иногда к ней приходила. Жила она на втором этаже в однокомнатной квартире с внучкой, которую взяла к себе с ребёнком. Поля вышла второй раз замуж и бабка, решив ну куда ей деваться взяла к себе.

Сама Галька пошла работать в два месяца как исполнилось Серёжке на работу, оставив его бабке и та его выходила. Любила она его очень и смотришь с бадожком то его ищет поест, то одеть, холодно простынет.

Он и пропадал целыми днями на улице, смешно ковыляя на косолапящихся ножках, у него был какой-то дефект, но смотрю и ножки стали прямыми и розовая мордочка его делалась лукавой и самостоятельной.

- Ребятишки им чего надо побегать, наиграться, они без этого не могут.

Галину эту любовная неудача озлобила она стала жестокой, да и внутри одной комнаты им наверняка было трудно, да и может она надеялась на скорую смерть бабки, а та жила и скрипела потихоньку.

А может быть и наше отношение к жизни это не самое важное, что мы сумели выработать в жизни.

Как-то бабка пришла и, волнуясь, попросила написать заявление в домоуправление, чтобы Галька платила половину за квартиру, я из своих 27 не могу платить, да и телевизор, стиральная машина одного электричества на 5-6 рублей нажигает. Написать-то я написала, но так и не узнала, чем всё это кончилось, она никогда не жаловалась.

Раз я видела и такую сцену: пьяный дылда с пьяной женщиной пришли к ним ругаться и Галька кое-как их смогла выставить.

Соседка напротив, которая тоже родила сама ребёнка, но отец оставил ей четырёхкомнатную квартиру сумела всё-таки выйти замуж, мне кажется из-за квартиры, он был женат третий раз, пошёл в рабочие и они понемножку обжились, хотя своего ребёнка так и не решились завести.

Так вот она считала, что она не там «исчет», она имела в виду мужа.

Они даже немного дружили и я узнала, что соседка её осуждает за то, что мужчин она приводит домой представить себе я не очень это могла.

- Да и не за углом же буду я.

Мне кажется, что соседка в данном случае была права. Лучше за углом, Серёжка уже подрастал, ему было 8-9 лет.

Нас над соседкой в маленьких четырёх комнатах было набито 8 человек, три семьи на 42 метрах, мы не очень уживались и через 11 лет у меня было уже двое детей, родилась Катька, квартира светила чисто теоретически, хотя муж работал строителем каменщиком. И Илья, которому было лет 7-8 добивался у меня, мы иногда ходили к отцу на стройку, почему папа нам не может построить квартиру.

Питались они отдельно и бабка сама ходила за хлебцем, молочком, иногда, когда был, минтаем. Рядом был и овощной магазин и она там иногда набирала морковочки, свеклы, картошки, когда был свежий привоз.

Жила она по спартански - очень экономно и просто, стирая и ухаживая за собой сама.

Но каждый день потихонечку она выходила на свежий воздух и сидела на лавочке. Она не любила вступать во всякие разговоры и сплетни, в которых были сильны две нижние соседки. Мне кажется это от комплекса неполноценности: у одной была 30 летняя дочь дура, почему-то живущая дома, муж алкоголик вылечился и теперь живьём всё тащил и воровал в дом, другая почему-то не родившая ребёнка, живущая с мужем и бесконечно переваривающая всех, свои болезни. Она не работала, сидела дома и знала буквально всё про всех. Жаль, что она не грамотна, а ведь в ней пропадал талант

организатора, она любила говорить общаться, а теперь пропадала в пустых четырёх стенах, муж был на работе.

Как-то вежливо и немножко отстранённо она говорила несколько фраз или уходила ещё на одну скамеечку впереди на солнышко.

Ей был нужен свежий воздух, солнце, зелень.

Она умудрялась не вступать ни в какие крики поднимаемые по поводу ребятишек и весьма скверные из-за ругани и грызни.

Ну ребятишки им же поиграть надо, побегать, ну подерутся немного да и вместе.

Однако в маленьком пространстве между двумя пятиэтажками с десятками глазниц, за которыми таилась опасность с нравоучениями, криками, руганью она во многом ему помогла просто тем, что сидела, ибо немало любителей выместить на детях свой характер, невзгоды, неприятности. Особенно этим славился папа дурочки, ибо нападая ему легче было сохранить свою дурочку, которой он умудрился даже оформить пенсию в 60 рублей, как будто бы она проработала 1,5 года с матерью на маслоэкстракционном заводе техничкой.

Бабку это тоже поражало, надо же получает как фронтовичка.

Так же просто и неназойливо она рассказала о том, что их раскулачили в Луговском, выгнали с 8 детьми из дома, скиталась по чужим углам, муж умер в 30 году от туберкулёза, умерли и 5 детей, жила у людей по углам, осталось 4, а троих то и убили. Квартиру эту потом через суд выхлопотала Поля.

Время шло и я заболела сама, да кое-как оклемалась, и мне пришлось заняться домом, детьми и многими другими жизненными, а не научными заботами.

Летом мы ездили в деревню мужа в дом, оставшийся от его старого деда и там садили картошку, помидоры и огурцы, лук, ходили по ягоды, частенько я и бабке привозила имеющиеся "излишки". Она крестилась: "Дай бог здоровья" и тихонько брала.

Мне кажется время не очень изменило их отношение, они даже ужесточились и усложнились. Очередная попытка Гали выйти замуж, она даже перевезла вещи, красивый полированный шифоньер и шкаф, диван-кровать, телевизор и приёмник и бабка в 89 лет осталась со столом и старенькой кроватью. Правда Галина пришла и выбелила и бабка мечтательно сказала, что она мечтает вместо этих штор занавесочки, на стене висел Серёжкин портрет, на который она поглядела с такой любовью, а ещё на стене большой маслом портрет молодой девушки в простой раме, но очень хороший подаренный соседкой, с которой Галина поссорилась.

Конечно, тяжело ей было, но она храбро вступила в неравную борьбу. Месяца через два ей стало плохо: давление 240, она стала

бредить и голая выскочила в коридор. Послали за Галиной. Через несколько дней бабуля оправилась, но какое-то беспокойство от происшедшего осталось. Это была новая опасность, которую она не знала. Это я увидела ветреным холодным весенним днём на её лице, когда гуляла.

Галина ещё через два месяца приехала с мебелью домой, между её мужем и братом мужа, произошла ссора из-за квартиры, (брат-то был женат жил у жены, но эту не хотел терять) и его посадили за Галиного мужа на два года в тюрьму.

Пока ждала ребёнка. И родила девочку тёмноволосую с острым точным взглядом, пухленькую и хорошенькую.

Эта молодая женщина хорошела, она была красива, хороша собой, научилась хорошо одеваться, красиво ходить, ей хорошо шли очки и короткая стрижка, она умела работать. Почему ей в жизни не везло? Три дня назад я пошла к бабуле попроведовать, отнести ей бульончику, давно уже не была. Да и на Галину дочку посмотреть...

7 страница отсутствует...(странно...)

Человеческое лицо чтобы за два дня перейти от жизни к такому состоянию должно проделать большой путь. Она стала ярко-жёлтой, глаза ярко голубые были далеко - далеко они были полны муки и желания что-то сказать.

В руках были рецепты, и она из глубины своего отказывающего служить тела страшно напрягаясь и боясь, что я уйду пыталась сказать несколько слов и показывала рукой на рецепты.

Я поразились этой страшной перемене.

- Ладно Баба, сейчас сходим, выкупим лекарства, приготовим тебе что-нибудь поесть. Ты не бойся, раз ты сильно заболела мы будем приходить, не оставим тебя.

- Тебе принести сока облепихи?

- Она кивнула головой.

Я принесла ей с тёплой водичкой, она с готовностью опираясь на руки почти села, но каких трудов стоило ей проглотить его, он бурлил во рту, но всё-таки она справилась.

Маленькое худенькое тельце её уже пожелтевшее сухой кожей металось по койке, она потихоньку гладила грудь, складочку с сиреневым соском, которая выкормила столько детей, но как трудно и тяжело ей было.

С таким же трудом она выпила капсулу с тетрациклином и аллохол, но выпила. Закрыта она была стареньким древним рваненьким

одеялом и перебирала тряпочки под собой, потому что боялась, наверное, оправиться мимо.

Мне было трудно и тяжело смотреть, как безжалостно и тяжело надвигается грозная смерть, но какая-то сумасшедшая мысль, наверное, помогающая мне, жила внутри меня, может быть она справится как справлялась с тяжёлыми недугами до сих пор.

Серёжка тихо сидел на диване, подобрал ноги, и смотрел на бабуку. Лицо его было красно от слёз. Чтобы хоть как-то успокоить его я сказала, Серёжа, сделали всё, что нужно, купили лекарства, накормили, я посмотрю бабушка ведь недавно болела и выздоровела, может быть, она выздоровеет сейчас.

- Баба, тебе каши сварить?

- Она закрыла глаза.

Кашку ей отнесла и покормила матушка. Встретила её, когда пошла в магазин поднимающейся по лестнице с пустой тарелочкой.

Глубокое уныние было во всей её фигуре. Ну как там она? Ничего? - Да умирает бабка.

День тянулся медленно, когда я открыла дверь, чтобы попить её молочком, но она обернулась, наверное, она ждала Галину так пристально она смотрела на эту дверь, но она ещё каким-то чудом протянула руку взяла кружку и выпил тёплого молока.

Нехорошее сомнение закралось ко мне, кормила ли её эти два дня Галька, давала ли воды, почему она не выкупила лекарства, почему не пришла хотя бы в обед, ведь уйти там можно в любое время. Не нравилось мне и то, что больше никто из соседей не пришёл, не помог. Рядом тоже вчетвером в огромной трёхкомнатной квартире жил парторг Маслосыркомбината, толстый маленький бледный с быстрыми смышлёными глазками человек частенько приезжающий в обед на ГАЗике и привозящий сумки с провизией. Аппетитно торчала копчёная колбаса, давно исчезнувшая с прилавков магазина с законной гордостью он привозил на своём жигулёнке продукцию дачи ягоды, помидоры и огурцы, но никогда никто из них не угостил бабуку горстью ягоды, пуком лучка или свежим огурчиком. Наверное, она для них просто не существовала. Смог ли он помочь когда-нибудь хоть одному человеку, мне кажется это маловероятным.

Вечером Илья выклянчил бутылку газводы и сыр, который в этом магазине был всегда плохой, наверное, у них налажены связи с переплавкой.

Матушка ещё раза два спускалась и подолгу сидела у бабки, её тянуло туда, и Надька никак не могла заставить её помочь с Димкой,

наверное, она была ближе к тому умирающему, чем к этому живому и растущему.

- Баба, покажи язык. Она с готовностью показала, он теперь стал растрескавшимся как щётка, я спохватилась, а воды тебе дать?

- Глотала она уже хуже и долго не могла разжать рот, но всё-таки потихоньку проглотила. Чтобы как-то немного её успокоить я сказала. Баба ты поспи немножко отдохни, поспи тебе легче станет.

Дома, моя матушка с побелевшим лицом разразилась громкой тирадой: Господи лежит одна, помирает, вчера приходил врач, говорит цирроз печени, вызывали скорую помощь, Галька им говорила увезите в больницу, они поставили укол сели и уехали.

Никому не нужна.

Бедная старуха. Да и Галька, ну хоть бы пришла. Неужели прийти не может. Пришёл Серёжка, варит бабке кашу, спрашивая солят её?

Вечером я пошла прогулять Катерину с Илькой и зашла к бабке. Галина пришла. У неё было отдохнувшее красивое острое лицо.

- Ну как девица твоя?

- Да ничего.

- А бабка?

Мы тут за ней немножко поухаживали выкупили лекарства, покормили кашкой, напоили.

- Да вот хоть мы с ней ругались и всякое было, а жалко. Она мне Серёжку вырастила.

И я шагнула к койке.

- Да уж не знаю проживёт ли завтра, у ней уж руки, ноги холодные и уши тоже. Глаза стеклянные. Я потрогала бледное ушко, которое в середине было синим, оно было действительно холодным.

Я наклонилась к ней, мне хотелось ей что-то сказать.

- Баба, тебе дать водички?

Она закрыла глаза.

И здесь с готовностью она чуть-чуть поднялась, но долго не могла открыть рот, вода грозно зарокотала во рту, но немножечко она выпила.

- Люда, не надо больше. Я послушалась. Она откинулась на подушку и из глаз стала уходить жизнь. Шея напряглась страшно и она стала глубоко дышать.

Кончается.

Дверь открылась и зашла моя матушка, в дверях стоял Илья и я, чтобы он не напугался вышла.

Когда я пришла с прогулки, дед мне сказал, что бабка умерла, без пяти одиннадцать.

- Жалко бабу. Хорошая она была справедливая. Пойду покурю, а то что-то занервничал.

Вечером я никак не могла уснуть и успокаивала себя, ну что я так чужой человек, но ведь я помогла, мне нельзя расстраиваться, надо растить детей, нужно думать о другом. Я выпила две таблетки тазепама, стакан богородской травки и уснула.

Однако утром я проснулась рано.

Зашла к матушке. Её не было. Дед сказал, что она сидела с Галькой у бабушки. Нюрка помогла её обмыть, одеть.

Я одела платье и спустилась. На досках, закрытая приготовленной самой бабушкой, купленным в церкви ситцевым покрывалом она лежала.

- Бабушка хорошая, она ничего. Посмотри и Мать приподняла покрывало.

Её лицо стало таким же как в жизни мягким добрым и по старушечьи нежным. Недаром в народе говорят, успокоилась. Страшная борьба смерти и жизни теперь оставила и казалось оно отдышалось. Руки были перевязаны сорватой с простыни тряпочкой, одета она была в новое синее очень хорошего спокойного цвета платье, с широкими на хлястике рукавами с маленьким воротничком.

- Специально сшила для смерти.

- Матушка, пошли отдохнёшь. И моя Матушка поковыляла на своих полиартритных ногах, припадая на одну ногу домой. Серенький тусклый день занимался. Галина возилась на кухне, наверное, кофе.

- Я пойду к девочке в больницу, ключ занесу вам.

Дома Матушка говорила: - Ну обмыли её, я не могла, у меня палец после операции, сбегала за Нюркой. Галька стала нам давать по 10. Она под постелью нашла 220 рублей. Нюрка свою взяла, а я не стала, деньги ей нужны, она мне дала вот платок белый с цветами. Я, говорит, тебе потом ещё дам.

Целых два дня Галина бегала по родственникам. Серёжка спал у нас, наконец, был готов и гроб, и несмотря на то, что она просила его не обивать, его обили чёрным. Наша бабушка распределила и устроила, и печь блины, и варить лапшу, и принесла и собрала посуду.

Она очень волновалась, когда узнала, что нет машины, обе уехали на кладбище копать могилу, чтобы одна свозила её отпеть в церковь.

Наша Надька сказала, ну пусть хоть проедут мимо, бабушка просила, бабушка сказала я пойду им скажу.

Часов в 11, я оделась и сошла проститься. Лицо её снова сильно изменилось, оно стало тёмно-жёлтым и таким скорбным.

Около гроба сидело шесть женщин и в углу зять, муж Поли. Племянницы были здоровые пятидесятилетние толстые женщины.

Одна из них сказала: - Пусть отдохнёт. Намучилась за жизнь.

Слёзы подступали ко мне, но поговорить мне хотелось, наверное, чтобы знали как она умирала.

- Умирала тяжело. В сознании. Потихоньку у неё всё отказывало. Место себе на койке не находила. Старенькая сильно. Сил-то у ней не было, чтобы умирать.

Я смотрю на зажжённую свечку, потом на покойное доброе очень готовое к чему-то лицо, эта готовность вызывает острое чувство жалости. И мне приходит на ум, что это собственно житие, жизнь, прожитая по высшему образцу. Даже в смерти она не захотела никого обременять и передала ещё скопленные 300 рублей домкому, чтобы её похоронили и сделали всё как надо, отвели 9 дней, сорок, полгода или год.

Племянница начинает причитать и этот русский плач (как он передаётся из поколения в поколение одному Богу ведомо) быстро заставляет меня выйти, чтобы не разреветься.

А вчера Галя открыла дверь и вошла в платочке пойдём помянем бабушку, я никогда не была на поминках.

Почему вдруг ты начинаешь сталкиваться с этой ситуацией вернее наталкиваешься на неё и ничегошеньки поделать не можешь? Отсюда, вероятно, и выражение пробивать лбом стенку.

Мне даже пришло в голову две литературные ассоциации из польского фильма просмотренного в детстве "Рукопись найденная в Сарагосе". Там герой как не старается выбраться из замкнутого в круг путешествия, но проснувшись, он вынужден начать его с того же самого места под виселицей, а второе замечание, вернее сожаление Достоевского в "Братьях Карамазовых" о широте характера русского человека. Мне даже стало после этого казаться, что со временем всё хорошее или лучшее, что ему свойственно переходит, если оно бездействует в свою противоположность. Вся штука в том, что оно не может храниться как в холодильнике, оно должно жить.

И так я спускаюсь вниз на Зелёный клин и чертыхаясь на чём свет стоит. Ругаю я и себя и дядьку. По началу я в этой ситуации не увидела ничего серьёзного. Спуск был старый, ступеньки изломаны через одну, и как бедные мамы выводят детишек в садики, когда ничего не видно, оставалось для меня тайной. Летом весь город там,

где частные дома украсился аккуратными поставленными городскими властями заборчиками, так, что городские остроловы даже окрестили его "заборскот", но вот спуск на Зелёный клин, где жили сотни людей и стоял Спиртзавод. Никому и в голову не пришло сделать, его с улицы не видать. Наш дом, в котором жило больше тысячи человек, возвышался над Зелёным клином и сверху он был весь заставлен крышами, когда же я проходила по этим улицам и поражалась, какие они ветхие и старые. Только один дом был сделан на каменной террасе, аккуратно поштукатурен. Надо всем довлело высоченное здание, похожее на элеватор. Вокруг Спирткомбината не было забора, были лишь отдельные попытки возвести его, из железобетонных блоков, из проволоки, из дощатого забора. Рядом с железным новым решетчатым входом зияла большая в заборе дыра, вытоптанная дорожка которого свидетельствовала о том, что ей пользуются охотно.....

Прошло пять лет, но вот когда я подумала о том времени, о той жизни, но те дни жизни стали для меня яркими, полноценно прожитыми, дорогими, моими. Правда приходилось много работать, фонды были запущены, достаточно сказать, что никто не составил ни одной описи ценных книг, икон, монет, пластинок, после пятидесятилетия существования музея, испортились знаменитые гербарии, собранные крупными людьми, которые здесь работали.

Где-то спустя полгода до меня стало доходить, что здесь что-то, возможно, и не так. А когда я прочла книги по хранению и учёту музейных вещей, то для меня кое-что стало ясно. Не было закупочной комиссии, сотрудниками, которые ничего не делали не велась работа в фондах в своих отделах, пропадал и заплесневел в служебке целый гербарий, он заплеснел в сыром неотпливаемом помещении. Не были вклеены в амбарные книги опись 100 ценных монет из коллекции Ботарского, а потом в связи со странным поведением сотрудника исторического отдела, которого поймали в университете. Он подделывал документы на сдачу экзаменов, и самое интересное, что он заведовал фондами, перед тем как они были переданы Вере Павловне, которая сумела проставить перед каждой записью существует или нет этот экспонат в музее. Как же много при этой сверке отсутствовало.

И самое последнее. Было закуплено всё, что осталось после смерти крупного сибирского художника, более 100 картин, но оформлено через комиссию несколько этюдов. В кабинете директора висели

оформленные в рамку два великолепных полных солнца и воздуха пейзажа. Барис Хатмеевич оказывается разбирается в живописи. Вера Павловна, очень жалела, что пошла на это, она осознала, что её обманули, и она была честным человеком.

Я стала приглядываться к директору внимательнее. Он, когда сильно нервничал, то начинал трястись. В результате каких сильных борений и с кем он так растратил свои нервы. Однажды он даже ударил и толкнул зрителя.

Сейчас он сидел как сфинкс, во втором одряхлевшем как и он здании музея. Один из сотрудников, пришедший в музей по убеждению и сам активно занимающийся краеведческой работой, сумел через горком партии пробить новое здание для музея, для восточного горкома партии строилось новое современное здание и потом туда должен переехать музей года через три.

Меня перетянули работать в институт, но и в музее я сделала много: опись пластинок, ценных книг, перебрали пластинки, все документы, почистили всех птиц, отремонтировала карты, разобрала плакаты, сделали ремонт в фондах, просушили от моли тряпки на улице. Работа была такая грязная, что мне тяжело вспоминать, Серёжа приходил в оружейную брал ружьё и летом выходил во двор, он смазал, прочистил и составил их опись.

Были там и ценные, даже подарок какому-то царю, мне было жаль, что они навсегда испорчены, чтобы ими нельзя было пользоваться. Мне думается, что этого не следует делать вообще. У него были три какие-то разного объёма книги, и он знал всё это оружие до тонкостей.

Сколько нежности, осторожного обращения было в этой работе. Много меняется от того, что близко видишь много раз даже в кино виденное оружие. Я забыла как называется пистолет какой-то американской системы, которые были у нас и в первые годы советской власти. Он оказался намного больше чем я предполагала, вот есть здание в конструктивистском стиле, построенное из прямоугольных объёмов, этот же самый принцип лежал и в основе этого пистолета, он был большой сантиметров 60-70. В общем я не смогла быстро освоить принцип.

Как назовём рассказ: "Камни". "Камни природы".
Сидим утром пьём чай. За окном лёгкая метель: какой снег-то?
Погода, а посмотри. С неба падают лёгкие пушинки.

По радио, наше московская группа играет джаз на нашу русскую песню. Гениально. Разве это возможно? Чувственный русский джаз, где каждое мгновение совершенно и точно прожито.

Всеобъемлюще. Чай из шиповника и пачки чая, которую дала Мария Аверьяновна.

- Ты что пишешь?

- Могу же я немножечко пописать. Сейчас начнём.

- Мне так скушно.

Я пока камни соберу, чтобы ты на них посмотрела.

- Ну давай начнём. Какой первый-то был?

- Вот. Я сказала с прослоечкой на пингвинёнка похож, а ты на что?

Как будто мягкий сыр, его можно откусить.

- А второй какой был? Я сказала на сапожок, валеночек.

- А я кораблик, у него стороны, как у корабля. Он такой как бы зелёный, а сверху белый, опечённый солнцем. Он даже похож на подводную лодку. А вот этот побольше.

- Этот похож на жирафика, или этих полосатых лошадок.

- Я назову его "Кресло" он похож на кресло, можно сесть и задремать.

- А дальше по-моему вот этот был. Он просто как картошечка, он похож, как у человека голова.

- А я сказала жёлтый как яйцо, на цыплёночка.

- Дальше вот этот: этот похожий как рука у боксёра, или нос у человека. А помнишь мы нашли каменного ребёночка. Этот всяко можно можно назвать он на всё похож.

- Он на окне лежит. Ребёночек в утробе. Гладенький, все формы абсолютно совершенны.

- Это как будто сахар. И головёшка как в мультфильме. Куколки - малышки.

Так дальше какой возьмём. Вот этот возьмём. Твоя мысль как печенька была. А моя: со стороны он похож. Как будто подводная лодочка.

А этот. Как будто сало. Простое белое сало и у него прослоечки мяса.

А давай одну шутку сделаем. А в стране у нас нету мяса и нету сала. Можно же одну шутку сделать.

Вот этот камень. Он как будто скала. Скала красивая. Светящаяся, как будто обогреваемая солнцем. А с другой стороны, если его так поставить. Как будто он похож на барсука. Вот смотри у него нос, вот спина.

А этот как его назвать. Он какой-то обливной.

- А вот про этот мы что сказали? Он похож на пляж, чистенький песочек.

- А за стеною русский мат, а за стеною автомат, и так идёт из года в год, идёт подряд.
- Если бы в школу пошла, то не было бы никакого рассказа. Давай ещё один напишем.
 - Ты опять так пишешь?
 - Притащила блокнот.
 - Я тоже буду свой рассказ писать. Например, "Серый камень"...
 - Отложила.
 - Мама, ну давай.
 - Что другой рассказ?
 - Ой, а вот этот какой чудесный. Он похож на голову динозавра.
 - И он похож на козлёнка.
 - Почему на козлёнка?
 - У него рога.
 - Ну что есть хоть один ещё приличный.
 - Мама, вот такой.
 - На что похож?
 - На мрамор. Не похож что ли?
 - А форма-то у него какая?
 - Вернее как большой рогалик из мрамора.
 - Вот этот мне ещё всегда нравился. Половина белый, а половина серенький и слиток.
 - Как будто бумажная лодочка. А и вот этот ещё хороший. Это как будто квадратик. Вернее как голова, скульптура.
 - А этот сахарок.

 - А этот ноздреватый.
 - На кресло качалку.
 - А этот совсем обыкновенный.
 - Только цвет дразнит, жёлто -шоколадно - вязкий.
 - На черепаху.
 - А это что такое.
 - Как квадратик, только он совсем другой формы, он такой как нас учат писать в школе.
 - Притащила ещё один.
 - А вот про этот зря не написали. Он как настоящий кораблик: как каюта капитана.
 - Чистейший яркий серый уверенный шершавый цвет.

Я не поехала в деревню в пятницу, как обещала, а приехала только в субботу. Илья ждал меня всю пятницу и ходил встречать в Субботу вечером. Когда я подошла к калитке, он сидел около бани и играл, а рядом на бревёшках сидели отец и дед.

Он увидел меня, когда я стала открывать калитку, улыбнулся какой-то растерянной улыбкой, не зная, что ему делать, как-то выжидательно стал смотреть на меня.

- Иля, - окликаю я его, беги ко мне, я тебя поцелую.

Он нерешительно двигается с места, потом подбегает, крепко обхватывает меня своими руками и тычется мне нежно в щёку. Тёплый, нежный, весь чудесный.

Я облегчённо вздыхаю, после недельной разлуки во мне сидит какая-то тревога.

Я его ношу немножко по ограде, потом он вдруг спохватывается: - Мама, ведь тебе тяжело, я уже большой, мне 5 лет; Он соскальзывает с рук, но продолжает неотступно ходить за мной, рассказывать все волнующие его проблемы, задаёт вопросы, пока наконец, голод общения чуть чуть притухает.

Потом он приглашает смотреть как он быстро ездит на самокате и действительно он обращается с ним как заправский гонщик. Он очень рослый, в деревне он загорел, закалился, наверное, из него вышел бы прекрасный спортсмен. Он ещё подросток.

Вообще я им могу гордиться он рослый, сильный, но в нём есть и другое, что меня очень тревожит. Илья очень чувствительный, его нервная система слишком быстро подвергается сбоям, как у норовистого жеребёнка и его нужно жалеть там, где для другого требуется наказание, может быть, со временем она сама собой исчезнет, я ещё пока не могу разобраться.

Мягкое августовское солнце нежит всё вокруг, и я долго, беззаботно хожу то по огороду, то в ограде, потом присаживаюсь по-деревенскому обычаю на крылечке. Хорошо вот так сидеть и греться на солнышке, можно спокойно думать и смотреть как ровно течёт жизнь вокруг.

Вечером Мать топит баню, Илья приглашает меня посмотреть как хорошо они моются с отцом.

- Иля, давай голову помоем. Начинает вкрадчиво отец.

- Ой, я не хочу голову.

- Дак ведь мы мужики, - заговорщически говорит Саша.

- Да, мужики.

- Ну тогда давай намыливать.

- Давай.

У Ильки густые чудесные светло-русые волосы обгоревшие на солнце до белизны, голубые глаза.

- В ушках сам мой, только глазки закрой, я смою голову.

И Илька прилежно крутит пальчиками в ушках крепко зажмурив глаза.

Сашка его тщательно шоркает мыльной вихоточкой и окупывает, всё это происходит на полу, потому что вверху сильный жар. Его хрупкое тельце среди тяжёлых тёмных брёвен светится.

Ну а теперь встать. Смирно. Как в армии-то командуют. Шагом марш в ванну.

Илька с удовольствием слушается и прямиком отправляется в ванну с прохладной водой. Там, в уголочке, он плещется, а когда жар и пар начинает сильно донимать и голову, то он опускает и лицо в воду, а я начинаю его вытаскивать: боюсь, чтобы он не захлебнулся.

- Ну как будем париться? Спрашивает Саша.

Ильке не хочется вылезать из прохладной воды, наконец, когда уже кажется, что все надежды потеряны, он соглашается, вылезает из ванны, взбирается сосредоточенно на скамеечку, а оттуда доверчиво растягивается на полке, Саша поддаёт холодной воды на раскалённые камни и потихоньку начинает шлёпать его веником. И Илька терпит.

Тут вступаюсь я: хватит, хватит, а то перегреется. Иля, пойдём в предбанник, остынешь.

Там в темноте мы стоим, я чувствую его нежнейшее тельце, доверчивость, с которой он уткнулся мне в колени, ах, почему матери мы не можем защитить своих детей не только в детстве и отрочестве, но и в юности, при вступлении в жизнь, сейчас мирное время, но как мы боимся слова война, но что будет, когда мой сыночек вырастет.

- Мама, пойдём, мне холодно.

И мы снова в мягкой обволакивающей теплоте баньки.

- Иля окупывайся и пора домой.

Я накидываю ему в предбаннике на плечи большую льняную скатерть (купальную), и он стоит у меня как маленький грек в тоге и ровно дышит чудесным свежим воздухом. Я его подталкиваю:

- Ну, беги.

И он легко и быстро бежит по ограде, вбегает в дом.

Когда я прихожу домой, то Саша уже читает книгу а Илька лежит на кровати весь розово-белый, у него отмылись даже глазки, они влажно блестят в полутьме, а на носике маленькие капельки пота.

Он весь какой-то торжественный, и, как, мне кажется, даже понимает сопричастность этого обряда чему-то высокому и чистому. Я его крепко целую:

- Спи моя ласточка.

И он тут же безмятежно засыпает крепким сном, в обычное же время, он долго ворочается, скидывается, ему мешают, то руки, то ноги, и он непременно задаёт мне вопрос:

- Мам, а я усну, а я как усну.

- Потихоньку, расслабься как кошечка, и думай о чём-нибудь приятном.

На следующее утро я встаю и делаю гимнастику, пытаюсь приобщить и его, показывая ему стойку на голове, он старается, но так неумело и искренне, что я хохочу, потом мы хохочем вместе и снова нам хорошо.

Я решаюсь помыть полы, у матери полиартрит, она почти не может нагнуться. Илья не любит когда я мою полы: однажды в детстве годика в два он подскользнулся на мокром полу и он это прекрасно помнит и начинает протестовать. Точно так это всё и происходит. Я не выдерживаю и кричу на него, он вздрагивает, а мне делается стыдно и я примирительно предлагаю скушать вместе огурчик.

- Мам, ты его разрежь, посоли и помусоль.

- Иль, ты иди побегай в ограде, а я их быстро вымою, всё это высохнет, и мы будем опять вместе играть и читать книги.

Когда я выхожу на крыльцо, то августовский солнечный день, существующий до той поры отдельно от меня, продвигается к 12 часам, день очень тёплый, почти знойный, в разгаре можно было даже обмануться и принять его за летний, если бы не чувствовалось во всём какая-то медлительность, мягкость, затаённость.

Можно подумать, что ты взял отпуск у своих забот.

Мы идём с Ильёй в конец двора, Саша там разобрал старый соломенный сарай, который простоял лет 15 и был построен его матерью и дедом. Саша заново огородил всё это место тыном из ивняка и теперь счищает солому и дёрн с земли: на следующий год здесь будет расти картошка.

Земля, чёрный и жирный перегной, отсвечивает на солнце отдельными комочками, как икра, слева море картошки, а мы усаживаемся около нового тына.

В это время Саша выкопал детский сандалий, Илья срочно начинает его примерять, но его ножка оказалась уже больше.

- Чей это сандалий, Мама?

- Это, наверное, папа носил, когда был маленький.

- Ему купила Мама?

- Да.

- А где она сейчас.

- Это наша бабушка. Она умерла, она сильно болела.

- Она здесь лежит?

- Нет, почему. Она похоронена на кладбище, там в конце деревни, за горой.

Мне этот разговор всё больше и больше начинает не нравиться. Я боюсь за Ильку. Конечно, с понятием смерти он знаком давно, когда ему ещё не было двух или трёх лет, он увидел кошку около гаража, которая не стала убегать, когда мы к ней подошли.

- Ма, почему она лежит.

- Илья, она умерла, может время пришло, а может кто камнем убил, сказала я беспечнее, как можно отстранённое. Пойдём машинки смотреть.

- Но он хотел разглядеть, и я его с трудом оттащила от неё, он потом как-то весь сник, и я очень боялась напряжения в глазах, которое не отпускало его до самого вечера.

До меня дошёл между тем вопрос, который Илья задал снова.

- А можно её посмотреть, откопать?

- Нет, нельзя, так никогда не делают, там Илья будет земля, вырастет травка.

- Мама, а ты когда умрёшь?

Случалось он мне и раньше задавал этот вопрос, и всегда я ему говорила, чтобы потихоньку приучить к обыкновенности этой мысли.

- Ну этого никто не знает, это будет нескоро, ты вырастешь как папа, у тебя будут дети, я их буду нянчить как тебя, а когда буду совсем маленькая и старенькая как Серёжкина бабушка тогда и умру.

Первая интерпретация этого откровения была воспринята и пережита тяжело, он тогда кинулся ко мне, обнял и зашептал: Мама, нет, мама, нет.

Я считала, что и на этот раз он получил достаточно информации о покойниках и смерти, но Саша ничего не заметил и отвечая каким-то своим мыслям.

- Можно сходить к могилке и посидеть. Саша большой и красивый стоял и самодовольно улыбался своему тувельку и солнцу и далёкой смерти не властной сейчас над ним. Он был неразрывно и счастливо связан с этой взрастившей его землёй, а для Ильи этот чудесный августовский день оказался сложным и трудным днём философского познания.

- Илья, смотри по дороге идёт К-700, - жёлтый, трактор величественный и мощный рокотал, где-то высоко над тыном и казалось заслонил всё на миг вокруг, а потом снова стал слышен мягкий и печальный шелест старой ивы на ветру, посаженной матерью Саши.

Илька сидел прижавшись ко мне и напряженно думал, рвались какие-то связи, раньше бессознательно связывавшие всё окружающее и его в одно целое, теперь он заново пытался осознать этот отдельный от него мир и словно пытался понять всё значение, которое он должен теперь иметь для него ...
- Мама, ведь я не умру правда?

Ганова Людмила. "До третьих петухов".

На сцене Бийского драматического театра - новая шукшинская работа осуществлена постановка пьесы "До третьих петухов".

Есть особая высшая справедливость в том, что его слово живёт на своей земле, что мы имеем ещё одну возможность для постижения творчества, таланта, личности писателя.

Ожившие персонажи русской классической литературы ведут в ночной тиши библиотеки свой спор о нашей современности и посылают Ивана дурочка добывать справку, что он умный.

Это даёт возможность Шукшину взглянуть на жизнь и нас с эпическим размахом русской сказки, с позиций классической литературы, какие она предъявляла русской жизни.

Салтыков-Щедрин уже однажды в своём "Дневнике провинциала в Петербурге" собрал некоторых основных героев нашей литературы и заставил их спорить о ней, Шукшин его продолжил магией своего неповторимого слова и сарказма.

Только, наверное, с такого расстояния могла возникнуть в простой обыденной сцене бюрократического приёма, с выдачей справки, к которой мы по привычке зияющая глубина административно-командной системы и её осмеяния. Так пришлось Иванушке проявить немало русской смекалки, чтобы получить ... нет, даже не справку, а печать.

Мягко, широко по-русски относится к своему Иванушке ведущий актёр театра Гордиенко. Нужно обладать большими творческими возможностями, чтобы играть убедительно Шукшина и Олби.

Роль трёхголового Змея-Горыныча мастерски написана и отлично сыграна творческим коллективом артистов.

Стоит, наверное, специально прийти, чтобы посмотреть, как она сыграна.

Какие моменты спектакля запоминаются больше всего?

Изящный чёрт, издевающийся через забор монастыря над оскорбленными ими до конца монахами и поучающий их, как нужно себя культурно вести. Супер модная секретарша со спокойным чувством превосходства воспринимающая непонимание начальником своего наряда как платье беременной женщины. Дочка бабы Яги смотрящая в окошко исход поединка змея-Горыныча и нежно уговаривающая Иванушку подождать умрёт он или нет.

Бедная Лиза самолюбиво утверждающая в своём чувстве превосходства потому что она "из народа".

Интересный ли получился спектакль? Премьера показала, что да. Но возникает и ощущение внутренней растянутости, когда действие ещё точно не выстроено режиссурой, так как это было сделано, например, замечательно сыгранном и слитом "Энергичные люди".

Это та работа над спектаклем, которая медленно совершается вместе со зрителем в том общении, которого нам ещё пока так не хватает в нашей жизни.

Ганова Людмила. Ноябрь 1989.

Судьба нового театрального сезона.

Что определяло судьбу многих новых театральных постановок нашего театра и гастролирующих в прошлом сезоне?

Отсутствие театрального зрителя, как это ни парадоксально. Многие, по-настоящему, талантливые работы так и не были им увидены. Необходимо об этом сказать, совершенно определённо, и тогда можно будет искать и пути преодоления этого трудного положения нашего театра. Истоки-то его нам сейчас вполне понятно долгое время в театре насаждался определённый репертуар, но оказалось, что именно здесь его трепетная грань связи со зрителем, интерес к самой его жизни, его благополучие. Пока мы это осознавали, многие театральные традиции были утеряны.

Многие бийчане будут, я думаю, приятно удивлены, если попытаются рискнуть и посетить, хотя бы один спектакль. Но есть области взаимоотношений театра со зрителем, где мы не должны с таким положением смиряться: это судьба детского и юношеского зрителя. Почему бы вместо традиционного сочинения во всех классах в первую неделю учебного года "Как я провёл лето" не давать тему по анализу просмотренного летнего спектакля, своего или гастролирующего театра. И тогда вместо того, чтобы писать как он собирал ягоды и грибы в деревне, которые он, может быть, вовсе и не собирал, ученик приобщался бы к более соответствующему самому предмету литературы умению анализировать и само произведение и увиденный спектакль, актёрскую игру, режиссуру.

Таких обязательных просмотров могло бы быть 2, 3 в году (с переходом школы на пятидневку, сам жанр семейного спектакля).

Театральная тема вполне могла бы присутствовать и на вступительных экзаменах в вуз, вместо свободной, или как составная тех тем, которые предлагаются.

Думается, что такой пласт культуры не повредил бы нашему подрастающему поколению, которое в настоящее время подвержено наплыву рок - музыки. Вероятно, одних благих пожеланий здесь мало, нужна заинтересованность гороно.

Театр так же должен активизировать свои усилия и заняться рекламой соответствующей его жизни в XX веке.

Много раз просматривая "Энергичных людей" Шукшина мастерски поставленных на нашей сцене я думала, что необходимой частью такой рекламы является бесплатное распространение какой-то части билетов среди бийчан бесплатно. И пришло бы то время, когда

зритель заинтересовался спектаклем, не мог бы не заинтересоваться, спектакль стал бы работать на себя.

Можно с этим современным спектаклем прийти к рабочему человеку в цех во время обеденного перерыва, в конце рабочего дня.

Тем более, что его декорации идеально приспособлены к такому перемещению.

Нужно создавать и малые театральные формы для такого вот общения со зрителем.

Но это, скорее специальный разговор. И тогда театральные традиции обретут своё второе рождение, а театральная жизнь будет полноправной частью нашей духовной жизни.

Ганова Людмила с детьми: Цуриков Илья & Ket Gun. 2018г.

Ганова Людмила. Катя.

Первые месяцы, когда ей уже 6 и я отдаю её, я знаю, что она Ма - Ма кричит мне, как это ни невероятно кажется. Она напрягаясь от усилия пытается схватить предмет и уже научилась. Лежать - этого

состояния она не приемлет, у ней от нетерпения и возмущения начинает покрикивать, у ней трясутся ручки, ей их подаёшь и она почти сама встаёт. И уже привыкла к этому ритуалу. Я вижу, что знает. Глазки у неё быстрые. Когда ей было дней 5 - 6 к нам пришла соседка снизу и с испугом воскликнула: "Господи, глаза у неё осмысленные глаза". Глазки у ней быстрые, зоркие, есть минуты обычно это бывает один, два раза в день: она вся внимание, благожелательное, улыбающееся с чистыми ясными глазами, она пытается понять, всё, что ей говорится: выходит из своего я; Вчера у ней начал прорезываться первый зубик. 10 декабря. Как я за неё боялась. Из роддома, где она так плакала, и где её приносили так туго спелёнутой, что она не могла дышать и мне было страшно. Ночью в день медицинского работника они ревели вернее лаяли, и я решила удрать. Они забыли взять анализ на РВ только подумать я должна была бы лежать ещё целую неделю. На третий день, она, обессилев от плача, не стала сосать. У ней открылся во сне и закрылся один глаз. И я решила бежать. Передала на кормлении её Саше в окно, вылезла сама и пошла. Что-то с ней будет? В первые дни эта мысль меня мучила неотступно. Она так тяжело дышала и грудочка у неё так вздымалась, что я поняла ей очень тяжело. Когда она засыпала, то глазки у неё не полностью закрывались и она так тяжело и часто сопела.

Помню, что она не давала разжимать ножки, так у ней всё там сопрело, все эти пять дней. Потом она под краном научилась распускаться как котёнок и улыбаться ей это явно стало нравиться. Потихоньку с небольшими рецидивами это у неё стало проходить.

Она всё больше стала улыбаться и теперь у неё пухленькое грабелька, пухленькое подушечкой ножка, толстенная упругая в ямочку попочка, которую так и хочется похлопать.

Самое интересное, это когда она пытается идти и перебирает ножками. Голое пузешко так забавно торчит впереди. Она лукаво улыбается. Ротик как у птенчика открывается. Улыбка у неё делается всё более осмысленная, но иногда, когда она стоит на полусогнутых ногах мне чудится, что это стоит человечек миллионы лет назад, или она округлила руки и пытается схватить, то это первые попытки живого существа поймать, так много в этом жесте древнего, первоначального.

Вчера по телевидению шёл английский фильм про ядерное разоружение. Молодой человек лет 35 в джинсах, (в которые нужно прыгивать) в белой рубашке и пуловере независимо и умно

критиковал ядерные планы, самое приятное в нём было то, что он был молод, мы к этому не привыкли. Самое важное

Ганова Людмила 2018 г.

Катерина стала говорить «Деда», да так хорошо. Сидит в ванночке и старательно так хорошо подряд выговаривает. Купали сегодня второй день. Она болела целых десять дней, так бедная даже забыла. Ну вот раздели и мяконькую крошечную ножками поставили в ванночку. Так крепенько стоит на ножках своих, а ведь ей ещё недели до семи месяцев и садится не хочет. Умница, на попочке ямочки. Надо сфотографировать. Ну потом так цепко, цепко за бортики, не доверяет стихии. Илька ей притащил мячик ну и она его быстро быстро ловить. Я его спрятала под воду, а она догадаться не может, сверху-то берёт, а он под водой. Не выносит лежать на спинке, ну Бабка вся, глядя на это чудо, просияла, ручки ножки ослепительную нежную кожицу; Старая, измотанная жизнью и работой Бабка, засияла, ей стало легко и радостно. Мы её немножко перекупали и она потом плакала, а потом захотела спать. Я её бедненькую взяла, дала сосочку и она заснула у меня на ручках. Жалко мне её стало. Почему-то вспомнилось, когда заходила, то

услышала как говорила Бабка: "Поздно ты родилась". Девочка, платице.

А Илька уже большой, у него стало длинное, мальчишеское лицо. И худенькое мускулистое, мальчишеское тельце: сегодня он самозабвенно три часа катался на коньках и с большой, большой горки, в своём элегантно длинном пальто. Какой он красивый. Как только Саша получит деньги, то сразу его сфотографирую. От природы он очень терпелив: сядет на краешек и ждёт, когда все все скатятся и лицо делается мягким, нежным.

Наконец-то моей лапушке получше, тьфу, тьфу, чтобы не сглазить. Десять дней была температура, да и высокая, а один раз, Господи страшно вспомнить: просыпается она, гляжу лицо какое-то серо-синее, как-то в крапинку, трогаю лоб, горячий, горлышко видно распухло, да и носик заложен, вот дыхание-то и перехватывает, она протолкнёт воздух, а смерть-то её опять за горло хватает. Я скорее к телефону: скорую вызывать; Ну, приехала, смерили температуру, нам мол до года велят в больницу, что вы будете делать, если она у вас опять начнёт помирать.

Если есть температура, то сделаю укол. Смерила температуру сама, правда 39. Сделала амидопирин: лобик сразу холодный, температура может ещё подняться, нужно ехать в больницу, в случае отказа вот здесь распишитесь. Ну поедете? Я заметалась. Перспектива ставить уколы в голову и лежать в нашей ужасной больнице, ну в общем не поехала. А потом как поднимется температура, я сразу корю себя, боюсь. Ну пришла врачница, которая два раза приходила и велела согласно модному поветрию пить травку одну.

Катя так мучилась, я поняла, что она плохой врач: она не чувствует состояние ребёнка, да и не любит, это её вечное: "Вы подержите ребёнка, а я послушаю". Она просто не чувствует, не думает, не понимает. Потом у неё были такие виноватые глаза. Но простить ей я не могла. Сейчас не идёт. Из медсестры я выдавила, что горлышко можно мазать люголем, и нужно пить амидопирин с кордиамином. Ну слава Богу. Но Катя стала меня бояться, когда я стала к ней подходить, это меня убивало. Похудела сразу, ножки опали; Сегодня днём играла. Она уже говорит: Ма-Ма, ляля, и знает, что это игрушка, вчера сказала Иля, Илька, а сегодня играла у стола и сбрасывала всё на пол: она очень любит у стола стоять на ножках: привыкла, мы с Илькой так делали уроки. Правда с нервишками у неё неважно,

очень плохо засыпает. Надо мне попить богородской травки. Вот сказала Богородской травки, а сама вспомнила Галкину любовь. Это он ...

Ганова Людмила с сыном: Художник Цуриков Илья.

Моя милая дочка спит, сладко посапывая носиком. Когда я пришла от Люси, то она сразу обиделась и заплакала, что я её не беру на ручки. Это моё мяконькое нежное голубоглазое существо, явившееся, моё счастье, прекрасно понимает, когда её любят и с нежностью к ней относятся и ревниво следит, чтобы законы любви не нарушались. У неё уже сейчас густые бровки, синие быстрые глазки, а вчера она прикусывала титю и хитро-хитро подсмеивалась. Увидев новый предмет она долго долго смотрит на него и пытается понять. С любопытством выглядывает на улицу. Сегодня я виновата перед ней: не искупала её.

А Илька любит её всё больше и больше; Сегодня ходил на улицу на лыжах: в шапочке, в свитере, в курточке. Сейчас моя умница спит.

Он такой интересный. Сегодня я не гуляла и очень даже зря. Хочется и чего-нибудь почитать. Завтра приезжает Надя. Интересно, какая она приедет. Илья сказал: "Катерина поворачивается как

гвоздь, нет, как шуруп", а действительно очень активно поворачивается, но сравнение очень интересное. Как-то не могу сосредоточиться. Мне кажется скольжу по поверхности вещей явлений.

Хочу читать Достоевского.

27 января.

Как это трудно заниматься воспитанием! В этом живом гибком процессе, нужно всё время быть на чеку, а раздражаться это в общем-то показывать своё бессилие. Решила, что пусть сам, пусть дойдёт. Сижу вот в то время, которое раньше тратила на крик, пишу. Успеваю положенные две страницы. Жизнь в общем-то однообразна наполнена домашними хлопотами и заботами, мытьём полов, домашними заданиями, приборкой, но я учусь всё это сделать вне спешки, каждое дело должно занимать столько времени сколько положено. Жду, когда моя красавица пойдёт летом, хочется сшить хорошее платье, помыться, прибраться, съездить в гости, закончить рукописи, суметь прибрать к рукам Илью: научить самостоятельно читать, подлечить, научить многому. Надя привезла гитару, обзвонили все муз. школы, но нигде игре на гитаре не обучают. Читаю Исследование о Блоке: "Литературные исследования т. 3". Там интересны дневники тётки о Блоке. Как мне хочется прочитать всего Блока.

27 января 84 года.

Катя стала такой умной девочкой, встаёт на стульчик, держится, крепко крепко ручками за спинку и встаёт и садится, встаёт и садится, причём очень ей это нравится, владеть своим телом, ведь живёт она на свете уже восемь месяцев. Здесь несколько дней она очень сильно болела, её маленькое тельце всё горело, и она маленькая моя дочка терпела, а потом вдруг так протяжно закричит, жалуется. Сегодня после бессонной ночи вдруг просыпаюсь и слышу: так чисто и внятно: Ма-Ма. Ну я её взяла и стала кормить. Говорит интонационно, да долго, да много. Кругленькое маленькое личико с чудесными умными глазками, которые наблюдают понимают. Какое это чудо понимание.

А - я - о - е я смотрю на это чудо и думаю, какое счастье. Все эти дни стоят холода, по прежнему 38 градусов.

С Ильёй большие трудности, он до того обленился делать домашнее задание, он до того обленился, а если и сядет, то привык к такому понуканию, что я вчера взбесилась, ну в общем-то это встряска нервов мне дорого обходится.

Спит мой сын, закинул ручку, на щеках румянец сегодня я его подстригла и прелестные короткие серые волосики мягко светятся. Нежные розовые губы, и длинные длинные ресницы. Мира тебе, столько пережившему. Дай Бог, чтобы я смогла довести тебя до женитьбы. Очень нервный стал, да ведь я виновата, сама веду себя часто как безумная.

Девушка моя тоже спит, болезнь потихоньку отступает, кашляет она меньше, хотя чувствуется, что ей трудно.

У неё выросли два зуба и она так потешно щупает их своими крошечными пальчиками.

Забавно было видеть как она в первый раз ухватила себя за ухо и щупала, что с ней происходит, что она ощущает. Она любит сидеть со мной за столом и хозяйничать там, делать броски, рывки за тем, что можно схватить, словить и в рот попробовать. Сегодня дед дал ей яблоко и она его в рот и укусила свой пальчик. Было рёву.

По-прежнему гоняется за мной, но стала уже более взрослой, в первые три четыре месяца в этом желании взять, в нацеленности, во всём полусогнутом облике было всё удивительно древним и первобытным как у ихтиостега.

Сейчас смотрела "Гранатовый браслет", да жалко не весь. И странно даже, а я заплакала. Вот уж не думала, что я способна плакать, да ещё над фильмом. Удивительно скупой и лаконичный язык, но боже мой, как об страшной трагедии рассказано здесь, нет не рассказано, она угадывается чувствуется звериным чутьём. Не выносимо, когда она целует его мёртвого, ведь это должно было бы быть сделано хоть раз с живым, невыносимо слышать из уст Веры Николаевны, сделайте все оставьте меня в покое, невыносимо понимать, что эта женщина не смогла его понять: а ведь ему требовалось так немного: несколько раз увидеть её, и в этом ему было отказано, ах как больно видеть, что она целует его, величайшее счастье - любить, а ведь и она ему могла помочь, ну когда он ходил звонить ей по телефону. Нужно прочитать. И я вспомнила свою любовь. Да вот минувшее вдруг ярко,

чудесно вспыхнуло и я снова ощутила себя той прежней, емко стоящей перед своей любовью и ждущей её решенья, а я думала, что я всё забыла, но оказывается это продолжает жить во мне какой-то отдельной частью. Да, мне тоже захотелось съездить и посмотреть, ведь знаю, я что какая-то часть его всё равно принадлежит мне. Я смогу это сделать спокойно, потому что внутри у меня покой. Да, сколько не ходим мы вокруг жизни, но нам только дано схватить какие-то быстротечные мгновения, даже наглядеться не успеваешь, да так бы сидел и смотрел долго, долго.

Как оно время мучит, и как мало дано нам понять в нём... Мы с трудом ощупью понимаем себя, понимаем других, делаем непоправимые ошибки.

Сегодня утром встала: метель. Падает снег, но сегодня он уже более сухой, ну и с крыши дома, который напротив так легко кружится, вьётся, Илька долго смотрел. Как-то немножко не по себе от этого.

Всё хочу заняться Блоком. Перечитать всего, понять. Когда писала статью, то была близка к его пониманию, это вот бывают такие мгновения как открытия вспышки, вдруг сразу приблизишься к человеку и поймёшь. Как безмерно велика его "Кармен" и его поэзия.

Хочется есть, пойду поем.

Нужно быть со своими близкими нежным и тактичным, чтобы они тебя понимали, выдержанным. Вчера это поняла, надолго ли?

Как-то плохо это, что истины приходят и уходят.

Хочу вновь перечитать Цветаеву и Мандельштама.

С Ильёй успехов можно добиться только тогда, когда медленно верно и спокойно заинтересовываешь, развиваешь успех.

Сегодня провожала сестру, она поехала отдыхать. Утром как обычно суматоха, всё важно от самых мелких до самых неотложных вещей. Потом пошли. Милые морщинки у глаз, усталое выражение, много сил она отдала, может даже все, недаром когда-то какая-то бабка, когда мы с ней сидели однажды на почте в удивлении воскликнула: Божья мать. Не могу я похвастаться этой чистотой до конца такой редкой в наш век компромиссов. Потом я пошла узнать ходит ли 117, а она стояла и ждала, как когда-то тогда семилетняя худенькая девочка на фотографии, со вздёрнутыми бровками напряжённо всматривающаяся в себя.

Удивительно много в ней осталось от этой девочки. Вспоминается мне, что когда я отравилась рыбой и почти умирала, сколько нежности было в этих словах "Людочка, ну успокойся". Да, я не заслуживаю, холодно, скучно на душе, недотянула. Болеет Илья, подкашливает Катерина, она ведь точная копия Ильи, а сегодня она уже вцепилась своими крошечными пальчиками в чашку и пила. Она обладает редкой способностью наблюдать, подмечать и делать так же как взрослые. Сегодня она подавилась и я стала стучать её по спине. Потом мне сделалось жарко и слабость. Я выпалась и к вечеру можно подработать. В какую-то минуту острая жалость кольнула меня: Надя уехала. Илья, ложась спать, тоже спросил: Мама тебе жалко, Мама Надя уехала. Я говорю, конечно. Ох и дурак я был, донимал её. Потом в то время, в которое она обычно приходила: в голове родилось сейчас - Надя придёт. После того, как поспала и проснулась, и когда всё тяжёлое куда-то отступило, я вдруг с удивлением обнаружила, что это ощущение счастья очень близко, недавно я ещё безотчётно им жила.

Ганова Людмила. Илюша.

Удивительные дела. Сегодня 20 октября, а не было ещё ни одного мороза. И дни стоят такие прекрасные, что хочется всё бросить и гулять, дышать, наслаждаться. Каждый день мы идём с Ильёй на школьную площадку и он там лазит по шесту метров 10, подтягивается на турнике, отдавая все силы, чувствуя что это прекрасно.

Катя ей только 4 месяца тянется к предметам, от старания вытягивая губки, и старается поймать, схватить, взять и всё это обязательно в рот.

Вот уже два дня вечером её мы купали и чистую куколкой кладём в кроватку, где она спит часов до двух не копнувшись пищит, перевёртывается и сопит.

Надя, вроде бы стала получше, купила Золотой корень, пьём.

Я стала толстая, но это теперь меня не волнует вовсе. Прогулки с Ильёй неспешные беседы, я этим наслаждаюсь в полной мере. Ведь ещё лет через восемь, ровно через столько сколько ему сейчас он будет совершеннолетним.

- Мама, ты знаешь когда я был маленький я хотел быть лошадкой.
Господи, никогда не слышала ничего более интересного.

А почему?

- У неё такие красивые копыта.

И он мечтательно замолкает.

Я до того опешила, что даже не сообразила спросить, почему они у неё красивые, да так всё как-то и некогда, а сама я вот сколько не думаю не могу понять, почему именно копыта красивые. Конечно, лошадь может быть удивительно красивой и во многих отношениях совершеннее человека.

Однажды в деревне я сидела летом на берегу Ануя, вода в речке безмятежно и лениво бежала, так же медленно и нехотя мысли катились у меня в голове. И вдруг сидим и в речку, танцуя, всхрапывая, упираясь, вскидывая голову, влетела лошадь. Она волновалась от блеска солнца, холодной воды, прозрачного воздуха, и, наверное, собственной красоты, что каждое её движение было совершенно и отточено. Человек же который сидел на ней вызывал скорее всего разочарование. Он был крепко и немного топорно сложен уверенно и самоуверенно сидел в седле. В общем лошадь производила более умное впечатление.

В общем-то я думала, что хорошо знаю своего ребёнка, наверное, общее заблуждение всякого родителя. Ибо все наши взаимоотношения строятся на небольшом наборе стереотипов и мы провоцируем какой-то определённый набор с другой стороны.

Вот, например, он до сих пор просит проводить до туалета. Ответ один, боюсь.

И вот он же прыгает в яму, которую выбрали под погреба - это три метра чистого полёта и приземления на песок.

- Мама, считай до 10.

- Неохота, долго.

- Ну ладно.

Он стоит, и немножко раскачивается преодолевая преграду в себе и вдруг прыжок. Потом ещё и ещё. Остановить его очень трудно.

- Мама, я лечу секунды 3.

От такого прыжка можно легко сломать ногу и я начинаю оттаскивать его, но это не так-то легко.

Ожидала ли я, что он вырастет такой. Конечно, нет.

Трудно ли мне, да часто, дети легко вскрывают наши слабые стороны.

У Ильи одновременно и слабое здоровье, но есть много

Со школой ему трудно.

Он очень похудел за первые два месяца. Но он старается.

Недавно, неделю назад он приходит и говорит мне ошеломляющую новость.

Мама, мне очень нравится Мордовцева Таня. Ну ты знаешь на неё так приятно смотреть. Я даже тебе не могу объяснить как приятно.

Сегодня у нас была экскурсия по школе. Мы ходили в кабинет биологии. Там стоял скелет.

Одна девчёнка как упрётся. Я из-за неё строй потерял. Мама, а скелет настоящий или нет?

- Да нет, Илюша, их делают на заводе специально для школ.

Денька через три. Мама, ты знаешь, Таня она как сидела на пении. Вот так. И он начинает прискакивать на стуле.

- У неё очень синие глаза. Синие синие, как у меня. Марк зовёт её лягушка, потому что они у неё большие.

- Илюша, ты так не зови. Это нехорошо.

- Марк сказал, что он на ней женится.

- Батюшки, Илюша, да может быть она за него не пойдёт...

Мама, мне так нравится Мордовцева Таня, она красивее всех. И с ней сидит Марк. На пении она так вертелась.

В деревне. Я пеку оладьи. Просыпается Катерина. Уже осень. Грачи собираются в стаи и кричат. Мама! Кто это?

Один оладушек похож на клиновы́й листочек, Илья на сковородку, Саня, Илья.

- Мама, если бы Катя на три дня сделалась ласточкой и полетала, а ты бы отдохнула. Да нет жалко Илюша.

Я люблю смотреть как он приходит из школы в 12 часов. Сначала я его вижу в окошко, он размахивает сумкой, разговаривает с кем-нибудь из товарищей и чувствует, что он доволен, спокоен. Осень, воздух чист и весь просвечен лёгким солнечным светом. Первые дни я очень волновалась ведь Илья такой неровный, но теперь понемногу успокаиваюсь.

Как-то вечером он вспомнил о деревне: Мама, хочу в деревню, посидеть вечером у костра.

В этом густом мареве последние лучи солнца приобретали багровый зловещий оттенок. Его семилетний сынишка быстро уловил эту тревожную атмосферу: Папа, а может быть сейчас на нас летит атомная бомба. Я удивлённая - почему? Мне так показалось.

- А если она прилетит, то мы все погибнем?

- Да, конечно.

- Нет, я не погибну, я заберусь вот на это дерево, на самую верхушку.

И он показал на большой тополь, мимо которого мы проходим.

- Странно, почему ты подумал про атомную бомбу.

- Сегодня на классном часе нам рассказывали про то, что будет атомная война, так Ира Чащина спросила, можно ли рассказать дома Маме про это. Учитель ей ответил, что мама знает.

- (Господи, какой идиот придумал проводить политическую беседу о международном положении в первом классе, ведь в этом возрасте дети всё понимают буквально).

Он подумал про свою маленькую дочку, которой было всего пять месяцев, как нелепо и безмятежно это...

10 июня 1984 г.

Как мне грустно, и выхода я из этой грусти не вижу. Тяжёлое, кажется не снимаемая тяжесть придавила меня. Опять сегодня тётка поругалась и совершенно её испорченные нервы и зациклившийся на одном ум выдают такую глупость, что жалко. Ей Богу.

А ведь сегодня мне хотелось записать, какое чудесное письмо я получила от Ильи: "Дорогой Маме от Ильи". Потом я его напишу полностью.

А ведь совсем недавно был такой чудесный день. Мы с Ильёй и Катериной были дома втроём (как это интересно писать втроём), Катя как всегда сидела около моей койки и играла, и когда этот крошечный шпунтик играет, такой маленький аккуратненький комочек, то я почти всегда думаю: какая маленькая и всё понимает.

Чтобы её взяли она говорит: На..... Предлагает себя, это она додумалась самостоятельно, ну вот, а мы с Ильёй сидим рядышком на коечке, и чувствую я, что это такой момент, когда ему на ум приходят всякие интересные вещи. Но вот он взял снял с меня янтарные бусы и надел их Катерине: "Барыня".

- Катя? Ты барыня. Потом берёт ножницы и бумагу и начинает вырезать снежинку. Разворачивает и вдруг у него нижний круг

отделился. Он развернул его: получился зубчатый круглый валик, он надевает его на голову Катерине зубчиками и говорит: "Царица рыцарей, царица мира" (А мне приходит на ум Рериховская Царица мира и там тоже эта строгость сжимающая сердце).

Но вот он перевернул эти зубчики кверху и уже это корона, стоящая на голове: А теперь Катя ты королева.

А мне интересно, когда это он сумел впитать и понять дух всех этих превращений. Мы собираемся и идём с ним на улицу. Весенний неяркий тёплый день, как-то даже уже пыльно. Мне встречается соседка и мы начинаем разговор про детей, кто на кого похож. Илька на велике, притаскивает мне мороженого, пломбир, и я забыв про всякое горло, начинаю есть, мимо идёт баба Сёма, шаркая старыми большими ногами, и в дальнозорких очках, в руках у неё тоже мороженное, и она вместо приветствия говорит мне, ах как вкусно. Подходим к будке, какой-то старый престарый задубелый дед чудесно шутит с киоскёршей: Берёзка есть, рябина есть, Катя, а где дубок, я тебя спрашиваю, где дубок.

Да это был добрый день.

А сегодня моросил дождик и мы гуляли вечером с Катей.

Саша привёз Кате дудочку и учил дуть её, но ничего не получалось. Мы зашли на детскую спорт-площадку под старой и кружевной берёзой мелкий дождик но клён нас надёжно укрывал, Катя устала рвать листики и чудесно улыбалась, глаза её сделались голубыми...

Ну да вот так вот живёшь живёшь, вроде бы ничего и вдруг с тобой случается препаршивая вещь, даже рассказывать не хочется. Ну прямо детский сад. Катятся крупные слёзы, всхлипывание, вот вроде бы прошло, нет с новой силой, вроде бы приступ прошёл, но не успел вздохнуть с облегчением, нет опять; Так в ускоренном темпе с приступами я прошла шесть остановок, надеясь, что усталость возьмёт своё; Ну вроде бы полегче, дома-то ведь ничего никому не скажешь, но лицемерить уже легче, здесь действуют какие-то древние охранительные инстинкты, а перед неожиданным несчастьем ты, наверное, беззащитен.

Интересно в 40 лет я так же буду плакать, сейчас мне 32.

Я беру Илью, мне с ним легче всего, ничего не нужно рассказывать, но, вероятно, я чувствую, что даже это всё должно пройти, и есть Илья.

Мы идём кататься на трамвае. Хорошо, что жизнь медленно движется куда-то спокойно и хорошо, что ты в иллюзии безопасности ты уплываешь медленно в сторону, в другую сторону. На детей трамваи и автобусы действуют гипнотически, он обмяк потеплел и ровненько засопел носиком. Но вот неумолимо приблизилась наша остановка, усилие и мы выходим: когда-то, я жила в этом стареньком провинциальном районе, где нет ни одного здания выше двух этажей, жила всего квартал отсюда; Странно мне было проходить мимо этого места, что-то оживает, то старое умершее, нет, не хочется ничего ворошить, но это странное чувство, что ты недозволенно ещё раз прошёл сквозь то время или чувство, не знаю, прошла с моим малышом за ручку.

Вышли к реке. Садик памяти героям переделали, сделали чугунную оградку, но плохо, она неровными уступами идёт к реке, памятник ремонтируют, и чудесная молодая травка снова; От реки тянет сыростью, холодом, но воздух чист и дышится легко;

- Иля, пойдём к тётке зайдём, надо узнать у неё сынок или нет, он попадал в аварию.

- Нет, я не хочу.

Я его тяну за руку и мы идём. Большая комната, вся уставленная полированной мебелью, много всевозможных безделушек, пытаюсь по лицу понять, жив или нет; Лицо хранит следы переживаний, голос надтреснутый, но глаза быстрые, бегающие; Да, нет, перелома шейного позвонка не было, врачи ошиблись, сейчас уже ходит домой на ночь, скобки на челюстях, да глаз только прямо смотрит, инвалидность только на 1 год дадут;

Она угощает Илью яблочком и апельсинкой, но он дичится, не берёт;

Да вы ему не разрешайте работать шофёром (у него уже была авария, он заплатил две тысячи и два года отсидел в тюрьме).

Да нет врач говорит: сможешь опять работать шофёром, я вижу в глазах у неё "Иллюзию заблуждения", которая нам так часто свойственна и благодаря которой мы живём.

Старший сын её погиб, когда утром встал зажёл сигарету, то произошёл взрыв: в комнату нашёл газ; Неизвестно специально ли он это сделал или нет. Ему было 28 лет; Через 5 дней он умер; Ну ладно.

Иля пойдём. Нам нужно зайти ещё к одной тётке. Илька не на шутку упёрся; Мы только на минутку. Ей сделали операцию; Я несколько раз заходила, один раз соседка сказала, что вот мать её уголь привезла, а сама она в больнице;

Сегодня пятница. Поднимаюсь снова на второй этаж; Звоню.

Тысячу лет не жила в таких домах, их давно не должно быть, но они есть; Некоторых вот таких заведений я боюсь, когда находишься в них, то начинает казаться, что в этой скучной и тяжёлой жизни ничего не изменится и жить не хочется. Но Наталья дома.

- Думаю, кто это там скребётся, потом позвонил?

- Наташа привет, да я несколько раз звонила и заходила, но никто не отвечал;

- Проходите.

- Большая и высокая комната.

- Я диван вынесла в кухню чтобы было попросторней.

В комнате много репродукций, картин и от этого комната имеет праздничный вид.

- Наташа такая бледная, что мне как-то не по себе.

Она блондинка от природы, что само по себе крайне редко, но эта покорность как-то плохо вяжется с её обликом.

Что ещё случилось. Вообще мне кажется, что сейчас она в том заколдованном круге, из которого трудно выйти. Ещё больше. Болезни, необходимость решить для себя какие-то важнейшие вопросы. Они не имеют никакого отношения к повседневной жизни, но они так сложны, что берут все силы. И вот она тихо сидит в креслице, девочка Ярослава - тоже блондинка, около четырёх лет, с острыми насмешливыми глазами, похожими на куклу.

- Мама, почитай сказку.

- Подожди Славка.

- Пойдём, темно, проводим;

Мы идём в садик, Илька перестал дичиться, бегаёт с девчёнкой, теперь можно поговорить.

- С речки тянет туманом.

Я - Ну как новая работа?

Понравилось.

- Да, втянулась, уже работаю с некоторым профессионализмом.

- А как с людьми? Ничего.

- Да вроде бы ничего, завод, люди хорошие.

- Поступать-то будешь?

- Да в этом году в Барнаульский университет. По иностранному обещали помочь.

- Не знаю как буду учиться боюсь с ума сойду с этой учёбой, и так трудно.

- Да, втянешься понемногу. Это сначала трудно.

- Холодно. Как здоровье?

- Да, лежала в краевой. У меня признавали какую-то опухоль желудка. Никак не могли установить почему падает сахар в крови. Думали что псих. Со мной беседовали два кандидата.
- Я уже там не стала говорить, что пишу сказки. Потом сказали, что просто творческий или нервная система. Я боялась уж не правда ли я псих.
- Да, брось, Наталья, здесь просто нужно решить для себя целый ряд вещей, чтобы они не мучили; вобщем я через всё это прошла, знаешь есть люди, которым некоторые истины тяжело достаются; но видно с этим ничего не поделаешь; Могу одно сказать, что жить ведь далеко не просто, даже и сейчас.
- Читала в "ЗЛ" про Ван-Гога?
- Я и про Гогена, про НОА НОА.
- Хочу попробовать нарисовать подсолнухи.
- Недавно тут один молодой человек с трамвая симпатичный сошёл модно одетый, думаю, дай посмотрю, куда пойдёт. Пошёл в сторону кожно-венерологического диспансера.
- Ну их модных. Слушай, а у вас здесь тихо-тихо, а психиатричка через дорогу, кожно-венерологический в одном квартале. Вобщем не соскучишься, круг такой приятный;
- Я тут влюбилась. Четырёхуродного брата. Учился в архитектурном. И глаза её загораются и вся она светится. Вообще говоря, она ведь А.....(неразборчиво) Достоевского, бесстрашная. Ну всё было до конца.
- Обещался приехать. Я его жду, не зная приедет не приедет.
- Это интересно ждать приедет не приедет. Никогда точно не знаешь, приедет, нет;
- Соскучилась очень. Я уже договорилась с директором театра. Его возьмут художником оформителем. Если что получится, то Новиков, он из Москвы стажировался у Товстоногова может помочь ему продвинуться.
- Ну да, и вот не знаю. У него Светлана дочурка день рождения. Не знаю, что подарить если приедет, то через неделю. Посмотрим.

Ганова Людмила с дочерью Екатериной

Время как равноправный герой художественного фильма.

Мне бы хотелось сконцентрировать своё внимание ещё на одной проблеме, как мне кажется, не затронутой в дискуссии. Двенадцатого января по центральному телевидению демонстрировался документальный фильм о футболе. Нет, футболом я не увлекаюсь, но дожидаясь скорого конца, я потихоньку втянулась в его просмотр. Смысл фильма можно было бы сформулировать так: истоки советского футбола, первые футбольные команды "Динамо" и "ЦСКА" и люди о нём.

Но за этими документальными кадрами, показывающими и первые футбольные сражения и болельщиков на стадионе я увидела нечто большее - лик времени, столь отличного от нашего. Я поняла, что эти люди, жившие тогда были дружнее и проще, открытее, это была не одинаковость, а единство, и оно поражало. Какие почти детские

нежные улыбки радости, искреннего сопереживания были видны на их лицах. Эти люди были способны к порыву, идее, самоотречению, они могли верить. И поэтому так поражают.

Было в фильме и наше время в лицах тех футболистов, которые до него дожили, в интервью с любителями, в их размышлениях, почему футбол утратил свои былые позиции.

И мне подумалось, что дело не только в том, что мы имеем больше других удовольствий, но мы где-то переродились, стали суше, недоверчивей, мне даже показалось, что мы где-то утратили нашу былую веру в единство, мы, конечно, стали умнее, но и тише, безразличнее.

ЭТО ТА ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ, КОТОРАЯ ДОЛЖНА ПРИВЕСТИ К РОЖДЕНИЮ ПОДЛИННОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФИЛЬМЕ. Её осмысление и участие может быть абсолютным и полным как в замечательном фильме Михаила Ромма "Обыкновенный фашизм", или сведено к немногим вещам - атрибутам, однако столь необходимым как в моноспектакле Михаила Казакова по "Тамбовской казначейше". Но его мера должна быть точно почувствована и представлена. Если же время действия, эпоха делается очень условным, почти театральным, то фильм всё-таки состоявшимся назвать нельзя. В экранизации "Двенадцати стульев" центр повествования перенесён на личность Остапа Бендера и, несмотря на филигранную работу Андрея Миронова и других актёров получившимся его назвать нельзя. И наоборот первой экранизации с Юрским повезло больше. Эпоха, время в том первом фильме ощущаются великолепно.

Этим же недостатком страдает современный телесериал "Мёртвых душ". Время, эпоха там столь же условны и декоративны. Именно его отсутствие имел в виду критик "Труда", когда писал, что в фильме чего-то не хватает "может быть свиньи, которая во дворе Коробочки съедает цыплёнка".

А ведь существование "Очерков гоголевского периода литературы" должно навести на мысль о существовании каких-то важнейших его закономерностей. Воплощение времени, конечно, трудно по многим причинам, оно ведь каждый раз требует своего самостоятельного режиссёрского постижения, а не сводам общеизвестных приёмов, штампов.

Итак: время в фильме не должно быть декорацией, в каждой новой экранизации между ним произведением и режиссёром должно родиться то замечательное единство, которое определяется режиссёрским пониманием и постижением.

Экранизация "Дамы с собачкой" стала классическим примером возможностей экранизации, и мне думается, что в точно отобранных кадрах эпоха великолепно рождается в фильме. Вспомним забор, который обходится доктором и который в фильме становится символом закрытости, отдалённости духовной жизни человека, разговоры интеллигенции, которые ничем не могут закончиться, кроме замечания "А осетринка-то была с душком", кадры праздной и скучно-тяжёлой жизни в Ялте (использованные потом другими режиссёрами в десятках фильмах).

Много раз я смотрела экранизацию "Войны и мира" Сергея Бондарчука. И честно говоря, что-то меня в ней не удовлетворяло, вроде бы всё великолепно, а целое не получалось, а потом поняла: он состоит из отдельных фрагментов, из основных великолепно снятых сцен, а вот сама картина жизни народной, её бедности и убогости, тяжести не получила, не нашла в фильме своего выражения и отражения.

В этом смысле больше повезло английскому телесериалу, демонстрирующемуся у нас много лет назад: время остро социальное предстаёт перед нами широкой панорамой. В фильме много воздуха, в нём легко и свободно дышится. Кадры жизни большого города органично сочетаются с картинами частной жизни. И хотя Сага располагает в несколько раз большим экранным временем, то есть возможностей у неё больше, всё-таки чувствуется более пристальное внимание к поставленной проблеме, время предстаёт перед нами широкой панорамой в развитии, в движении.

Очень беспокоит набор штампов в изображении времени в фильмах повествующих о революции 17 года.

Обязательные новенькие с иголки современные кожанки, сценки, как автомобиль проезжает какую-то часть улицы, полк или взвод солдат идущих со штыками по улице. Сколько раз мы всё это видели! И с особой тревогой узнаются на экране наши современные лица, как-то очень не вписывающиеся в эпоху, словно надетые наспех. Это было другое время и лица его, хотя и простые, но очень чистые, цельные внутренне, наверное, сыграть очень нелегко. Это кажущаяся простота. Жанр революционного фильма, в своих наиболее неудавшихся фильмах, превращается в плохой детектив, а когда этот набор штампов захватывает характеры героев, развитие сюжета, то весь смысл фильма, не говорит нам ничего нового и мы говорим о неудаче.

А вот в Булгаковском "Беге" всё удивительно. И движение времени воспринимается как лавинное движение революции.

Широко представлено в нашем кинематографе Великая Отечественная война, и всё-таки думается, что литературе предстоит ещё оказать на кинематограф своё благотворное влияние: тема внутренней жизни человека на войне, социальные противоречия военного времени, несомненно, будут разрабатываться кинематографом. Недавняя замечательная экранизация Ю. Бондарева "Батальоны просят огня" тому подтверждение. А как бы заманчиво было бы экранизировать Астафьевские "Конфеты". Какая беспощадная правда стоит за этой повестью.

И совсем мало освоены экраном 40-50 годы.

Они трудны по многим причинам, но ждут своих первопроходцев. Литература готова предоставить свои богатства. Хотелось бы увидеть фильмы по мотивам творчества Ю. Олеси, М.Зощенко.

Итак: время как полноправный герой участвует в рождении поэтики художественного фильма. И классика даёт великолепные возможности для его воплощения.

Жерар Филип и его Фанфан-Тюльпан. / Gerard Philippe Fanfan la Tulipe

Воскресным холодным 1987 года я посмотрела фильм "Фанфан-Тюльпан" снятый Кристианом Жаком в 1952 с бессмертным Жераром Филипсом.

Смотрела ли я его раньше?

Может быть да, а может быть и нет, детская память очень сильно перерабатывает всё увиденное, но у меня была книга по киноискусству с фотографией, когда Фанфан-Тюльпан со шпагой в руке как бы парит в воздухе в весёлом и сильном прыжке. Кинокритика говорила о весёлом фильме, об сдаче актёра, о большом сборе. Но и теперь спустя тридцать лет этот фильм так же совершенен как и в начале своего пути, своего триумфального шествия по телевизионному миру.

И вот в воскресном кинозале миллионы советских людей ещё раз прикоснулись к французскому гению.

Можно только посетовать, что в фильме нет голоса Жерара Филипа, и что мы пока не можем все смотреть фильм на французском языке.

Вполне может случиться, что эта мысль может показаться кому-то нелепой неудобной и чрезмерной, но это, во-первых, говорит как плохо формально и с каким скрипом поставлено у нас изучение

иностранных языков и как мало мы рассчитываем получить от них что-то в нашей жизни.

Я начала изучать французский язык в университете, и наша учительница где-то достала плёнку с записью "Маленького принца" Сент-Экзюпери с Жераром Филипом. Быстрая точная французская речь наполнила рокотом, магией и необыкновенной силы очень чистого по чувству голоса Жерара Филипа, говорил о тайне его искусства, о его гении. Идут десятилетия и они лишь высвечивают, что это был актёр гениальный, наделённый высочайшей гармонией человеческой красоты, красоты ума и таланта.

Он очень рано умер 38 лет, и можно лишь горевать, что он не оставил миру нам ещё несколько ролей, ещё одну роль, что не были записаны его спектакли, что он в своём горенье, в своей отдаче сил так быстро отдал нам всё. Что больше всего удивляет в его таланте? Да именно вот эта щедрость, открытость людям, благородство души в дарении себя людям.

Да в нём гений и злодейство две вещи несовместимые и в яростном великолепии погони, этом убыстряющем фантастическом беге, счастья, любви никто уже никогда не промчится за ними так, и не испытает того, что было дано ему.

Хотя этот штамп и вошёл потом в десятки, сотни кинокартин; Вернее два.

Нападение на карету, и драка, но никто не смог вложить столько весёлости, огня, юмора, блеска. И эти кадры погони. Нет, мир кино не мир иллюзий, а мир жизни, жизни в её открытии самом совершенном. Жерар Филип.

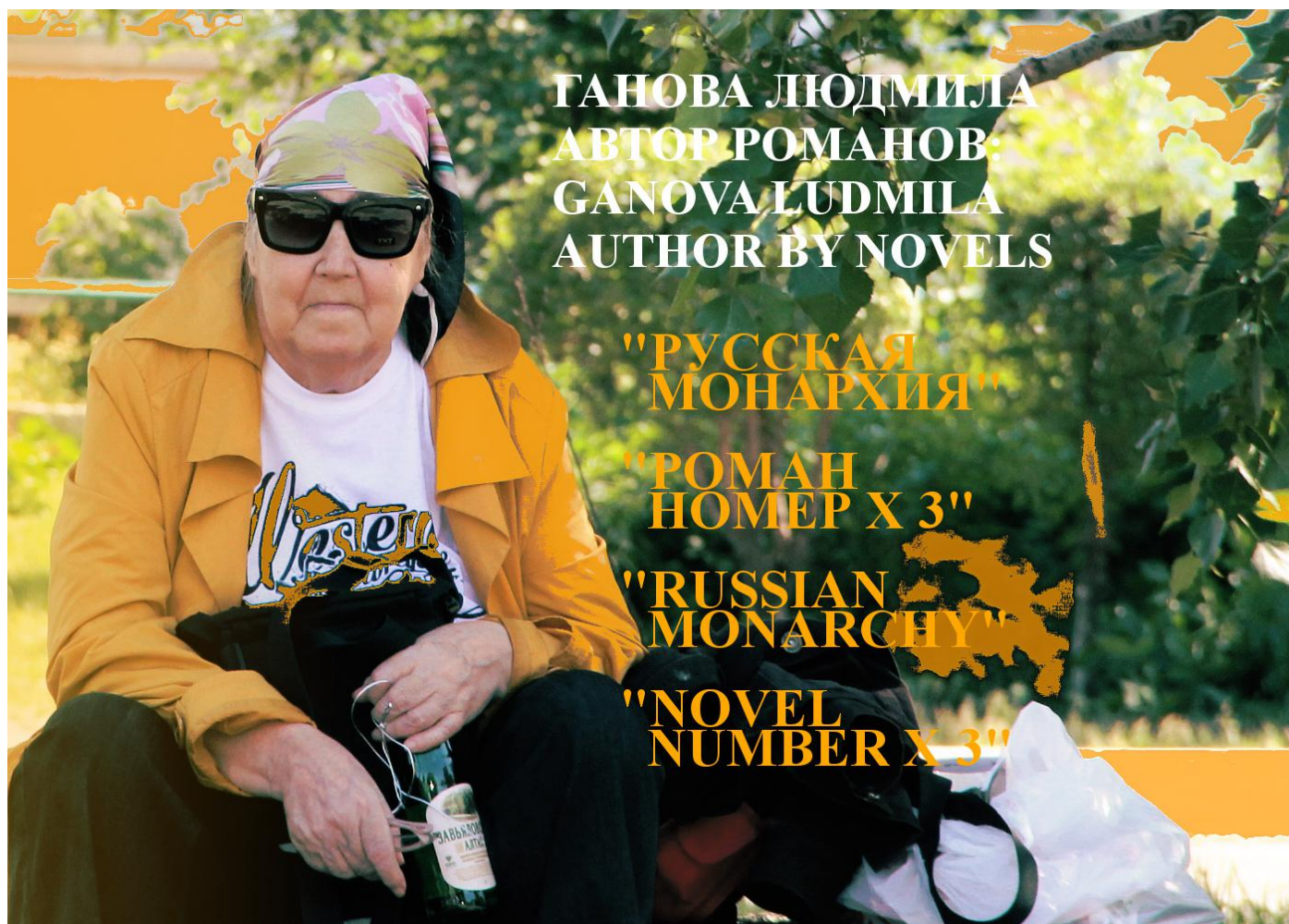
Мне не хватило знаний об этом может быть самом гениальном из французском актёров, и мне он представляется высшим выражением жизни народа в то время как марионеточные политические деятели, берущие на себя ответственность руководить судьбами народными всего лишь плохими, фальшивыми и бездарными актёрами, всю убогость которых невозможно разоблачить лишь потому, что в руках у них все средства массовой информации. И когда желаемое выдают за действительное. Слово имеет ту особенность, что оно не убивает своих противников и не уничтожает их физически, но в равной благородной дуэли, сражаясь оно принесёт славу победителя тому, кто умнее, благороднее, кто выше по целям, кто открыл, как изменить мир. Когда мы его задушили, попытались отсечь все головы, чтобы оно не было произнесено, оно просто хранилось в памяти людской, но оно всегда будет произносимо. Да будет! Да здравствует его благородство, словом народ обмануть нельзя, оно как

драгоценный сосуд может хранить только драгоценный смысл, смысл открытия, познания, смысл гениальной мысли.

Всё это мучило меня, когда я только прикоснувшись к клавише простенького лингафонного кабинета и, надев наушники, сразу вступала в другой фантастический мир созданный только голосом Жерара Филипа.

Он завораживал, открывал перед тобой и свой собственный сокровенный мир, дарил его, и жил, жил, жил. Я знала, что самого актёра нет, но этот голос несущий вобравший весь мир мучил меня, когда я шла через лес от ВЦ к своему общежитию.

Потом была передача нашего советского телевидения, где старый умный (чуть не сказала господин) профессор, свысока с позиции своих 70 прожитых умно годов говорил о том, что Жерар Филип романтик и таким умер. Но которые как сорвались говорили о другом, о том пути совершенном познании открытий мира, которое он нам принёс, и которым звал вместе с собой. Ибо и редкий совершенный ум прятался, нет не прятался, а просто был скрыт от нас до поры до времени за этим весёлым обаянием гуляки, и мы люди 90-х годов как и других столетий не можем смотреть свысока на гения достигшего совершенства.

Это было в конце 60-х годов. Я зашла в букинистический отдел "Дома Книги" и нашла там книгу Соколова-Микитова. Имя автора ничего не говорило мне, в университете мы его не изучали. Полистав книгу, и прочитав несколько отрывков, я обнаружила, как проза XIX века, что она высокого мастера, благородная и простая. Я купила книгу. Несколько дней я читала книгу, и она захватила меня. Потом время от времени я брала и перечитывала рассказы. Постепенно мне открылась и глубина её. Да, она очень глубока, медленное глубочайшее постижение. Чем больше ты читаешь тем больше открываешь, открыть её можно через

Сама жизнь огромная, многогранная подверглась здесь чеканки отделки, как драгоценное изделие обработке, каждое слово мастера - драгоценно и неповторимо. Высочайшее мастерство. Потом через несколько лет, невозможно себе представить, в аптечном киоске кооперативного магазина я купила примерно такой же том избранного Альбера Камю. Его я читала в университете "L'Etranger" было на французском языке, "La chute" - подарила мне преподававшая у нас французский в серии "Le livre de poche". Много раз я читала его на французском языке, постигая душу языка и живой язык Камю, боли современного человека. Эта исповедь не могла не взволновать, это была исповедь современного человека, рождённого больной цивилизацией XX века.

И около двух лет назад мне попала в доме же книги тоненькая коричневая книжка "Жизнь и творчество И.С. Соколова-Микитова". Прочитав воспоминания я стала понемногу приближаться постигать и облик самого писателя.

Да перечитывая коротенькие рассказы Соколова-Микитова меня как-то поразило, что мой любимый рассказ "На мраморном берегу" близок для меня другому прекрасному рассказу Камю "Бракосочетание в Типаса". Я ещё раз перечитала их вместе и поняла, да это так, несмотря на различие внешней тематики. Я, благодаря Камю, поняла, что Соколов-Микитов - это не только век прошедший, но и век двадцатый.

Что так бесконечно волнует меня в рассказе "На мраморном берегу"? Постигание, бесконечной красоты моря, земли, жизни, рассказ - это высочайший гимн этой гармонии. Мысль и чувство человека бьётся, живёт в этом высочайшем мгновении постижения. Я читаю первые две строчки и пытаюсь понять из какой магии простых этих слов рождается это чувство.

"Солнце отражённое в море и в мраморе, ослепительное, беспощадное солнце."

А дальше "Удивительным сном мне казалось и моё первое путешествие по горе. Солнце, неоглядное и синие море, стук сердца, пылающий жар камня, оглушительный, вездесущий, сливающийся с солнечным светом стон цикад, тяжкая духота ночей."

Великолепие афонской горы, где находится монастырь, путешествие по нему, по афонской горе. Понемногу я начинаю улавливать, что Иван Сергеевич, как бы ведёт для себя спор, где же в этом мире истина, истина прекрасной земли, или истина той веры, которой пытаются жить в монастыре? Стр 319.

Это не так-то просто и решить, ведь в повествовании появляется и образ монаха, фондариный, который здесь в монастыре счастлив. "Входит он, огромный, широкогрудый, с голубыми, полными жизнью глазами с копною русых волос".

Фондариный в монастыре счастлив.

Илья - Муромец - думаю, на него любуюсь. Какими судьбами, какими ветрами занесло его в это мёртвое, тридесатое царство?

Итак с одной стороны древний ослепительный Атос, а с другой "чудеса и сокрытые тайны" "святой Афонской горы". Спор этот имел принципиальное значение веры, а именно для человека, ведущего повествование. Пётр Сидоров в своих воспоминаниях "Что сохранила память" пишет "А знаете, Пётр Александрович, - сказал он мне, - я ведь в мои скитальческие годы хотел было принять пострижение.

Случилось это на Афоне. Почему я хотел это сделать, точно ответить до сих пор не могу. Было, конечно, трудно мне в то время, навалилось на меня такая безысходность, и захотел я уединения от мирской суеты. Не скажу, что я в то время был уж очень религиозным человеком, но что-то толкало меня стать монахом, но порыв пострижения прошёл. И всё же что-то тревожило меня в те годы.

Душа стремилась к чему-то самому мне тогда ещё не ясному. Вот, думается мне тогда-то и зачался во мне писатель. Вот как это оказывается сложно."

Итак принципиальный спор. Обитают ли боги на Афоне? Нуждается ли человек в мифах, что значит порыв высокого отречения, который рождается в душе художника, в этом совершенстве или мир это душа самого художника рождается сейчас в это мгновение постижение.

Вот это пишет Камю по этому поводу "Весной в Типаса обитают боги, и боги говорят на языке солнца и запаха полыни, моря,

закованного в серебряные латы, синего, без отбелей неба, руин, утопающих в цветах, и кипени света на горах камней. В иные часы всё вокруг чёрно от слепящего солнца."

Человек нуждается в мифах? Так вот история о том, как один из вооружённых, охраняющих Карио убивает просто так работающего монашка. Эта история конца монастыря Афона в душе художника. "Выслушав страшный рассказ, я оборачиваюсь и гляжу вслед страшному человеку, вспоминаю блуждающий взгляд его чёрных глаз."

Так же как слова Камю, который говорит о том, что нищи те, кто нуждается в мифах стр 159-522.

Здесь боги служат руслами, по которым текут дни или веками, отмечающими их течение. Описывая пейзаж, я говорю: "Вот это красное, это синее, это зелёное. Это море, горы, цветы. (Меня поразило, да именно так пишет Соколов-Микитов). И к чему мне упоминать о Дионисе, чтобы сказать, что я люблю, раздавив пальцами, подносить к носу почки маслинового дерева и Деметре ли посвящён тот древний гимн, который потом сам собою пришёл мне на память: "Счастлив тот из живущих на земле, кто видел это."

Напряжённый поток смысла, счастья, обретение его. Да, счастлив, видеть эту красоту, чувствовать свою человеческую сопричастность ей, ощущать, находить и свою человеческую гармонию. "В известном смысле я ставлю на карту свою жизнь, жизнь, согретую теплом, которое излучают камни, полную вздохов, моря и стрёкота цикад, которые заводят теперь свою песнь. Свежий ветерок, синее небо. Я самозабвенно люблю эту жизнь и хочу безудержно говорить о ней: она внушает мне гордость за мою судьбу - судьбу человека." Стр 524 Камю.

Может быть кому-нибудь покажется, что чересчур далёкое стало близким, слишком всё-таки далеки писатели по мировоззрению; Но вот, что хочется отметить Соколов-Микитов как и Рерих принадлежат всей нашей земле, всей цивилизации. Корни его творчества - глубоко русские, да Аксаков, да Бунин и ещё предстоит этот вопрос глубоко основательно изучить, страстная жажда видеть ощущать, жить на этой земле, принадлежит ей всей - это была ему присуще всегда. Ветер странствий и в этом он предвосхитил нас.

Многое в рассказе Соколова-Микитова я понимаю яснее, так как Альбер Камю эти вопросы творческой личности в своём рассказе ставил открыто и пытается решить их открыто в диалоге художника со своим постижением мира.

Сложнейшие тончайшие вопросы бытия. Наверное, следует сказать, что верить и любить, и в Типаса, и на Афоне перед лицом сияющей красоты мира для этих художников одно и то же.

Много сокрыто для меня ещё в этих двух рассказах и многое ещё предстоит открыть. Я так же как те "Толпы людей, одетых в лёгкие, отдуваемые ветром одежды, сходясь от солнечных берегов лазурного моря, поднимались на вершину, чтобы поклониться мраморному богу и выведать судьбу у оракула."

Буду подниматься к вершинам их повествования, чтобы постигнуть их совершенство.

Свою судьбу художника, лицо мира почувствовал в то мгновение уловил Соколов-Микитов, и оставил нам строки рассказа "На мраморном берегу", где в каждой строчке совершенство красоты мира, и её постижение и рождающее совершенство человека.

В книге о жизни и творчестве писателя, которое даёт возможность зримо его почувствовать есть несколько, которые я очень люблю. После смерти дочерей Соколов-Микитов с внуком. Сколько нежности, доброты, любви. А вот в эту, где он идёт по улице Карачарова с группой людей в тёмной шапочке и тёмном плаще как пророк ясно говорит о том, что достигнутая степень духовности этого человека - та вершина, к которой мы ещё только начинаем восхождение. Есть в этом лице и строгость, и своеобразный аскетизм и высочайший интеллектуализм, но он красив и совершенен как Бог в своей мудрости среди окружающих его нелепостей. Поднявшийся на вершину человеческой мудрости он неповторим.

У маленького комочка, его дочки чудесные голубые глазки.
"О чём нам напоминает дождь, когда он идёт."

Да, действительно сидеть в чистой тёплой комнате и вязать очень хорошо, ты начинаешь вспоминать, нет, ничего конкретного, но это состояние, что ты сейчас вот вспомнишь, что-то очень важное и давно забытое.

Для удобства я делю свою жизнь на периоды, в зависимости от проблем, которые перед ней встают. Сколько времени я их решаю столько и длится этот период. Был период, когда училась в университете, работала учителем. Этот период один из самых неприятных в моей жизни.

Перед школой за месяц сынишка заболел, а в школе мы столкнулись с такой нагрузкой, что я очень быстро поняла, что ни к чему его не пригодила и что весьма суровые школьные порядки мне не по душе. Я принялась его срочно натаскивать, ибо другого слова и подобрать трудно и я вдруг открыла, что моё божество лениво, совершенно не желает впитывать премудрость, ленится читать, а я постыдно теряю терпение начинаю орать и сыпать затрещины. Из задворков своей памяти я вытащила эпизод, как трудно мне было. Начинает писать текст про гусей из трёх строчек я читала

Самое большое для меня удовольствие на свете читать. Сама я училась легко и просто, закончила школу с серебряной медалью, вероятно, потому что всё, что говорилось запоминаю очень хорошо и сейчас и это мне даже мешает.

Может дело было вовсе и не в школьных порядках. Когда я смотрела на учительницу сына, то эта полная черноволосая женщина с очень уверенными и властными манерами внушала мне такое уважение и почтение, что я сама терялась. Я так и не смогла оправиться от первоначального испуга и выслушивала замечания стоя рядом с сынишкой, ибо к кому как не ко мне они были направлены?

Я чувствовала себя бесконечно виноватой: всегда было что-нибудь не так. Похоже было что она никаких недостатков не знала.

Но я открыла, стоя за дверью и дожидаясь звонка, что сама она вдруг почему-то теряла терпение и принималась говорить ядовитым

Сдерживая ярость неприятным голосом: "Ну открывай рот. Сколько будет $3+(2+1)$?"

Рот никак не желал открываться. Это было потешно. Ярость прерывалась.

- Лопухов, ненормальный, ты зачем под парту полез.

Я шестым чувством знала, что мой Лопухов уронил резинку, он и дома часто ронял вещи, забудется и уронит.

Вобщем Илька начинал терять всякий интерес к школе.

- Да что там интересного? Всё все знают.

Сидит нахохлившись на уроке, напишет быстрее всех и сидит, а сам где-то далеко. Я стала беспокоиться. Этот вопрос гнева, ярость, раздражения, как момент характера, личности, порядочности, воли стал наводить меня на длительные размышления о терпении, умении, любви, профессионализма. Дело дошло до того, что отправляя в школу, я стала волноваться дома и первый класс стал представляться мне хуже университета. Спрашивали его всё больше

какие-то посторонние книжки, не разу не был спрошен текст. Если напишет контрольную на 5, то это вызывало такое удивление описать которое трудно, зато двойка ставилась жирная и какая-то доказательная.

Как-то раз прибежав в школу после очередной записи в дневнике и выставленных скопом двоек, участливый вопрос Н.В. - Ну что дошло?

Я честно призналась что дошло, я увидела, как в класс входит высокая спокойная с лукавой усмешкой женщина. Держалась она просто и, казалось, ничто её из этого спокойствия выбить не может. Н.В. (Нина Владимировна) стала жаловаться вот Илья стал рассеянный, сидит думает о чём-то своём, вопросов не слышит. - Батюшки новая беда, то бегал по партам, классу на перемене. Как бороться с рассеянностью я не знала.

Тут Раиса Васильевна, как мама Васи Селянина сказала: - Мой средний Ваня с этого же начинал, вы его Н.В. почаще спрашивайте. Речь пошла о школьном родительском комитете, оказывается она была председатель, о собрании, которое она хотела сама провести вместе с родителями, чтобы вам Н.В. не готовиться.

Ну, потихоньку я оттаяла и всё что хотела сказать не сказала, домой мы возвращались вместе, ибо жили в соседних пятиэтажках.

Я узнала, что её средний сын Ваня учился у Н.В. же и что он круглый отличник, единственный в классе, что Ваня писал лучше чем в прописях, а вот Вася хуже. Ну да я добьюсь. Я стала ей возражать, что вот почерк ведь даётся от природы, и абсолютного значения он не имеет, что я читала статью в "Работнице", где это доказывалось.

Жалко, что мы не выбираем учителей, да и выбирать особенно не из кого, но у этой репутация, что она может научить любого.

- Да уж сильно строго, одно исправление и тройка, у ребятишек пропадает всякая охота писать. А как орёт, но ведь учительница же она.

- Да, скорее всего, она их не любит, они все такие славные, вы ходите на уроки, вам станет легче поймёте, что он знает, как слушает, где у него недочёты.

- Я ходила, вот она взяла что Вася это не Ваня. Я ей сказала, что вы Н.В. рукой на него не машите. Не нужно учителю в рот смотреть, нужно вобщем-то говорить и о недостатках. Все дети разные у меня их трое.

- Вам легче, вы к ней ближе по возрасту, а я сбиваюсь на ученический тон.

В следующий раз я её встретила на остановке мы с Ильёй шли от остановки, поскольку я решительно ничего не замечала было жарко, я ждала второго ребёнка, услышала рядом с собой и немного насмешливый голос: - Здравствуйте.

- Раиса Васильевна, здравствуйте.

Она была, как я поняла, с Ваней. У него была умная голова, с большим красивым лбом, серьёзные серые глаза, но цвет лица желтоватый, моя "Гордость школы" так написано на школьной доске почёта, на тренировке простудился. В голосе звучало уважение к сыну. Она посматривала на него сбоку и говорила с ним как с равным. Это меня удивило. Я привыкла относиться к Ильке деспотично, это я поняла в этот самый момент.

Вот записался в секцию бокса. Знакомый мужа, я пропустила кто, потрогал его по носу, подавил, попробовал на слом, как я поняла, и сказал ничего пойдёт. Вот ходит уже два месяца и окреп, здоровье стало лучше.

- Не жалко?

- Ну что делать, немного рановато, но ему нравится.

- А как в школе?

Я пыталась сравнивать его и Ильку, что есть у него и каких качеств не хватает моему, чтобы успешно учиться. Ростом они были почти одинаковы и даже чем-то похожи, русоголовые со светлыми глазами, но в облике первого я отметила какую-то целеустремлённость, он учился вполне сознательно, мой же относительно сознательных целей прибывал в младенчестве, был весь в себе; Сумела воспитать.

Так меня заинтересовал сам тон, её манера обращения с детьми в этом была её отличительная черта от всех тех, кого я знала, здесь же было не только сознание того, что это мой ребёнок, но и уважение. Интересно было смотреть, как спокойно и серьёзно она говорила с ними. Я зашла к ним домой, и она попросила сходить поздравить с ней Н.В. с 8 Марта, я была уже дома. Она на заводе.

Даже какое-то расстояние, которого обычно не видно, существует. Если ребяташки баловались, не слушались, то она не сбивалась тут же на окрик, не запугивала окриком, а просто говорила "Ребята, перестаньте баловаться", и опять же здесь было больше уважения, и ещё умения подождать. И, действительно, они тут же весело прекращали.

Это был найденный трудный опыт, вера в то, что человеческое найдёт путь.

Она постоянно искала пути для развития своих детей, всегда прислушивалась и присматривалась.

Подготавливая собрание к 8 Марта она распределила функции между теми кто участвует, с каждым поговорила, какие предложения он сделает и собрала в библиотеках кучу книг по воспитанию детей первого класса, умудрилась их прочитать. Её внимание привлекла книга по воспитанию контакта, понимание с детьми.

"Вот сижу стиснув зубы, а Васька порет всякую чушь". В этом признании не лёгкости взятой новой функции, было для меня интересным.

Вообще мне всегда казалось, что у неё куча времени, так закончено и спокойно делала она всякие дела. Никогда не возникало ощущение, что она торопится. Была какая-то законченность... Вот по списку нас шесть родителей пришли мыть класс: парты, пол и окна, делать тщательную уборку. Я ничего кроме неприятной обязанности в этом не видела.

Она же пришла со своим Василием и шла, и улыбалась. Потом с неподдельным удовольствием спокойно мыла все парты, с Василием прибили какую-то карту, в конце пришла Н.В. посмотреть на дела рук наших и получился интересный разговор.

Всегда ли слушались её дети?

Однажды уже в конце года, загоня вечером своего Ильку домой и произнося длинную тираду из которой следовало, что я измучилась его бегать искать, я увидела как она стоит около площадки и смотрит как старший сын играет в бадминтон.

В общем-то ребяташки разыгрались и играли вовсю.

-Вот не знаю как загнать домой.

Сказала она мне, но и виду не подала, что она, действительно, бессильна. Я осталась поговорить, на приглашение матери он подумал и согласился.

К собранию я предложила провести среди ребяташек социологическую анкету, в которую входило 10 вопросов и среди них такие: какой предмет вы любите больше всего?

Когда всё я подсчитала и проанализировала, то получились очень интересные обобщения: 7 человек на учителя, большинство работ на того, кем хотят стать, один мальчик даже на Ленина. Это был Дима Асанов желающий непременно стать военным лётчиком. Вот это размах. Мне страстно захотелось узнать, что же из этого мальчишки получится. На субботнике, когда ребяташки стояли на линейке я попросила мне его показать и мысленно одела на него шлем лётчика: получилось очень неплохо.

На вопрос с подвохом: что вам мешает были даны честные ответы: большинство ответило, что ничего не мешает, ответов 6 говорили, что лень, а Сема Линяев, интересная личность, схватил диалектику вопроса: могу и не могу.

Собрание это почему-то не состоялось, Н.В. заболела, но я храню и анкеты и то, что подсчитала, надеюсь, что когда-нибудь я ещё раз задам им эти вопросы и посмотрю, что получится.

А то, что не состоялось в общем-то очень жаль, помимо обычного аспекта разноса оно обещало интересный разговор, ведь к концу года родители твердо зная, что их ожидает на собрании перестали ходить на собрания. Что же ждать желания детей учиться после домашней чистки?

Раиса Васильевна не раз подчёркивала, что я нет, не сердита, я своими детьми недовольна. Вот это именно это слово. Постепенно общественная жизнь в классе как-то замерла. Н.В. сказала нет, займусь-ка я лучше 5 классом. Моего сына выбрали пред. сов. отряд. Пришёл новый пионервожатый мужчина. Хорошая идейная работа с ребятами.

Мне не хотелось бы думать, что она испугалась ведь работая на предельных нагрузках проверяя каждый день 100-150 тетрадей. Несомненно, что семейная атмосфера, дети были какой-то очень естественной для неё ...

Письмо.

Галина, здравствуй!

Всё-таки захотелось мне тебе написать и поговорить. В суете дней, которые поглощаются без остатка мелкими занятиями, в общем-то как следует сесть и подумать некогда, а так хочется, и в общем-то это всегда так чудесно получалось с тобой. Конечно, как только мы переедем уберёмся, мы обязательно вытащим тебя, и, может быть, будет все хорошо и ты сумеешь отдохнуть, это иногда происходит, а я почувствовала по твоему голосу отрешённому, что ты очень устала и очень много пережила. Конечно все позади, все физические муки и страдания. И это тоже важно. Наступит новый период в жизни. И новые желания.

Каждый этап в жизни - это новая жизнь и с прошлой жизнью тебя ничто не связывает, во всяком случае я забываю. Наверное, трудно меня представить матерью двоих детей, но сейчас я абсолютно спокойна и никуда не спешу.

Был целый период, когда я выбивала квартиру и училась борьбе, этот период занял около года, и я многому научилась. За Катю я очень боялась, но это очень хорошая маленькая девочка, с едва заметным тиком лица, он проходит, это от родов, у меня не было схваток, и голове детской достаётся, она очень маленькая и миниатюрная, очень понятливая. Все на лице у неё маленькое и нежное, очень хороша она в платочке. Когда я на неё смотрю, то меня беспокоит только одно, чтобы моей жизни хватило её поднять и она не узнала слишком рано горя в жизни его так много.....

3 сентября 1984.

Решила писать каждый день.

Теперь вроде бы осталось два месяца до новой квартиры. Уже многое передумала даже внутренне поселилась там. Пришёл Илька и говорит: "Мы с пацанами думали летит атомная бомба, и за гараж спрятались". А это на котельном зажгли факел. Бедные дети. Вчера и сегодня были два очень хороших дня.

К обеду солнце разогревает землю и воздух делается прозрачный и лёгкий. Сидишь на солнышке, греешься и на тебя нападает какое-то лёгкое оцепенение, кажется что так можно просидеть долго - долго,

ничего не нужно и так хорошо. Катерина привалилась к заборчику, сядет в травочку и посматривает кругом. Она маленькая маленькая, с небольшим круглым личиком, крошечным носиком и ротиком и нежнейшими голубыми глазами. Интересно какая она будет моя динозавриха. Я так её прозвала, потому что когда она стоит в ванночке на своих ножках, которые ещё не выпрямились как следует, и выставив своё пузёшко дынькой, то опоры она ищет ориентируясь как динозавр, или проходит этот период в развитии. Ну так вот сидишь и даже в тебе как будто всё приходит в равновесие и ты куда-то исчезаешь, всякая мысль в тебе замирает. Просидел бы так долго-долго на солнышке...

II категория. В шутку или всерьёз?
Категория без выбора.

Совсем недавно городская баня №1 заработала, как говорится, на полную мощность.

Мы так привыкли говорить индустриальным языком, что по-другому и не скажешь. То есть, наконец, оба отделения, мужское и женское, стали работать одновременно. А то ведь, как идёшь в баню, и, если видишь приближающегося к ней в это же время лицо

противоположного пола (веник его сразу выдавал), то начинаешь гадать, кто же из нас угодил не в то число, ибо по чётным числам в ней мылись мужчины, а по нечётным женщины.

Вызвано это было производственной необходимостью (как, однако, вьелся в нас этот производственный язык). Самое главное утешение для того, кто вынужден был всё-таки уйти не помывшись, заключалось в том, что завтра, со свежими силами, и теперь уже совершенно точно, тот кого постигла неудача, и он не смог определить чётное это число или нечётное, мог помыться и попариться. Всласть. Душу отвести полностью. Как сказал Марк Твен о русской бане, что волшебное чувство лёгкости, радости после неё ни с чем не может сравниться. И кто его не испытал, тот ничего в жизни не испытал. Какое там воспоминание о вчерашней неудаче, человек просто начинал верить в себя больше, да и ремонтировалась баня так долго, что самый недисциплинированный посетитель начинал привыкать к порядку: старался добыть информацию о сегодняшнем числе, как можно более точную, не у каждого же есть дома такая редкость, как календарь.

Вообще же не только зарубежные, но и русские классики вынуждены были писать о бане, начиная с Пушкина и кончая Зоценко. Правда не так восторженно, ну, наверное, потому что знали они её несколько лучше.

Особенно тщательно и изящно ремонтировалось входное административное помещение, даже затруднительно определить его теперь, то ли это приёмная, то ли холл. Выложенный стеклянной узорной плиткой потолок, узорными гипсовыми плитками стены. Но размахнувшись на лепные украшения, видно забыли о панелях, и пришлось с низу эти плитки покрасить обыкновенной синей краской. Ну что ж бывает.

В связи с этим, вероятно, и цена стала поприличнее, вместо испокон платившихся 15 копеек (даже не подозревая в бане какой категории он моется), посетитель должен платить теперь 35, о чём ему сообщалось в специальном указе над не подвергнувшемся ремонту крохотным банным окошечком.

Вот так. Но едва вы переступали порог того места, где должны помыться, вы сразу понимали, что подверглись тому, что в русском языке принято точно называть надувательством. Так как сама баня, если подразумевать то место, где человек моется, ремонту не подвергалась. Вполне возможно, что потолок и был побелен, но как только она стала работать, так и определить это стало невозможно: потолок намок и отсырел пятнами. Администрации, вероятно, придётся удовлетвориться чувством исполненного долга. Но те места

в бане, где в трёх кабинках душа и кафельных панелях за давностью лет эта плитка испортилась, так и остались неотремонтированными. Несмотря на то, что Бийский кирпичный завод их выпускает, и они есть почти в каждом магазине. Один душ без лейки не работает вообще, как, впрочем, и раньше. Два других прочно заржавели, но понемногу трудятся.

Появились, правда, четыре новых крана, так как, совершенно точно, что тех кранов, что были раньше, не хватало, потому что большая часть их не работала, и опытный посетитель никогда к ним уже не подходил. Не подходили к ним, вероятно, и во время ремонта, ведь баня-то не работала. Добавим четыре новых, но у каждого из них уже свой характер: железная ручка первого так же горяча, как и вода, которую он открывает, и безоружный посетитель был перед ним бессилён. Нет, на остальных имеются деревянные ручки, но у следующего кипяток бьёт в сторону, и нужна известная сноровка, чтобы не ошпариться, третий исправно выдавал кипяток, но вот с холодной водой, что-то не ладилось, у четвёртого нужно было известное терпение ибо он не торопился. Посетитель, исходя из своего характера должен был выбирать, что ему больше подходит.

Но помыться, в конце концов можно было, да и попариться тоже. Даже работал один из трёх автоматов с газированной водой. По этому посетитель выходил явно с улучшенным настроением, на что, по-видимому, и рассчитывала умудрённая жизненным опытом администрация городской бани во главе.

Ах дорогой читатель, ну а мы с вами

Мужество. (Черновик. Рассказ-Письмо от лица сестры - Надежды)

Бабе Нюре 74 года. Я прожила рядом с ней, но в другом подъезде 10 лет, но училась заочно и работала и не замечала людей вокруг, и только гуляя с маленьким сыном стала примечать, что она по особому мягко и нежно умеет говорить с детьми, может угостить любого ребёнка. Но возраст всё равно чувствуется голова и руки начинают потихонечку трястись. И вот однажды, сидя на лавочке около песочницы, я узнала её историю жизни за последние 20 лет умерла дочь, молодая ещё женщина от рака 35 лет и она взяла на воспитание пятимесячного внука, которого благополучно вырастила: он сейчас работает, не пьёт, и с бабушкой они живут удивительно хорошо.

Но к своему изумлению я узнаю, что живёт она с подселением, в небольшой комнатке 13,5 м, а её сосед пьяница Казанин, который ранее ей всячески досаждал, а потом уволенный по статье с работы не стал жить вообще. Трест, которому принадлежала квартира, подал на него в суд, суд выселил его и бабушке присудили расширение, выдал горисполком ордер с государственной печатью (бабуля говорит об этом с гордостью), бабушка думала, что намаявшись за долгую жизнь по частным квартирам, домам, только с подселением она прожила 20 лет, думала, что будет у неё в глубокой старости свой угол. Но радость длилась недолго. Сроки для апелляции 10 дней прошли, но прокурор пошёл навстречу Казанину, (это человеку-то нигде не работающему) и опротестовал решение суда. Так вскоре состоялось новое судебное разбирательство и заседание и суд снова присудил квартиру Казанину. Исходя из каких соображений? Когда читаешь эту бумагу судебного постановления, то почему-то думается, что оно проведено специально наоборот; О личности Казанина, уволенного и нигде не работающего, (даже в военкомате не знают, где его найти) ни слова. В качестве свидетелей, подтверждающих, что Казанин живёт в этой комнате с подселением проходят два человека. Абрамова, которая в нашем доме не проживает и Логинов, живущий в другом подъезде и не побоявшийся солгать, несмотря на то что весь второй подъезд, где живёт баба Нюра (8 квартир) подписались под её заявлением и подтвердили, что Казанин последние три года не проживал в этой квартире. Но эти свидетели не были вызваны в суд и лжесвидетелю Логинову не пришлось краснеть перед своими восемью соседями, да, вероятно, он и знал, что не придётся. В постановлении этого суда так же фигурируют две медицинские справки. Одна говорит, что тов. Казанин не живёт потому что нуждается в медицинском уходе его мать, но в этой материнской квартире прописан её другой сын Василий, но сами справки написаны на медицинском листочке для рецептов, они выписаны тем медицинским учреждением, к которому мама Казанина не относится и даже из другого района. Написаны одной рукой. Суд должен был проверить подлинность этих справок, но об этом не слова в решении суда, наоборот они решающие в судебном постановлении. Юрист, составляющий бабушке надзорную жалобу сразу отметит это.

Несмотря на то, что расследование было проведено так поверхностно, краевой суд подтвердит право Казанина на квартиру, которую тот обменяет (или ему помогли) обменять с родственницей тов. Логинова Осокиной.

Так вот зачем тов. Логинов лжесвидетельствовал на суде, вот откуда, вероятно, появились медицинские фальшивые справки (тов. Осокина работает медицинской сестрой в психбольнице).

Не дожидаясь сроков апелляции Осокина и Логинов открыто придут вселяться в квартиру, Логинов будет пинать дверь старушке ногами, а Осокина кричать, что она потом упрячет бабуку в психбольницу. Старшая по второму подъезду найдёт в себе мужество открыть свою дверь и сказать Логинову: "Что же ты пинаешь дверь бабушке, нет чтобы заступиться за бабушку, так ты сюда свою родственницу пихаешь.)

Мне показалось, что впоследствии за эти слова с тов. Лёвкиной старшей по подъезду произойдут любопытные вещи. Мне кажется в высшей степени удивительным и то, что райисполком так быстро и покладисто (она обращалась и туда) пошёл не на встречу бабушке Мальковой, а Осокиной, выписав ей ордер, не дождавшись окончательного решения суда. Мои подозрения, что здесь что-то не так укрепились после того, как вконец расстроенная баба Нюра пришла и сказала, что в юридической консультации ей отказались писать надзорную жалобу, потому что кто-то позвонил из райисполкома.

Баба Нюра так плакала, слёзы катились так по её пожелтевшему старушечьему лицу "Заступиться за меня некому", Витька ведь он не сможет, написать, он смирённый."

Тогда я сказала старушке: приходи, написать-то я поди смогу.

На следующий день баба Нюра, которая никогда не ходила в наш подъезд пошла к нам на четвёртый этаж, а за ней, увидев её в окошко пошёл т. Логинов посмотреть, куда это старушка, которая была у него в руках, пошла. И шёл до самой нашей квартиры. А ещё через день на меня, когда я сидела со спящим семимесячным ребёнком на руках на меня напала его сумасшедшая дочь Галя с хлопущей для вытрясания ковров. Я ей сказала: Галя, ковёр не твой, он сохнет, а Дима спит, ты не трясги. Вообще, конечно, странно мне было, что эта имеющая ужасный вид женщина - девочка, ей около 30 лет, с бегущей слюной, открытым ртом с большими клыками бегают по улице, кричит петухом и ещё каким-то рёвом всё-таки так беспрепятственно бегают. Сколько ребятишек она била, кидала камнями, но всё как-то сходило с рук. Выработал Логинов и интересный стиль защиты, он всегда в домкомах: выступает за справедливость и чистоту, орёт на ребятишек, не дай кому бросить бумажку, или поиграть около подъезда, "Не шумите, идите отсюда". Сам при всём этом дико заводится и орёт, орёт, орёт. Однажды, сидя на лавочке я выслушала историю о том, как он из любви к порядку,

бродячую собаку, часто спавшую неподалёку от подъезда он облил бензином и поджёг: "Я так смеялся, она потешно визжала".

Но вот после этого нападения Галя стала преследовать меня, то выйдет, когда я с Димой трясти половичок прямо на меня, то обзовет меня дура, то скажет твой Дима, когда вырастет будет вор. Я решила пожаловаться в милицию. (---) Да вот ещё. Сидя на этой же лавочке товарищ Логинов рассказывает, что он человек денежный умеет жить, он, например, договорился, на маслоэкстракционном заводе, где работала его жена о том, что Галя якобы отработала два года и теперь она получает солидную пенсию. И вообще мы люди обеспеченные - я, работая сантехником, получаю около 300 рублей, жена пенсию 120, да и Галя не без денег. Есть у нас и про чёрный день.

Много я думала надо всем этим и решила, что такая жизненная позиция ведёт, к тому, что всё позволено, всё можно и от своего имени написала заявление в горздравотдел психбольницу о нападении Гали и в прокуратуру о том, что она незаконно получает пенсию. В горздравотделе врач Хорошилова позвонила в психбольницу и ей сказали, что Логинова Галя на учёте не состоит, поэтому это всё относится к милиции; Из милиции за подписью подполковника Анипера мне пришла бумажка о том, что Галя является инвалидом второй группы и два года отработала уборщиком в цехе за что ей начислена пенсия (у меня была знакомая, которая была инвалидом второй группы, но она говорила инвалидам второй группы работать постоянно не разрешается, а только несколько месяцев в году. Правда точно я этого не знаю, а говорю об этом со слов, проверить тоже у юриста было некогда. В этом письме была вложена и вторая бумажка, которая говорила о том, что Галя состоит? на учёте в психдиспансере, и что она социально неопасна. Вообще-то об этом должен решать психиатр, а не подполковник милиции. Столь густо перемешанная неправда придала мне уверенность, что правду можно всё-таки доказать. Через два дня после получения этих бумаг, ко мне пришёл участковый милиционер тов. Кошкарлов и ещё раз сказал, что Галя не социально опасна, я обошёл все квартиры. Когда я сказала, что она била и душила даже детей и попросила его зайти ещё и в эти квартиры, он поспешно ушёл. Мы вместе с другими соседями, детей которых она била написали заявление в горздравотдел и его же отнесли в милицию, написав о том, что тов. Кошкарлов необъективно рассмотрел жалобу. Товарищ Светлов ещё раз поручил Кошкарлову проверить эти сведения (я думаю, что может быть он хотел дать ему возможность исправить свою ошибку), но дела приобрели ещё более

непредвиденный оборот, тов. Логинов собирает собрание по подъезду, зная, что на него написано заявление, ну откуда бы ему знать и не всего дома, а нашего подъезда с повесткой о том, что я Ганова пишу кляузы и должна понести заслуженное наказание и предупреждение, а если я не прекращу этим заниматься, то дело на меня передадут в товарищеский суд. Попало и моему деду, что он плохо себя ведёт. Уже после собрания на следующий день появляется эта бумага о собрании и на ней подписи. Но зачем же так торопиться, расследование не закончено; Очень меня волновал вопрос, почему люди подписались под этим заявлением. И я решила, что люди просто боятся: если товарищу Логинову всё удаётся, если он может приступить закон, то надо и поддерживать его. Потом ведь когда тебя начинает преследовать разъярённая дурочка, которая ни за что не отвечает, то в этом тоже мало приятного. Ну, а какую опасность представляю я для них одинокая женщина с ребёнком, со мной можно и не считаться. Подметила я ещё вот что. Логинов работает сантехником, поэтому старается поставить батарею, заменить кран, держит у себя ключи от подвала, умеет всё починить и сделать, тогда как в домоуправление нужно иногда ходить и ходить.

Конечно, его не волновало то, что он своё заявление для своей собственной защиты пишет после другого, когда на него написали люди, об этом не было на собрании сказано ни слова, что те люди не были приглашены. И хотя соседка, которая жила рядом выступала о его недозволенном поведении в своё заявление он его, конечно, не внёс.

Попытки провести расследование ни к чему не привели. Осокина подала на бабу Ньюру в суд и суд подтвердил её право на квартиру. Написано, что решение суда по делу Казанина вступило в силу, но ведь бабушка не могла подать апелляцию, судился Трест с ним, попытки вручить в Барнауле в суде справки с места работы Казанина об его увольнении, заявление с подписями соседей, надзорную жалобу адвоката, где говорится о том, что справки Казанина фальшивые. С этим в краевом суде обошлись очень просто: отказались приобщить к делу. Всё-таки хорошо что отказались: теперь я знаю, что я права, иначе если бы они ничего не значили их бы приобщили к судебному постановлению. И бабушка решила ехать в Москву за правдой; Ведь она стоящая на пороге жизни, должна пожить хоть немного в покое. Да, ещё почему-то ей отказано в этом году в отсрочке в службе в армии внуку, который теперь как сказали ему в военкомате в следующем месяце призовут, а у него - 7,25, -6,25. Бабушка остаётся совсем одна, жить вместе с Осокиной, которая

грозится спровадить её в психбольницу, да ещё свято верующей, что все её неправые дела ненаказуемы. Это страшно.

Деятельность царя Петра для русского государства для России конца XVII середины XVIII века трудно переоценить. Этот человек - был гениален от природы: громадного роста, с решительной походкой и характером, он умел не только добиваться любой поставленной цели, но и делать масштабные нужные преобразования в российском государстве, значение которых для отечества трудно переоценить. Одним из важнейших его завоеваний является выход России на Балтийское море, в северной войне, когда Россия становится не только морской державой, но и начинает богатеть в результате купеческой торговли.

Вторым важнейшим делом Петра является строительство новой столицы Санкт-Петербурга, который заложили на Заячьем острове в 1703 году, и который царь называл раем, то есть раем. Этот город поражает своей красотой и изумительными зданиями. Сам Пётр был не только царём но и плотником построившим для России флот.

«Дубина народной войны» в романе Толстого "Война и мир".
(Черновик)

В нашем сознании огромное полотно жизни дворянской России XIX века связывается прежде всего с именем Льва Николаевича Толстого и его романом "Война и мир". Это прежде всего открытие именно Толстым формы романа эпопеи, которая не раз будет использоваться и другими выдающимися писателями во всём мире, в том числе и у нас в XX веке (Шолохов его "Тихий Дон").

Под пристальным взглядом писателя, вобравшего в себя огромный жизненный опыт, свои размышления и открытия, перед нами воссоздание почти целого столетия жизни всей России. В истории романа сам писатель признавался, что пытался показать этот огромный пласт жизни с позиции "мысли народной", которая сама по себе всё-таки не так проста, как может показаться на первый взгляд. Лев Николаевич Толстой принадлежал к сливкам дворянского общества России, был Графом и имел законное

основание гордиться своим происхождением и предками. В его мировоззрении медленно на протяжении всей жизни происходило подлинная гуманистическая тенденция развития, совершался уход с позиций своего класса, и стремление сблизиться с позициями простого народа. Многими современниками это воспринималось как чудачество Графа, причудами его характера, многочисленные фельетоны и статьи обсуждали злободневную тему "Хороши или плохи сапоги, сшитые графом Толстым".

Они могли оказаться и плохими, но моральные проблемы хищной эксплуатации простого народа, вот главные проблемы нравственных исканий Толстого. Итог его высшего требования к себе как человека "Чтоб жить честно".

И век XX ещё не приблизился и не поставил её решение на новом этапе своего развития. Всё оказалось не так просто.

Толстому прежде всего удалось (на очень немногих страницах романа) показать, что русский народ это единый великий народ, цивилизация имеющая огромные возможности для развития. Это прежде всего в главах посвящённых Бородинскому сражению, войне 1812 года и партизанской войне. Собственно самих народных героев не так уж много, они как штрихи огромного полотна которое впервые удалось воссоздать писателю в истории литературы. Важно и то, что "Дубина народной войны", которая крушила Французские захватнические войска сама поднялась в России, как самосознание народа угнетённого и эксплуатируемого, но и через эту тяжесть осознавшего что нет ничего в этот момент судьбы русского отечества.

Вот, где мне представляется величие и мысль самого народа, который как показало последующее

Развитие истории не всегда на подъёме. Рванувшись к свободе сможет её и достигнуть. И так вехи мысли народной намеченные в 1856 году возвратились к 1805, а с этого времени все герои и сама история прошли через исторические события 1805, 1812, 1825 годов, и устремились к нам в наше будущее и настоящее, и дальше дальше.

Они эти страницы учат нас осознанию себя как народа, как частицы великой русской цивилизации, сумевшей всегда

Мне пришла в голову забавная мысль. Я писатель реалист - ухожу от реальной жизни и живу в созданном мной мире, чтобы иметь возможность писать о ней и наблюдать её.

Вы писатель фантаст живёте в реальном мире напряжённой жизнью, но уходите в мир фантастики, чтобы иметь возможность писать.

Неплохая аналогия? Правда? И эта идея лежит в основе совместной книжицы.

Живопись - это, по-видимому, часто путь развивается от простого к сложному. Какой путь ты сумеешь пройти в каждой картине. В глубь пейзажа времени, пространства, себя, всего мира. Концентрация интеллекта? Да, возможность абстрактного мышления на любом уровне? Да.

Беглый взгляд вот к этому берегу реки, сероватому, шероховатому, который хочется погладить, просто лежать, прижавшись к нему, его прохладной глубокой земле.

Красивы русские берега, русских рек. Тяжёлое таинственное медленное течение.

К этим картинам, написанным уверенным глубоким мазком творца, не скрывающим природу живописного материала подходит одно

старинное забытое слово XIX века, немного смешное и незащитное с позиций нашего двадцатого тоталитарного - благородства.

Живопись этих картин, благородна, проста совершенно независима, а сами картины холодноваты строги и сразу к себе не подпускают.

Она прошла труднейший сложнейший путь саморождения внутри личности художника, хотя сам художник и называет своим учителем Дмитрия Ивановича Кузнецова и некоторые важнейшие параллели провести можно. Пейзажи Прибыткова тоже суровы, просты, для них тоже важна гармония как единство.

Личность художника творца этих картин прошла сложнейший и труднейший путь саморождения внутри личности художника. И подлинное открытие новой цветовой гармонии в маленьких полотнах наполненных совершенством, самое яркое её выражение.

Прошло два дня как мы ездили в Колово за ягодой, за клубникой. В оба конца 250 км, потом вот уже третий день отлёживаюсь, дорога очень тряская, обыкновенная грузовая машина с тремя узенькими деревянными скамеечками.

Дорога, узкая колея, деревня, немного проедем снова деревня. Под конец уже измученные дальней ездой, остановились. Плавные холмы, с начинающей выгорать травой, на которой кажется ничего нет. Поехали назад, здесь ничего нет. Я нехотя слезла, пойду посмотрю. Стала взбираться на холм. Одна, две уже высохшие ягодки, терпкие на вкус.

Пастух на лошади. Вы не подскажете, где здесь ягоды? Да здесь-то пол Бийска перебивало, вот за тот холм ступайте. Ягодки, ещё, ещё. Мы утыкались в землю, наклон, ещё наклон, ещё. Солнца нет, и сильный прохладный ветер клонит травы.

Кажется уже нет сил собирать. Я набрала трёх литровый бидон, а у женщины что рядом уже полведра. Ещё раз наклонится, ещё. Потом я решаю: хватит, ложусь прямо на спину. То ли от напряжения, то ли это ветер среди плавных изумительных линий холмов, создающих какое-то своё движение вокруг, от чего всё кажется живым вокруг, но я слышу высокий тонкий звук, он как-то нарастает огромный сферический купол сумрачен, строг, небольшие сероватые тучки куда-то идут, и я пытаюсь осмыслить понять всё, зачем всё это и я, и ещё многие миллионы других; Имею ли я какое-то значение в этом мире, мне представляется огромная земля, несущаяся в космосе, и я лежащая на земле. Я вспоминаю маленького поросёнка, только что виденного в деревне, он с удовольствием вилял хвостиком,

переставлял свои ножки и рылся пяточком в земле, он был в прекрасном самочувствии, но может быть и у меня есть свой потолок прекрасного самочувствия?

Клубника кажется умеет вбирать в себя все чудесные сказочные соки земли, всего два три сантиметра над землёй и прекрасная ягода несёт свой дар. Я сажусь и начинаю оглядываться по сторонам, чтобы запомнить, увидеть всё вокруг. Какая-то величавость, какая красота. На далёком гребне большого холма с отрогами вверх распахан и поляна гречиха, сейчас она белая и цветёт, но этот белый цвет приглушён, и не выбивается из мягкого приглушённого зелёного цвета который царит вокруг. Мне вдруг становится безразличным город, с его плоской ровной площадкой, на которой он расположен, с его мельтешением и жарой, и суетой, я так долго там жила. Избушка пастуха, видно далеко, и она здесь ничего не нарушает, а город он разрушает всё. Весь огромный холм, его сторона обращённая к восходу солнца цветёт ромашками и это щедрое праздничное изобилие жизни успокаивает.

К нам подходит стадо бычков, пасущихся здесь, они медленно в каком-то внутреннем согласии, движутся по голосу, медленно жуют ...

Наступил октябрь. Но иногда выдаются такие прекрасные дни, что не верится, что ты ещё живёшь на свете. И тогда выйдя из своей теснейшей квартирki, где я замучилась стирать, готовить, кормить, что-то подделывать, а, главное, что всё это меня замучивает до посинения, выйдешь вдохнёшь здоровый, холодный воздух, почувствуешь лёгкое сияющее солнце, увидишь обсыпанную золотом, но торжествующую что-то берёзу и хочется бездумно идти, понимая, что в тебе восстанавливается что-то основное. А рядом сияющая, совершенная мордочка котёнка.

Сегодня видела Мухтара во сне.

Как будто я куда-то приехала и вижу, да Мухтар, да он змейкой его чёрное тельце, вижу, что рад.

А сама думаю, неужели Мухтар ты живой, а потом, когда я хотела его увезти он был с раной на голове, и мне было страшно, что там мозг, и я боялась, что он сейчас умрёт у меня на руках, как остывал тогда, а кругом неслась с машинным воем эта сумасшедшая жизнь, а мы сидели на скамейке сквера такие тихие внутри от горя. За это время было несколько событий. (Что-то сегодня чересчур слышно,

как с воем проносятся мимо грузовики, как противно это подвывание отдаётся в голове). И чего они так стараются, чего так выжимают себя? Да, я ездила к Гене. Он сидел один (жена была на курорте) такой доступный со своей улыбочкой, теперь вот через месяц и не помню зачем ездила, да, отвезти диапроектор, который случайно обнаружила у себя в доме. Поговорила с ним, у него на полу и на диване были разложены газеты, он рассказал мне, что Горбачёв ездил в Красноярск, потому что там из этих двух гигантских водохранилищ создано огромное зеркало водное, которое притягивает влагу и там дожди.

В крае, где столь много солнечных дней не вызревают огурцы, помидоры, Енисей парит зимой, хотя обещали, что он будет замерзать, что с едой плохо. Поехал Горбачёв успокаивать. Я слышала выступление Г. Мягкое во времени, которое говорит о том, что он понимает проблему, он обвинял науку, которая находится на службе у ведомств и покушался на гигантоманию в строительстве ГЭС. Надо строить так, чтобы каждая маленькая речушка жила, и приносила энергию, надо строить маленькие. Гениальные слова, но вот вчера я была у Гены снова и он мне сказал, что несмотря на честное выступление против гигантомании, опять выступает Гидропроект за строительство Туруханской. Но об этой встрече чуть попозже. Он мне сказал, что Витя Шипилов в больнице. На следующий день я ему позвонила и спросила, где он лежит. В первой горбольнице. К вечеру мы его с Катькой разыскали, он был не в бегах, как сказал товарищ по полате, а мы его встретили выходящим из соснового лесочка с молоденьким смеющимся велосипедистом.

- Привет.

- Привет.

- А нам сказали, что ты в бегах. Мы там тебе принесли помидоры, да ежевичного варенья. Смешно немножко тебе да? А ты ничего.

- Он тихонько смотрел, уж не смеёмся ли мы над ним.

- Нет, я была искренна, да я и знала хорошо, что он самолюбив.

Он и вправду окреп, распрямился, и та сила к сближению, которая жила в нём и заставляла выступать с лекциями, теперь приобрела древний проповеднический характер, совершенно необычный в нашей жизни, с усечёнными неравномерно истинами. Точнее куцыми.

- Я здесь работаю, гуляю, мне здесь неплохо.

- Да, я знала что работает он серьёзно, что он идёт вперёд в своём развитии и эта болезнь была следствием этой, по всей видимости очень большой работы.

- Я понял, что мама боится смерти, поражена её страхом, что наступает момент, когда ты неизбежно встаёшь перед этими проблемами и здесь важно понять, как нужно дальше жить.

- Да, я поняла. Но не каждому дано это понять, и найти то, что помогает жить. Я вот тоже лет 7-8 назад тяжело заболела, ну и знаешь, как женщины начинают кидаться, чтобы найти средство для избавления, а оно было у меня дома. Норман Казинс, его статья в "Иностранной Литературе", он был редактором крупного Нью-Йоркского журнала. Страдал там какой-то страшнейшей болезнью страшнее, чем рак и сумел вылечиться. Дело не только в витамине С, пожалуй, это звучит пошло, там главное другое. И вот год или два снова была, это уже в 1973 и три года больше случай. На этот раз сердце. Прочитай ладно.

- Как с работой?

- Да, пока ничего. Вот нам бы организовать кооператив по натаскиванию детишек. Я видела во "Времени" есть такой уже в Москве, 90 коп. за час. Пойдёшь директором?

- Нет, я уже привык жить на совсем немного денег, да и иногда найду в каком-нибудь кармане 25-40 рублей, или гонорар, или ещё они откуда-то взялись.

- Ну, вообще-то ты знаешь, у нас в городе тысячи детей, которые получают за 1 год двойки, то есть им говорят ты не способен, ты не можешь, а ведь Шаталов, другие уже доказали, что научить можно всех детей.

- Они их подвергают ошельмованию.

И его тёмные глаза загорелись такой болью, таким состраданием к, что я поняла, что он в этом страдании велик.

- Витя, ну мы пойдём.

- Идите.

Снова мы прошли мимо мысовой фигуры матери с ребёнком, поставили ещё при Сталине, она была мягка и счастлива; Теперь мы ставим памятники только как символ победы, и поэтому она производила такое странное впечатление. Вспомнила я дворянские парки и их архитектуру, мы эту культуру утратили. Домой добрались совсем поздно.

Наступили первые числа октября и когда я вечером в воскресенье пришла с Катей после бани, то увидела в кресле Наталью.

Наталья была новая, другая. Я сразу поняла, что она способна к взаимопониманию, что наступил новый благоприятный период её развития. И то, что французы называют Le Rose и плохо переводится нашим словом...

..... А потом прилипает к нежному почти белому песку реки, который остался после того, как река сменила русло. Сидеть у реки можно долго и спокойно, и снова я ощущаю эту поразительную самодостаточность всего происходящего. Мост на реке деревянный и все, кто приходит на маленький пляж должны по нему пройти как манекенщицы и некоторым девочкам в нежных ситцевых платьях с оборками и крылатками это удаётся вполне. Девчѐнки лет 15-16 в чѐрном купальнике и с ослепительно белой не загорающей кожей, такая бывает у блондинок, заставляет меня задуматься о том, что вот эта совершенная нежная красота, какой является она, является в конечном итоге порождением и вот этой ленивой бурой от дождей реки и этих подмываемых ей берегов, почти декоративно заросших Мать-и-Мачехой и черѐмухой нависшей над водой. И здесь тоже царят лень и покой: нашедшие своё выражение в застывшем в воде и на берегу стаде коров.

Мне кажется, что я стою на пороге какой-то очень важной мысли до сих пор в моём развитии не хватало гармонии: это были какие-то нервные скачки, усилия, издержки, не оставляющие в душе чувство богатства прожитого, накопленного опыта; Жизнь была очень фрагментарна ей не хватало целостности, отсюда трудные взаимоотношения с Ильёй, с семьёй, сильное влияние неудач, в сущности я не умею радоваться жизни. Эйнштейн удивлялся больше всего тому, что природа может быть познанной, для меня же самый удивительный момент бытия сам факт существования, того, что мы живём как боги бессмертно.

Сколько раз я прошла этой летней дорогой от остановки к низенькому дому, скрытому под большой шиферной крышей и всегда меня на ней встречал Илька, торопясь и влюблённо волнуясь, он мысленно радовался. Этому дому очень много лет, наверное, сто не меньше. Построен он был ещё дедом, кряжистым необыкновенно красивым и матёрым стариком, следы этой крестьянской деятельности: самодельные бочата и сани, самотканый станок и приспособления для глажения белья, я встречала на каждом шагу, когда впервые убиралась в нём. Построен он, как издавна было строить крестьянские дома, без всякого отступления: небольшая горница с камельком и большая кухня с большой белой из глины русской печью и полатями. У деда была большая семья 12 человек детей. Десять из которых в этом доме умерли, как умерла от тяжёлой крестьянской жизни и жена в 47 лет, а дед остальную половину жизни прожил уже холостяком, с двумя дочерьми, которым не удалось хорошо пожить: война.

Свой век доживал дед Андрей с ними, да тремя внуками, обе женщины не дожив до пенсии умерли: Сашина мама 53 от рака.

Зарабатывал муж до смешного мало рублей 30-35-40, и только в два летних месяца рублей по 200. И я решила перебраться в город. И хотя пыльный неудобный дом с пристроенной новой половиной требовал много хлопот, был страшно холоден зимой. Я оказывается, оставляла его как старого друга: сердце у меня сжалось, как я представила, что он будет стоять один долгую зиму. С начала я никак не воспринимала и окончание его той жизни. То, что мать Саши умерла от рака в 53 года, а ему было 16, воспринимался мною просто как факт. Но потихоньку, вглядываясь в старые пожелтевшие и побелевшие фотографии я увидела, что моя свекровь была очень симпатичная и славная женщина с удивительной милой и простой улыбкой: светлые волосы, ясные скорее серые или голубые глаза. Дом жил когда-то обильной жизнью: садили по 2Га картошки, которую копали две недели, держали корову, 8-10 овец, 2 свиньи, кур,

уток. По дому хозяйничала вторая дочь деда, а сама она ездила в бор поварихой. Сашка говорит, что мать была сильной, не боялась никакой работы: таскала мешки с зерном: за работы в сталинские годы была награждена орденом Красной звезды, который теперь лежит внизу старого шифоньера, что было редкостью. Смотря на его тёмный пурпур и тяжёлое оформление мне хочется представить какой была она, Евдокия Андреевна, как к этому относилась.

В последние два года она не могла мыть и выполнять тяжёлую работу, доить корову, Саша сделал ей лентяйку, которая жива и поныне. Но мне хочется думать, что она не уступила смерти. Она выдержала две операции: удалили ей грудь, потом на брюшной полости, а потом, когда ей снова стало совсем плохо Саша отвёз её в районную больницу. Вероятно, чувствуя, что смерть близка, она наказала, чтобы он приехал проститься, но он не успел, она умерла ночью того дня, когда он приехал. Вёз он её в деревню на тракторе была сильная распутица, и дождь, она была очень тяжёлая. Сашка плакал единственный раз в жизни, потом не мог, даже когда закапывали.

Мы побывали на могилках, когда Илье было 9 лет, а Кате один год. Всё как-то собиралась, собиралась, а здесь видно пришло время. Пошли Бабка, Дед, Саша и я с детьми. Был жаркий влажный день, впрочем как и всё лето. Кладбище находилось в другом конце запущенной деревни, как-то немного на подъёме за старым складом, перед ним большое поле заросло жёлтыми цветами. Я удивилась, что одуванчики так поздно цветут, был июль, но это были другие цветы, похожие на одуванчики. Кладбище было огорожено невысоким заборчиком, мы вошли в простую калитку, как домой. Высокие тополя росли по краю и от этого оно выглядело просторным, они шумели. Само кладбище находилось как бы в середине, а края были обкошены в уютные стожки кем-то. Дед быстро облазил его, спросил у Сашки когда его устроили, ещё до войны, и определил, что там, где косили траву тоже оказывается были могилы. Сашка отыскал могилы не сразу: они были рядом: деда Андрея с железным сделанным на кузне крестом, сестрой Марией, с оградкой и уцелевшем крестом и материна без креста, уже провалившаяся.

- Ну здравствуй, обходя могилу сказала мать.

- Матушка, здесь дети перестань.

Мы сели вокруг, достали хлеб, бутылочку.

Я видела, что деда мучила мысль о том, что он смертен из этой мысли не выскочишь, он ведь прошёл войну и уцелел, но от смерти не уцелеешь. Матушка как-то беззащитно была перед смертью, её

муками для живого человека, она её понимала каким-то нутром очень точно и просто. Мука.

Сашка, похоронивший почти всех своих родных, даже и перед её лицом остался добр, как ребёнок и я была ему внутренне за это благодарна.

Илька когда-то перед сном мне сказал: "Мама ты вот меня родила, а мне придётся умирать".

Это была мудрая и тяжёлая для меня мысль, я-то хорошо знала, на что смерть может быть безжалостна и как мысль об ней может измучить живого человека.

Звенели комары, было очень жарко, я посмотрела на пространство могилы и простор за ней: нет: не встанешь, тяжела земля и этот вынужденный покой представился мне таким тяжёлым для души. Как-то Саша сказал за столом и глядя на Катю влюблёнными глазами: чёрт знает, как, зачем устроена жизнь.

Посидели ещё немножко, деда водка немножко успокоила, решили поставить крест и пошли домой. Илька с бабкой чуть не провалились в какую-то осевшую могилу: я заругалась, с больными ногами лазить в такой траве, можно и без ног остаться. Илюшка на обратной дороге рассказывал, что на какой-то могиле руль и приставал почему. Из могил одна только была свежая: погиб в аварии вернувшийся из заключения сын Андроновых, молодой человек 25 лет, они жили зажиточно по переселению, у ней было 3 детей, и можно было только гадать, почему он один из них всех таких благополучных модных - оказался с такой судьбой. Мать долго справлялась с горем.

Десять лет мы приезжали каждое лето в деревню и жили там целое лето: ходили по ягоды, садили помидоры огурцы, картошку в ограде, построили баню; Конечно, нужно суметь привыкнуть и к своеобразной деревенской тоске что ли. Беспредельность, ширь, как-то затерянно действуют на человеческую душу, в деревне ты хорошо понимаешь, что ты не царь природы, а лишь её часть, и нужно как-то ужиться с ней этой тоской, найти своё личное, да и, наверное, быть самим собой тоже трудно. Однажды Галина из Новосибирска прислала мне своих знакомых мужа с женой немолодую чету, которая вроде бы хотели пожить на природе и тишине. Я их отвезла в деревенский дом и они оттуда сбежали, ошалев на какой-то попутке вечером не выдержав прелести деревенской жизни.

Вместе с тем, я думаю, что для более счастливого, чем тот что прошёл сегодня трудно прожить. С утра он как-то был негромкий, тихий, несколько раз немножко принималось накрапывать, но после вчерашнего дождя всё стояло чистое и в каком-то хорошем

равновесии. Илье вдруг с утра пришло на ум развести костёр. Сколько мучений было в городе: огонь нельзя рядом газ, гаражи обожжёшься и.т.д... И тому подобное.

Здесь же он принялся лихорадочно сооружать рогатины для того чтобы вскипятить чай, ломать старые палки от плетня. Место выбрали между баней и домом в высокой траве ромашки, лебеда. Костерок загорел, у моего Ильки даже появился румянец на бледном фарфоровом лице, он лихорадочно и напряжённо трудился, боясь, что у него отберут или ему запретят. Комары нам не досаждали и от ровного мягкого тепла мы разомлели. На туристском столике в запотевшем гранёном стакане стояла чистейшая холодная вода, я пошла быстро нарвала большую тарелку виктории, и мы потихоньку с холодной водой пили и ели.

Затем Илька принялся сооружать индийский вигвам, и сделал его довольно быстро, когда все у костра окончательно разомлели от удовольствия, он принялся кататься на велике, а потом отдыхать в своём вигваме и даже забыл про свой страх: он не любит оставаться один. Слишком много мы делаем ошибок с детьми и часто непоправимых. Постоянное проклятие нашей жизни спешка заставляет нас быть с детьми нетерпеливыми, вспыльчивыми, мы рано требуем от них взрослости, ума. Беда Ильки, что он никогда не жил спокойной жизнью семьи, не умеет быть сам с собой, сконцентрироваться, да здесь ещё эти первые человеческие страхи.

Каждый день я стараюсь провести интересно, быть ровной, спокойной, вобщем мне это удаётся, но срывы всё-таки ошеломляют. Дед в этот старый дом, где никогда не слышали и не знали ни о существовании Леонардо Да Винчи, ни о Ренуаре и повесил две репродукции: Мону Лизу, Большую над столом и поменьше Купальщицу Ренуара. Для появления второго понадобилось несколько столетий и эта ослепительная волшебная мягкость её красоты, каждый день я смотрю ... Беспощадная ясность лица Моны Лизы ведь чувствуешь, что где-то ребёнок, но какая гармония всего отпущенного человеку.

Замечает ли их Илья? Надо будет обратить внимание.

Собственно, сейчас я занимаюсь тем, что пытаюсь найти верную линию своей жизни, всё то, что раньше огорчало, мучило должно быть отброшено и мне хочется хотя бы немного пожить спокойно, принося покой и счастье другим. Многое воспринимается мною ровнее и суше: я знаю, не так уж много мне и осталось. Да и потом, что может быть важнее умения спокойно и достойно жить. Время, в котором я живу, очень громкое на словах и бюрократическое не деловое на деле выпало мне не очень хорошее, и я с тревогой думаю

о том, которое достанется моему сыну. Долго я мучилась над проблемой мой сын - Афганистан, ибо это проблема встала передо мной со всей ясностью после того как на седьмом этаже над нами стал жить молодой человек Серёжа, прослуживший, вернее провоевавший в Афганистане два года. Их выбросили десантным парашютом. Он очень отличается от своих сверстников, не воевавших. Чувствуется что в нём воля - это свёрнутая стальная пружинка и ещё это простой обаятельный парень добрый. Мальчишке в 18 лет не созрели для интернационального долга по приказу. Наверное, надо как в Испании.

Недавно у меня с сыном состоялся разговор.

- Мама, а почему воюют?

- Вообще говоря, если бы не посылали, то бы войн не было.

- Ну значит не нужно идти в армию, все бы не пошли и некому воевать.

- Вообще говоря ты прав: но решение личности на данном этапе развития общества не учитывается, а ведь в других государствах армии, но вообще-то вроде бы всё подвигается к тому, чтобы исходить из разумных соображений.

Сама гонка вооружений теряет всякий смысл, я где-то прочитала, что ядерного оружия накоплено столько, чтобы Землю взорвать почти 400 раз, нужно в принципе только один, всё остальное лишнее, да и сам принцип равновесия к чему он ведёт: до каких пор мы будем такими же сумасшедшими как они: вероятно, нам следует исходить из принципа достаточности самообороны, всё остальное лишнее.

Вообще это очень сложная проблема, нигде я не могу найти книжку чтобы разобраться во всём этом, за исключением сведений о размещении, всё остальное должно быть ясным и понятным каждому. Да и сами переговоры я бы сделала открытыми телерепортируемыми во многих аспектах каждому бы всё стало ясно.

Вообще-то как-нибудь ещё поговорим. Вот недавно я прочитала в "ЛГ" статью академика Велихова о новой технологической революции.

Всё в ней хорошо так точно в общем скоро в наших домах должны появиться компьютеры с 100 пластинками, в которых хранится информация равная ленинской библиотеке.

Статья написана аккуратно, спокойно. Отмечено, что это, несомненно, поведёт за собой социальные сдвиги в обществе, а мне почему-то подумалось про социальную структуру общества. Как-то мало мы задумываемся об этой структуре, её функции...

Размышляя. Вчера, когда Илья с дедом ушли за молоком, я нашла старую Работницу и принялась с жадностью листать.

Цивилизация приучила нас потреблять это чтиво. Прочитала о Петрарке с волнением, творческий портрет Евгении Симоновой, и обнаружила две статьи крепостного живописца ученика Венецианова. Г. Сороку и его портрет Е.Н. Милюковой. Меня он поразил. Вроде бы и не красавица, а оторваться невозможно, но возможно, что найдено соответствие лица...

Цифровая живопись. Алтай. Художник Цуриков Илья

Продавали апельсины. Для нас сибиряков это редкий и экзотический фрукт. Выбросили их в нашем магазине, потому что магазин не выполнил план - это был последний день января. Торговля шла очень бойко и розовощёкая толстуха-продавец весело с нахальством от души наваливала сетки 7-10-12 кг. В общем очередь была человек сто, первых такой порядок торговли устраивал и они молчали, но молчали и последние за исключением одной женщины, матери трёх детей, которая потребовала "Должной жалобной книги". Значит вот такая социальная индивидуальность охватывала человек

30-20, которым могло и не хватить, а должно бы. Значит, нам не хватает этой заботы о всех и о себе.

Исследование человеческого характера составляет суть многочисленных чеховских неповторимых рассказов, и всякий раз от Чехова не уйдёт и его излом, и искание, и борьба. Да, Чехов искал в человеке человека, страстно и долго всю свою жизнь и верил, что сломать его непросто, а может быть и невозможно. И именно этот внимательный взгляд чеховских глаз обращён к нам, к каждому из нас современникам непостижимо передающих концентрацию интеллектуальной

Вообще в мире готовом взорваться, как она нам эта ответственность человека перед всеми нужна, нужны новые формы, где бы творчество каждого в масштабах государства могло проявиться. Меня поражают новые формы обсуждения важных общественных проблем в государстве будь то реформа или обсуждение каких-то законов, и те глубочайшие государственные мысли высказываются простым советским человеком.

Наверное, наиболее интересной и плодотворной темой была бы проблема Чехов и современность. Ибо я думаю, что творчество Чехова сохранило для нас наибольшее количество живых проблем. Николай Скатов верно подметил, что героем чеховского рассказа мог стать кто угодно и где угодно. Но ведь здесь гениальность чеховская состоит ещё и в том, что он открыл в новом качестве этот маленький человек и что он составляет центр современной исторической жизни, сама эта жизнь и является ареной борьбы и конечным продуктом. Мне кажется что мы как-то слишком прочно садимся на исторические закономерности, открытые диалектикой в надежде, что они нас выведут куда нужно и слишком мало уделяем внимание отдельной человеческой жизни. Мне кажется, очень спорным не точным вывод намеченное противоречие о том, что Чехов не был сторонником теории малых дел, но в жизни он не ушёл ни от одного малого и строя школу и леча занедуживших мужиков и собирая книги для Таганрогской библиотеки. Я думаю, что в этом и глубочайшая честность Чехова - человека помогает каждому кому можно. Говорят нам ты ответственен за всё, что происходит в мире, за всё и не можешь пройти мимо самой маленькой несправедливости, и сделай всё в жизни, что можешь, чтобы она была краше.

И это непопулярная теория малых дел жива и сегодня, мы успокаиваем себя большими делами и не научились вниманию и заботам и нуждам отдельной человеческой жизни, ибо откладывая их мы не желаем их решать. Одна из острейших проблем современности проблема жилья и ждёт нашего решения.

Николай Скатов пишет: "Чехов поехал на Сахалин именно потому, что чувствовал себя виноватым в том, что был Сахалин, и в том, что было на Сахалине". Мне хочется добавить, что ни один честный человек не мог не чувствовать себя подобным образом. Это ответственность человека живущего на земле и отвечающего за всё на ней происходящее. По этому Чехов абсолютно точен когда говорит: "Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей".

Этой ответственности не хватает нам современным людям не успевающим не хотящим и немогущим сделать множество дел, живущим в первую очередь для себя. Сцена недавно увиденная в магазине заставила меня посмотреть на неё с социологического уклона.

Статья Николая Скатов: "Становление свободного человека". К 125 летию со дня рождения А.П. Чехова опубликованная в Лит. газете, вызвала у меня целый ряд размышлений и возражений. Статья предверена великолепным эпитетом, чеховскими словами: "Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья". Хотелось бы согласно эпиграфу, чтобы сама статья была написана в этом ключе уникального именно чеховского подхода к общему через личное, через человека, однако этого не произошло. В соотношении с современностью чеховские слова говорят нам о том, что мы чересчур часто грешим, как и Николай Скатов, общими категориями, как и общими словами, как бы садимся в седло найденных исторических закономерностей, надеясь, что они нас выведут или вывезут куда нужно. Нет, исторические закономерности безусловно верны, но мы как-то недооцениваем наше личное участие в проблемах социальной жизни, общественной жизни, наши возможности.

К сожалению, в статье отсутствует этот выход в современность столь необходимый в юбилейной статье, и в ней лишь прослеживаются давно уже открытые связи Чехова с приближающейся революцией.

Какими своими гранями творчество Чехова обращено к нам современникам, чем близок он нам сейчас, вот об этом бы хотелось услышать в юбилейной статье.

Николай Скатов верно подметил, что героем чеховского рассказа мог стать "Кто угодно и где угодно". Но ведь чеховская гениальность состоит ещё и в том, что он открыл этого маленького человека в принципиально новом качестве, что он составляет центр

современной исторической жизни, и что сама эта жизнь какой бы маленькой и незначительной кому-то не показалась является ареной социальной и нравственной борьбы современности. Нам же современникам не хватает этого отдельного внимания к каждой человеческой жизни. И Чехов помогает нам восстановить утраченное равновесие.

Мне думается, что намеченное критиком противоречие "Чехов не был сторонником теории малых дел, но в жизни он не ушёл ни от одного малого: и строя школу, и леча занедуживших мужиков и собирая книги для Таганрогской библиотеки требует нашего пристального раздумья". Не совсем верно.

Нет это не противоречие, это глубочайшая честность Чехова человека. Чехов как бы говорит нам: ты ответственен за всё, что происходит в современном мире, за всё, ты не можешь пройти мимо самой маленькой несправедливости и должен сделать всё, чтобы она жизнь была красивой.

И эта непопулярность теории малых дел жива и сегодня, мы где-то успокаиваем себя большими делами и не научились ещё вниманию и заботам к нуждам отдельной человеческой жизни, ибо откладывая их на завтра мы не желаем их решать сегодня.

Николай Скатов пишет: "Чехов поехал на Сахалин именно потому что чувствовал себя виноватым в том, что был Сахалин". Эта ответственность нужна нам и сегодня. Вообще в сегодняшнем мире готовом взорваться в любую секунду, как она нам нужна, это понимание, ответственность человека во всех своих возможных формах перед всеми и нужны новые социальные формы, где бы творчество каждого смогло проявиться в масштабах государства. И они рождаются. Меня поражают новые формы обсуждения важных государственных проблем, будь-то школьная реформа или обсуждения каких-то законопроектов и те глубочайшие государственные мысли, которые высказываются советским человеком, на уровне государственности мысли.

И последний литературоведческий вопрос, обойдённый в статье, какие традиции чеховского рассказа живут сегодня, не поднят в статье. Чем жива эта творческая традиция, как своеобразно обобщение современной критики. Здесь необходимо.

Статья напечатана вместе с большим портретом А.П. Чехова работы Серова, который мало известен и редко печатается. Удивителен их свежий взгляд, это взгляд очень современного человека и это удивляет и радует. Этот взгляд гениальный Серов сумел сохранить и передать нам современникам.

Чехов сумел пройти впереди человечества тот этап духовного развития, который унаследовали мы, но поражает это острое честное желание понять собеседника.

Структура чеховского рассказа, несмотря на удивительную лёгкость и прозрачность содержит немало тайн и для нас современников.

Вот как пишет Хоакин Гутьеррес в романе "Ты помнишь, брат", где начинающий писатель пытается постигнуть "литературные приёмы" "Чехова, которого не ухватишь" оригинальным образом прочитав рассказ Чехова, а затем написать его своими словами.

"Это было унижительно. Получилась бесцветная водянистая каша... С претенциозными и совершенно ненужными красотами, нечто отвратительно (сальное, а попросту говоря - куча дерьма). Сравнили с оригиналом: мой рассказ выглядел как траченное молью чучело из жалкого провинциального музея рядом с прелестной живой газелью, скачущей по лужайке".

Лев Толстой считал, что Чехов создал совершенно новые формы тиомы?

Может быть и от того что за комедией простым найденным чеховским словом стоит жизнь...

Стр. 94. "Латинская Америка. Литературный альманах. Выпуск 1. Москва. "Художественная литература" 1983.

Опубликование в журнале "Иностранная Литература" романа Дриса Шрайби "Расследование на месте" я считаю крупным успехом журнала "Иностранная Литература" за прошедший 1981-5? год. Помню, такое же сильное впечатление произвела на меня публикация "Жёлтой лихорадки" венгерской писательницы. Я попыталась понять, как-то выделить для себя в чём же причина и мне думается, что главная причина в глубоко современной, новом решении поставленных проблем. Тех проблем вокруг которых концентрируется современная жизнь и которые стремится решить каждый крупный художник современности. Проблема власти в иерархической структуре каждого общества точно определена писателем.

Начальник полиции прибыл в деревню июльским днём... Над ним высилась целая пирамида начальников, в большинстве своём не известных ему даже по фамилии. Но приказы оставались приказами. Спускаемые вниз по иерархической лестнице, они достигали его в виде безличных пометок, небрежно начертанных красным карандашом и сопровождаемых неразборчивой подписью.

Собственно весь роман спаян, вырос из этого осознания власти и взаимоотношения с ней человека.

Обезличенность власти невозможность принести своё социальное творчество конкретизация поставленной проблемы решается в гротескном разговоре начальника полиции Мухаммеда с подчинённым инспектором Али, который высказывает не лишённую здравого смысла мысль:

- Вот я и сказал себе: будь я правительством, я не мешкая навёл бы во всём этом порядок. Я собрал бы всех этих безработных, всех этих юнцов, что шлятся с дисками и гитарами, всех этих - интеллектуалов, то есть тех кто работает головой.

Вот, вот, начальник: всех этих повредившихся головой, чтобы заставить их собрать камни и выдрать чертополох на этом просёлке и превратить его в прекрасную асфальтированную автостраду для блага нации и для того, чтобы доставить тебя сюда, в эту горную деревушку, без тряски и с комфортом, это так же верно, как два плюс четыре будет шесть. А заодно - ликвидация безработицы. Чем не гениальная идея, начальник?

И он умолк. Начальник долгое время хранил молчание, перебирая в уме всё только что услышанное. Потом сказал: - Но ведь ты не правительство, так? - Так, начальник. Увы!

- Сейчас же заberi от меня это слово! - Взревел начальник.

- Какое начальник? - Самое последнее, что ты сказал.

- Вот и хорошо, - продолжал начальник.

- Скажи-ка мне, ты никого не знаешь в правительстве, чтобы выложить ему свою гениальную идею?

- Никого начальник. Кроме тебя.

Этот отрывок даёт великолепное представление и о структуре романа, ибо он движется вот такими диалогами. И о великолепном юморе, которым он насыщен, ибо фигура и начальника полиции смешна, гротескна, и в особенности инспектора Али, которая невольно ассоциируется с диалогами и монологами Швейка;

Но уже в этом отрывке заложена и глубочайшая и важнейшая идея романа, то раде чего он написан, о взаимодействии власти и конкретного человека, о том, как они влияют и могут влиять друг на друга.

Инспектор Али высказывает вполне трезвую мысль, что на его земле много дел и в частности проложить дорогу.

Но такие идеи может проводить в жизнь только правительство и это "Увы" Али именно к нему и относится. Действительно, почему же он не спешит этого сделать.

Проблема власти и личности и дальше будет развиваться и до своего логического завершения.

Инспектор Али, выходец из народа из многодетной семьи, голодавший в детстве и живший в страшных условиях, который становится инспектором из-за куска хлеба вызывает на первых парах наше сочувствие. Его бесконечные диалоги с туповатым слугой закона непочтительные разговоры, всякий раз сбивающиеся на точку зрения человека из народа вызывают к нему так же расположение.

Но постепенно за этой позицией ради куска хлеба, крошечной квартиры из бетона "искусственного камня", женой, вечно суеющей, детьми, начинает вырисовываться и создаётся фигура, вернее рождается фигура человека современного общества, готового идти по пути карьеры, закона. Оказывается он задержал человека, применил удушение, а начальник помог ему избавиться от заслуженного наказания. На минуты на пути продвижения обоих по закону возникает фигура Адольфа Гитлера, выбившегося из такого же бедного состояния в люди с небольшими умственными способностями.

Особое поручение, данное начальнику полиции заключается в том, что слепого человека, ослепшего от работы на заводе минеральных удобрений, неугодного власти...

Положение народа, загнанного в горы, и живущего на солнцепёке и страшной бедности кажется изолированным от всего мира. И образ старика Рахо, олицетворяет собой как бы вечность и не связанность его с миром живущих внизу.

Но неотступно для читателя это связи оказываются насыщенными и яркими, хотя и трагичными.

Иногда мне казалось, что здесь ничего не могло случиться, произойти. Ну вот тихо спокойно жизнь катилась куда-то, и почему как-то незаметно, без ярких всплесков напряжения. Стоило мне только вспомнить Новосибирск, то вот там, напор, движение, все куда-то бегут, в здания большие и солидные говорят о серьёзности, деловитости, размахе, умении крупно жить. Потом я поняла, что здесь я попадала в плен к другой жизни, та которая теперь здесь лет 100-150 назад и внешние декорации которой остались, хотя сама она ушла.

Правда вот за этим зданием, которое мало чем отличается от этих каменных с окнами бойницами, оно лишь из бетона, а внешней вид только похуже, попошлее. Так вот однажды в больнице рядом со мной на койке лежала женщина простая швея. У неё было очень высокое давление 250. Для того чтобы заработать свои 250 рублей в

месяц, она свою производительность довела до 200 вещей. То ли клапаны, пришивала, то ли на рукаве сидела, полное истощение. Я запомнила её фразу, ведь 200 штук надо в руках подержать ... После больницы она хотела ещё заработать на шубу, шапку "Костюм своему единственному сыну", очень красивому черноволосому постоянно улыбающемуся мальчику с чудесным румянцем на щеках.

Ушла ли она полностью.

Теперь в этом здании, где раньше помещался сельскохозяйственный университет? Я всё время чувствую

Пробегая мимо чистенького побеленного здания я с удивлением узнала, что здесь онкологическая больница.

За окном можно было увидеть, как крупная дородная женщина что-то смотрела в микроскоп. Сердце немножко замирало, интересно, что там произошло с чьими-то клетками, почему они вдруг вышли из-под контроля и потеряли управление, что произошло с их хозяином.

Этой бы женщине в накрахмаленном идеальном халате и колпаке такой удивительно спокойной. Смогла бы я так спокойно сидеть и выносить приговор. Потом в следующий раз я подумала надо бы зайти потолкаться, посмотреть послушать в коридоре, я была почему-то уверена, что сюда людей приводят какие-то определённые закономерности в жизни, вроде определённого способа жизни что ли.

Я торопилась и откладывала вроде как спешка призрачной сменой дел отгораживала меня от него, спасала.

Летом в деревне на даче я в спешке, привязывая помидоры к колышкам, наткнулась на палку родинкой, поранила это место, стало тупо болеть. Усталость от новой работы, я ждала целый месяц, но боль не проходила. Я пошла в клинику. Маленький суetyющийся толстый онколог послал меня в кожный диспансер, для выяснения. Это попытка привела к тому, что развившийся обширный воспалительный процесс привёл то ли к воспалению, я сделалась жёлтой и когда я вставала, то могла с трудом дойти до туалета, голова страшно болела. Я поняла, что это, вероятно, конец.

Конфликт разрешается неожиданно между законом и властью, несмотря на кажущуюся несерьёзность выполняемого задания. Ибо люди живущие в крайней нищете здесь и загнанные на самый верх гор, где всё бесплодно, кажется обездолены до крайности и ничем не могущими этому обществу противостоять, сам Али бесконечно уговаривает начальника спуститься с этого адского солнцепёка и

провести неделю расследования в каком-нибудь отеле с душем, ванной, коктейлями. Да и сам начальник кажется, что не обладает никакими способностями ни в расследовании, ни в смётке детектива: он роняет и забывает, про ружьё, после разговора с пастухом Рахо. Он настолько толст не поворотлив, испечён адской жарой, настолько его вышибает всякое общение с допрашиваемыми, что когда-то начинает казаться, что всё это он делает напрасно. Но неожиданно несмотря на все эти препятствия его мечты о движении вверх по социальной лестнице закона заставляют его остаться, чтобы довести начатое дело до конца.

Моя деревня.

Я придирчиво осматривала деревеньку, которая разворачивалась сама навстречу автобусу вдоль дороги. По моим представлениям она должна быть совсем другой: домики же были старенькие, низенькие над землёй, несколько из них покосились от ветхости наклонились, потом я их все полюбила, хорошо знала и поняла, что старые дома делаются почти одушевлёнными.

В центре на развороченной колеями пыльной площади стояли школа, магазин и контора, пара грузовиков, у дерева задумавшись лошадь с телегой.

Наш дом стоял недалеко от школы, стоило только за неё завернуть, тоже на узкой пыльной просёлочной дороге. Пыль ещё долго оседала после того, как пройдёт грузовик. И я всякий раз ждала, когда она осядет.

Дом был большой и шиферная крыша мягко прикрывала его сверху как гриб. Я зашла в ограду, огороженную плетнём, прошла через старую веранду, низкую дверь и сени в комнату. Она была давно не белена и не мыта в углу стояла большая русская печь, села на табуретку.

Поехать в деревню, ну в этом для меня не было ничего необычного. Тем более, что читая в основном газеты в общежитии университета, как-то было не принято ходить смотреть телевизор, у меня сложился мобильный динамичный облик деревни, к чему-то устремлённой развивающийся, в которой главной фигурой был механизатор (мне очень нравились эти слова), зарабатывающий хорошие деньги, но не в этом было дело, главное было в работе, на земле, трудовом коллективе. Закручены, написаны эти статьи были интересно, часто почти как детектив что-то заставляло тебя их читать; И судьбы

людей и вся жизнь как-то разукрашивали, расцвечивали их, словно иллюстрируя их правильность и однозначность выводов.

Мне было не жаль и оставленного Академгородка. Целых пять лет моей жизни были спаяны с ним. Сначала мне было очень трудно привыкнуть сдавать знания определённым объёмом, я серьёзно считала, что можно их набирать и без экзаменов, так как в экзамены очень волновалась, потом я настолько впряглась в эту лямку, что ещё бы пять лет проучилась, с удовольствием.

Теперь я покидала городок без всякого сожаления, хотя раньше на первом курсе я им дорожила больше всего на свете. У меня был свободный диплом, и я бы могла остаться, но остаться я не захотела.

Наверное, я как бы изжила его в себе, если обобщать комплекс неудач и разочарований, который я здесь обрела, пытаюсь жить и найти себя в жизни. Наверное, я чувствовала, что этот период жизни раз он завершён, что его и нужно закончить, а начинать где-нибудь на новом месте. Теперь нужно было начинать свою жизнь ещё раз заново, и я к этому не была готова. Может быть, я эту таинственную манящую и прекрасную новую для меня когда-то жизнь слишком хорошо узнала. Желание уехать было очень сильным, и я его послушалась.

В доме было тихо, мысли текли медленно не торопясь. Я выглянула в окно, земля здесь была совсем близко, огородик весь зарос травой, это меня успокоило. Я вгляделась ещё раз в лицо своего будущего мужа, оно было очень красивое, и я пренебрегла простой некрасивой одеждой и принялась за уборку. Целый месяц я белила, мыла, стирала, выбрасывала ненужное, и, наконец, почувствовала в душе странную тихую радость: это был мой дом.

Потихоньку я узнавала (Отсутствует...)

Мама мухтара жалко?

Сегодня утром я встала, снова вспомнила, что его нет, но ещё я поняла, что сегодня могу про это написать, мне было так больно к этому прикасаться, что я не хотела беречь эту рану, да и делиться с кем-то было трудно. Мне предстояло переживать её каждый день, каждый час, боль возникала, нет приходила внезапно, и я была всякий раз беззащитна перед ней. Мне предстояло переживать её и я это знала, человек ведь беззащитен перед болью он не может найти пути её преодолеть. Он только знает, что потихонечку она уйдёт. Успокаивала я себя и таким рассуждением, не совсем честным путём:

в наше время гибнет столько людей, идёт война в Афганистане, а Мухтар ведь был собакой.

Но ведь он был и очень преданным и очень чистым другом, был очень красив, жизнь с которым, или вернее без которого утратила многое. Когда пытаешься осознать для себя, что же было самым ценным в этом общении, то оказывается, что они эти утраты невозможны.

Конечно, мы как большинство людей не держали никогда собак, и представления о них складывалось из вида неряшливых неуверенных в себе дворняг, да изредка из экзотичного вида холёных похожих на кукол репортажей с выставок по телевидению.

Появился Мухтар в нашем доме так. Дед, которому надоело жить как волку одному в деревне, где он стерёг дачу, то есть ягоду, помидоры и огурцы.

В один из своих запоев, когда он обегал кажется весь наш городок, притащил чёрненького вздрагивающего от каждого шороха с влажными мерцающими глазами, завернутого в шёлковой платке.

Я думаю, что главным при этом было то, что собака была очень красивой. Дед любил всё красивое и умел профессионально ценить. Я кроме восточно-европейской лайки, да бульдога, определить породу не могла, но понимала, что порода в ней есть, её много. Дед мягко говоря, прогорал на красоте несколько раз в жизни. Именно поэтому он хорошо разбирается в живописи и уже в деревенском крестьянском доме, больше я такого не видела никогда, висят репродукции от Моны Лизы до работ Марли Ренуара. Самый крупный его проигрыш в жизни, пожалуй, его жена, обладавшая в молодости редчайшей красотой, которую он не сумел не сберечь, не найти пути человеческого общения с ней. Мать моя к старости стала ругаться беспрестанно, оказалась женщиной владелицею примитивного склада берегущую каждую копейку, вечно моющую, стирающую и ругающуюся. На мой взгляд они сделались совершенно разными людьми. Правда я потом вспомнила, что видела похожую на Мухтара собаку в детской книжке, где речь шла о Вие? (неразборчиво).

Но и не зная о названии породы, я сразу поняла, что Мухтар, который был слишком мал для столь громкого имени обладает редкой красотой.

Всё было совершенно и закончено в этой маленькой удивительной головке, плавные мягкие линии, ляжет он или встанет всегда были закончены, и можно было только удивляться, что Бог создал ещё раз красоту на свете, кроме человеческой.

Дед уехал с ним в деревню и через некоторое время приехали и стали жить вместе. Больше всего к нему привязался Илья. Они одинаково играли, валялись на траве, целовались, а ведь Илье было уже 11 лет, он его кормил, таскал со стола куски мяса, чем вызывал страшное неудовольствие отца. Это была пора ничем не омрачённого их счастья, Мухтар окреп, и, когда мы шли на речку, то он, сияя чистой радостью узнавания и общения с миром, словно плыл на парашютике своих мягкий бархатных ушек, а хвостик, словно помогал ему рулить по воздуху. Он был одет в жёлтые пегие чулочки, такая же жёлтенькая была у него грудь, с чистой белой звёздочкой внутри, на лице, там где были брови, было словно два жёлтых огонька, он смешно разбрасывал две передних ножки.

Дед выгонял его из дома в сени, а Илья тащил упорно домой. Дед был неожиданно гневлив и не терпелив и начинал драться, впрочем, Мухтар, исходя из благородства, и великодушия своего характера, не очень на него за это обижался.

Вот я вижу, как Илья, прожив большой яркий, жаркий деревенский день сидит на крыльце и гладит, его, целует, чем вызывает опять гневливую бурную реакцию уже отца. Дом стоит у дороги, пыльно, жарко, дорога заворачивается сразу почти за домом в поле, синее, знойное небо лениво, просторно ширится над нами, и можно вот так целый день сидеть, дышать жить вместе с тем, что тебя окружает какой-то странной новой жизнью. Илья любил его преданно, нежно, ничего не требуя, постепенно постигая какой он красивый. Он как-то по другому, чем, например, я, разглядывал подолгу его и сам становился тоже настоящим джентльменом.

Мухтар подрос, стал выше на ножках, он стал гоняться за курицами, в нём пробудился охотничий дар, но мы стали ругаться, потому что курицы как оглашенные взлетали кверху, истерично кукарекая. Счастье - это, наверное, радость единства с окружающим миром.

Они переживались ими в полную меру молодых сил, которые открывают сами себя.

Но дело близилось к осени, и вставал вопрос, куда девать Мухтара.

Дед был категорически против того, чтобы его брали домой, весь дом провоняет псиной и Илья принялся просить меня, чтобы я взяла его домой.

Я тоже принялась отказывать. Сейчас-то я понимаю, что больше походила на деревянного остолопа, до которого простые истины доходят с простым трудом. Илья ходил за мной беспрестанно целую неделю, и видя, как он мучается изо дня в день до меня, наконец, дошло, что Мухтара нужно взять; Да и сама я испытывала угрызения совести. Подходил сентябрь и вот я решилась. На душе было легко и

на следующий день мы с Ильёй поехали в деревню. Встретила она нас не так как мы хотели. Дом был притихший и какой-то особенно пустой. Голая чёрная земля после картошки, помертвелая трава в ограде.

Казалось, что сейчас раздастся какой-то торжествующий короткий лай и Мухтар кинется нам на встречу, Всё заполняя своей радостью, когда самое чудесное в мире это радость, это встреча. Илья канючил беспрестанно, дед выдвинул версию, что Мухтар сам убежал, Бабка стала ругать деда, что не мог подождать, Илья хотел идти искать по деревне, Дед ходил как Иуда Искариот, сделавший своё чёрное дело.

Я решила поскорее уехать, потому что, странное дело, и мне было невыносимо грустно, Илья беспрестанно корил меня тем, что не могли мы приехать на день пораньше.

Зима прошла потихоньку в каких-то непрестанных хлопотах и тревогах, но легко и быстро забылась потому что вспоминать-то было и нечего. Мелочи, отнимая всё время, не давали возможности чем-то заняться спокойно. Подрастала Катя, сияя своими чистейшими голубыми глазами, маленьким чудесно вылепленным носиком, длинными вразлёт бровями. Но короткие бурные ссоры, часто нарушали мир, столь необходимый детям и Катерина понемножку заикалась, а Илья боялся темноты и не любил оставаться один в доме.

Летом мы снова поехали в деревню на клубнику, был уже июль. Я снова сидела на крыльце, кормила ребятишек клубникой и смотрела на дорогу, которая была в трёх метрах от крыльца. Вдруг мне показалось, что пробежала собака, очень похожая на Мухтара. Я кинулась к калитке. Он был почти в два раза меньше, почти не наступал на ногу, и часто принимался бежать на трёх ногах.

Я позвала Мухтар, Мухтар и он остановился около калитки, как останавливаются люди, перемолвиться словом. Но вот глаза его, глаза были невыносимы. Он словно бы с высоты нелегко приобретённого жизненного опыта осматривал, оценивал нас. И столько в этом было понимания того, что встретились ему не очень хорошие люди, бросившие его, что кровь бросилась мне в лицо.

Постояв, он побежал на своих трёх ногах дальше. Сашка сказал, робко, вон идёт лесник. Но это был другой мужчина, а Илья сказал: не кормят его. Я пошла по дороге с запылёнными клёнами по сторонам, подошла к болоту, поросшему какой-то ряской, но его нигде не было.

Зашла к Чулковым, объяснив, что вот дали лесникам породистую собаку, бесплатно, не взяли денег, а они даже и поухаживать не смогли. Яснее и чётче я представила и лесника жившего на краю

деревни в большом новом, самом лучшем в деревне доме. Они вырастили 11 деток, десять девочек и последний кругленький маленький жил с ними. Дома было всё, но была так же и скудость и убогость общения. Они продавали разбавленное водой молоко и я как-то лесничихе покупала в магазине одеколон, она способна выпить, мне стало противно от этой всепоглощающей жадности, когда жалко накормить собаку.

И я пошла на край деревни.

Алтай. Цифровая живопись. Художник Цуриков Илья.

Сегодня я видела во сне Мухтара. Как будто бы к нам в дом забежала собака похожая на Мухтара: я пригляделась, она была очень на него похожа, но так как это был не он, то душой я его не хотела принимать. Он забился под койку и тут кто-то сказал, я не помню кто, да пусть он. Всё это было в той квартире, где мы жили раньше. Потом ночью меня разбудила Катерина, потом я снова уснула и снова увидела Мухтара во сне. Как будто бы мы шли вдоль трамвайной линии, и он как всегда убежал немножко вперёд, потом его позвал какой-то мужчина, и я стала бояться, что он его поведёт. И здесь дорога пошла по болоту, зелёному, и я пошла по каким-то доскам. И вот его фигурка, вот вот уже рядом.

Потом, повинувшись какому-то движению, я пошла на этот край деревни. Мухтар лежал около скамейки на улице, свернувшись чёрной прекрасной змейкой. Я подошла к леснику, и сказала ему:

Ребятишки узнали Мухтара и хотят взять собаку назад. Глаза его загорелись от вызова прозвучавшего в моём голосе.

- Пожалуйста, сказал он, стараясь казаться равнодушным.

Эх ты, подумала я, ведь ты хотел эту собаку, она была прекрасна, полна сил и радости, ты её сначала домогался, предлагал деньги, но твоя страсть командовать привела к тому, что ему стало плохо.

- Да у него что-то нога задняя болтается, и худой он.

- Да это вон соседи, стукнули его, говорят, что куриц он трогал, ничего он не трогал. Он и похудел от этого.

В голосе слышалось нечто вроде извинения или оправдания себя.

Он попытался командовать.

- Мухтар.

Я подошла к собаке, и взяла на руки, она стала мелко трястись как тогда, когда дед её вёз в деревню, но сейчас она была такая лёгкая.

Мы накормили её, она хорошо поела, был суп, простокваша, кусок хлеба с маслицем.

Но, спустя некоторое время Катя с Димкой вышли на дорогу, и Мухтар вышел за ними.

Илька выскочил за ним и стал звать. Мухтар, Мухтар. Он вроде бы остановился, но потом всё-таки ушёл.

Я снова села на крыльцо и не выдержала, накинулась на Деда.

- Это ты его отдал этому леснику. Разве этому человеку можно доверять собаку. Он только паршиво командует. И даже не кормил, поэтому он забрался в этот курятник, ведь мы его кормили яйцами. А те за яйцо убьют кого хочешь. Господи. Возьмите собаку, а потом бросите. Я тебе говорила давай сходим, возьмём, а ты неудобно. Перед кем неудобно. Перед этим что ли. Дед: Да он ещё придёт, нужно подождать.

Следующий день. Я пытаюсь вспомнить какой он был.

У калитки, сделанной из готовых прутьев показалась чёрная морда с светящимися жёлтыми, как у бабочки глазами и раздался радостный лай. Я кинулась со всех ног к калитке и закричала.

- Илья, Мухтар пришёл!

Сколько чистейшей радости, сияния было написано на его морде, как он вилял хвостиком.

Илька тащил ему припасённые косточки, накануне мы варили свиные ноги, я разбирала холодец, и косточек было очень много, была и целая половинка ноги, которую Илька отстоял у отца.

Всё это вывалили на большую тарелку и он принялся потихоньку грызть кости и ногу. И снова я увидела, как красив он, он сразу как-то залоснился, как-то сделался безмятежным и тихонько положив свои ножки вперёд в своих жёлтых одинаковых чулочках стал отдыхать.

- Мухтик, Мухтик, Мухтик, - Стал гладить его Илья - Блин, какой красивый. И он в приливе чувств поцеловал его прямо в нос.

- Илья, ну целоваться-то не надо. Правда. Да и надо мыть руки после того как поиграешь с собакой.

Илька притащил на веранду фуфайку, постелил тряпочку, собственноручно перенёс его туда, но Мухтар, полежав понемногу подошёл к калитке и стал рваться, и лаять, и скулить. Дед психанул, вы что мучаете собаку. На что я взяла да и сказала.

- Дед, не тебе говорить, какой ты умный, мы уже убедились.

Всё-таки я открыла калитку, Мухтар сразу успокоился и потихоньку вышел за калитку.

- Мухта, ну что ты, - спросила я его.

Он очень интеллигентно как-то так помедлил, посмотрел и, чувствуя себя немножко виноватым, пошёл по дороге, которая неприкаянно открыто разворачивалась в поля.

Иногда его не было день или два и тогда самой большой радостью было, когда он прибежал к воротам и начинал лаять, чтобы его услышали в доме и пустили. Илька тащил ему куски, - приговаривая: Мухта, Мухтачка, Мухтар, потихоньку отходил от забитого состояния. Дед, наливая ему супа, или давая хлеба приговаривал, ты что, придёшь наешься и уходишь?

Он, полежав час или два, он теперь редко лежал на самом солнцепёке, солнышко слишком припекало его, но в тенёчке отдыхая, он набирался, как мне кажется какого-то иного взгляда на жизнь. Но всякий раз я поражалась присущей ему почти кошачьей тигриной пластике и совершенству.

Но он теперь не ел яиц, даже когда был сильно голоден, видно пережитое тесно увязывалось у него с ними и он стал испытывать к ним отвращение.

Ногу я активно мазала Випросалом, камфорной мазью, но у него стал болеть ещё глаз, и от того, что он его тёр о траву шерстка вокруг глаза вылезла. Я привезла тетрациклиновую мазь, потихонечку таскала у деда преднизолоновую, он потихонечку стоял, когда я его лечила.

Сначала я думала про глаз, что это лишай, но потом дед, который в молодости работал в Скотоимпорте в Монголии сказал, что у собак лишая не бывает, это он просто когда лазил по помойкам в поисках пищи заразился.

- Ну и куда ты его повезёшь домой больного, да хромого, - спрашивал он у меня.

- Да ведь и вам и красивый, и молодой не был нужен. Ничего, вылечим.

Потом дед посоветовал промывать глаз ваточкой с марганцовкой и глаз медленно пошёл на поправку.

Помню, как в жаркий августовский день мы все пошли за ежевикой росшей на берегу Ануя в кустах смородины.

Стадо коров потихоньку двигалось мимо этих кустов, и эти большие мирные животные с мягкими бархатными боками словно олицетворяли само мир и само спокойствие на земле. И вот из кустов смешно размахивая лапами, сияя так как это только возможно кинулся Мухтар.

- Мухтик, Мухтарушка, а он продолжал бегать, подошёл то к Катьке то к Илье, поиграл с ними и исчез.

Я вспомнила дедовские слова: Видишь ли он много пережил, но теперь была в нём несмотря на это пережитое - остался очень добр.

Когда мы пошли в лес за вениками и нужно было проходить по дороге мимо дома лесника, то Мухтар свернул к соседним собакам и ни за что не хотел проходить мимо сына лесника. Я поняла тактично.

Когда мы пришли домой, то Илька, повинувшись какой-то потребности достал старую гармошку, пытаясь извлечь из неё какой-то строй. У нас в доме не было телевизора, и иногда измученные зноем, пылью с дороги по которой проносились тяжёлые Камазы и казалось, что дорога не выдержит и провалится куда-то вместе с ним, тем, что некуда было податься; Вокруг стояла высоченная крапива и листья её на солнце делались тёмными, словно храня какую-то тайну, пронзительно до одурения начинала пахнуть сухая полынь, большая круглая ива за огородом послушная каждому мановению ветерка и та замирала большим шаром.

Так вот Илька, сидя в кресле, пытался отыскать в своей душе то, что нужно было открыть, а Мухтар неожиданно выйдя из под койки, подошёл ко мне и потихоньку завыл. Нет, это не была горькая тоска, но скорее осознание того, что все мы вот выброшены довольно-таки бесцеремонно на свет Божий.

Илья с Катькой принялись хохотать, а Мухтар не очень обидясь всё-таки понял, что смеются над ним и больше петть не стал.

Вчера, придя из школы Илья, когда я открыла ему дверь, убедившись, что я дома, он очень не любит, когда я в это время куда-то уйду, едва зашёл в дом стал лаять. Дело в том, что он очень хорошо подражает петухам, или имитирует собачий лай. В деревне мы не раз смеялись, когда соседский петух откликался на его кукареканье.

А сейчас он в точности повторил как лает Мухтар. Последние несколько дней он не стал говорить про него, прошло, наверное, дней десять с его гибели. И вот он, любя его больше, чем мы все, вот

взял и тихонечко поскулил. И снова я уловила знакомые интонации, то, что привыкла слышать.

Я послала Ильку вместе с отцом в деревню копать картошку и привезти Мухтара и стала уже надеяться, что всё слава Богу обойдётся. И вот теперь я должна рассказать о самом тяжёлом что приключилось.

Но об этом завтра.

День сегодняшний очень осенний. Долгий дождик, холодно, тополя в просветах. Когда я шла в магазин, и теперь стою против того места, где погиб Мухтар. Я тихонько стою и с неприязнью отношусь к машинам, лихо мчащимся по узкому коридору одностороннего движения.

И прошло ещё несколько дней, похолодало. Илья ушёл в школу, Катя смотрит олимпиаду, я забралась в койку под тёплое одеяло.

Да вот я уже стала надеяться, что всё обойдётся. Но прожил он здесь всего три дня.

Он быстренько обежал две комнаты, в уголке я ему отрядила чистый уголок кошек и поставила эмалированную чашечку. Показали балкон, фу, Мухтар, туда нельзя. Я его поставила в ванну и помыла с мылом. Он упруго стоял на ножках, вышел встряхнулся, но когда Илька, который моется всегда вечером пришёл поприсутствовать, но ему видно не понравился или шум падающей воды или он подумал, что его снова начнут мыть. Он иногда так хорошо упрявился своей яркой чёрной мордочкой.

Илька великодушно согласился, ну ладно Мухтар иди. Денег перед получкой не было, я послала Цурикова на базар, чтобы он купил хотя бы два килограмма мяса: "Там есть, купить?"

Нет, подожди, с получки. Я пошла с Мухтаром прогулять его. Он вышел и захотел пописать. Для этого он избрал колесо, за которое гонял всех дед с первого этажа.

Вот он к нему, подняв ножку и приладился.

Мухта, пошли! Ты что. А Мухтар с виноватым лицом никак не мог кончить.

Я подошла, взяла его и мы пошли в "дырку", проём в доме.

Мухтар стал принюхиваться и метить всякие отметинки.

Дом наш огромный стоит между двумя улицами, и чувствовал он себя не очень хорошо, поток машин, шум, он обнюхивал жалкую городскую травку. Потом я перешла через противоположный проспект Вали Максимовой. Стоит машина, *des arbres*. Он тихонько стоял и посматривал на меня. Всё-таки здесь были берёзки. Он побегал, потом тихонько лёг около нас.

Мухта, ну хватит, пойдём домой.

Он не захотел заходить в лифт, наверное, в его ограниченное место, я взяла его на руки. Когда лифт остановился, то он пришёл, а потом побежал к двери.

Он тихонько спал снова совершенный в своём покое.

А вечером перешёл к Илькиной койке на пол, и Илья ещё смеялся, когда он во сне вытянул свою ножку в чулочке и она какое-то время так и оставалась вытянутой.

На следующий день он уже бежал веселей, и я его приостанавливала даже, я встала утром рано и он сливался с чернотой, я боялась, что он выскочит на машину.

Потом, когда мы подошли к дому нам встретилась белая пуховая болонка, Мухтар встал рядом с ней абсолютно чёрный, гладкий скользящий и глазки у него стали весёлые, он так посмотрел на меня сияющими глазками.

В обед у меня было мало времени, в нашем магазине не было молока и мы пошли в магазин на вокзале.

Я ему купила три пирожка с ливером и дала один. Но ребятишки перекормили накануне его молоком и у него был понос.

- Ничего, Мухтик, пройдёт.

Здесь он увидел маленькую собачку дворняжку и помчался за ней.

Пока мы его догоняли, Катя умчалась за ним и потеряла меня, заплакала.

Я стала выговаривать ему. Катя сейчас стала мне мешать и я предложила ей нарисовать Мухтара. Они давно не рисовали.

- Чёрный надо фломастер.

Наконец, нашли чёрную ручку.

- Хороший, Мухтарушка, да!

Сейчас он для неё жил.

Следующий день был очень жаркий, и мы сходили позвонили, а потом с Катей вышли на угол дома и он тихо смотрел лёжа под скамейкой на жизнь вокруг. Игра детей, жаркий звенящий день и мне было хорошо.

Он ещё не хотел заходить домой, а мне не хотелось на него кричать.

Вечером пришёл Сашка, Катька стала просить его пойти погулять, а я пошла за хлебом. Вышли все вместе.

- Катя ты с кем? Мухта сначала направился со мной по-деловому, спокойно.

Я рассмеялась: - Он привык со мной.

Ну ладно, вы ждите меня там в лесочке, я приду к вам.

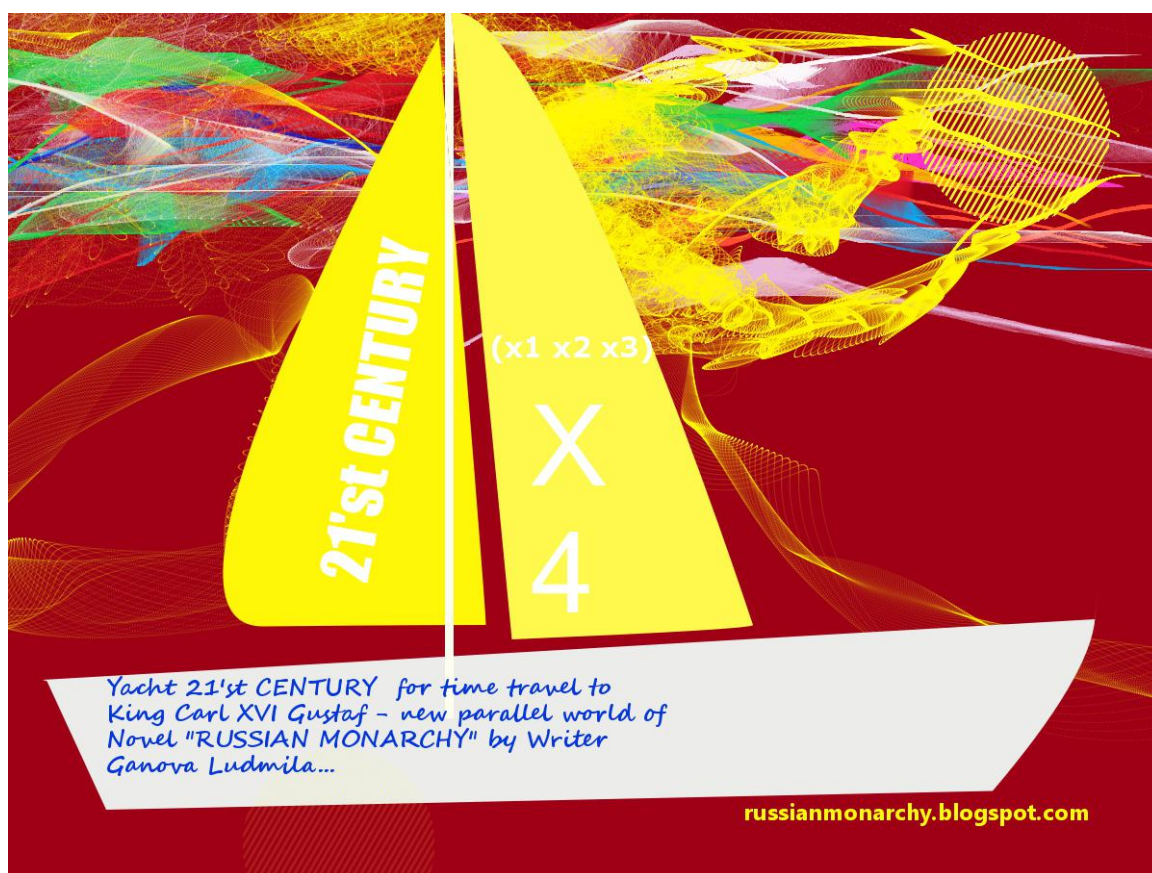
Я купила хлеба, рядом маялась очередь за килограммом сахара и вышла на ступеньки.

- Мама, - и Катя кинулась ко мне. Я только подняла её сияющую мордочку, как услышала визг противный колёс, подняла глаза и первое, что я увидела, как тихонько, тихонько жалобно повизгивает и крутится Мухтар. Сколько боли было в его тельце. Что первое, что я подумала, что это невозможно.

- Катя подожди, я сейчас. Я подошла к нему (Продолжение отсутствует ...)

Там за огородом стоит ветла, очень высокая, с танцующими чуткими на ветру ветвями.

Что-то невидимое вокруг, подвластное природе движется, растёт, живёт, и ты чувствуешь единство с этим миром с его жизнью.

«Королевские заметки» <https://royalsnotes.blogspot.com>

Ну да, слово вседозволенность власти, вернее слова хорошо передают замыкание всей громадности необъятности власти на одном человеке. Совсем недавно, когда меня вызвала на беседу Илькина историчка, абсолютный продукт сталинской эпохи, она мне стала тыкать в нос его ответы, говоря, что определение государства у него дано неправильно, а у него было написано следующее: "Государство - это когда во главе стоит один человек".

Несмотря на наивность этого определения оно в общем-то в сущности отражает совершенно верно степень демократизма. Невольно вспоминается фраза Людовика XIV "Государство это я". Он хорошо понимал своё значение в государстве, мы в этой фразе воспринимаем не то, что нужно.

Целую неделю меня волновал вопрос о войне, ну, конечно, война в Афганистане. Помните, как она началась. Правительство Афганистана попросило помощи. Пожалуйста - помощь была оказана. Как в международном праве и есть ли такое квалифицируется, такая помощь, и чем она отличается от вмешательств во внутренние дела? Когда она должна кончаться? Сколько государств, в какой форме должны помогать.

А что если нас попросят ещё? Сажу я в читальном зале, разговариваю с работниками и говорю: и у Людмилы Николаевны и у меня сыновьям по 13 лет. Я и говорю: "Ну, слава Богу, война в Афганистане кончается". А мне Таня и говорит: "Ну так Господи, это такое дело". Она имеет в виду, что любая другая при таком количестве оружия может запросто начаться в любой момент.

Я похолодела: действительно стоит только попросить. А может быть, такие вопросы, как военная помощь должны решаться народом.

В Афганистане наблюдается политическое равновесие, не скрою, что оно своеобразное. Если мы на каком-то уровне отказывались в понимании таких вещей как ислам, то вряд ли они понимали друг друга должным образом, скорее мы отдали дань их как мы считаем пережитку.

Много ли толку в таком понимании. Конечно любая война действительно, "хитроумное" изобретение человеческое и нет ли здесь войны, которое ведётся ради самой войны. Как мы боимся писать, говорить, показывать её, а как мы хорошо знаем, что из каждой вылазки военной какие-то ребята не вернутся. Не зря боимся, она может вызвать это невидимая война ненависть к ней.

Показывали прекрасное молодое лицо, полное тяжёлой совершенной на грани выразительности восточное лицо девушки, которая плакала когда упал снаряд. За всё это время ранено 250 мирных жителей. Показывали суд, но не сказали к чему приговорили. Наверное, к расстрелу. Я видела молодое прекрасное и бесстрашное лицо, которое ни о чём не жалело, даже пожалеть не могло. Оно было уверено и бесстрашно в своей вере. Да вера, вот что определяет его, другая вера, совершенно другая жизнь. За 8 лет мы не смогли их сделать другими, да и, возможно, ли это было.

Показывал "Взгляд" беседу с двумя войнами, потерявшими ногу и руку. Но этим мальчишкам участвовавшим в самой древнейшей игре

жизни со смертью, наверное, не осознать, как страшно умирать. Они молоды и полны прекрасной силы дарованной землёй, они этой жизнью наполнены до краёв, они ещё почти дети.

Пройдут годы, и они осознают всю драгоценность жизни, встанут на высоту её на вершине, будут полны мудрости, громадности знания и только тогда поймут, как страшна война как бесчеловечна. Если нам не придёт в голову ещё раз помогать в Афганистане, когда мы уйдём, и им снова она потребует, то только тогда я поверю в мудрость нашего решения. Что если Илью, когда придётся ему идти в Армию направят в новый Афганистан. Недавно мне попала на глаза любительская карточка, где он стоит в валеночках в шапке около скамейки. Добрейшая улыбка, полный наивности, и мне стало страшно.

Я знаю, что я должна буду бороться. И знаю, что даже те ребята которые сейчас в Афганистане, многие из них обмануты, могут неправильно понять свой долг. Могут ли они убить своего, не признающего войну. Вспомнила толстовскую пьесу, которую мы так долго замалчивали: "Свет и во тьме продолжает светить". Ну, а действительно, кто-то хочет служить, пусть служит, а если человек другой и достаточно серьёзные убеждения. Какая армия у нас, сколько лишнего оружия, мы что стали сумасшедшими.

Господи, что-то изменилось в мире, когда люди пользующиеся сверхвластью поняли, что и их дети, как все, могут умереть в ядерной войне, стали предпринимать шаги для разоружения. Действительно, если у твоих собственных детей нет шанса, то ты для них зверь. Недавно по телевизору видела немецкого премьера Коля, и он говорил ту же фразу, что и наш Горбачёв - наши дети должны жить в мире. Сколько в этом было личной индивидуальной ответственности. Структура власти. С неослабным интересом прочитала репортаж "Шведская дверь" в Комсомолке. О равновесии кооперации и индивидуальных хозяйств. Как там всё совсем не просто, и не та ли это коллективная собственность, о которой мы говорили с 30-х годов, и которую никак не можем найти? Скорее всего та, её уже нашли в остальном мире. На многих уровнях власть организована не только сверху вниз, но и (стрелочки вправо - влево) вот так, когда правление отчитывается перед своими политиками, когда власть идёт в одну сторону, то она обюрокрачивается и разрастается громадным бюрократическим аппаратом.

Ходила в школу к Илье. Вызывал математик. Оказался человек с бедным, почти голодным лицом, которого обижали много и который полон стремления мстить. Необразован: Илья рассказывал, как он

ему сделал замечание: "не жувайся" и он не смог понять что он сказал.

Конечно, не слышал о Шаталове. Больше месяца ставит двойки, и не пишет нигде ни в дневнике, ни передаёт классному руководителю. Она Илье, когда он её отдавал справку: сказала, что она фальшивая "Мы проверим".

Увидела всё понимающую мордочку Зеленина, который много лет безнаказанно получает тройки по всем предметам за полированную стенку, которую поставил отец, директор мебельной фабрики, поставил ещё в начальных классах.

Увидела Изыгашева, который имеет "интеллигентный вид", по-моему вполне умный мальчик, но который тоже вполне сознательно не желает учиться в такой школе. Он тоже покрутился рядом. Интересно как Иван Григорьевич, который приехал на русскую доброту он откуда-то из Германии, Азербайджана, кончил барнаульский факультет, ходит в походы в "Дом пионера", а здесь подрабатывает, как он узнал, кому можно ставить двойки. Я ему так и сказала, что потребую, чтобы проверили, как мой занимается хуже других.

Был разговор с заведующей по массовой работе, очень симпатичная добрая женщина. Оказывается она знает Илью.

Руфина Евлампиевна к нему привязалась, или прицепилась. Умная. Меня всю трясло. Несколько дней. Я поняла, что должна учить Илью, чтобы он не был такой незащитный.

Ну так вот "Покаяния", несмотря на объявленную трилогию не было.

Кому-то показалось, что сказано слишком много, чтобы они и дальше продолжали существовать на хребтине рабочего класса и крестьянств столь же безмятежно. Ощутили тревогу, фильм, несомненно, призывает к действию, они столь сильно заряжены, что лучше убрать подальше от миллионов.

В "Прожекторе перестройки" видела несколько кадров с заседания Совета министров во главе с Рыжковым. Обычно его показывают бессловесным, но даже эти несколько кадров дают представление о симпатичном отвечающем за свои слова человеку. Речь шла о том, что аренда не идёт и не идёт, потому что министерство и банки продолжают выплачивать нерентабельным хозяйствам деньги из банков. Значит, нажму кнопку и банкир является по принципу "Чего изволите?" Из потребителя, действительно, в этой верёвке, устанавливая цены на продукцию, которая в 2 ... 48 раз превышает предыдущую. Впрочем всё заседание было хорошо подготовленной пародией для "Прожектора". А какие лица, старые, изношенные,

замшелые от бюрократической сохранности, потерявшие всякий человеческий облик. Чиновничья недовольность, что их показывают в "Прожекторе". Я вспомнила тот проект по оснащению нашей самой отсталой в мире сферы обслуживания, где большая часть продукции гниёт, уничтожается.

Вот в нашем магазине продаётся одно гнильё. Но что за удовольствие сидеть во главе такой братии, как организовать, чтобы в структуру попадали современные мыслящие работоспособные люди.

Наверное, это можно сделать, если не давать им право решать за всех, если они будут выбираться, а не назначаться. Да и нужно чтобы была конкуренция.....

Программа "Взгляд" II пятницы октября началась с того, что нам показали Казань, и сказали о том, что революционные традиции молодёжи живы. Показали Алесандра Ульянова и рассказали о деятельности университетской молодёжи, которая организовала выборы своего кандидата, преподаватель университетской кафедры, который выходил с чёткой избирательной программой, причём экологической.

У меня захватило дух. Так просто и чётко можно прийти к реальной власти в Верховный Совет, который если это осознать ведь является высшей силой у нас в государстве и в конечном счёте может противостоять власти бюрократического партийного аппарата. Этот блок программы был показан первым, словно нам говорили, что это вы можете. Показано просто и бесстрашно.... (Продолжение отсутствует... кто позаимствовал, а?)

Черновик.

Творчество великого русского писателя Михаила Булгакова. Его роман "Мастер и Маргарита" занимает особенное место, но одновременно очень современный писатель и в то же время современный и вечный роман, нравственные ориентиры современности проверяются писателем и сопоставляются с нравственными ориентирами такой выдающейся личности истории, как Иисус Христос, который в романе Булгакова живёт и действует как действующее лицо.

Современность, сталинской советской действительности представлена редактором Массолита Берлиозом и поэтому безымянна.

Они, как большинство советских граждан в Бога не верят, и живут, подчиняясь советским стандартам, отклонение от которых в плане идеологии, которая заменяет веру, как они прекрасно знают, грозит им не меньшей гибелью, чем откровенный разговор Понтия Пилата с Иисусом.

Действие романа развивается одновременно в нескольких разновременных планах, как оказывается, они имеют очень важное значение друг для друга.

Понятно Пилату, который по разным государственным причинам вынужден казнить, облегчившего ему страдания человека, и духовная нравственная связь с которым для него важна, испытывает страдания, когда этот человек навсегда уходит.

А мягкий лёгкий на откровения и дружбу Иисус, смог встретить и претерпеть мученическую казнь, пройти испытания до конца.

Поэт Безымянный, который на личном опыте убедиться в том, что Бог и Дьявол существуют, не сможет вынести нравственных страданий, они ему не под силу.

Оценить современность, понять её суждено мастеру пишущему Роман, ему же суждено и испытать великое чувство любви к Маргарите.

Только влюблённый у Булгакова, как и у Блока имеет право называться человеком. Причём возлюбленная мастера готова пройти с ним все жизненные испытания до конца.

Когда им удаётся соединиться вместе, то Мастер с горечью убедится, что это произошло после смерти, но это путь в вечность.

Такой же путь проделала вместе с ним и его возлюбленная в жизни Любовь Евгеньевна Булгакова.

Искушение пороком дьявольским представлено в Романи Мессиром.

На балу у Маргариты появляется огромная череда людей, которые порочны; Они заслуживают прощения, но в вечность они шагнут по Булгакову с теми страшными пороками, которые не смогли преодолеть в жизни, они останутся со своими деяниями навсегда.

Один из самых замечательных образов в романе это образ Маргариты, которая пытается защитить любимого, от продажного критика Латунского, и которая учиняет разгром в его квартире.

Много дьявольских весёлых шуток, на страницах романа проделывает кот, его сподручный, и, как ни странно, многое из того, что происходит в окружающей их действительности очень похоже на то, что делают они.

Так фантастическое помогает понять, что не всё в самой реальности и действительности в порядке.

Сам жизненный путь Булгакова - пример человеческого противостояния сумасшедшей дьявольской сталинской действительности, когда люди под страхом доноса и смерти не могли даже откровенно говорить друг с другом. И хочется надеяться, что великий Мастер теперь в пути ...

М. Булгаков.

В творчестве великого русского писателя Михаила Булгакова его Роман "Мастер и Маргарита" занимает важнейшее место.

Это одновременно очень современный писатель и в то же время вечный роман, где нравственные ориентиры современной жизни проверяются писателем и сопоставляются с духовностью такой выдающейся личности истории, каким был Христос.

Советская действительность в романе возникает вместе с редактором толстого художественного журнала Массолита Берлиозом и сотрудником журнала поэтом Иваном Николаевичем Бездомным, которые появляются на Патриарших прудах в Москве. Они, как большинство советских людей в Бога не верят, живут по законам коммунистической идеологии, которая им заменяет и веру, и Бога.

Действие романа развивается одновременно в несколько разновременных планах, но оказывается, что они имеют важнейшее принципиальное значение для жизни и смерти их героев.

Вопросы государственной власти и свободы личности, возможность жить в нём по совести и говорить то, что думаешь - вот те вопросы, которые должен решить для себя каждый человек в любые времена и при любой власти.

Об этом же говорит и Понтий Пилат в разговоре с приведённым к нему Иисусом. Понтий Пилат по разным государственным причинам вынужден его казнить; Казнить, потому что он осмеливается говорить правду.

Духовная близость, которая возникает между Понтием Пилатом и Иешуа, необходимость и важность этого разговора для обоих, страшное решение казнить, к которому приходит Понтий Пилат, будут его потом страшно мучить, но самым важным окажется то, что эта казнь не решит мучающих его проблем. Он поймёт, что возможность вести человеческую откровенную беседу с Иешуа, это одна из самых чудесных вещей на белом свете, и она равняется и свободе и жизни.

Мягкий, лёгкий, сострадающий Иешуа, который готов каждому помочь, сможет встретить и претерпеть нечеловеческие страдания на кресте.

Берлиоз и поэт Безымянный на своём личном опыте смогли убедиться, что Бог и Дьявол существуют и на Патриарших прудах в Москве.

Не сможет вынести нравственных страданий и той жизни, в которой живёт он. Оценить современность, понять её, суметь её преодолеть и написать свой роман суждено только мастеру. И только ему дано испытать великое чувство любви к Маргарите.

Художник Цуриков Илья.

Поэзия XX века. О.Э. Мандельштам.

Судьба русской поэзии XX века глубоко трагична, её лучшие гениальные создатели пережили ужасы коммунистического сталинского режима. Такова судьба Гумилёва, Ахматовой, Цветаевой, Есенина, Мандельштама. В отличии от многих жертв,

непонимающих, что происходило в стране, они хорошо понимали, что происходит в стране.

Мандельштама трудно назвать политическим поэтом и писателем, каким был, например, Маяковский. Сфера его интересов: древняя Эллада и её культура, старофранцузская литература, творчество Данте, культура различных эпох и традиции преемственности в развитии литературы.

Уже первый сборник его стихов "Камень" 1913 года - свидетельство совершенства его поэзии, высочайшего интеллектуализма.

Но интеллектуал - интеллигент уже в безмолвной стране 1933 года, где уже никто не осмеливался говорить правду, создаёт "Мы живём, под собою не чуя страны".

Стихи про "кремлёвского горца": с "жирными пальцами" и "пудовыми верными словами".

Сталин не посмел узнать себя в этих строках, рисующих убийцу целой страны:

Как подкову, дарит за указом указ -
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз,
Что не казнь у него, то малина
И широкая грудь осетина.

Но участь гениального поэта теперь была решена, он подвергается ссылке в Воронеж, а затем новый приговор, и ссылка в Сибирь.

Нельзя не сказать о многолетней дружбе Мандельштама и Ахматовой, которая выдержала все испытания временем.

Их творческие разговоры и общение мы знаем об этом не очень много. Почти все записные книжки своего знаменитого чемодана Ахматова уничтожила, когда поняла, что он является объектом пристального внимания КГБ. Приезжала она к поэту и в Воронеж, куда поэт был выслан в первый раз. Не могла не поехать.

Так же как миллионы простых советских людей в лагерях погиб и гениальный русский писатель Осип Мандельштам.

Хотелось бы отметить несколько важнейших моментов в его творчестве.

Образ России в "Петербургских строфах" 1913.

Чудовищна как броненосец в доке,
Россия отдыхает тяжело.

Бюрократическая держава, которая одновременно сильна и слаба в своей мощи.

А над Невой посольство полумира
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государство жёсткая порфира,
Как власяница грубая бедна.

Но для поэта в любой теме важны со всем его связующие живые нити культуры. Таким для него является образ Евгения Онегина с его "Старинной тоской" и то, что стало с ним к началу XX века:

Чудак Евгений - бедности стыдится -
Бензин вдыхает и судьбу клянёт.

Таковыми литературными параллелями, аналогиями пронизано всё творчество поэта, как и Пушкина, и в этом её глубина и совершенство.

И так творчество писателя - это глубочайшая гениальная поэзия первой половины XX века, одна из немногих её вершин, прославившая русскую поэзию на весь мир, и, надо думать, призывающая каждого человека быть более богатым духовно:

Я не читал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина,
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии старинная луна?

Почему "Про это"? Сочинение.

Творчество Маяковского трудно анализировать. Он всегда был с нами рядом, даже не отделим от нас. Мы брали удобные для нас стороны его таланта и нещадно их эксплуатировали. Но обман рано или поздно раскрывается, и тогда нужно признать, или мы виноваты, или поэт говорил неискренне, потакая времени и людям в нём живущим.

По-видимому, во многом и сам Маяковский заблуждался, связав свою судьбу с ЦКК идущих светлых лет, но это были заблуждения гениального искреннего перед собой человека в истории общества, ищущего в своей творческой лаборатории новые идеи, формы творчества.

Советское общество, идеология же эти открытия быстро и бессовестно эксплуатировали, выбрасывая то, что ему не нравилось, не укладывалось в рамки его жёсткого понимания.

Маяковский открыл в поэтическом творчестве новое измерение любви, которое долгое время жеманно именовалось любовной лирикой.

"Поэты,
размокшие в плаче и всхлипе,
бросились от улицы, ероша космы:
Как двумя такими выпеть
и барышню
и любовь,
и цветочек под росами?"

Маяковский протестовал против сложившихся приёмов и форм изображения любви.

Любовь для Маяковского - не только прекрасный пожар сердца. Но вместе с тем Маяковский открыл новые реальные измерения человеческой любви, которые могли и оскорбить человеческую пошлость, недалёкость, серость.

"Мария!
Поэт сонеты поёт Тиана,
а я -
весь из мяса,
человек весь -
тело твоё просто прошу,
как просят христиане -
"Хлеб наш насущный
даждь нам днесь."

И хотя Маяковский и "наступал на горло собственной песне", но тема любви, всё-таки важнейшая в его творчестве.

Поэтому именно она "Флейта - позвоночник" - гениальна, "агитатора, горлана, главаря", отличает от современных ему людей с "Собачьим сердцем".

"Память
Собери у мозга в зале
любимых неисчерпаемые очереди.
Смех из глаз в глаза лей.
Былыми свадьбами ночь ряди
Из тело в тело веселье лейте
Пусть не забудется ночь никем
"Флейта - позвоночник" посвящена Лиле Брик.
Тебе в веках уготовано корона,

А в короне слова мои -
радугой судорог".

Сложные были у них отношения, и любовь сложная. Но всё-таки именно этой женщине посвящены эти гениальные строки. Перечитываешь и удивляешься - ни одна строчка не устарела, не подёрнулась мхом времени. Как будто сегодня написано, такая сила и открытость чувств.

В крохотной поэме, "Про это" филигранные итоговые строки опыта человеческой любви:

Эта тема придёт во век не износится
только скажет:

- Отныне гляди на меня! -

Это хитрая тема!

Нырнёт под события.

в тайниках инстинктов готовясь к прыжку,
и как будто ярясь

- посмели забыть её!

Затрясёт;

посыпятся души из шкур.

Да, имя этой теме любовь. Но, по-видимому, не она явилась причиной гибели поэта. Ещё Анна Ахматова сказала, что не мог Маяковский застрелиться из-за женщины, если их столько было. Здесь есть и ирония, и мудрость, и знания Ахматовой

Придёт время, которое безжалостно уничтожало наших гениев, цвет своего народа и мы, возможно, узнаем правду и о смерти Маяковского. Но строки, в которых он рассказал о своей любви и любимых - это строки поэзии XX века, века в который мы живём бесценны.

Лена Грехова тоже уверена, что Скрипин вор, и на все усилия директора говорит, что когда много шумят, то мало делается, говорит о том, что исчезли важные географические книги. Она даже рассказала, что из музея исчез камень, очень редкий стоимость которого миллион.

Иногда Борис Хатмеевич выходит из себя и начинает орать: так, например, когда к выставке нужен был замок от Рейхстага то его

долго не могли найти, и он долго бесновался, но к выставке его поместили на место.

Мне казалось иногда в жуткие моменты, беспокоившим старинный особняк, что это чёртово место. Очень жаль мне было каменных ликов, которые стояли в сырости в углу, возле холодной воды капавшей в безобразный ящик, ведь их место, лёгкий степной простор, солнечный ветер, солнце и запах степных трав. Иногда мне казалось, что здесь они втроём томятся и их беспристрастные скифские лица печальны.

Убираясь в субботник на веранде, которая была открыта огромными щелями всем ветрам, а точнее всей пыли, я обнаружила что среди половины самоваров в углу, вырубленной из цельного куска огромной ... Это была крышка со знаменитого Пазырыкского кургана, вероятно, выпрошенная шефом. И снова я почувствовала, что здесь в грязи и заброшенности ей не место. Её место было укрывать богатое скифское погребение, здесь же она валялась без дела. В простом ящике в котором хозяйки обычно высаживают помидорную рассаду лежало 4 черепа.

Они в общем-то выводили из заблуждения, в котором живёт каждый человек, внутренне убеждённый, что он бессмертен. Я думаю, что в музее они бы должны храниться в красивых ящичках, покрашенных хотя бы простым лаком....

Анна и Антон, Илья и Екатерина.

Отчётливо это желание появилось летом. Мне захотелось его увидеть. Слишком долго я его не видела. С чем сравнить эту образовавшуюся пустоту, наверное, мы больше зависим от окружающих людей, чем это понимаем сами, вернее с некоторыми нас связывает гораздо больше. Я знала, что он окончил университет, ездил с женой в Москву, где она не смогла защититься после аспирантуры, что у них родился сын, которого назвали Антоном, и они снова приехали к его родителям, она стала работать в институте, на моём месте, а он пошёл работать в музей, где работал раньше и где работала я с ним.

После ухода из института, я отказалась поехать в аспирантуру, потому что заболела. Потом было много событий. У меня родилась Катерина, я боролась за свою жизнь, сумела поднять Катю, мы получили двухкомнатную квартиру, этим летом Кате исполнилось три года, и она превратилась в настоящего человечка, лёгкие

волосики, голубые глаза тёмной синевы, строгие длинные бровки подаренные ей бабкой, длинные длинные реснички. Давно я ничего такого не видела.

Добрая будет девка, говорил дед Синяев в деревне, куда мы ездили отдыхать каждое лето.

Стояли лёгкие тёплые августовские дни, у меня было свободное время, мне не нужно было никуда торопиться, чувство которое меня убивало, и мы часто делали то, что хотели, гуляли, покупали сумками виноград и яблоки, которые почему-то много привозили с юга. Кате исполнилось три года в июне, как мне, а Илье 11, как отцу в июле. Я была счастлива.

И вот я собрала Илью и Катю и решила зайти в музей, был ветер и я опоздала на 15 минут.

Когда я пытаюсь анализировать всё, что прожила, то мне ясно одно: тогда в этот короткий промежуток прожила яркой полноценной жизнью, двое друзей, которых я нашла в музее, Надя и Серёжа, несколько месяцев были одними из самых лучших в моей жизни. Что я помню: и что я понимала. Он был худенький высокий мальчик, очень образованный, дома огромная библиотека и самая серьёзная, заинтересованное чтение.

Итак он учился на заочном в университете, работал в качестве научного сотрудника в отделе истории. Здесь, вероятно, придётся сказать о том, что наш краеведческий музей представлял странное заведение: теперь я знаю точно, что в нём не делалось никакой работы, даже её видимости. Он состоял из двух зданий, одного старинного из красного кирпича, где размещалась экспозиция, жилого дома и рядом почти разрушенный деревянный, где ютились сотрудники.

Я пришла, когда в экспозиции произошёл потоп за счёт которого можно было многое списать.

Директорствовал там Борис Хатмеевич, татарин, во всяком случае тюрк - это точно. Он очень много рассуждал о тюрках. О корнях. Он страдал каким-то нервным заболеванием, и часто тряс головой, там не велось никакого учёта, то что раньше называли широкими и обширными знаниями, интеллигент не знаю в каком поколении, но как-то просто сказал, что, вероятно, и он умрёт от рака "рак в четвёртом поколении". Он поступил в какую-то военную академию, проучился два года, но что-то случилось со здоровьем, он отлежал в госпитале, и его откомиссовали, он приехал к родителям. Это оставило свой тяжёлый след в его жизни.

В нём сильнее, чем в ком-либо из встреченных людей жило прошлое, то что принято называть литературными традициями это была целая жизнь, ему предстояло освободиться и вырваться из них, первоначальное восхищение военной карьерой офицера уступило и место более проблемному пониманию. Но и эта несостоявшаяся жизнь жила в нём глубоким воспоминанием и сожалением. Как-то раз я перелистала купленные им книжки по военному потенциалу США: с каким восхищением и пониманием он смотрел на это военное чудо XX века; это был взгляд специалиста..... (продолжения нет...)

Мама, а хорошо быть тигром? - Хорошо.

Наконец-то все потихоньку оклемались от гриппа. Сегодня солнечный день, и солнце во всех комнатах. Сияющее, тёплое - лёгкое. Такое, какое бывает только на Алтае.

Встали поздно. Поели чаю с облепихой, которую я добыла у бабушки. Ягоды с мороза - оранжевые, крупные, с божественным вкусом.

Илья включил телевизор, и приготовился слушать. В последнее время его никак от него не оттащишь - смотрит всё подряд. Вчера столетний фильм про Сухэ-Батор смотрел. Сейчас смотрят про другое, но насколько он крепко, идейно жестоко сделан, спаян. Я видела несколько кадров очень сильное впечатление, если взглядеться, всмотреться, вслушаться. Илья, ведь ты начинаешь смотреть телевизор, когда все кончают, и идут на обед, или живёшь не в ритме со всеми остальными.

Вижу в глазах огонёк смеха, взрослеет чертёнок, появляется в нём что-то совершенно новое.

По телевизору последние кадры из передачи В Мире Животных. Бежит носорог, алогичное с точки зрения красоты животное, но в нём что-то круглое смешное, одна и та же линия какая-то полукруг или хорда повторяются много раз, великолепно бегут.

А вот жирафы ласкаются своими длинными шеями, ласкаются нежно, длинно.

И это замедление, изящная маленькая голова с породистыми ушами - сама нежность.

А вот играют тигры. Совершенство мягкости круглой линии, всё это бесконечно двигается, мягкое, вкрадчивое, необычайно сильное, они

играют как дети, всё сливается идеально. Наверное, это игра любви, высшего счастья и красоты, миг вечности.

- Мама, а хорошо быть тигром?

- Хорошо. - Отвечаю я, и только потом до меня доходит смысл вопроса.

Наверное, мы на этой земле побывали, побываем всем, но когда ты человек, ты всё это вокруг обязан беречь, хранить.

Катерина берёт сумку и делает вид, что она идёт в школу. Я этой крепостной школы с учителями самодержцами милующими и гневающимися боюсь, испортят и эту любовь и это знание, которое тебе каким-то импульсом просыпается к жизни, то не желая ничего знать.

Вот сейчас Ильку очень трудно будет заставить заниматься по математике, он в первый раз днём сам взял художественную книгу.

Я говорю вкрадчиво Катя всю азбуку: иногда она мне предлагает сама и весь листок прихотливо усеян печатными буквами. Они то маленькие, то большие. Но сейчас она говорит мне потом, положи её вон туда.

Притащила стол, открыла учебник старый для второго класса по русскому языку там много картинок.

Поставила сумку и строго села.

- Мама 02 или 0,4. Катя это русский язык.

Чаще всего просит не знаю что делать, голова моя затвердела от изученных , они голы убоги, какие-то иероглифы, а обучение должно быть живым. Во мне этой жизни нет, я уже испортила Илью, тороплением, окриком, нервничанием, шлепком. Он совершенно равнодушен к школе.

Равнодушие ничем не прошибаемое. Сейчас вот опять буду натаскивать.

Катерина вытаскивает свои тетради, которые подписаны у неё волнистой линией. Она приготовилась к занятиям. Что я ей дам.

- Ну что будем делать?

- Ничего не будем делать.

- Позанимаемся.

- Да. Она тащит кувшин, которого ей почему-то не хватает, он стоит у ней всегда на столе.

- Чем будем заниматься.

- Сейчас увидишь чем.

- Мама, давай учить правила.

Какая буква состоит из этих Прочитай какое слово получилось Катя пиши Н.

Она пишет Ж. Потом А. Прочитай. Она не умеет складывать, пока что это камень преткновения.

-ЖА.

-Жаба. - Господи откуда она знает это слово.

И мне вспоминается про лягушку, который я помню всю жизнь. И тот мальчишка троечник, была в нём и какое-то внимание, которого я не понимала.

И Сашкино - неужели он в меня пошёл. И сегодняшний час здоровья с приказом, чтобы его ввели во всех школах учащихся в одну смену.....

Надпись на полях: Дед у меня про такие вещи чинно говорил "Вредитель", пользуясь сталинским языком.

Рассказала вчера тётка.

- Не смотрели с утра фильм?

- Нет, мы поздно включили.

- Там про мальчишку рассказывалось. Сам сочиняет стихи.

- В каком классе.

- В третьем.

- У него спрашивают. Как ты их сочиняешь. А он говорит: Они сами приходят. Ну какая-то учительница там говорит - это не его. Ну в общем в школе ему плохо было. Учительница его к психиатру посылала.

- Ну понятно, представляют дураком.

- Ты знаешь, ты бы на них посмотрела, от камеры нужно бежать, а они рассуждают, да как рассуждают. Ну, а что им бояться.

- Из пионерского лагеря прислали характеристику жеманный. Ну у него спросили, что там было.

- Вожатая сказала принеси мне шлёпки. Ну он сказал, что у него шлёпок нет, только кеды. Принеси их. Я принёс, а она меня кедами по лицу. Спрашивают у ней. Что произошло с мальчиком. Ну она рассказывает что ему поручили про лагерь написать стихи, дали сроку неделю, а он не написал.

- Но ведь стихи писать по заказу, пишут больше не талантливые поэты.

- Нет. Ну значит ему в этом лагере плохо было, раз они не родились.

- Он такой маленький, лицо круглое, ты бы послушала, какие стихи. Ну там про несправедливого учителя, ты бы послушала. Ещё были стихи, где он хочет быть дельфином и плавать в море синем.

- Да захочется.

Мама а хорошо будет когда я

- Ну что ему сказать есть несколько вариантов ответа, ну будет взрослая жизнь и проблемы взрослые

Будешь осознавать ошибки, которые сейчас совершил.

Мишка, ну садись вот сюда, вот так хорошо. Катя хлопчет в углу за столом.

- Мама, можно я погуляю с Катюшкой, когда позанимаюсь по математике.

- Нет, ещё

- Мама достать мне книжки

Ганова Людмила Рассказы Часть 3.

..... лист 4.

Все молчали. Чувствовалось, что все уже поняли, что эта история никогда не кончится. Она всё ещё продолжалась.

Кто-то сказал, устало полуагрессивно: "Зачем ворошить старое". Дело в том, что сейчас каждому ещё раз дана была возможность оценить происшедшее, так сказать, с позиции времени и все только что могли убедиться, что они не очень многого добились.

После трёх лет начальник школы и тоталитарного почти сталинского классного руководства и управления, вежливая новая преподавательница русского языка и литературы Любовь Леонидовна. Это была видящая свои функции в карательной деятельности. Она ставила что хотела и кому хотела, хотя все знали примерно одинаково. Дети быстро прозвали её Каркушей. Думаю понятно, что дети зря не называют, а популярная героиня детской передачи была действительно обаятельна. Это был, так сказать, уже наполовину карательно-надзирательный орган и с детьми она была отчасти по-домашнему на короткой ноге.

Но могла и щёлкнуть, или надавить на ученика и жвачка сама «выпадывала». Она была живой человек, но эти противоречия не замечала. Так же она воспитывала и своих детей. Так вот однажды, когда класс шумел, а в класс зашёл какой-то шестиклассник, чтобы их успокоить. Она в это время мимо проходила и, забежав в класс, наорала и на класс и нащёлкала в сердцах и этого пацана. Надо усвоить, вероятно, под каким гнётом находится учитель в школе, чтобы понять, что она испугалась и вот таким образом от страха постаралась избавиться.

Но класс под её единоначалием испытывал новый прессинг: те, кто привыкли к поблажкам попали, так сказать, в круг

демократического, в смысле одинаковости, давления на всех. Требования предъявлялись и к лидеру Чванову. (Однажды, когда Чванов в очередной раз отдернул ноги, защищаясь...), который хотя и был умница и любил учиться, но уже избалован. Илья пришёл к ним во втором классе и только он один оказывал ему тихое упорное сопротивление.

Через неделю Чванов заставил подписаться весь класс, подписался под требованием, не знаю, что они там писали, но в основе была эта история с мальчишкой и его избиением так сказать.

Илья заболел и когда я пришла отдавать справку из больницы, то увидела бегающую по школе очень испуганную на грани женщины. Я не стала злорадствовать, хотя она вздумала поставить Илье двойки и договорилась, знаете это как делается: "Он у меня не работает, и у меня тоже совсем", "Он не поднимает руки, у него нет оценок".

Конечно, она имела возможность убедиться, что не так хорошо себя чувствуешь, когда полностью зависишь от другого.

Если бы они были, действительно, сразу возмущены, то они бы состряпали это заявление сразу. А то, по-видимому, родителям для решения потребовалась неделя.

А потом Чванов встал и сказал, что детей учительница не должна бить, и все подписались.

Дома я у Ильи спросила: "А ты бы подписался?" И он мне по-детски ответил: "Да, детей бить нельзя". А ты не подумал, что вы должны вы ей сразу ей об этом сказать. А то вы промолчали, а потом через неделю стали писать

- Чья была идея, Чванова?

Точнее его мамы. Было собрание. На сей раз желание Любовь Леонидовны и родителей совпали, она тоже не хотела быть классным руководителем. Директор пообещал ей на следующий год освободить.

- Правда вас извиняет от части то, что вы не знаете про эпоху Сталина и про миллионы доносов, на которой она была замешана примерно таким же способом снизу доверху, во всех так сказать областях жизни.

Ещё месяца через два она громко говорила со мной в коридоре, начиная от своих проблем, кончая перестройкой: "Неизвестно ещё чем это кончится", но заглянув в приоткрытую дверь в коридор, я увидела, что она понуро, как-то грустно сидит в клетке класса: она поняла, что ей деваться некуда.

Увидела я бежащим по коридору, по-деловому придерживающего портфель Чванова, у него были не по детски умные глаза, он учился, выколачивая отличные оценки.

Я вспомнила слова Любовь Леонидовны.

- Ваш-то он никогда не поднимет руки, знаете, как другие дети, рвутся, чтобы их спросили.

Вот так, и она показала.

- Я знаю. Но скажите, нет ли в этом чего-то постыдного, вероятно, они знают зачем эти оценки, им объяснили. Ведь после 8 класса, им скажут, вот что голубчик, давай-ка топай в рабочие, а ты учись дальше. Мы жестоки, и мы не справедливы.

В это время незаметно подкралась другая проблема. Появился новый учитель математики.

- Мама, он добрый. Говорит "Математическое выражение", как будто вкусную котлету съел. Такой широкий, основательный. Правда девчѐнки смеются, у него сзади пиджак через край зашит.

- Наверное, не женат.

- Он плохо говорит по русски. Мне сказал "Не жувайся". Я не понял.

- Господи, у тебя, наверное, жвачка во рту была.

- Да, ну вот это к ней и относится.

Однажды принял девочку за мальчика. У него глаз косит. Он до этого работал в колонии. Он на половину чѐрный.

Господи, только этого нам не хватало. Ты делаешь домашнее задание по математике?

- Он приглашает всех, кто хочет на Бабырган. Он занимается туризмом. А потом Илья заболел, и потом был вызов в конце четверти.

В конце четвёртой он мне сказал.

- Мама, тебя вызывает учитель математики.

Я пришла в школу увидела неустроенного в жизни человека, с голодным косым взглядом в измятом сером пиджаке.

- Ваш сын пропускает школу.

- Это неправда. Он болел и у него есть справки.

- Он ничего не делает по математике.

- И это не правда. Я сама, лично с ним делаю ваши домашние задания.

- Он что один у вас такой несмышлёный?

- Один.

- Ну тогда я пойду к директору выяснять, как же так он остался один.

- Разговор окончен. Я вас больше не задерживаю.

До встречи у директора я была взбешена.

- Вот тебе и добрый. Ищет где бы зацепиться, да укусить.

- Там многие хуже меня, Зеленин он вообще ничего не умеет. Даже уравнение за первый класс.

- Дурачок. У Зеленина папа директор мебельной фабрики. Он поставил в школу стенку. И ему никто никогда ни при каких условиях не поставит двойку. Вот посмотришь, он ещё объявится в начальничках, папа протолкнёт его в техникум, это уже мастер, механик, а там поможет устроиться на работу. Карьера ему обеспечена. А твои документы перешлют в училище на сварщика, тебя и меня, и спрашивать не будут. Говорят, что это делается во всю именно в этой школе.

Я разговаривала с матерью Серого, ну того, что свалился в лифтовую шахту с пятого этажа, катался под лифтом, ну так вот, несмотря на то, что у него в бедре вбит стальной штырь, и нога хромяя, её не могли сложить. Их направили именно туда.

Вот так-то голубчик.

Математику в отличие от Зеленина ты должен знать. Я смотрю ты совсем разленился. Другое дело, что он не Шаталов, я вот смотрю ни объяснить, ни записать толком не умеет.

- Он хорошо объясняет.

- Я не спорю.

- Но когда уже умеют объяснять лучше то есть на несколько порядков лучше, то Америки открывать не нужно. Он поди про него и не слышал про Шаталова-то. Того по-моему, лучше знают в Китае, чем у нас. Я недавно читала, что там взят на вооружение его метод.

А у нас, кто же будет тогда работать на заводе. Ты вот никогда не был на Сибприбормаше? Там адский рабский труд, который не оставляет человеку ничего человеческого, изнашивая человека полностью. А большая половина сидит в девятиэтажных фешенебельных кабинетах. И другую ещё строят. Не хочешь быть рабом, учись. Не гляди на Зеленина. Тем более, что зря глядишь.

В общем что-то надо и понимать. Не для этого же я тебя родила, чтобы ты работал за других. Таких охотников сейчас ох как много.

Визит к завучу милой прекрасной улаживающей все недоразумения поставил тройку.

Потом ещё был визит к другому завучу и разговор следующего содержания.

- Он не сдаёт тетрадей и не подаёт дневник.

- Это неправда. Раньше ваши двойки там были, да и у других отметки там появляются, стоят.

- Хотите весь класс вам скажет.

- Но вроде бы эти времена прошли, а?

Эта игра была рассчитана уже на завуча.

Красовитова здесь была ещё старая сравните его с Чвановым.

Вероятно, Руфина Евлампиевна услужливо направила его на путь истинный. Эта никогда не уймётся. Завуч, как мне кажется, нашёл неплохое решение.

- В каникулы вы с ним позанимайтесь, пусть он ходит в школу, а вы придёте в четверг, чтобы взять задания. Больше всего это не понравилось самому преподавателю.

- Потом вы знаете в четверти так сказать абсолютная

В четверг мне было сказано, что он дал им задание поставить ему тройку и что ходить на занятия не нужно.

Стояла уже зима её нежнейшее зимнее солнце безмятежно заливало всё вокруг так, что не верилось, что всё это возможно. Господи, да возьми Шаталова и учи всех детей на 4 и 5, не надо выдумывать никакого велосипеда. И самому можно быть спокойным независимым человеком, который не работает на износ, который бессилен.

Класс к этому времени до такой степени одурел от отсутствия даже минимального пригляда, что стал просто на уроках орать.

Наконец, дошло и до нового классного руководителя. Вероятно, коллеги хорошо знающие своего товарища, которым стало приходится туго, стали потихоньку говорить.

И вот вечером в 10 часов, когда муж уже спал и Катя собиралась тоже, я открыла дверь маленькой остроглазой женщине, которая тут же прошлась по прихожей, осмотрела как с молотка всё добро, и стала мне говорить, что Илья ведёт себя плохо.

- Проходите, садитесь.

- Нет, я тороплюсь.

Мне бы хотелось знать, кто создаёт видимость работы. Я поняла, что это вечерний налёт чтобы

Что конкретно и когда он сделал и кто вам пожаловался.

- Я у них не веду, я преподаю английский.

- Я знаю.

- Если бы вы нашли время выставить оценки и написать, когда он был серьёзно виноват, а так же пригласить в школу, то он бы принёс. А то так, пожалуй, вы не находитесь.

- Он не носит галстука.

- Он порвался, вероятно, он вам об этом сказал, потому что это так и есть. А в продаже их нет.

- Меня это не касается, ездите ищите.

- У меня болел второй ребёнок, и ездить я не собираюсь, то что их нет в продаже, меня это тоже не касается. Но я знаю, кто стоит за вами, за своего сына я сумею постоять.

Мне хотелось сказать, что она демонстрирует совсем не английские манеры, ибо приходит поздно вечером в дом, не исчерпав так сказать другие меры, было так сказать Но не стала. Я поняла, что я приобрела себе ещё одного врага.

- Мама, зачем ты с ней ругалась.

- Ну, во-первых, это она со мной, пожалуй это бы ничего не изменило. Ты что там действительно, сделал что-то такое, оскорбил, плохо ведёшь.

- Да, нет, это Зеленин, сидит рожи им корчит.

Он мне рассказывал, что она к ним приходила и в общем отец выдрал его. Ну, а чтобы не было больно, он себе это место побрызгал дихлофосом.

- Батюшки, да он так станет токсикоманом.

- В класс приходила Руфина Евлампиевна, и сказала ему, что позвонит отцу так у него сразу выступили слёзы.

- Ладно спи. Зря я ей открыла. В следующий раз буду умнее. Зарабатывает на мне очки перед директором.

У Ильи появилось на лице осмысленное выражение, он стал бегать к Серому и помногу часов говорить с ним.

Это была такая детская дружба, что я решила не убивать её словами.

- Понимаешь, к нему душа лежит.

- Понимать-то, я понимаю, но какого чёрта его занесло под лифт, с трудом. Да и те кражи, что раньше, ну, конечно, хочется магнитофон, велосипед и.т.д..., но воровать

- Он решил не воровать больше.

- Охотно верю, но всё-таки кое-что входит в привычки, знаешь.

Да ведь они и не думают учиться, вот что самое плохое.

- Серый хотел к тебе по математике.

- Да, я ведь не математик. Ладно, пусть приходит.

Как вы мне надоели. Ничего вы не желаете понимать. А Тебе Галина Ивановна нравится?

- Да.

- Дурачок ты, и вынуждена тебе это сказать.

Теперь тебе понятно хоть немного.

- К Серому приходил Кулёк с зелёнки.

- Что за Кулёк ещё?

- От него так пахнет.

- Ну на зелёнке ванн нет, а в баню, наверное, не часто ходит.

- Да, Серый сначала его не хотел пускать, а потом запустил.

- Он семь раз лежал в психбольнице.

- Боже ты мой, за что это?

- Да в первом классе на учительницу кинулся с перочинным ножиком.
- Ну я думаю, что это скорее был чисто символический жест, выражающий глубокое несогласие, что ей может сделать маленький ребёнок семи лет.
- Она вызвала скорую помощь и его туда отвезли.
- Жаль, что её не захватили, я думаю, что её место там скорее. Сравни, на Любовь Леонидовну вызывать скорую помощь никому в голову не пришло.
- А потом он пошёл учиться к этой же учительнице?
- Ну, а куда же.
- Да, действительно, куда.
- Ну в общем сейчас он учится во вспомогательной школе.
- Я думаю, что она постаралась.
Потом он ещё попадал под пожарку.
- Ну там его накачают, вот он и попал.
- У него не заживающая язва на ноге, вся нога стянута страшно смотреть. Но в общем-то он не унывает. А отец у него разбился пьяный, за кедром ездил, с дерева свалился.
- А мать ему учителя нанимала. В общем это был очень правильный поступок с её стороны.
- А ты сбегашь зря.
Выйдя как-то днём с Катей к недостроенным гаражам, я увидела, что ребяташки натянули трос и катались так сказать с берега в яму.
- Мама вот Кулёк.
- Батюшки, да он не похож на психбольного. У него было розовое лицо с весёлыми нежными веснушками и он во всю наяривал по тросу.
- Веселится как может. Да и выглядит он совсем не плохо. Да что ему.
Украли с Дрюнькой велосипед, продали его за 15 рублей, а тот наклеил как у спортсменов диски и хочет продать за 60.
- А где деньги-то возьмёт.
- Со спирт комбината. Там все берут.
- Ну так уж и все. Чтобы тебя я там не видела.
В общем жить стало веселее товарищи, так кажется. Надо бы голубчик позаниматься.
- По математике не мчишься с щенячьим восторгом на восьмой этаж.
- Дрюнька сказал, что когда он вырастет, то они вместе сядут в тюрьму и заработают там деньги.
- Откуда информация то, что в тюрьме так щедро оплачивают.
- У Олега отец пришёл из тюрьмы, у него махровый индийский шарф, шапка и норка, а сам худой.

- Сколько лет отсидел-то?

- Говорят пять?

Ну надо маленько соображать, что если на воле так сказать не густо платят, то откуда же в тюрьме-то. И вообще Дрюнька мне не нравится, у него одно в голове стянуть прикарманить.

- Это у него от мамы, она всё тащит из больницы домой.

- Да хоть бы ума-то хватило больше не брать, да чтобы не видели, вот и он решил так же прожить.

- Конечно, у ней выбора нет, на сто рублей втроём не прокормишься и не оденешься, но всё-таки. Мать у Кулька настрелянных голубей с элеватора в лапше наварила.

- Знаешь не порти мне настроение. Дай, что называется отдохнуть и от тебя и от твоей школы. А то я начинаю нервничать. Тут ещё Катя болеет, не приложу ума, где достать Фестал. Вечером "Спрут" будет?

- Да, кажется.

- Вот хочется посмотреть на свободного человека, который борется. Мы то просто умираем от трусости.

Красивый, независимый, чёрт знает какой. Вот смотрю и думаю древняя прекрасная кровь римлян, их дух связан с этим человеком.

Очень нужен этот свободный фильм нашей истосковавшейся от рабства душе.

Я думала о том, почему в воздухе прямо-таки носятся идеи по реформе школы, но почему несмотря на это обилие так пробуксовывает малейшее дело? С чего начинать?

- Конечно, самое главное, что коллектив школьный должен выбирать своего директора. Это самое главное. Откуда появляются типы типа Зислина. Из блата то есть мафии, но уже специфически русской. Дальше. Дальше методика Шаталова. Она так же революционна, как завоевание космоса. Она позволяет не репрессировать ребёнка, а учить всех детей. Это та демократия, которой школе не хватает, из нашей школы торчат "Уши Сталина" дальше пятидневка. Чтобы было время на самостоятельное занятие и на свободное время для уикэнда и друзей. Можно и в школу, но уже по интересам и будет тем, кто видит себя в муштре....

Свободное посещение одного из двух учителей по предмету или ходят разные на смену. В общем это самая что ни на есть демократия.

Возможность исправить любую двойку, если подготовил. Что они там навечно прилеплены что ли в виде своеобразного наказания. Хотя это есть и у Шаталова.

Возможность сдать любой предмет досрочно экзаменом. Господи как много уже придумано и открыто. Ну почему мы не можем

отдавать своих детей тому, кому хотим? Очень скоро те, кто не достоин этой профессии просто бы не захотели с ней связываться.

Ну, и, конечно, особый вопрос, почему ты не научил, почему ставишь двойку.

- Ладно, хватит фонтанировать.

- Хватит, так хватит.

Ну и главное частные школы. Кооперативные. Куда людям деньги-то девать. Что мы трусливее царской России что ли, там были. Да и во всём мире сейчас есть. Только мы заидеологизированы.

Через некоторое время он пришёл домой и сказал: Ты хвалила классуху, а она по-моему совсем и не добрая.

- Что так.

Прибивали там шторы в классе, никто не достаёт, ну я один корячился. А потом мне ещё достался третий мыть самый грязный ряд. Ну я и сказал, а она говорит мне: "Замолчи". Галина Алексеевна никогда бы так не сказала. Я у той пол за год не мыл ни разу.

- Она, конечно, языкастая, но твоя Галина Алексеевна, прокатила с математиком тебя дружно, при этом оставшись у тебя хорошего мнения. А эта без особых хороших манер, что думает, то и говорит. Придётся тебе научиться ценить и это. Просто её заносит. Знаешь, это ещё и профессиональное. При такой нагрузке нервы делаются не к чёрту.

- А знаешь, у нас был урок биологии. Ну она нам дала такое задание: принести какое-нибудь насекомое.

- А ты - то что принёс?

- Нашёл на перемене во дворе шмеля мёртвого.

- А другие как вышли из положения.

- Ловили мух. Я поймал, кому-то там отдал.

- Интересно. И что вы с ними делали? Что она хотела там увидеть?

- Описывали.

- Ну вот видишь. Лично я в первый раз слышу про такое.

Да "Аборт у Ангела" хорошее название для рассказа. Просто я никак не могу решить или продолжать сражаться с ними, чтобы он пошёл в девятый класс, или ему лучше пойти в ШРМ и работать. В училище я не хочу.....

Листок...

Потом были книги в библиотеке, которые я брала на всех, кого могла.

Я теперь понимаю, что я не замечала той жизни вокруг, которая была: у Золя, а особенно у Бальзака она была намного интересней. Потом в университете я выбрала из трёх учить французский язык, и выучила его за два года, хотя мне было трудно. Помню двухтомник "Современный французский театр", пьесы Сартра, Ионеско в подлиннике L'Etranger Камю. Я их воспринимала, как награду. Над койкой в общежитии я повесила репродукцию картины кого-то из импрессионистов: Улица мощёная булыжником заворачивает в темноту Парижа. Однажды я сказала своей соседке неожиданно для себя: я люблю здесь гулять.

Но чем больше потом я жила на белом свете, тем больше понимала, что пожить в Париже, мне не удастся.

"Но люблю мою бедную землю
От того, что иной не видал".

Это наш гений Осип Мандельштам. Недавно я купила ещё одну книгу на русском языке. Морис Утрилло "Жизнь и легенда".

Человек раскрывший для всего мира гений Парижа. И он не противоречит Аполлинеру рвущемуся в современность:

Ты от старого мира устал, наконец.

Пастушка, о башня Эйфеля! Мосты в это утро влеют как стадо овец.
... А ты, на кого в это утро окна глядят и город глядит.

Вот и сейчас мне легко вернуться к этим мыслям. Кто запретит.

Я иду по тёмному всеми сибирскими ветрами продуваемому проспекту, где сама реальность пляшет и раскачивается в зыбком удлинённом свете фонарей. И мне всё кажется, что я бы там не чувствовала себя чужой.

Мир сказок.

Взрослый человек сталкивается с ним во второй раз в своей жизни, когда начинает читать их своим детям.

Так происходит второе столкновение с миром чистейшей сказочной выдумки и вымысла. В этот второй раз поэтического осмысления жизни судится нами строже, мы стремимся выбрать для детей то, что считаем нужным и необходимым, и сами ещё раз тщательно и придирчиво проверяем вкус собственным жизненным опытом - это сказка. Конечно, классика и всё-таки настойчиво стремимся покупать современные книжки, ибо и они пусть во многом но нужны детям. Мы чувствуем что нужны.

Комочек маленькой жизни, которому предстоит расцвести и заново прожить жизнь таит в себе огромный запас духовных сил, совершенство которое так хрупко, как нежно, как заботливо нужно его сохранять и помогать расти. Нас подстерегают неудачи и ошибки. Книги помогают и нам и им.

Сказки "сочинять" трудно.

..... Ну, например, "Сказки Пушкина". Мне кажется, что они написаны для взрослых и для детей. Читая "Золотой петушок" и "Сказке о попе и его работнике Балде" вы не обнаруживаете ни какой натяжки на детское сознание. Это поэтическое цельное единство

Больница.

Я проснулась ночью, и поглядела на часы. Половина четвёртого. Началась боль. В таком состоянии я ещё не была. То ли томление то ли предчувствие как-то тревожно заполняли все ощущения. Она нарастала. Она росла во мне как зверь и рвала что-то внутри живота. Два шага вперёд, согнулась, распрямилась, схватилась за живот, ещё три шага в сторону, вот передо мною встала стена, но что-то во мне примеривается, чтобы начать лезть по ней.

Надо поскорее попытаться уйти из этой комнаты, чтобы не разбудить и не испугать Илью и Катерину. Сколько это будет продолжаться. О Господи, наверное, сейчас скончаюсь, кое-как смогла вытерпеть, по телу волнами идёт дрожь.

В маленьком зеркале, которое висит на стенке материнской комнаты вижу собственное лицо таким, каким ещё никогда его не видела: такое каким его видишь обычно у покойников: оно бледно-зелёное. Как быстро. У сестры чуткий сон, и она прибегает, по её расширенным и заблестевшим глазам я вижу, что мне снова предстоит доставлять своим родственникам массу неприятностей. Я против вызова скорой помощи такие приступы у меня уже были два дня назад подряд и ничего, вынесла. Но Надя её вызывает.

Приезжает симпатичная крепкая толстушка лет 45. Слава Богу не молодой симпатичный человек. Подозрение на внечаточную, если не подтвердится, то в первую горбольницу.

- Собирайтесь.

Приступ прошёл, но я настолько обессилела, что одеваюсь еле-еле, толстушка крепко и приятно берёт меня под руку. И вот я уже в машине. В машине холодно и темно, но она мчится на большой

скорости, и эта быстрота меня всегда успокаивает, кажется что с тобой ничего плохого произойти не может.

Так же крепко держа меня под руку она много раз звонит у дверей приёмного покоя. Никакого раздражения у неё как приятно и меня это успокаивает. Это гинекология.

Третья больница. Как я не хочу сюда попадать, как любая современная женщина и как часто мы сюда попадаем.

Смотреть меня выходит крошечная хрупкая женщина в несовременных простых очках, но глаза под ними карие острые и умные, блестят. Я её знаю. Это Татьяна Александровна Трибунская.
- Мы вас оставляем.

Вместе с дежурными сёстрами мы быстро идём по спящей больнице. Я догадываюсь в абортарий.

Больница, отмаявшись за день ото всех забот, страстей, болей кажется, что спит домашним, спокойным сном. Заходим. Врач тихая как мышка, поблескивая из-под немодных простых очков тёмными и быстрыми бусинками глаз вежливо и спокойно пригласила.
- Садитесь.

Сестрички примостились на два табурета в другом конце крошечного стола.

Я почему-то оглянулась. Посередине большой высокой комнаты царственно и теперь как-то сонно безразлично стояло оно большое гинекологическое кресло. Столь грозное для женщин.

На маленьком столике передо мной горела лампа и в её свете блестели умные и добрые глаза врача, сзади грудкой четыре медсестры ленивые и толстые как кошки приготовившиеся слушать очередную интересную историю.

Я почему-то заволновалась.

- Когда был первый приступ.

- У меня было три, первый был три дня назад. Я проснулась тоже ночью. Потом вчера. Днём. Я вышла прогулять Катерину. Ей год и четыре месяца. Я взяла её на руки и так ничего, но у меня была слабость. Ну думаю это после вчерашнего приступа, начала говорить с соседней бабкой и вдруг мне стало плохо. Катю поставила, а сама шагу шагнуть не могу. Кругом улица. Я с огромным трудом сделала двадцать шагов, чтобы дойти до деда с бабкой, они были у погреба.

- Я совсем не могу. Мне как-то нужно дойти до дома.

Пойдём помаленьку. Не знаю как я дошла. И дома мне было так плохо. Я выпила четыре таблетки ношпы, я знала, что они против спазм и помаленьку боль меньше, меньше и я уснула. Проснулась вроде бы ничего, но какая-то слабость и все неотложные дела я делала через силу, что-то во мне изменилось. Катю я спать сама

уложила, покормила и ещё три раза к ней ночью вставала, а в три часа ночи чувствую, что во мне снизу поднимается какая-то волна. Я вышла в материну комнату и чуть на стенку не полезла. Сейчас ничего, вроде как совершенно здоровый человек.

- Ну давайте посмотрим.

И вот я уже на кресле и мне дают маску и пока я старалась дышать, я вдруг замечаю, что она уже работает такими блестящими на тонких длинных ручках инструментами. Страх не успел как следует подступить ко мне. Какой-то провал, и вдруг откуда-то ко мне пришла сильнейшая боль, я закричала каким-то чужим не своим голосом.

- Не надо так кричать.

А лампа всё кружилась и ввинчивалась куда-то в потолок. Это был старый киношный штамп, который применялся, когда речь шла о смерти; Потом ещё одна ступенька сознания и я открываю глаза и ощущаю своё привычное я, словно она вернулась откуда-то.

Поворачиваю голову, врач мышка снова сидит на своём стульчике в углу стола под яркой лампой. Но у неё другое лицо. И я ей благодарна за него. Это лицо человека, который сопереживает другому, мне. Оно как-то немного устало, пожелтело, в нём пролегли какие-то другие линии, оно осунулось.

- Внематочная беременность, да?

- Да.

- А оперировать будете вы?

- Да.

- Да, мне повезло, что я к вам попала.

Едва заметно, она кивает головой.

- Вставайте с кресла.

От усилия сесть, я непроизвольно закрываю глаза.

- Глаза не закрывайте, - говорит беззаботным здоровым полным жизни сестричка, стоящая сбоку у кресла.

- Всё-то они знают, - думаю я.

- Да я спокойно дойду. Но слабость усилилась и я чувствую лёгкую тошноту.

При выходе из абортария сестра говорит:

- Ложитесь на каталку.

- Да я смогу дойти.

- Да мало ли что. Ложитесь. - говорит она спокойно.

Из палаты напротив, где я когда-то лежала с воспалением, выходит женщина, натягивающая халатик. Мы её помещали спать.

- Руки с боков уберите, а то в дверях стукнете.

Останавливаемся напротив операционной в другом конце больницы. Лежать делается неудобно, да и тошнит меня всё сильнее.

Наверное, от закиси азота, в операционной женщины переговариваются, звякают крышками и инструментами. Голоса их становятся бодрее и веселее.

- Надо позвонить анестезиологу. Валентину Алексеевичу. Номер-то где.

Я поворачиваю голову к стенке, всё тело затекло. Нужно подумать, наверно, о чём-то важном. О чём? Да Илюша и Катюша, ну что я о них могу подумать, мои дети, на глаза навёртываются слёзы, но они как-то от меня отделились, у меня не хватает жизненных сил, чтобы подумать о них со всей любовью, слишком многое я перенесла.

Конечно, смерти всё равно не минуешь, но сейчас она хотя и близка, не вызывает абсолютно никаких эмоций, я думаю что и умерла бы совершенно спокойно только не вовремя, я понимаю это очень хорошо, дети вот.

Мне одевают на ноги бахилы, на голову повязочку из марли. Въезжаю в яркую операционную. Анестезиолог уже там.

- Перелазьте.

Я с удовольствием перелажу на мякотькое узенькое ложе, очень белое и чистое и от этого нарядное, на минуту мне кажется что я здорова.

- Поднимитесь повыше.

Я смотрю через лоб и вижу в изголовье кареглазого и черноволосого обаятельного молодого мужчину с мягким голосом, который со светской непринуждённостью стоит у изголовья и возится с какой-то штукой типа трубки.

- Слушаться меня и выполнять всё что я скажу.

- Хорошо.

Я вижу, что в левой руке уже работает система и вливается в кровь литр какой-то белой жидкости.

Но мне снова очень не хорошо, убежала бы от себя не знаю куда.

Отключилась я как-то легко и незаметно, вроде бы легко заснула.

Потом я это не я, я это какой-то период сообразования. Я - это в общем-то только что-то страшное невыносимое по больной тяжести, которое и есть я. Это тяжесть несётся в красном клубящемся вихре, клубящихся потоков и хочет из-за боли избавиться от самой себя.

Потом я чувствую, что я это я, образовалась наконец-то только губы мои косноязычны и немного с придурью говорят воды, хочу, хочу воды.

Первый день тяжёл до такой степени, что трудно даже вспоминать. Распластавшись на специально устроенной кровати, которая

представляет собой не что иное, как хитро устроенный прямой помост, я, же всегда спала свернувшись калачиком, лежу и беспрерывно думаю, когда же всё это кончится, когда я повернусь на бок и не лучше ли мне было помереть, как же я не подумала, что мне будет так тяжело.

Сестричка пришедшая сделать укол, говорит, что лежать на спине нужно целые сутки, поворачиваться на бок нельзя иначе вывалятся кишки. Пить тоже сутки нельзя. Неужели я смогу вытерпеть. Я в это не верю, пролежать хотя бы час.

Время течёт невозможно медленно. Оно несообразно с течением времени для обычного человека.

Прошло после операции только четыре часа, и вот мне начинает всё яснее казаться, что если я повернусь на бок, то всё будет хорошо. Но я привязана за ноги. Я начинаю искать руками узел, но найти не могу. И всё-таки я перевернулась чуть-чуть на бок и испытала блаженное чувство радости: надсадная всё заполняющая боль в спине и онемение на минуту прошли.

Через некоторое время ещё немножко повернулась, теперь потихоньку на другой, я нашла выход.

Ведь мне было так плохо, что если бы я могла, то вылезла из собственной шкурки, такой неудобной она стала.

Прошёл ещё час.

Зашла няня, очень старенькая похожая на мудрую сову. Она на мою просьбу тихо открыла зелёную штору узкого окна и мне стали видны два дерева и люди проходящие под окном, в основном молодые мужчины и девушки, модно одетые, приятные, уверенные в своём спокойном существовании. Я просто смотрела на всё это, и мне было хорошо. В это же окно я увидела Надю, она мне так улыбалась, по детски открыто и нежно, как будто я ей была нужнее всех на свете. Её пустили в палату, она легко двигалась, делала массу необходимых дел, рассказывала про дом и я с ней стала потихоньку поворачиваться к жизненным проблемам, нелёгким.

Когда я посмотрела в окно, то оно уже было чёрным.

И вдруг почувствовала, что я так обессилела, что, наверное, и рукой больше пошевелить не смогу.

Нет, пока не хочу видеть такой ни Илью, ни Сашу.

Ночью я просыпалась раз двадцать. Напрасно мне казалось, что я смогу уснуть на боку: было очень больно и такое впечатление, что кишки точно собираются вывалиться, наверное, отошёл наркоз.

Баба Лиза прилегла отдохнуть на соседней койке и спокойно и просто сказала под самое ухо.

- Ты и правда беспокойная.

Но утром мне стало слава Богу полегче. Серенькое утро как-то собиралось, собиралось, потом пошёл медленный нежный дождь. Люди под окошком проходили в цветных зонтиках и были какие-то забавные.

Сегодня я могу пить, а то язык стал жёсткий как швабра, но две бутылки минеральной воды не приносили никакого облегчения от жажды.

Я, наконец, освоилась с лежачим положением, но в голове было как-то пусто. Господи, неужели первый день прошёл, каждая его минута мне далась так нелегко.

Время пошло побыстрее.

А на следующий день с утра в окне начал медленно вяло падать первый снег.

- Неужели зима пришла, - по зимнему поскучевшим голосом сказала молодая нянечка Надя. Она заикалась и из её разговора с сёстрами я поняла, что ей негде жить. Вечная проблема негде жить и мне.

Потом больница зашевелилась, заходила, захлопали двери, ожившие, начало рабочего дня.

На следующий день мышка разрешила сидеть сколько угодно и сделать три шага. Но только с кем-нибудь.

Я села и голова у меня сильно закружилась. В палате было ещё пусто и я привалившись к стенке сидела на своём помосте как фараон при своих 1м. 82. Это сравнение понравилось маленькой процедурной сестричке, похожей на настоящую стрекозу с большими выпуклыми глазами. Голос какой-то другой сестрички с процедурного поста мелодично растягивая слова рассказывал.

- Ты знаешь, я видела сон.

Как будто бы приезжает наш больничный шофёр Женя приезжает ко мне на машине, а у него колбаса. А я ему говорю: - Ой, Женя у тебя целых два килограмма, а у меня нет ни граммочки.

Ей удаётся передать магию сна, вопросом, ну скажи пожалуйста, почему Женя, она этим озадачена.

Потом приходят няньки и бесконечно долго считают простынки, клеёнки, тумбочки, им это сделать не удаётся, и через час они снова считают.

Моему покою пришёл конец. На соседнюю койку переводят Зою.

Это белокурая молодая женщина в очках, такая худенькая, что кажется девочкой.

Очень холодно и та забирается под одеяло согреться, чтобы как-то отвлечься мы начинаем разговор и она рассказывает про себя. У неё двое детей, 4,5 и 2,5. Старший у бабки в деревне, у него никак не

могут вывести аскариды, и бабка сама взялась своим способом: будет ставить ему клизмы с парным молоком и чесноком. Бабка работает, поит телят на ферме, я ей говорю: "Бросай мама, стаж уже выработан, она нет, упрямая, работает."

Когда уходит на ферму, его запирает в доме одного. Орёт. Младший вот заболел "воспалением лёгких" мне идти сюда, его положили в больницу.

Купили полдома за 8 тысяч, около горы, 6 тысяч взяли у моей мамы, а сейчас работает получил деньги и сразу на книжку, чтобы отдать. Мама ругает: наверное, ничего не едите. Муж работает шофёром, возит начальство, иногда и в воскресные дни, гулять за город. Рассказывает что там депутаты. И она смеётся, у неё вообще лёгкая улыбка, насмешливое лицо. Сама работаю в Горгазе. У меня эрозия ничем вылечить не могу, у тётки вот тоже ничем не лечилась лет восемь, этим летом три месяца лежала в раковой, а сейчас ноет, у неё страшные боли.

- Мне хочется ей помочь, она отважно сражается.

- Сделай облепиховое маслице.

- Да вот два раза пыталась, ничего не получается, видно уметь надо.

Да и у меня и брату надо. Он в армии облучился, всё не женился, а вот недавно женился, девочка родилась.

Ну может быть не работать немножко, дети дома, не болеют, держать парочку свиней, да и сама подлечишься.

- Деньги отдать нужно.

Я думала о трудной и сложной жизни этой женщины. Как она стремится выбраться, да ведь это же мать. Куда ей их девать, подождёт. Поднимешь немножко ребятишек, сама подлечишься, вот и будешь работать.

У неё было сильное кровотечение, и она уже использовала все тряпочки взятые из дома.

В палату заглядывает старушка с пронзительными зелёными глазами, ждущая своей очереди на операции.

- Ну как вы здесь?

- Да ничего.

- Молоко-то есть?

- Да, слава богу нет, пропало.

- Свято место не бывает пусто. Вон ещё на внутриматочную какую-то привезли. Стоит плачет на плече у мужа. Сейчас будут оперировать. Вот уже повезли.

Начинается время операции. А в окне появляется молодой мужчина, который рассекая правым плечом воздух проходит мимо окна через

правильные промежутки времени. Наверное, вокруг. На исходе уже второй час и что-то внутри устаёт от этого ожидания.

- Ну вот выстроились, слышу я нервный высокий голос Эльвиры и коляска громко вкатилась в палату.

- Ивановна, ну ка подсоби.

Полноватый чёрный мужчина грубым властным голосом (сколько раз они это проделали) командует: - Давайте девочки, раз, два, три и они мгновенно перекидывают её на кровать, а коляска откатывается.

- Ну вот молодцы. Голос у этого анестезиолога неуютно громкий, весь он какой-то шумный и полностью заполняет собой пространство, где он находится.

- Ну как?

- Ой, вдохнуть не могу.

- Дыши, дыши, как не могу, нет, не так часто, сейчас мы тебя поднимем, и он подымает её изголовье.

Она пытается кашлянуть, как-то собраться почувствовать себя.

- Ой, как больно, как холодно.

Лицо у неё восковой куклы, абсолютно не живое, даже странно, что где-то в ней теплится жизнь.

- Сутки не поворачиваться, не пить.

- Ой, как болит живот, руки не слушаются совсем.

- Ну, милочка моя, это же операция.

А в окне немного скрывшись, стоит и смотрит муж. Через час ей ставят наркотик и она засыпает.

За мной пришла сестра, такси поймать не удалось, и до остановки мы идём пешком. Едва выхожу на улицу, то сразу охватывает холодный чистый воздух и понимаешь, что какая парная душная атмосфера палаты. Идти вполне можешь, но как-то чувствуешь себя слишком легко.

Дома просто, разбросаны игрушки, Ильи нет и выходит бабуля, а за ней семенит ножками Катерина. Как-то мне не думалось, как она меня встретит.

Я сажусь в старенькое обшарпанное кресло.

- Катя иди ко мне?

Катя остановилась и идти ко мне не хочет.

- Забыла?

Я не могу понять, но личико её изменилось от какого-то сильного чувства, и когда я беру её на руки она вырывается от меня.

Бабушка первая догадывается.

- Обиделась.

Да, все эти десять дней, она меня искала и иногда кричала - Мама, Мама, а вот теперь эти дни для неё не прошли бесследно.

Она так сомлела, что я перестала улыбаться и звать её на руки, прошло минут десять, и мне было нелегко. Мысль, что я её могла бы больше никогда не увидеть и что этого дня могло бы не быть, как-то не покидала меня.

Бабушка взяла её на руки и стала укачивать: в это время она всегда спит.

И от всех тяжёлых и недетских забот моя Катерина быстро уснула.
- Переволновалась.

Лицо её приняло необыкновенно ясное выражение и прекрасные ресницы, как два лёгких крылышка легли на глаза, а длинные строгие бровки разгладились.

Из черновика:

А мимо окошка развернувшись клином, кругами вокруг больницы бегают муж. Видно, что он не может справиться с охватившим его волнением, страхом, возбуждением. Я зову его пальчиком в окно, показываю, что привезли и он смотрит как её перекладывают.

Потихоньку она рассказывает что пролежала две недели в первой, что сначала думали, что у неё беременность шесть недель, выскоблили её, брали пункцию на внутриматочную, но то ли неправильно взяли, то ли что, была Ирина зав. отделением, я выпила дома немного пижмы, так на неё спирают, а Семён Лазаревич, зав. терапевт. отделением сказал, что нечего на неё спирать. Вот приступы какие, дома ещё были целые недели, да здесь две.

Значит где-то с месяц как у неё.

Если во вторник делать, то мне завтра говеть.

За собой-то следить некогда, а то человеку нафуфырит.

Там всё выбросили, вот теперь действительно подзорная труба. Только вот этого внучёнка дождалась и уходит.

Врач-то у меня Людмила Романовна. Сначала-то она мне понравилась, такая хорошенькая, улыбается, модно одетая, две минуты в палате на обходе не бывает. Поди не то вырезала.

Её белое застывшее в муке лицо, какой-то надтреснутый голос, пытается осознать, найти какую-то щёлку.

На второй и третий день ей вливают кровь и всякие системы.

Всего этого так много, наверное, литра три, операцию распирает и у неё начинается такая трясучка, или она говорит - Ой, ой, сейчас скончаюсь.

Медицинская сестра по системам огромная могучая женщина с звучным голосом стоит над ней неуклюже и ничего кроме - Ну ничего Томара, - сказать не может.

Меня переводят на другую койку, которая с сеткой и я долго не могу научиться вставать, плаваю в тумане и корчусь от боли. Ночью меня тошнит и я пытаюсь избавиться от тошноты...

У Томары хорошая голова и она ещё и ещё раз возвращается к этапам своей болезни. Приступы начались дома и продолжались целую неделю. Вообще говоря, нужна огромная воля и здоровье, чтобы их выдержать. Я смогла выдержать только три. За два дня до поступления лицо её стало вот таким белым и застывшим.

Об этом лице её спрашивали все и всё-таки не смогли догадаться и заведующая отделением Ирина Георгиевна и сама Людмила Романовна и процедурная сестра, которая ставит уколы и многие другие.

Ирина Георгиевна даже спросила, когда оно таким стало и получила точный ответ: за два дня до поступления в больницу. Но дальше этого не пошла. Два раза они вместе смотрели на кресле и брали пункцию: но неизвестно то ли они не смогли взять из-за некомпетентности, то ли она уже не бралась, потому что уже давно погибла эта беременность. Ей ставили рассасывающие алоэ и системы, пенициллин и ультразвук, а температура росла. Росла и угроза сепсиса.

Все две недели пока она была в больнице и фактически с неустановленным диагнозом. Мне стало страшно. Страшно попадать вот к такому врачу, у которого на лбу видно, что он абсолютно равнодушен и не умён, и глуп, и страшно, что вот так вот просто можно умереть. Интересно, что записано в истории болезни.

Всё-таки первые два дня, когда особенно тяжело человек и жив на половину и это хорошо видно по его внешнему виду, жизнь куда-то уходит покидает лицо и это безжизненная маска, где она чуть теплится говорит об очень тяжёлом состоянии.

Я удивлялась, что вот этой женщине из окна муж говорил "Томочка, дорогая, крепись". Она была страшна, правильно делали, что его не пускали. Но он каким-то чутьём почувствовал, что она в страшной опасности и буквально чуть не влазил в окно. Он встречал всех, надоедал, тормозил.

На второй день Л.Р. зашла и уже не улыбалась, на просьбу рассказать, что было с ней сказала, что всё Тома расскажу потом, всё всё, но это как раз говорила о том, что она ничего не собирается рассказывать, она тоже почувствовала опасность родственников, вопросов, было много, и её неглубокий ум не мог этого скрыть.

На третий день её стал занимать вопрос не дует ли её, и она подняла руку над её животом, ответом ей было бурлит и бурлит "Сделаю глоток как всё забурлит".

Эти вопросы продолжались два дня, пока до меня не дошло, что ведь бурлит - это собственно начало того, что дует. Ей сделали клизму от которой всё внутри зажгло и она оправилась так "Как будто бы родила". В стуле была кровь.

И всё-таки, нужно сказать, что она была молодец, ни разу она не заплакала, а ей было так плохо в собственной шкурке.

В понедельник нашему одиночеству пришёл конец, в обед ровно рядом с моей койкой возник катафалк, четверо людей по команде анестезиолога "тяжёленькая" на помост возложили прооперированную больную с миомой.

Сестра пришедшая ставить первый укол наркотика с большими стрекозиными глазами за гребёнкой увидела свёрнутую бумажку. Это была молитва, написанная на старославянском языке: «Придиши» и.т.д., впрочем, смысл её был понятен любому современному человеку. Больше всего меня тронули слова "Возьми меня на руки свои". Это были слова ребёнка, просящего защиты. Сестра рассмеялась, вообще говоря, надеяться на Господа было, конечно, глупо, но через два дня пришедшая в себя баба Дуся сказала, что небось забоишься, когда тебя прижмёт идти туда, и попросишь помощи хоть у Господа Бога. Остальные бабки в её палате тоже переписали, одной было 68 лет и у неё были полипы, а другой 56-57. Они решили совместить Господа Бога и нож хирурга. После того как её уложили в окне возникло милое девичье лицо с синими глазами озерцами и рядом усатенькое лицо, вероятно, мужа. Девушка заглядывала на помост, на котором горой, как в гробу неподвижно лежала женщина. По ошибке бабу Дусю я приняла за другую, которая заходила ко мне проводить меня симпатичную нежную женщину, которой предстояла эта же операция и которая перенесла пять беременностей и аборт, а последний большой ребёнок погиб в ней и уже спасали её. У неё были плохие вены.

И я глядя на неё, думала, что никогда уже из её чрева не выйдет вот это милое лицо, и не придёт и не успокоит.

Девушку, наконец, запустили это оказалась невестка бабы Дуси, кругленькая с мягким задиком очень спокойная молодая женщина, она тихо села рядом с ней, та приходила на минутку в сознание, хваталась за её руку "Надя, ты здесь" и снова спала.

Пришла Эльвира Григорьевна хирург, которая оперировала бабу Дусю, наклонилась над ней и стала вслушиваться в её дыхание. Она

вслушивалась как-то очень целостно пытаюсь схватить уловить и понять то состояние, в котором был больной.

У Эльвиры Г. Я лечилась десять лет назад с воспалением. Это была хороший врач, но очень нервная...

Она не жалела себя и чем дальше, тем больше ей приходилось работать на нервах. Вероятно, в её жилах текла и хохлацкая кровь выдавал это говорок. Она была высокая даже длинная с очень худенькой грудью. Свои трудовые столько много сделавшие на веку руки, она по деловому красиво закладывала в карманы. Взгляд больного, искавшей на кого бы понадежнее можно было переложить часть пришибавшего его несчастья с пониманием остановившаяся на ней. Она охотно принимала и сострадала, на неё можно было надёжно опереться. Она сидела на койке теперь уже прошедшей первый самый тяжёлый этап два дня после операции больной, очень грузной "Что положишь, что поставишь" прозаический больной и разговаривала.

Та жаловалась как ребёнок изо всех сил, надеясь, что её будут лучше лечить. Вот Э.Г. нагнулась чтобы послушать сердце и это было такое чуткое внимание, что, пожалуй, такого я не видела за всю жизнь. Потом она послушала кишечник "Ого как стреляет".

- Как стул? Вопрос.

- Не оставили?

- Нет чёрный.

Она тут же стала писать нервно и быстро в истории болезни назначение.

- Систему.

Увидела проходящую в коридор сестру по системам и тут же продиктовала ей, люди охотно подчинялись её деятельному, живому характеру.

- Как спали?

- Да, спала.

Сон у бабы Дуси был богатырский, стоило ей немного отвернуть голову и она мгновенно засыпала.

Но здесь она стала кукситься, мол спала и всё.

- Пусть газы отходят не стесняйтесь.

На следующий день она привела студентов и стала им объяснять.

- Вы видели эту больную до операции, теперь она на третий день после операции, она развязала шов. В виду своей толщины баба Дуся была прошита очень большим швом "Чуть не бельевой верёвкой

через край" от пупочка до лобочка и Э.Г. стала объяснять сестринский уход за таким больным.

- Первый день мы больную фиксируем и не позволяем переворачиваться, чтобы сросся шов на брюшине.

Ставим наркотики первые II дня, потому что боли очень сильные. Больная, как вы видите, очень спокойна. Мочу нужно выводить катетером.

- Вы помочились?

- Нет ещё, не с чего.

- Сейчас будет с чего, вот стоит система. Выводит из организма интоксикацию.

- Сейчас будет с чего и настоящий смех весёлый и рассыпчатый пошёл по полате.

- На второй день мы ставим такому больному лечебную клизму, очищающую кишечник, и заставляющую его работать. Потом прийдя узнать результаты клизмы она спросит: - Ну как стало полегче или совсем замучили?

Подоплёку это показательного объяснения как сказала баба Дуся, уж очень хорошо объясняла, рассказала сама.

Меня смотрели на кресле и пять студентов, и это окончательно взбесило её. Она Э.Г. которая очень долго ждала сказала "Это вам не квашёнку месить" и вот всё-таки заставила её полежать и помолчать.

Вообще у бабы Дуси был богатырский и храп и она нас совсем замучила, но на просьбы перевернуться она окрысилась и на нас. Характеру она была вздорнейшего и немало не стесняясь рассказывала о том, что продаёт в лето одних грибов на тысячу рублей, муж на машине везёт "К Детскому миру" и по 2.50. в миг разбирают. Жила она на "Копай горе", рядом с могилками вся гора была заселена от низу до верху самовольными застройщиками, которым негде было жить.

- Милое ты моё гнёздышко.

Вдруг всплакнула баба Дуся. Какая же я к тебе вернулась.

- Ну хоть такая охота ещё немного пожить. С внуком поводить. Работать она теперь не собиралась, сам-то мне всё кладёшь, кладёшь, зачем? А вот теперь и пригодились.

Потом к ней всё чаще стали приходиться подружки, которым предстояла та же операция. Это были очень разные женщины.

- Бабка 69 лет, сухонькая с розовым лицом соседка (мир тесен) Шабанова и пожилая какая-то женщина замученная с нервным тиком и большими родинками.

- Уже на боку лежишь, социал?

- Не поддавайся, кувыркайся.

- За власть советов, - отвечала баба Дуся.

Я подивилась живучести лозунгов, вряд ли баба Дуся представляла, что такое советы, у себя на Копай горе, выращивая на продажу кур и поросят, ухаживая за домом и работая поваром в детском саду.

Жизнь её была забита до отказа этими хлопотами и формировали суетный крикливый характер. Под конец жизни её стали донимать всё более портившиеся отношения с мужем. Он, выстроивший этот дом до последнего брёвнышка и смастеривший многое внутри:

"Надо же сидит мастерит этажерку и как у него терпения хватало".

"Придёт с работы и даже не поест, всё надо делать, потом, вероятно, что-то сломалось. Он начал попивать, попал в сильную аварию, сломал три ребра, разорвал селезёнку и ещё и ещё.

Потом же запил настолько, что стал валяться в грязи, да ещё беда, опрудится.

Пока я-то в силе, так-то вытолкаю его на двор в сарай, то с койки всё уберу, а что я смогу с ним сделать, когда такая приду, после операции нельзя ничего тяжёлого поднимать.

Как начнём с ним ругаться. Я ему эк, кабы знала я, что ты такой пьяница будешь, не вышла бы за тебя.

А он мне, а я кабы знал, что ты такая толстая будешь не женился бы на тебе.

- Да тётя Дуся ишь вы какая кругленькая.

- Да, у нас там знаете обрывчик к логу как идёшь, ну так вот, там всегда пьяницы сидят, распивают. Ну вот я там домой ходила, а потом перестала, а то частенько слышишь: "Эх задок, сейчас бы трахнуть", я то думаю вдруг и прямо, какой дурак найдётся. А теперь-то уж стара. Куда что деваётся, как поганится человек.

Старость. Старость. Как уродуется человек, изнашивается. Куда что деваётся. Вырос какой-то загривок, ну теперь хоть бы было всё хорошо, я бы с внуком стала водиться.

Ну их эти ясли он у меня так-то толстозыко говорит. Р не говорит, охота мне с ним побывать.

С утра опять обычная жизнь больницы, разговоры, системы, баба Дуся совсем не умеет прибывать в молчании и эти разговоры меня быстро утомляют. К 12 часам уже делают операцию "Кисты" на яичнике у молодой женщины которую выявил предосмотр, все мои старания сосредоточиться и как-то собраться ни к чему не приводят.

Я уже начинаю думать о доме, правда что я буду делать с маленьким ребёнком который весит 11 кг, когда я еле хожу, я не знаю.

Вечером приходит Илья с отцом, приносят мне записку, которая меня очень трогает: "Мама, я тебе письмо написал". Глядя как дёргается и нервничает он у меня начинает сердце болеть и болеть, и

болеть. Как он там без меня. Бабка я знаю ругается и ругается - это обычное её состояние.

Тяжёлый случай. Слишком много разных людей с испорченными нервами. Детям это страшно вредно, когда на них беспрестанно орут. Единственный метод воспитания. Жили бы в разных квартирах, больше бы любили и заботились друг о друге. Это старая и больная проблема. На столько наболевшая, что она стала приносить больные плоды.

Следующий день серый, и с утра снова обход, клизмы, системы, разговоры.

Не топай, глядя на босоножки Э.Г. Я думаю, что ей очень холодно и что она простужается на работе.

Состояние Т. по прежнему не ясно. Кровь у ней берут очень часто, несколько раз в день, увеличивается какая-то диастаза, причём ей внушается, что это связано с поджелудочной железой, но у соседки нашей то же сильный беспорядок, но её кровь не берут. Сегодня Т. вливают капроновую кислоту с ношной внутривенно, и сестра очень интересуется её самочувствием, потом слышно, как она, смеясь, сёстрам в процедурном объясняет, что Т. сказала, что её "испортили", она только начала себя хорошо чувствовать. У неё зелёный стул с кровью. И она говорит, что не знает, что говорить с врачом.

Но она молодец. Ни разу я не видела никаких следов плаксивости, она думает. Не хватает грамотности и опыта. Пришедшая на обед Э.Г. подходя к кровати бабы Дуси, вдруг оборачивается к Т. и говорит: "Ну как Т. будем пить ещё пижму?".

Вобщем Т. теряется, перед этим её консультировал С.Л. главный терапевт и сказал прямо: "нечего спирать на пижму". Но она молчит взгляд у Э. острый и тяжёлый. В этот момент она спасает и свою репутацию, и только её. Не смогла распознать прервавшуюся внематочную беременность и она как сказала одна больная "Начала бродить по кишкам". Всё это страшно утомляет и я думаю о доме. Пора мне домой, хотя бы сидеть. Томиного мужа нет, приходит вечером Надя. И мы втроём долго не спим.

Разговор заходит о мужьях. Не то, чтобы нам совсем ничего хорошего о них сказать. Но общие беды одинаковы: диван, чтение, почти никакой помощи. Всё это рано изнашивает.

Про аборт, который делают по блату с хорошей закисью, а то немного дадут и сразу начинают, а так дерут на живую. Надя говорит, что "Рад хоть что выпить, лишь бы сюда не попадать".

Она окончила местный пединститут и сейчас работает в гражданской обороне в горисполкоме.

- Ну как там у вас?

- Да, Господи, все по благу приняты и все друг с другом связаны.
- Мы хорошо в стороне от начальства.
- За год обучения у нас проходят 2000 человек. Но результатов мало. На Молмаше промышленный хлор, аммиак, хранятся они как попало, небольшое повреждение и они все выбросятся в воздух, один глоток хлора смертелен. А что делается на химическом?

Но ведь нас не очень-то слушаются. Приезжали из Москвы комиссия, куда входили генералы. Они им сауну, рыбную ловлю, облепиховое масло, комиссия и отбыла сочтя, что всё нормально.

Мне в общем-то нравятся её молодой спокойный и честный взгляд на вещи. И я хочу решить для себя вопрос: останется ли она такой, если ей предложить хорошее место работы, квартиру, или в жизни она будет только за это сама бороться. Сейчас, ухаживая за двумя детьми, она сдала, у неё приступ печени, она тоже выпила пижмы, но целую пачку и её пронесло. Но впали глаза.

Потом потихоньку засыпаем; Следующий день воскресенье и чудесное яркое солнце освещает наш склеп. Всё вдруг делается тёплым нежным. С утра дежурит моя Татьяна Александровна и она отмечает, что Томара стала выглядеть лучше. И действительно, из белой куклы она вдруг превращается в очень симпатичную женщину скифской красоты. У неё тёмное лицо, она легко краснеет, и очень яркие живые глаза, сама она уже сидит на кровати и её крепкое широкое и маленькое тело кажется впитывает жизнь. Впрочем какая-то диастаза по прежнему нарастает и у неё так же часто берут кровь. К ней приходят две девицы из той палаты на первом посту, и рассказывают, что какая-то Таня родила, всю ночь не давала нам спать, родился мальчишка орёт.

- Ну куда его теперь?

- Она, говорит, что принимала какие-то таблетки, куда его теперь, умрёт.

Что-то во мне поднимается против этого.

- Ну, роди, отдай другим, сейчас многим требуются дети, но зачем так. Ведь она убила вполне здорового ребёнка. И я вспоминаю, как стоят коробки из-под конфет - на окошке, в комнатке рядом с туалетом, где мы умываемся. Это было ещё тогда в первый раз, когда я лежала у Эльвиры. Ну вот намылила я лицо, и вдруг вижу в зеркало, что крышечка у коробки открывается и падает, и чудесная маленькая

Чудесная беленькая чистенькая ножка с пальчиками как виноградинки показывалась из окна. Ребёнок был жив. Он голенький лежал в этой коробочке и с окна дул страшный сквозняк. Его положили умирать. Не знаю, чей это был ребёнок, мол врачи всё

равно знают, что 6 месячные не выживают. Я была несогласна с врачами. Пусть не выживают, но пусть борются. Через несколько дней на аборт поступила горбунья, у ней один сын был большой и она родила его 6 месяцев и 2 недели здесь и упростила (кое-как) отвезти его в роддом, там для недоношенных специальные коечки, второго родила недавно, в роддоме ей делали кесарево, а потом что-то загноилось и уже вторую операцию делал Еременко знаменитый врач гинеколог из трестовской больницы, промывал все кишки, был перитонит. Сейчас сразу после аборта "на живую" ей поставили "спиральку". А совсем недавно я прочитала, что японским врачам удалось выходить ребёнка, который весил при рождении 440 грамм. Сейчас ему год, и он догнал своих сверстников, то есть он такой, как Катя. Солнце било в окно так что было больно глядеть на улицу, но было хорошо. Я снова быстро устала, тётя Д. взялась мне рассказывать о том, что это у неё уже четвёртая операция, первая аппендицит, когда она уже приподнялась на койке, чтобы проститься с матушкой пролежала на койке полтора месяца и упала с койки и из дырки вылился гной со стакан, да такой зловонный, что хоть нос затыкай. Во рту у меня всё облезло кусками и после этого мне захотелось сухарей. Спрячу под простынёй и грызу, грызу, потом пошла на поправку. Да, медицина пошла вперёд. Ишь какие-то системы трубочки придумали, ведь додумались же, а раньше ничего этого не было.

Потом у меня было 2 внематочных. Думала совсем отмучилась, а вот теперь это.

Я знала, что муж Тома ры должен принести Оксану, дочку её. Вообще говоря, Тома была права говоря, что он не серьёзный, ведь он ещё был на бюллетне.

Вместе с другом их побили на квартире одноклассницы, муж со своим другом. В открытую уж мне говорили, что он изменял мне, по дому никогда не помогал.

И вот теперь в лице его, которое было какое-то неустоявшееся и беспокойное и быстрые глаза, весь он какой-то был на излом, может на изломе своей судьбы.

Но голос глубокий от волнения был хорош. Он поднял девочку к окну, и прижал носиком к окошку, и она оробев от непривычной обстановки как-то беззащитно смотрела по очереди на всех нас.

- Оксана, вон там твоя Мама.

- Вон там.

- Мама, ты нас видишь?

- Томара села на койке, потом встала и потихоньку, потихоньку подошла к окну.

Дочка, ты меня узнала.

Дочка не видела её уже месяц и ничего не говорила. Да и было её всего 1 год 8 месяцев.

Ирина, которая стояла рядом прослезилась, у этой девочки было чуткое и хорошее сердце.

- Мам, вон она Мама. Ну скажи что-нибудь Маме.

Да - забыла. Сказала Тома. Ирина говорит, да нет, бегает у бабки и показывает на портрет: вот она Мама.

- Тома, тебе нельзя волноваться и так долго стоять. Хватит.

Тут у мужа родилась идея принести ребёнка в палату. Ирина быстро сбегала и принесла.

Когда её раздели, то она оказалась похожей и на папу у неё была светлая кожа, и белые волосики ... , это был толстый медвежишка с очень напористым в маму характером.

Как скажет наш, ну не знаешь что делать. Тома её усадила к себе на коечку. Так как в нашей палате нельзя ни яблок ни Одна из Томиных подружек сбегала и принесла молоко, а Тома отдала ей свой облепиховый кисель, который она пила из поллитровой банки держа обеими ручонками.

Тома разговаривала с ней, вся похорошела и нежно за ней ухаживала, загоревшись.

Мысль о том, что это может быть последний её разговор, показалась мне очень тяжёлой. Я старалась не думать о Кате. Почему? Может я боялась.

Ну вот они ушли. Тома вытянулась на койке и задумалась. Даже тётя Дуся почему-то сморилась. К ней пришла Надя сама по себе покой.

Принесли обед, кое-как прошёл мёртвый час. Тётя Дуся храпела так, что потихоньку стала её ненавидеть. Как же мне перебраться домой. Когда ко мне приходили Сашка с Ильёй то самое большое я могла выстоять минут 5 - 10. Что я буду делать дома? Вечером пришла баба Дуня санитарочка. Она дежурила через день.....

Дети быстрее всего улавливают эстрадные мелодии. Илья бывает целый день бубнит: "Полгода плохая погода, полгода совсем никуда", причём прекрасно улавливает напряжение ритма, полгода ...

Женщины на концерте великолепно отдыхают и нежно и доверчиво вступают в игру. Хорошо хлопают, иногда подсказывают, наверное, в эти минуты они могут быть сами собой, матерями. После концерта девочка заходит в нашу палату. Оказывается Тома её воспитательница по детскому саду, когда ходили ребяташки в

кинотеатр, то её толкнул какой-то мальчишка и она наткнулась на сидение.

- Ты почему здесь лежишь?

- Почему ты мне говоришь ты?

Мне нравится, что воспитательница говорит хотя и строгим голосом, но на равных.

После недолгого размышления девчёнка следующий вопрос задаёт на вы.

- Вы долго будете лежать.

Мне снова нравится, что она нашла в себе силы подумать и исправиться.

- Тебя скоро выпишут Лена, спрашиваю я.

- Завтра.

Её кто-то зовёт, что пришла мама. А Тома говорит.

- Избаловали её здесь, а в детском саду она у меня первая помощница и полы помоем и все раскладушки расставит. Я думаю кем будет эта яркая девочка, когда вырастет. Почему-то хочется думать, актрисой, художницей, журналисткой.

На следующий день выписывалась и я. Я почему-то нервничаю, одеваю все многочисленные одёжки, я снова приобщилась к модной жизни, одеваю любимую югославскую меховую куртку, высокие сапожки, надо бы каблук поменьше, да других нет.

Моя Екатерина.

Чуть не потеряла Катю. В деревне не смогли договориться с молоком, это плохо, его сдают на деньги, да и не было холодильника, где можно хранить свежее мясо, не было 60 рублей, чтобы купить его. Одна ягода. У ней Илья в кале обнаружил аскаридку. Два дня я её попоила пижмой. Утром её вырвало пять раз. Стали собираться в город. В городе она уснула, я отправилась в скорую помощь. Те на консультацию в третью. Врач нашла, что опасности нет, кладём под наблюдение, но без меня. Эту девицу я запомню до конца моих дней. У ней было очень усталое бледно-жёлтое лицо в очках. Она дала бутылку с пепсином и больше полусерьёзно, чем полусхутия велела фельдшеру со скорой помощи никого не привозить, они хотят спать. Я почти успокоилась, но она так тяжело спала, что снова тяжесть навалилась на меня. На следующий день ей стало ещё хуже потом она стала говорить: Мама пусть рвёт, всё выйдет, непрерывная рвота,

даже Илья заметил, что у неё измученные глаза, веки сделались прозрачными. Веки сделались папиросные и в глазах накопилось столько боли и усталости и перенесённого страдания, что я боялась на них смотреть.

- Катя, пойдёшь в больницу, ставить укольчик?

- Да.

На улице мы с ней присели под яблоньку, где часто играли и отдыхали, она даже пробежала шагов десять.

- Ножки меня не слушаются. Пойдём Мама в больницу.

Мы поехали. Дежурила энергичная лет 40 дама, которая решительно заявила, что нам нужно в инфекционную. С отравлениями всех туда.

- Ну поставьте укольчик, хотя бы глюкозу или систему.

- Мы систему не ставим.

А почему бы при любом отравлении не ставить систему.

Потом они унесли её рядом в комнату, где можно поставить было поставить и систему.

Она так плакала. Тётяпусти я хочу к Маме.

- Ну этот укол для успокоения Мамы, ей сейчас нужно влить пол-литра, сказала она передавая мне Катю.

По телефону она кому-то решительно объясняла: я одна на пять этажей дежурю (дело было в субботу, подожди, если они откажутся лечиться в инфекционную, то вези сюда).

Я думала, что это имеет отношение и ко мне, но дальнейшие события мне показали, что я ошибалась. Ей было даже тяжело на руках и она говорила положи меня вот сюда (на подушку). Она стала от меня отдаляться, и я до сих пор жившая всё вместе с ней поняла, что она вот так скоро уйдёт вся измученная и принявшая все смертные муки и страсти, так и не прожившей жизни.

В три часа я ей дала Димкину бутылочку с тёплым молоком и она её высосала. С этого мгновения во мне страх и ненависть перед смертью заставили меня действовать. Она ночью положила ручку и она упала, сил в ней уже не было. С ножкой то же самое. Утром перед тем как проснуться она что-то забормотала и это было предсмертное тяжёлое бормотание. Она снова играла в деревне с Ильёй, но это игра в предсмертном состоянии, заставила меня пожалеть, что я родилась на белый свет. Я дала ей молочка и её снова вырвало. Я уже не могла разделить с ней смертные муки и страдания, она стала от меня уходить взяв на себя все тяготы смертные, прошла в три года. Будущего для неё не существовало. Я вымыла пол, и заплакала и запричитала: "Доченька, я тебя так люблю." "Дай мне щёчку, я тебя поцелую".

- Надя, давай скорее собираться.
- Люда, подожди, давай сварим бутылочки.
- Нет, Надя, ей осталось немного.

Я у подъезда, я посадила её в коляску, огромные синие удивительные глаза с огромными ресницами, глядели строго и по-взрослому очень сосредоточенно.

За два дня страданий у неё осталось худенькое тельце, болезнь высосала всё.

Мы поехали с Илькой, сестра с Димкой. Катя всё так и сидела серьёзная по-взрослому. Было воскресенье и дежурного врача мы долго не могли найти. Я попросила сестричку позвать врача из реанимации.

Пришёл пожилой лет 50 с прясечным лицом, высокий мужчина, он что-то пощупал точно профессионально в животе, я ему всё рассказала. Да, осталось немного.

- Вы положите её в реанимацию?
- Нет её нужно оформлять в общее отделение.

Наконец, пришла старая старая врачиха. Подрабатывает, мелькнуло у меня.

- Да, хорошие ... её нужно вести

Смысл этого рассказа сводится к тому, что я понимала, что ей не была оказана первая необходимая помощь. Так же как непонятно почему у них не принято ставить системы.

Почему мать должна отдавать своего ребёнка, в тяжёлую для него минуту, если он никогда не был без неё. А если даже ему придётся умереть, я бы никогда себе не простила, что он умрёт без меня.

- Да, ведь у ней нет инфекции.
- С энтеритом мы кладём всех туда.
- Но у меня направление сюда. Кругом столько врачей, а ребёнок такой обезвоженный. Я не понимаю причины отказа мне, чтобы меня положили вместе с ребёнком.
- Мы не кладём.
- Да вы кладёте, у вас сколько угодно здесь мам с детьми старше года.
- Это из тех детей, кто лежит больше месяца или двух.
- Ей осталось немного, пока мы с вами здесь она умрёт.

Запись на полях: Ведь сестра не в состоянии справиться со всем отделением.

- Езжайте домой, за вами приедет скорая помощь.
- Она явно боялась брать на себя какую либо ответственность и я поняла, что моей Катке осталось совсем чуть-чуть.

- А почему бы вам отсюда не позвонить в скорую помощь?
- Она заторопилась и закрутилась. Ему пришлось звонить раз пять.
- Да вы ей поставьте хоть укольчик что ли.
- Витя, физиологический 0.25 и глюкозы.
- Они её унесли и минут через пять подъехала скорая помощь.
- Не надо Витя, не надо. Да пусть поставят.
- В Санэпидемстанции сидела светловолосая молодая женщина насмешливая и откровенная.
- Ну где здесь больная.
- Машина ехала быстро, дней через пять вас выпишут.
- Что-то не верится.

Окраина города, сосны, тишина, приёмный покой, два врача, один лет за сорок тяжёлый быстро с напористостью давал указания другой молодой спокойной с игривыми карими глазами. Он давал указания ей так как завтра должно быть воскресенье. У кого-то там вышла горлом кровь.

Указания казались самые тяжёлые, но в его словах чувствовались слова делового человека, живущего на работе работой. Больница была тяжёлая инфекционная.

Он выслушал меня, пойдите к Алле Борисовне, она на втором этаже хозяйка.

- Катю одну я не отдам. Пусть лучше умрёт у меня на руках, без меня это предательство.

Он заорал что-то про распоряжение министра и убежал. Алла Борисовна на такое предложение ответила с улыбкой, оно её задеть не могло. Главный врач прибежал раз пять: Быстрый взгляд на Катю.

Большой какой-то чуть одутловатый, потом я поняла: его рубеж борьбы проходил очень близко со смертью, а при таком отношении заинтересованном, вся броня эта требовала гигантских сил, ибо обычный человек не часто встречается и сражается в своей жизни. И потому он был суров.

- Мама, пошли отсюда.

И её он видел очень часто. Наконец, он придумал: - Алла Борисовна вы оформляйте историю болезни, назначайте, а вы сестра берите ребёнка и несите под систему.

Алла Борисовна всё с той же улыбкой, которая успешно отделяла её от окружающего мира, заполнила при мне два больших листа истории болезни, в листе назначений так как я хорошо знала французский, я прочитала Кордиамин, глюкоза, физиологический раствор.

Надежда стала меня покидать, ибо настроение её было по-прежнему ровным и непроницаемым. Катина - Мама, Мама, возьми меня стояло у меня где-то внутри и ныло, ныло.

Наконец, я поняла, что меня обманули, мне велели подойти с другого хода на третий этаж, там эту историю пришлось объяснять раза три, пока вышедшая сестра, сказала мне, что нет не разрешили.

Какая-то нянька вышла закрывать гостевой холл внизу и в довершение всего сказала, что у них начинается мёртвый час.

- Ну месяц у вас я, наверное, не просижу. А отсюда выгнать вы меня не имеете права.

Про права она, конечно, ничего не знала, но мой тон, наверное, подсказал ей лучше не связываться.

- Сестричка вышла на обед куда-то и сообщила мне, что Катя спит под системой, нечего беспокоиться.

- Ну вот и хорошо. А я бы посидела рядом и посмотрела. Потом она попросила впустить её и я невесело пошутила, теперь моя очередь вас не пускать. Она была жизнерадостна и кокетлива, но это не оскорбляло.

- Наверное кровь будут вливать.

- Какую кровь, через два дня бегать будет.

После мёртвого часа. Я встала и вышла на территорию больницы: кругом росли сосны и было пусто и тихо. Пусто и тихо было и у меня внутри и во второй раз в жизни я пожалела, что родилась на белый свет. Нет уйти чтобы хотя бы предупредить своих, ибо телефона здесь, чтобы позвонить не было, и я снова пошла на своё место: второй раз в жизни я пожалела, что родилась на белый свет.

Больница стала закрываться на ночь, и, наконец, ко мне вышла та же сестра и сказала, чтобы я шла к Кате.

Катя всё ещё лежала под системой, но в глазах её появилась жизнь, ручка была прибинтована к лубку, капельница капала очень быстро.

Я ей стала рассказывать сказку про Золотого петушка, которую от долгого чтения выучила наизусть и она смешно добавляла конец каждой строчке.

- Обратимся к мудрецу

- Звездочёту и скопцу

Вот мудрец перед Додоном

Встал и вынул из мешка

- Золотого петушка.

- Сестра ещё вместе со мной вылила четыре здоровенных по пол-литра флакона от белого до тёмного. А Катя стала сильно жаловаться, что у ней болит ручка. Она съела принесённые поливитамины, и в это время подошла наша врач.

Она оперлась о край детской коечки, и карие глаза её теперь смеялись полностью.

- Что это мы жуём?

- Нам дали поливитамины.

- Ну, что у мамы теперь немного отлегло от сердца. И так же смеясь она ушла.

К окошку подошли Надя с Димкой, и Илья.

- Всё хорошо, Надя, идите, мне кажется всё страшное позади.

Они ещё постояли у большого пожухлого газона и пошли домой.

Но как только кончилась система через полчаса ей снова стало плохо, что-то лишнее тяжёлое прибавилось к выражению глаз. Через два часа приносили по 30 грамм биолакта, сначала она полностью отказывалась, но на вторые сутки стала просить, а его почему-то не завезли. Появился аппетит, но нам ничего не давали. Страшное напряжение, Катя уменьшилась раза в два. Это была кожа и кости, она так мучилась, потом нам дали, наверное, антибиотики, поносик был зелёный.

Я без конца ходила мыла руки, потому что сверху лежали гепатитчики, снизу брюшной тиф, полиомиелит, рядом с нами в двух боксах дизентерия. В палате с нами лежала беременная женщина с ребёнком один год и 9 месяцев. У неё на ногах был грибок и все они между пальцев были разукрашены красным веществом, которое ей дали в вендиспансере, она руками почистила их, стряхивала шелуху прямо на пол, и с тех пор, как появилась, так ни разу его не помыла.

Я считала, что лучше открытое окно, чем мухи, которых было здесь в изобилии. Кефир с Биолактом заставил врачницу поскорее переводить нас на обычное питание. И я дала Катерине от лапши. Её чуть не вырвало. Попросила Надю привозить нам куриного бульона, маленьких сушёных сухариков и потихоньку дело пошло на лад.

Но мне приходилось ругаться, Катерина никак не хотела есть активированный уголь и ядовито жёлтые таблетки, наверняка антибиотики. Через два дня её сразу вырвало подряд несколько раз и я сама перестала их давать.

На завтра ей стало лучше и моя Катя стала потихонечку прыгать на кровати, удивилась зашедшая нас посмотреть Алла Борисовна. Выписали нашего соседа и мы в комнате остались одни. По утрам я одевала тёплую домашнюю кофту, открывала окно, подвязывала её пелёнкой и садилась на окошечко подышать свежим воздухом. С утра было зябко, воздух был холодный, чистый, мы смотрели на машины скорой помощи, которые в среднем приезжали через 1, 2, 3, наше окошко как раз находилось над приёмным покоем, видели как

больницу покидали больные. Мне запомнилось, как ярким солнечным днём, по дорожке между соснами прошла, сияя счастьем, молодая черноволосая женщина с перекрашенными сзади волосами в ярком малиновом платье. Отец нёс на руках трёхлетнюю малышку, с которой мать лежала в больнице, мама крепко держала за руку девочку подростка. Они были снова все рядом вместе. Больница была довольно-таки новая, многие боксы были вместе с ванными комнатами, но горячей воды не было и я так и не узнала, работают они или нет. Постепенно людей тоже не осталось, хотя в начале было довольно-таки много. Произошёл интересный случай который показал мне ещё одну из причин, почему мамаш не ложили вместе с детьми. Инициатором была молодая мама лет 26-27, которая лежала в боксе наискосок, и у её годовалого ребёнка был жидковатый стул. Проходя туалет, я видела частенько, как она, расстелив одеяло на полу, и накидав ему игрушек, играла с ним, а когда он спал она постоянно читала, нацепив модные очки на нос. У неё была пышная завивка, которая в общем-то шла к плоскому лицу с карими глазами. Да и вообще-то во всём её облике в манере одевать халат было что-то японское. Она не боялась выходить чаще чем другие в коридор поговорить с соседями, и выносить ребёнка. Однажды во время такого разговора к нам подошла откровенно сверх всякой меры сестра с третьего этажа, казалось, что белоснежный халат вот вот лопнет по швам, от её крепко налитого огромного тела. Она приставучим голосом заговорила, ну большие вот болеют ладно, а вот крошечки-то за что, показывая на мальчишку нашей японочки. - А мы ничем не боеем, - улыбаясь отвечает она. Совсем ничем.

Сестра круто развернула своё большое, как корабль, тело и обиженно ушла. Все рассмеялись.

Вечером японочка принесла написанное прямо буквами заявление, под которым было подписей 15 и в котором говорилось о том, что в отделении не продумано с кормлением детей, завтрак в 10, обед в 2 а ужин в 6, то есть нет полдника, нет часов в коридоре, по которым следует кормить детей и множество других замечаний, больные сами мыли в коридорах пол.

Великанше скандинавского типа я сказала, что не могу подписать, потому что кое-как сюда попала, и мне спасли Катьку, на что они безапелляционно ответили - они и должны их спасать. На следующий день

Комиссар Катани.

Наедине с собой? А может быть со всем миром? Человеческий мозг очень сложен, он может заниматься одной из миллионов вещей, и его можно занимать одной вещью, но иногда возникает настоятельная потребность в этой сложной музыке классического символического оркестра, возможности попытаться найти единственно верную мелодию, которая только твоя, принадлежит только тебе, зовёт только тебя, потребность не ясная жить своей жизнью. Иначе зачем я рождён, вернее рождена, со всеми этими дурацкими особенностями, которые доставляют столько хлопот. Единственным развлечением в нашей бедной жизни это не противоречит ранее сказанному, ведь мучают надоедливо тяготы обыденной жизни, является кино. Последнее время окончательно устав от бедного казарменного молчания или вернее исчерпав его до конца, оно прорвалось и всем захотелось услышать свежее слово, более честное, более правдивое, то старое одно и то же надоело писать. Нет оно не стало самым честным самым правдивым, мы не готовы услышать и воспринять всей правды, вернее не готовы её сказать, но сама попытка - это уже нечто, за последнее время, точнее месяц мне удалось увидеть две прекрасные экранизации австралийский фильм "Все реки текут".

Прекрасная режиссёрская актёрская работа, прекрасный литературный материал лежит в основе фильма. Человеческая жизнь, любовь, семья борьба за счастье. В главной роли Сигрид Торнтон и Джон Уотерс.

Я даже запомнила фамилии главных героев. Представь, я никогда не видела австралийцев (это в XX веке) и думала, что они похожи на англичан.

Англичане они на всех похожи и мои-то тоже смотрели, задрав круглую крепкую попку на диване и приставив наушник (звук в телике не работает).

"Глаза не русские" - сказал он, как у породистой собаки, (да, похожа на гончую), думаешь не красив, присмотришься, нет красивый. Мужчина около сорока лет смелый, русоволосый со светлыми глазами, счастье, радость жизни, радость обладания женщиной, как привычно, нежно, крепко он целует свою жену, он знает что это одна из самых больших радостей дарованных жизнью, равных самой жизни. Были и небольшие слабости промахи, но о них не хочу говорить. Сигрид Торнтон: очень нежная, её дух, это волнение, тончайшие живые связи с миром, только приходится удивляться как в этой борьбе и смятении, в той силе боли и страдания, которые ей даны, она живёт. Лучшие кадры когда он везёт её на лодке к

пароходу, к любви, когда целует её. Огромное обаяние и он полон предчувствия и восхищения, полон жизни..

А потом шесть дней мы смотрим новый телевизионный художественный фильм. Как же он называется Боже, Спрут-2, Спрут-1 я не смотрела, а тётка его видела. Микеле Плачидо предстаёт перед нами в своей борьбе с коррупцией, с мафией, а может быть проще и точнее сказать с несправедливостью жизни. Рано или поздно мы эту несправедливость ощущаем, но много ли у нас сил, умения, желания, собственной честности, чтобы начать эту борьбу, не откладываем ли мы её позорно, пряча за делами, компромиссами, успокаивая себя, что все так живут.

Этот итальянец совсем небольшого роста, но очень крепкий, по-видимому, серьёзно занимающийся спортом, так легко он ударил мяч во дворе тюрьмы, такая крепкая красивая шея, у остальных актёров она еле выдерживает, чуть не болтается, не вынося тяжести головы, так вот и ему присуще великолепное обаяние силы, возможности борьбы, он только на борьбу без слов и надеется, это спокойная готовность к борьбе, вот что покоряет, такого на экране мы не видели.

Я хочу спросить, действительно возможно такое в жизни, страшнее газет, где лет 5, 6 о суде над мафией в Сицилии, когда свидетелей привозили в бронированных автомобилях как и обвиняемых. Наверное, мы недооцениваем эти возможности личной борьбы, и потом эта история ведь и как протекает взяточничество, разъедает коррозия личного предстания. Она возможна в любом обществе. Недавно я прочитала потрясающую историю Абдулова в Узбекистане. Честно сказать она превосходит все предположения и ожидания. Этот актёр в любви властен, сколько в нём красоты, совершенства, я подумала о «Поцелуе» Родена.

Роль очень спокойная, у другого актёра она была бы вялая, однообразная смотреть нечего, но ты напряжённо смотришь в каждый кадр и где появляется актёр и понимаешь: какое богатство личности, какая сила личности присуща и ему самому. Захотелось сбегать посмотреть "Советский экран" может быть, где есть статья о нём. Пришла тётка, она тоже захотела поговорить о фильме. Сидит после болезни бледная, желтоватая. Она предприняла в своей жизни то же попытку борьбы, почти не имея сил, борьбы очень сложной, на которую никто не решается: мы тоже связались с мафией. "С твоей лёгкой руки".

Но сколько сил растрачено, распаховано зря, нужно быть сильнее, копить эту внутреннюю, энергию, силу. Вот комиссар полиции (даже Катерина выдала "Катанья" мне в ванной его имя) разговаривает с

террористом и он жалок, испуган, он готов беспощадно убить чужими руками, но его возможности даже в открытом разговоре малы.

Вот неповторимой чудесной силой загорается настоящее превосходство, презрение, насмешка в глазах Катани, когда он отказывается вернуть диск с кодом.

Я задаю себе вопрос, откуда, каким образом, как родилось соприкосновение с какой жизнью, с какой борьбой родилась эта магия жизни, магия каждой минуты, которой живёт этот человек.

В нашем кинематографе она была присуща только Высоцкому.

Его "Маленькие трагедии" Пушкина уникальны. Ему невозможно сопротивляться.

Может быть более всего комиссар Катани вырастает, когда говорит своему шефу об отставке, вот он почти требует, весь слился в этом спокойном и сильнейшем одновременно глубочайших слов к нему: - Вам лучше уйти в отставку.

Из наших фильмов я когда мыла полы и Илья включил, он последнее время растворяется, погружается в телевизор, я второй раз увидела «Срочная командировка». Очень сильно, как здорово играет там директор крупного предприятия Владимир Меньшов - прекрасно играл. Как там по цепочке шаг за шагом скрупулёзно воссоздали ряд нашей жизни, который ни к чему не приведёт. Кто его остановит. А фильм строжайшего социального анализа ведущего к приговору всей существующей системы, нужному её переосмысливанию, и изменению. Ведь это в нашей силе, или как сказал Сент-Экзюпери, мы живём во чреве администрации, а Кафка показал, как она действует. Нужно I номер Иностранной Литературы, когда я прочитала несколько страниц, то увидела, что там речь идёт как раз о механизации вернее административный аппарат. Если рассматривать механизм как структуру, может быть, следует социологически посмотреть его возможности, ведь не забыли же мы ленинского, что мы взяли у царской России, её огромный бюрократический аппарат, взять-то взяли, но переделать его гениально, чтобы он работал с выходом на социальное творчество каждого человека, а не сам по себе, чтобы каждый его системе было присуще развитие, а не вечная циркуляция - это действительно назрело. Нужно просто обратиться через газеты к социальному творчеству масс, а потом авторитетную общественную комиссию, куда входили бы все от рабочего до "Банк социальных идей" и попробовать перестроить сначала одно министерство, потом и другое. Мы же серьёзно не ставим этот вопрос, не даём возможность творческим способностям каждого человека так же как пока что не

заботимся о каждом человеке. О каждом, о всех его бедах. А вот Владимир Меньшов ведущий Киноафиши пытается импровизировать, лёгкий, мысль у него очень быстро координируется обегая весь мозг, все его возможности, лёгкий на смех ...

Джейн Эйр.

Несколько дней мы смотрели английский телевизионный пятисерийный фильм "Джейн Эйр" вместе с сыном. Первые две серии он просмотрел один у дедов. Вечером я услышала: "Слушай, мам, я такой фильм законный посмотрел, там в общем, ну как она, ..." Больше ничего вразумительного в этой попытке выразить, я не смогла понять, что-то властно его захватившее. Единственное его увлечение - современная рок музыка. Он записывал её на старенький магнитофон. Мне она нравилась в общем тоже, но я от неё всё-таки уставала. Он списал у мальчишки с восьмого этажа начало английского концерта "Модерн" и эта нежнейшая мелодия полная ритма и любви оставляла впечатление достигнутого совершенства. В последнее время я часто заставляла их с Серым слушающими её, нахохлившихся и растерянных, как два воронёнка, перед этим открывающимся для них стремительно миром чувств.

- Тебе понравилась Джейн Эйр?

Я предприняла попытку вспомнить книгу и постараться не спутать её с "Тэсс из рода д'Эрбервиллей". Обе книги стояли в моём сознании на одном уровне. Вечером вся семья уселась перед телевизором и снова обе серии были просмотрены им с удивившим меня вниманием. Это почти монастырская, скупое рассказанная история девочки-подростка одиноко и сурово входящей в лицемерный и страшный мир изуродованных душ взрослых. Единственная радость дружба в пансионе с девочкой болеющей туберкулёзом и доброй молодой учительницей, сумевшей увидеть в девочке серьёзные способности.

Мне пришлось серьёзно размышлять над тем, чем же эта история могла его затронуть?

Вроде бы и раньше было просмотрено много похожих историй. Возможно, что она ему оказалась созвучной: перед ним стояло его собственное я, и он испытывал те же чувства, и был так же одинок перед миром.

На следующий день третью серию с утра мы проспали, так как ложились очень поздно, но вечером я услышала, что фильм ему так понравился, что он его смотрел бы и смотрел, не то что наши фильмы. Его привлекла даже музыка слов Джейн Эйр, он попробовал соотнести русскую и английскую мелодию слов Джейн Цурикова, но из этого ничего не получилось. История жизни Джейн Эйр в замке Торнхилл, её знакомство с сэром Рочестером, бесспорно, лучшая серия фильма. В ней достигается редкая насыщенность литературным материалом, почти магическое присутствие книги в фильме. Нужно очень любить книгу понимать её и чувствовать, чтобы она вот так ощущаться, возникать в каждом эпизоде и кадре. С подлинным желанием найти актёров сумевших бы воплотить литературных героев. Выбраны и актёры Тимоти Далтон и Зила Кларк. Одной из лучших сцен его является "по-моему" сцена встречи его с Джейн на лугу, когда она возвращается после похорон тётушки. Знание жизни, ироническое отношение к ней полный расцвет духовных, физических сил - легко дарит весь нерасторжимый сплав личности. Но неповторимым делает его всё-таки одно качество: неистовый накал чувств, умение бороться до конца, идёт даже в разрез с общепринятым мнением. Рядом с этим неистовостью и силой чувств, берущих в человеке всё до конца, вероятно, должны быть скромность, верность, сдержанность и простота - рядом должна быть Джейн Эйр и именно такой её играет актриса.

Вообще многое в романе держится или лучше сказать построено на контрасте, и контраст этот возникает в пределах одной, одного эпизода, сцены, главы, книги: бедная гувернантка и богатый знаменитый мистер Рочестер.

Брак мистера Рочестера на сумасшедшей Мейсен жалость к ней и любовь к юной Джейн. Невозможность любви и брака с богатым мистером Рочестером, но готовность любить ослепшего и изуродованного мистера Рочестера. Один из самых сильных моментов такой структуры: пастор Джон и мистер Рочестер.

Может быть, этот контраст выявляет и саму сущность любви: любовь как обязанность и как бесконечное чувство. Этот приём контраста углубляет понимание, открывает простор размышлениям и читателям, и зрителям.

Утром Илья затеял разговор о фильме и выслушал все, что я ему сказала о книге. Он почти догадался, что за книгой стоит подлинность чувств и переживаний создательницы книги Шарлотты Бронте, наверное, она сама так жила. Что прожила она очень мало, 38 лет, столько же, сколько сейчас мне и написала ещё две книги

интересно было бы прочесть их и сравнить. Надо попытаться взять книгу в библиотеке и перечитать.

Я спросила у него: "На чьём месте он представляет себя в фильме, на месте мистера Рочестера или Джейн Эйр?"

- Конечно, Джейн Эйр.

Я рассмеялась.

- Мама, вот если бы я был гувернанткой и жил в замке Торнхилл... Вот так незрело по-детски начала свою работу мысль с принятия, с переноса другого более близкого образа на себя, чтобы понять его, прожить его буквально.

Мне пришлось возразить, что главным в этом актёрском ансамбле является, на мой взгляд, Тимоти Далтон. Именно его накал чувств, жизненный опыт зрелость мысли и чувства несут в фильме не меньшую нагрузку.

Интересно, что Илья сразу сказал, когда Джейн покинула Торнхилл, что она это сделала зря, очень мягко, "Мама она дура". Ему 11 лет. На что мне осталось возразить, что проделать такую большую умственную работу, пренебречь жёстко установленным и внушённым законом: а именно невозможностью любви и брака с женатым, пусть даже на сумасшедшей, и что на это Джейн потребовалось больше года. Только когда такая внутренняя духовная работа произошла стали возможны и брак и счастье. Но что миссис Мэйсен умирает, лишь помогает это понять и подстраховывает создательницу книги.

Последние кадры фильма и чисто литературные реминисценции слова Джейн о том, что они прожили с мужем счастливо уже десять лет, через два года он стал видеть и у них родился первенец говорят о достигнутом спокойном счастье.

И последние кадры, когда мы видим их спокойно сидящими на лугу ёмко передаёт всё это. Но какая-то коварная мысль не хочет признавать успокоенности неужённого мистера Рочестера даже в этом счастливом браке. Мы ведь не знаем ничего о том, как реализовал он и она в этом браке своё духовное богатство: это осталось за кадром и за книгой.

Возникает и ещё один контраст отношение к любви в XIX и XX веке. Джейн Эйр сразу признаётся мистеру Рочестеру в любви, но любовь без брака для неё невозможна. Как-то недавно я прочитала любопытную информацию в польском журнале "Кобета и Жиче?" о явлении среди молодёжи связанной с киношной средой о "Культе материнства". Молодые девушки охотно становятся мамами, пренебрегая часто и возможностью солидного брака. И на фотографии была молодая одинокая кинозвезда, современная

мадонна кормящая грудью. В начале этого пути была и Джейн Эйр, но всё-таки та святость брака и идеал любви провозглашённые в романе Джейн Эйр соответствуют в полной мере и нашему современному идеалу жизни друг для друга. И это одна из причин пристального нашего внимания к роману.

Ещё несколько дней мной владело желание узнать об актёрской и человеческой судьбе Тимоти Далтона, играющего мистера Рочестера. Желание это было настолько сильным, что мучило меня. Но потихоньку из-за невозможности и других мелких дел оно стало утихать.

Сколько сдержанной рокошущей силы было в его словах: "Нет Джейн мне нужна жена, если бы Джейн я был зрячим, то непременно бы заставил вас подумать об этом".

Как создателей великолепного телевизионного сериала "Саги о Форсайтах" мы можем поздравить английских ещё с одной значительной экранизацией.

Музей стоял на бойком месте, ну прямо у моста, и со всех четырёх сторон его окружали дороги, он стоял на перекрёстке. Борис Хатмеевич его нынешний директор любил рассказывать нехорошо улыбаясь, как танк из колонны, которую перегоняли через мост, потерял управление и въехал через стенку прямо в музей.

Наполовину въехал, уточняет. Здание было старинное, спокойное и красивое построенное из красного кирпича в начале XIX века, тот же Борис Хатмеевич рассказывал, что владелец музея покупал раньше кирпич так: бросали кирпич с высоты 10 метров и если из сотни разбивалось меньше десяти, то кирпич покупали.

Даже толстые стены не спасали уши сотрудников от напряжённого назойливого гула машин, непрерывным потоком идущих из города и в город через мост. Синеватый смог поднимал изнутри лёгкий приступ тошноты и ощущение отстранения иначе выжить ей в течении восьми часов было бы просто невозможно. Странно было это совмещение быстроты текущего XX века и неподвижности абсолютного покоя музейных вещей давно прошедших времён. Вещи своими прочными основательными формами говорили, что всё это что так за окном стремительно движется суетясь и нервничая непрочно. И иногда мне казалось что они сумели остановить и

поймать навсегда такое тягучее неуловимое понятие как время загнипнотизированное в своих формах.

Борис Хатмеевич, принимая меня на работу, в другом маленьком ветхом здании музея, которое тоже находилось через дорогу и было немыслимо старым и запущенным, как оно могло уцелеть, поставил передо мною чёткую задачу: сформировать за короткое время музейные картотеки. Сможете ли вы за короткое время сделать и картотеку по отдельным видам хранения. Задача была поставлена настолько чётко, что я выразила опасение смогу ли я писать непрерывно в течении восьми часов. Я была подавлена грузом и ответственностью возложенной на меня работой.

Борис Хатмеевич, в начале он мне показался даже ничего, ну это доброжелательное почти доверительное умение войти в контакт, человека-то он вообще чувствовал, и это, как я в последствие поняла, был его главный талант в жизни суметь поговорить. Но при всём при этом как-то мешало зверское выражение лица, вот ещё другое слово помягче и найти не могу, непонятно что его создавало то ли глубочайшие тёмные морщины изрезавшие всё лицо, то ли зелёные глаза, вспыхивавшие холодным необычным блеском. Он гордился тем, что он был тюрк, хотя и обрусевший, правда нос у него был обыкновенный русский, утиный, смешной и бабий.

Но потом я поняла, что эти завоёванные высоты в доверии ничего не значат: мелкая оплошность, нечаянное слово с твоей стороны и он вспыхивал до настоящей ругани.

Этих припадков гнева боялись все сотрудники. Ну, действительно, что при этом делать. При всём при том в другие моменты он бывал и щепетильным (какое несовременное слово) и даже добр. Одна из сотрудниц музея, когда мы как-то вместе размышляли над причинами упадка: сказала про него любопытное словцо "Мелкотравчатость в характере" "Кажется, что всё в нём задумано крупно, но обернулось мелкотравчатостью".

Однажды Вера Павловна сказала при очередном посещении фондов, что дверца шкафа отвалилась, а плотник не желает ничего делать. Плотник был действительно человек настолько независимый, что обыкновенных сотрудников не признавал.

Ах, я должен ещё и об этом заботиться. Заорал он, схватил табуретку и кинулся на шкаф. Я подобный припадок видела впервые, но Вера Павловна стояла как танк и презрительно молчала.

Потом, когда он ушёл, схватив пальто, она мягко сказала: "Вот он всегда так, после него у меня всегда болит голова".

Кажется и что и высоту своего падения он сам прекрасно понимал и трусил и боялся ужасно, это боязнь его и износила окончательно.

Работая в фондах, я открыла удивительнейшие вещи. Не хватало нескольких тысяч экспонатов, да, а тысяча, те, что были находились в ужасных условиях, то есть за десятки лет работы музея не сложилось никаких традиций в хранении, не было ящиков, не было никаких, ни одной описи по видам хранения. Господи, неужели не существует никаких комиссий, ведь всё ценное при таком хранении неминуемо должно было исчезнуть. Или им специально создавалось подобное положение дел. Я стала внимательно к нему приглядываться, тем более, что Вера Павловна считала, что он жулик. Она так прямо и говорила, это слово «жулик».

Сам на работе он бывал очень мало. Он любил говорить я пошёл в «горисполков», в горком партии. Просто у него была привычка приходить к началу и к концу рабочего дня.

Ну вот, как сейчас вижу, сидит он у себя в кабинете за столом заваленным книгами бумагами, которые не обновлялись и не разбирались по целым месяцам. Это видимость работы его легко раздражала, потому что он не мог часто найти простейшую нужную бумажку. Гнев у него был всегда где-то близко, вот вот вскипит, он хмурится, как-то пытается найти удобоваримое состояние. Те часы, которые он проводил в музее состояли из выяснения отношений пустяков, разговоров. Были у него люди, которых он не трогал, и которые в общем-то могли не работать, были молодые, которых он принимал, потому что они будут с энтузиазмом трудиться и очень бескорыстно за минимальную плату, и те, которых в результате конфликта, он безжалостно выживал. Когда он болел, то бюллетень не брал, он появлялся на минутку в музее, рассказывал недовольно о своих болезнях, мучаюсь животом вторую неделю. И, виляя толстым задом, он бежал домой. Был в музее Серёжа, забыла фамилию заведующий историческим музеем, который раньше заведовал фондами, в результате каких причин его сняли, говорили, что по рекомендации комиссии, которая приезжала из Москвы. Это был рыжий огромный детина, с весёлыми наглыми глазами очень редко появляющийся в музее, иногда директор влетал в фонды и злым голосом кричал на нас не появлялся ли здесь Минин. Мы виновато отвечали нет. Довольный Борис Хатмеевич исчезал. Так вот этот Серёжа, о котором все рассказывали, что он что-то ворует попался на пятом курсе (он учился заочно в барнаульском университете на историческом). Так вот он охмурил там какую-то сотрудницу и, не сдавая экзаменов, сдавал ведомости на сданные экзамены. Причём подделывал их все на пятёрки. Ну вот кто-то из преподавателей припомнил, что пятёрки не ставил, или может быть по другим каким каналам. Ну, в общем, директор был поставлен перед

необходимостью принять меры. И вот по тому как он реагировал, даже я поняла, что здесь всё далеко не так просто.

И я вспомнила две картины. У меня очень хорошая зрительная память. Если я хоть раз что-нибудь видела, то видела навсегда, Борис Хатмеевич быстро подметил эту особенность и не раз прибегал к ней, так как в том хаосе, который царил там, я была единственным способом, найти нужную вещь. Ну так вот. Однажды он ездил в Барнаул. Умер художник Кузнецов. Он был доволен поездкой. Привёз 216 работ. Всё что осталось после его смерти. Вере Павловне он предложил, чтобы не составлять долгий список, а оформить 13 или 15 работ, а остальные как бы в дар. И вот однажды он смотрит по телефону: придите я отобрал лучшие работы Кузнецова. Вхожу. Они там оказывается с Серёгой. Доверительно тихо так нагнулись над небольшим набором столярных инструментов, что-то говорили про молоток. А вокруг очень много картин всевозможных по формату ... Мне протянул несколько эскизов, каждый из которых не превышал по размерам лист школьной бумаги.

Меня поразили интимность и обилие картин. Нужно быть как говорится очень себе на уме, чтобы назвать лучшими крошечные этюдики. Прийдя в фонды, я всё это выложила Вере Павловне, та покраснела и сказала, что больше он её не сумеет провести. Время шло, а описи картин ну хотя бы всех их перечислить и присвоить инвентарные имена никто не собирался. Борис Хатмеевич договорился с местным художником Прибытковым подготовить картины к выставке, но я думаю, что далеко не все они попали ему в руки. Однажды я, зайдя в кабинет, увидела на дальней полке средних размеров морской пейзаж, море, сосны, солнце, радость. Он радовал глаз и нёс счастье, Борис Хатмеевич иногда мог почувствовать вещь, да она и радовала глаз.

Возмущала меня и позиция жены, быть женой художника и так мало ценить и разбираться в его работе, в конце концов, просто уважать, продать все работы за 640 рублей, не разу не поинтересоваться их жизнью в музее.

Вообще после того, как я поработала в музее и посмотрела на то, как они там хранятся, я бы никогда ни одной вещи туда не сдала. Была в городе знаменитая коллекция Пожарского. Так вот после его смерти она перешла полностью в музей. И что от неё осталось. Список ценнейших монет был даже не внесён в инвентарные книги. А список сам в последствие был украден, как считается всё тем же Скрипиным. Ну, если бы он хотел, то директор смог бы дать указание, это же прямое нарушение. В музее не было такого понятия как закупочная комиссия. Покупал, как правило, Борис Хатмеевич, а

потом попросту подписывались остальные. Никто там не писал научных статей. Подумать только целый штат научных сотрудников и никто в год не одной статьи. Никто не ездил и в экспедиции. Просто Борис Хатмеевич набирал группу нужных людей в городе, ехал за шишками, за редкими травами, золотым корнем, красным корнем.

В тот год, который я работала привезли икону, когда я на неё взглянула бедную, то сердцем поняла что она древняя. Она потемнела от времени, в дороге, от бесхозности у неё отвалилось несколько кусочков краски, и она по домашнему пахла луком. Он оставил её посмотреть и часика через два пришёл её взять, якобы описать. Он чьей рукой ничего не было написано в музее.

Икону принесли в дар. Господи, сколько людей подкупил он своей манерой располагать, обаятельного доверительного разговора. Не один десяток лет провисела она, радуя глаз, и обучая людей лику красоты, ибо каждая её линия была благородна и одухотворена. И вот попала в руки мошеннику.

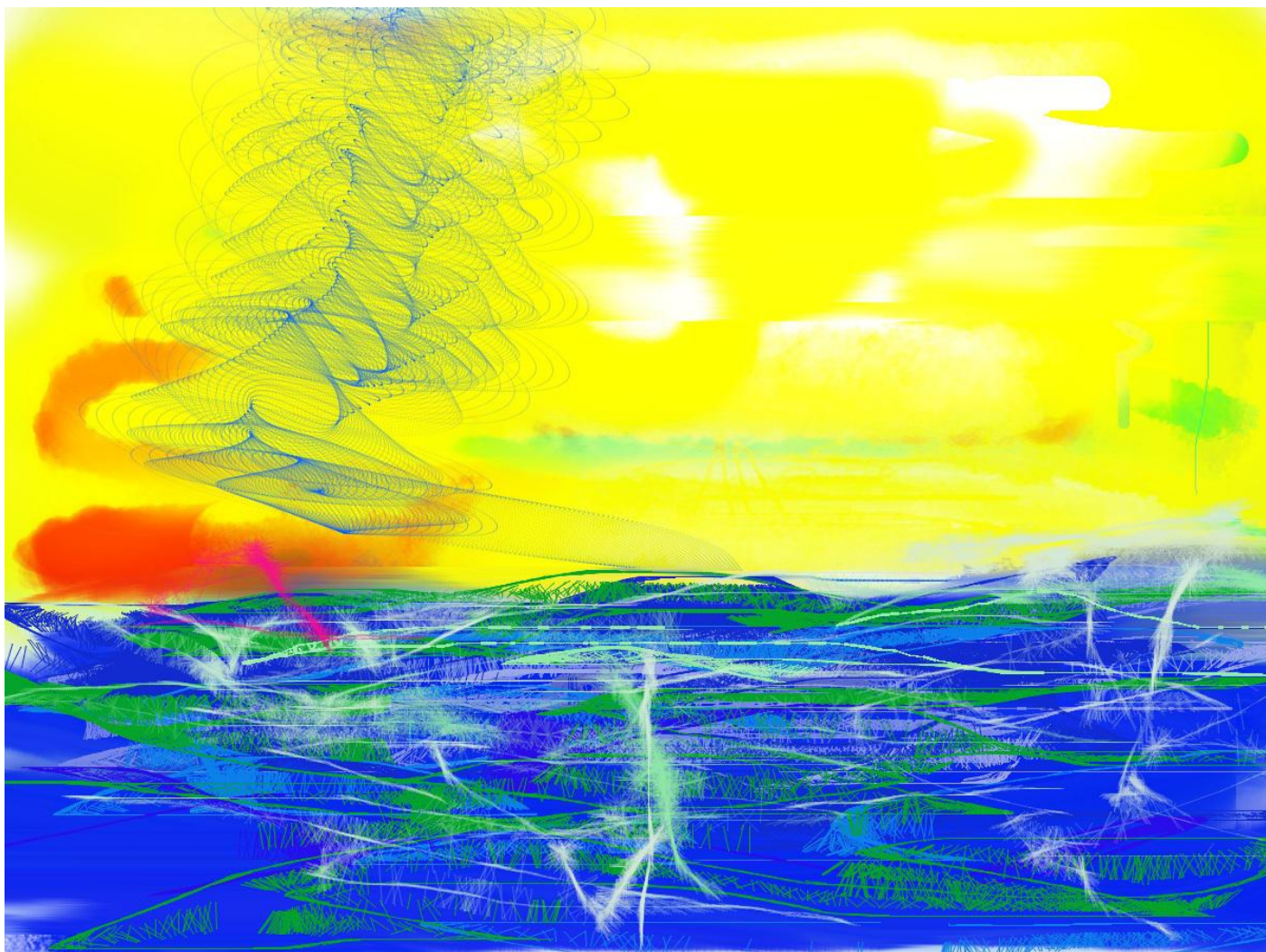
Мог ли там кто-нибудь противостоять ему. Молодой честный Серёжа только начал учиться в институте и ему была нужна характеристика с места работы. Он шарахался, как молодой козлёнок, и был беззащитен и беспомощен. Этому ребёнку предстояло ещё научиться жить, получить образование, а потом уже занять какое-то положение и позицию. Пока же, увидя какую-либо вещь, ну взяв маленькую тросточку, он прохаживался с ней, как английский Денди. Проблема становления была тяжела.

И всё-таки, иногда он бывал удивительно мелочен во всём. Вот сидит шмыгает носом, у него гайморит, что-то в нём от недовольства всё вскипает и вскипает. Трудно себе представить какой в фондах беспорядок, однажды залило экспозицию, прорвались трубы и всё свалили в кучу в соседнем зале. Но, а в том, в котором хранится всё остальное не лучше.

Кто-то должен заниматься этой чёрной работой. Но никто не хочет. Вера Павловна, которая возглавляет фонды, полная не далёкая женщина, но в одном она уверена твёрдо: Начальник работать не должен и она никогда ничего не делает: все усилия и ухищрения шефа заставить её что-нибудь сделать разбиваются непоколебимо. Теперь все усилия его сводятся к тому, чтобы её выжить, что ему удаётся только через десять лет. Она уверена, что он вор и пьяница и что со Скрипиным его многое связывает. Акт передачи фондов, большая пачка листов в двух экземплярах тоже удивительным образом исчезает. Но в милицию обратиться никто не думает.

Подметив мою очень точную зрительную память шеф ей часто пользуется и проверяет её.....

.....

Художник Цуриков Илья. Цифровая живопись.

Ганова Людмила
УЧИТЕЛЬ, КОТОРЫЙ УЧИТ ВСЕХ.

Скоро за нашими детьми закроются школьные двери, и они будут отдыхать на долгожданных каникулах. Но для всех ли они будут счастливыми, безмятежными? Как обстоит у них дело с успеваемостью, кто возьмёт на себя ответственность за неудачи в их обучении, кто им поможет и как?

Остроту этих вопросов подтверждает и бесстрастная статистика: число неуспевающих детей в нашем городе неуклонно растёт. Несколько лет назад их было около четыреста, теперь же приближается к тысяче.

Когда думаешь о целой тысяче мальчишек и девчёнок, которые по каким-то причинам (по каким именно было бы неплохо точно выяснить) не справились со школьной программой, то становится не по себе.

Вряд ли можно довольствоваться объяснением, что и в настоящее время всякий нажим сверху по успеваемости снят, двойки разрешено ставить, вот мы и наблюдаем такую картину.

В разговоре со школьным инспектором горно я узнала о существовании у нас в городе учителя начальных классов Выбловой Валентины Николаевны, которая вот уже двадцать три года работает без второгодников.

И вот я прошу Валентину Николаевну по телефону разрешить встретиться и поприсутствовать на уроках.

Третий класс. Идёт урок родной речи. Учитель хорошо, легко, мягко улыбается, но так же легко её лицо делается строгим и деловым. Дети читают о приключениях Рики-Тики. Первое, что вы сразу почувствуете, едва успев сесть за последнюю парту рядом с учеником, что в этом классе хочется учиться. Все с интересом читали мастерски написанный рассказ Киплинга, а учитель вместе с детьми спокойно и точно их оценивал. Они точно знали: за что и как можно получить три четыре, пять.

И мой первый вопрос к учителю после урока, конечно о том, как удаётся научить всех ребятишек, которые к ней приходят.

- Если всё это сводимо к одной, но самой важной мысли, то я бы сказала так: воспитание строгим добром. Требовательность нужна очень высокая, но дети в тоже самое время должны чувствовать, что их любят, и здесь ребятишек ни обманешь, ни проведёшь.

- Как вы считаете, почему столь неутешительны наши итоги в обучении, хотя у нас и много детей, которые хорошо учатся, и более 50% наших выпускников поступают в вузы?

- Одна из причин, что дети наши, несмотря на телевидение и другие источники информации приходят в школу все-таки неподготовленные. Часть из них страдает от беспорядка в семье, мещанства, пьянства. Не всегда с достатком в семью приходит счастье. Взрослые очень много времени занимают собой. Много времени уходит на дачу, машины, наряды, и мы не всегда замечаем, что берём это время у наших детей. А будут ли наши дети часто брать книгу в руки, если не видят её у нас в руках?

Вот почему собрания родительские я не провожу формально, настойчиво изучаю каждую семью, у меня вместе с учениками учатся и их родители, они вникают во все возникающие у их ребёнка проблемы школьной жизни.

- Вот вы не ограничиваетесь констатацией факта, что ученик учится на двойку и больше не тянет. Вы его доучиваете, а не бросаете равнодушно. Как вы пришли к этой очень высокой ответственности за свой учительский труд?

Можно было бы сослаться и на семью, и на лень ученика и его неспособности. И это тоже постоянно делается.

- Личность учителя в обучении я ставлю на первое место, и считаю, что прежде всего учитель несёт ответственность за неуспехи своего ученика. Вот мы на нашем педсовете недавно тоже спорили о значении личности учителя. Может быть, не нужно думать, что ты сделал всё, не останавливаться на этой мысли, а искать, идти дальше. Но только не смеяться над учеником, ни в коем случае не издеваться. Ребёнок обязательно увидит, что ты ему хочешь помочь.

Дать почитать книгу, поговорить или домой пригласить. Здесь у каждого учителя свои возможности.

И ребёнок изменится, он начнёт стараться, чтобы догнать, понять, успеть.

- Как вы пришли к этой принципиальности, это же целая жизненная позиция?

- Я потомственный учитель, моя мама проработала учителем тридцать шесть лет, это сейчас профессия учителя стала непрестижной. Я думаю, что и мои бы дети, если бы вы захотели выяснить у них, интересно ли им учиться, ответили бы также, как и её, что да. Жаль, что никого это не интересует.

Методическая грамотность, приёмы обучения - всему этому при желании можно научиться, всё это доступно, но нужно всё же не забывать, что ты не сможешь повторить ничей урок, что он не "пойдёт", если не будет твоей неразрывной связи вот с этими конкретными детьми.

- Значит выходит, что мы ещё не доросли в нашей современности до понимания, что двойка - это инструмент в обучении, но не оценка конечного совместного труда учителя и ученика.

- Придётся, наверное, дорасти.
И снова лёгкая светлая улыбка.

Я прощаюсь и выхожу на улицу. На проспекте перед дворцом химиков цветёт сирень. Как счастливы эти тридцать семь мальчишек и девчёнок, сидящих в её классе. Нет, потом они поймут и оценят с каким прекрасным учителем и человеком свела их жизнь. Да вот взять хотя бы этого симпатичного второгодника, рядом с которым я сидела. На уроке-то я думала, что это отличник, так старательно его пальчик ни на минуту не соскальзывал со строчки рассказа, а после каждой остановки его рука спокойно и независимо поднималась вверх, он хотел, чтобы его спросили. Да, ему интересно стало учиться.

Вспомнилось, как в поисках своей героини я подошла к классу, где проходил педсовет и пыталась угадать в каждом из педагогов, проходивших после звонка сквозь почётный неофициальный строй ребятшек, и не смогла.

А ещё мне захотелось запомнить, как произносила Валентина Николаевна слово милосердие. Оно было наполнено у неё простым и глубоким смыслом собственной жизни.

Ганова Людмила
Полиэтиленовая цивилизация.

Утром была в районе квартала АБ, где живёт в основном интеллигенция НПО "Алтай". Холодный чистый колющий воздух. Подняв глаза, вижу двух узбеков? Армян? Таджиков? Идущих впереди меня очень быстро, чтобы не замёрзнуть.

«Маме» Гановой Людмиле. Художник Цуриков Илья.

Один, помоложе, вполне интернационален, так сказать во всемирном масштабе. Современная куртка, что-то среднее между джинсами и брюками, через плечо сумка, на которой надпись "Спорт". Но вот другой, постарше, имел уже усреднённо советский масштаб. Во-первых эти неповторимые, наши хэбэшные штаны, которые раньше стоили 3 рубля, а теперь 18. Больше ничего в них за два десятилетия, что я их знаю, в них и не изменилось. Однако, нужно всё-таки отдать ему должное, это был маленький, но изящный мужчина. Но вот какой национальности, мне и самой вдруг захотелось почему-то узнать.

Но кроме общих разговоров о вечной дружбе в школе ничего конкретного нам не говорили, в университете тоже, и я оказалась бессильна это сделать.

Как они могли очутиться здесь, в Сибири, этим утром, за тысячи километров от своего родного очага? Конечно, заработок необходимость в котором разогнала их по всей нашей огромной и великой империи.

Но он старался не унывать. И всё время держал руки в карманах этих брюк. Я даже успела понять, что он их оттуда ни за что не вытащит. Однако ноги его, к сожалению, показывали склонность к осёдлости, к той самой, которая родилась от слова седло. Но седла не было, и потому брюки-штаны развевались и надувались, как юбка по бокам. Разрез от светского пиджачка настолько составлял со всем этим единое целое, что я подумала, господи, и почему у меня нет с собой фотоаппарата? Это было само совершенство, родившееся буквально из ничего. И кто мне поверит? Такое удавалось только Чаплину, и он бы сразу мог выходить на арену цирка. Но о том, что эти две специальности существуют специально для него, и могли бы его прокормить, они и не подозревали.

Вот я иду за ними и думаю о советско-американском журнале, где каждая страна представлена в ста фотографиях. Эта бы вошла. Но хорошего советского фотоаппарата мне не купить по той же самой причине, а японского не видать и всем другим, мы с Японией почему-то не торгуем.

И вот из солнечного света они были как и я поглощены автобусом. Последнее, что я запомнила, это его шляпа на голове, вернее то, что от неё осталось после пятнадцати лет носки, такая же была у моего деда.

Длинная кишка автобуса начала подбирать кучки ожидающих на остановках; и он стал, вопреки моему ожиданию, заполняться. Вначале у людей были столь странные лица, что казалось, что их души отлетали далеко далеко, оставив чинящую постоянные неудобства оболочку именно здесь, в автобусе.

Это были не лица, а висячие замки. Никакой склонности к общению они не проявляли и проявить не могли. Скорее всего это была реакция на усердно прививаемое чувство коллективизма, точнее стадности, поэтому никакого возражения они лично у меня не вызывали. Это был самый длинный городской маршрут и у остановки "Детский мир" автобус сумел набрать людей до отказа, то есть просто ни один человек не сумел войти. Старый престарелый, худощавый и длинный как щука дед, выкатив глаза, заорал

"Пробивай". И ринулся прямо вперёд. Я поняла, что это выживший участник войны.

То ли толпа, по прежнему свято хранившая молчание, не ожидала такого напора, то ли решила, что от этого всего ожидать можно, но она качнулась вглубь автобуса, и дед поместился в образовавшуюся треугольную щель между дверью и ей. Створки захлопнулись. За две остановки дед сумел подняться на две ступеньки и, нарушив тишину, снова проговорил: "Ничего, рассосутся остановки через пять. Былая решительность стала сменяться блаженным состоянием, что тоже поставило меня в тупик.

Женщина у следующей двери начала сражаться за право выхода с крупным дородным пшеничным краснощёким мужчиной. Когда она поняла, что это бесполезно, то она бросила ему: "Хряк". Мужчина так не ожидал, что растерялся.

Компостер, расположенный прямо над головой, сидящей на сидении впереди меня женщины, отбил за всю дорогу билетов десять, и все пробитые дырочки конфитюром упали на крашеную хной шестимесячную её завивки. Но она об этом подозревать не могла и спокойно сидела, глядя на ручку сиденья впереди.

Бабка с дедом, которые вошли почти на конечной, всё ещё копошились, пытаясь собрать шесть копеек на проезд. На каждом ухабе, когда их отрывало и подбрасывало, дед сильнее сгибался над четырьмя в кулаке, а бабка та была круглее и настойчивее удерживала сумку и вела поиск в ней. Мной овладело почти непреодолимое желание взять и купить им билет. Поскольку никто никогда никому этого не делал, то я перевела взгляд на другую маленькую старушку, цепко сидящую на своём месте и держащую непробитый билетик на случай контроля. Компостер был у ней прямо перед глазами. Бабка была одета рублей на 35 - 40 стипендии - пенсии и десятка в месяц на проезд была для неё абсолютно нереальна. Это был её собственный, изобретённый ею, метод борьбы за выживание. Правда билетик был из плохой бумаги и больше чем на десять поездок он не выдержит. Значит бабку всё-таки обошли.

В автобусе от солнца и людей стало жарко, так что я с удивлением открыла, что одна дама всё-таки одета по-осеннему. Это в начале сентября-то. На ней была шапка из какого-то мышинового меха, которую она уже проносила лет тридцать и которую больше выносить уже было невозможно: она мумифицировалась. Дама

рисковала умереть именно в ней. Впрочем, она имела такой непоколебимый вид, и была так прочна, что просто выпадала из сиденья, то есть ничего не изменялось от того, сидела она или стояла.

Разгорячённая толкотнёй женщина в середине салона, с большим полиэтиленовым пакетом стала делиться со своей соседкой: "В эпоху тотальной нехватки стирального порошка и мыла, ну, как я могу мыться три месяца одной печаткой, но я всё-таки сумела выкроить ещё на две стирки, у меня остался ну как его, а этот, на три буквы ..." Я перебрала в уме все известные мне советские. Нет, может, иностранный? Господи, да это же наша советская "Эра".

Но, по-видимому и мне не удастся доехать на своём месте. На очередной остановке вошёл коротенький дед, на нем была безрукавка, в которую одевали почти всех своих крестьян художники на картинах. Но, поскольку крестьяне почти полностью перевелись, или перекавалифицировались в трактористов с фуфайками, то дед по домашнему появился в автобусе. Дед тоже был в лучшем смысле этого слова интернационален. На сей раз в его лице соединились русские и представители какой-то северной народности. То, что северной, это точно.

Дед научился по-русски пить, по-русски с утра, при этом оставался простосердечен и мягок, по второй крови.

Он, в отличие от всех остальных прямо направился к компостеру и пробил его так, что на нем буквально не осталось живого места от его челюстей. Пытаясь удержать его в целом состоянии за кончик, он его выронил и билетик плавно опустился за моё сидение.

И тут же извинившись, дед упал прямо мне на колени, он стал шарить под сидением. Как он его достал не знаю, может быть, кровь бывших предков охотников помогла ему, но я была на сто процентов уверена, что он этого не сделает.

Автобус всё-таки опустел. И принял мудро отрешенный вид. Тогда я заметила молодую пару. Она сидела на сиденьи поперёк салона, а он стоял перед ней, наклонившись по-светски и держась за стойку. В руках она держала торт и нежное масло роз безмятежно цвело без всякого усилия. Их глаза глядели прямо в глаза друг друга, и одна и та же улыбка лукаво цвела на их лицах.

Я вышла из автобуса. Здесь на углу он должен завернуть. Интересно, когда европейская резина не выдержит сибирских дорог, и задняя часть так и останется позади. Будь она даже трижды японская. Я заметила, она начала рваться.

Ганова Людмила - Цурикова Л.И.

Ганова Людмила
Ехали зайчики, сидя на трамвайчике.

- Пробивают?

Кивая на компостер полуутвердительно - полувопросительно спрашивает крупная невысокая, но если честно, что положишь, что поставишь женщина в сером плаще, удивительно проворно занявшая единственное место. Она уже извлекла малюсенький гомоник, а оттуда сумела-таки подцепить солидно блеснувший в плотных шершавых руках трояк.

Быстро повернув ко мне шею, которую я думала невозможно повернуть: визуально она полностью отсутствовала, она снова спросила идеальным решительным голосом.

- Не продадите один билетик?

- Сама еду зайцем.

Она не ожидала такого безоговорочного признания, но это её почему-то успокоило, и она просто поехала дальше, оставив всякие попытки добыть талончик. (Боюсь, что я единственный заяц, приславший свою исповедь на конкурс "Езда", и мне полагается за это специальная премия. Сейчас всегда так: к основной - несколько специальных).

Дело в том, что моя Катерина, ей три года, научилась извлекать из сумки кошелёк, выуживать оттуда мелочь и находить там безошибочно пятнадцать копеек на жевательную резинку "серку". С остальными медяками, крепко зажатыми в кулачке, она ходит, пока они ей не надоедят, и тогда она их спускает в большие щели пола новой недавно полученной квартиры. Талонами, которые я распахиваю по всевозможным карманам, охотно пользуются остальные взрослые дети. Так, что иногда я еду самым настоящим зайцем.

Про трамвайчик я пою Катерине и поздно вечером, когда усыпляю: "Ехали зайчики, сидя на трамвайчике", так как "Ехали зайчики, сидя

в трамвайчике" не рифмуется и не поётся. Я даже придумала объяснение, которое её сейчас вполне устраивает: "Там их не достанет контролёр".

Слышно этот трамвайчик, ночью, когда затихает под окнами весь другой транспорт очень и очень даже на шестом этаже, а как его слышно на первом, втором, пусть они сами про это пишут. Бабуся на 1 этаже, попавшая под снос, рассказывала: "Такое впечатление, что мозги перескакивают с одного места на другое".

Сколько ни раздумывала, ничего сногсшибательного за долгую "трамвайную" жизнь вспомнить не могла. Хватит ли юмора критику "ЛГ", которого метро доставляет в редакцию с точностью до минуты, подойти к случаю, пережитому мной прошлой зимой, объективно? В поисках детских сандаликов, которые летом не продают вообще, а зимой - иногда, я отправилась вечером, после работы, на автобусе в старый универмаг. Было очень холодно - 27 градусов, и я надеялась, что это удержит значительную часть покупателей дома. Но сандаликов не было, а был уже восьмой час вечера, и на остановке - человек двадцать. Так мы молча простояли час сорок. Чешские или югославские сапоги, которые можно купить в конце месяца (о русских валенках в Сибири можно только мечтать) помогали плохо. По-моему, стали подмерзать даже мозги: очень хотелось плюнуть на всё и уйти, хотя до трамвайной остановки квартала четыре, да сколько ждать там ещё неизвестно. Что я и сделала вопреки здравому смыслу. (В этом воспоминании меня поддерживает одна только надежда на читательскую премию, которая почему-то всегда не совпадает с решением жюри.)

Всё-таки некоторые необходимые навыки "езды" со временем появляются. Ну, например, тебя легко могут внести и вынести в общем потоке на некоторых остановках: хочешь смеяться - хочешь нет. Большинство к этому относятся спокойно, это удобно. Однажды я видела, как какая-то отчаявшаяся женщина, после неоднократного обращения к окружающим её мужчинам пропустить её, сняла шляпу с того, кто стоял сзади, и вытянула руку вперёд. Он, в погоне за шляпой, вынужден был пропихнуть её вперёд. Вскрикивая на подножку обратно, после её получения он только и мог сказать: "Ты что, ошалела?"

Она его не удостоила ответом. (Женщины тоже иногда бывают сообразительными, вот сейчас я, например, чувствую, что мой

рассказ попадёт обязательно к мужчине). Через полчаса, к половине девятого, все эти атакуемые средства передвижения делаются совершенно пустыми, и вполне возможно предположить, что трамвай, напоминающий караван сарай, подаёт на остановке лично для тебя.

Как-то в местной печати в статье о потоках пассажиров начальник трамвайного управления с горечью делился про то, что в трамвае, всё утро возившем людей на работу, оказалось всего два трояка. Вполне возможно, что кто-то решил над ним посмеяться. Впрочем, не знаю. Не один контролёр, не решается в это время проникнуть в трамвай: он останется там, куда волею судьбы смог встать.

Можно наблюдать и взаимоисключающие ситуации в воскресном трамвае средней плотности. Мужчина, самой интеллигентной наружности, которую можно вообразить, в идеально отглаженных бежевых брюках молчит, когда ему капнули на них мороженым и сам вытирает, а старая бабка, с двумя пустыми вёдрами из-под проданной на базаре облепихи, вдруг начинает возмущаться, когда молодая девушка в велюровом плаще, отодвигаясь от неё говорит: "Ты бабуся с вёдрами поосторожнее".

"Чего смотришь? Не запачкала, не смотри, ишь какая чистая нашлась!"

И она продолжает возмущаться, сойдя с трамвая и переходя улицу. Девушка же делает вид, что это к ней больше не относится.

На телевидении сейчас новый подход к этой проблеме. Какой-то элегантный психиатр советует гасить возникший конфликт такими словами: "Я, кажется, подставил вам ногу, и вы на неё наступили?" Вместо ноги может быть другая часть тела. Как ни странно, замечал он, это успокаивает, сберегает отрицательные эмоции, и ногу вам могут освободить. Ну, конечно, и другие части тела.

Читаю недавно научно - фантастический детектив, с таким трудом выпросила на работе, по-моему, американский, печатался, говорят, в "Смене", и там интрига строится на ляпсусе старой космической техники. В космобусе, между двумя планетами, потеряли в безвоздушном пространстве одного пассажира, переведённого для перевозки в другое измерение. Поэтому он смог там какое-то время продержаться. Специально всё так рассчитано. Сейчас пытаются совместить измерения, но что-то не получается. Пассажир же

представляет собой среднее между треугольником и осьминогом и плачет, как ребёнок.

Жаль, что автор не смог придумать ничего посвежее, однако, его всё-таки напечатали, мне же остаётся последняя надежда на специальную премию, как начинающему автору - женщине, ведь вряд ли маститые юмористы, одно имя которых вызывает смех, примут участие в этом конкурсе. Как же быть тогда начинающим талантам? Когда я переписывала себе рассказ на память, то несколько уточнений и изменений сделали его, ещё лучше, но так как перепечатка займёт всё оставшееся время, то я решила всё-таки послать его на конкурс в первоначальном виде.

Ганова Людмила.

АБОРТ У АНГЕЛА.

А, может быть, с ангелом? Хорошо она сказала, что дети - они ангелы, хотя, конечно, не она первая. Вроде бы в первый, и однако, в последний прочла я это в письмах Чехова, и это меня тогда так поразило, что вот запомнилось.

Но услышать это впервые за семь лет, так сказать, от представителя школы - вот что отрадно, вот что обезоруживает.

Потом она продолжила: "Вот сейчас им тринадцать, четырнадцать и сейчас, или через год или два с ними может быть всё, что угодно, и аборт, и в один прекрасный день вам скажут, не пойду в школу."

А когда я шла по дороге домой, то думала, что же это получается, выходит аборт у ангела, или с ангелом. Да, неплохое название для рассказа, но сам то рассказ мне не хотелось писать, настолько это знание превратилось в назойливую саднящую ненависть.

Сволочи, они сволочи. Да, тоже очень точное слово.

- Я, так сказать, пришёл представить вам вашего нового классного руководителя. Они обе красивые, Галина Николаевна и Галина Андреевна, но первая является секретарём партийной организации школы, правда она и в прошлом году им была, но у неё большинство уроков со второй смены.

- Каждый год меняете, - раздалось из десятка родителей, пришедших на собрание, как на войну.

- Простите, надо соблюдать немножко уважения к директору школы, как ваша фамилия?

- Иванова.

- Вот и Хорошилов, он не может вести физику, потому что у него один ребёнок учится в нашей школе с первой смены, а другой со второй.

- Да он наоборот в этом году снова ведёт у наших детей.

- Да? Наверное, это и было целью его прихода посмотреть на реакцию этого "снова ведения". Помните, тогда, после этого инцидента, вы попросили классного руководителя убрать, и я пошёл вам навстречу, хотя я сам пострадал.

В чём он пострадал, или где он пострадал - это, наверное, говорить было необязательно, но, так сказать, неограниченное самодурство было продемонстрировано с купеческой щедростью. Власть, она есть власть, даётся она или деньгами, или распоряжением свыше. Пока что она как и тогда ничем не ограничена - вот что было продемонстрировано.

Илья очень хорошо передавал эту интонацию вдалбливания, полного отупения с которым он обыкновенно обращался.

Галина Николаевна, маленькая, почти крошечная женщина с глазами лгущими, почти потерявшими всякую совесть, избавившаяся от классного руководства, интересно, чего ей это стоило, гордо вышла из класса.

На её место с первой парты поднялась полноватая женщина средних лет, в велюровом костюме в полоску в традиционной завивке, с не менее традиционным цветом полированной мебели...

Она волновалась от предстоящего общения с незнакомыми людьми, она была абсолютно естественна открыта к этому общению.

- Делается интересно.

Этот тип учителя, который я так хорошо знала в детстве, исчез можно сказать совершенно на его место пришёл совершенно другой, который научился компенсировать недостатки собственных прав за счёт учеников. Ученик стал ещё беззащитнее.

- Вы слышали, - потянула меня за рукав родительница сзади, Хорошилов уходит, на повышение...

Это сообщение было так невероятно, что я сначала даже не поняла.

- Вообще-то он здесь засиделся, ему давно пора на повышение. Он собственно, к этому давно готов. Там ему, как говорится, самое место. А здесь, кто будет?

Директором будет Хорошилов.

- Так говорят, он в тридцатой не потянул.

- Ну, подучился.

- Да, не повезло нам.
 - Моему на экзамене, когда зашёл, поставил двойку и ещё четырёх завалил.
 - Прямо, как в университете... Директор-то он хозяйственник хороший, школа самая чистая в городе, учителя так и бегают со швабрами наперевес, но вроде бы пришло время проводить какие-то идеи проводить в жизнь, но видно торопиться некуда.
 - Даже пятидневку ввести не могут, в восемнадцатой ввели.
 - У него как-то спросили на родительском собрании общешкольном, почему не вводят пятидневку, ну так он сказал, что детей нечем занять.
 - Это я спросила, а он, ну так вашему нужно семь дней в неделю заниматься.
- Причём здесь мой-то, Господи, да пусть они в эту же субботу приходят в школу на час два, но только туда, где им интересно, и где они хотят заниматься.

- Просто выходит, что они не умеют интересно преподавать, принудительная система не может содержать людей любящих свой предмет, она их выталкивает.
- Да, я слышала, что он умеет избавляться от независимых учителей.
- Вот, вот.
- Я с ним встречалась один единственный раз, когда в техникуме, куда он поступил учиться, потребовалась справка, что он закончил восемь классов.

Так он как сидел за столом в своём кабинете, который раз в десять больше учительской, так вот, он как сидел за столом в своём кабинете, так даже на меня глаз не поднял: "Никаких справок мы не даём". И всё.

- Я растерялась, разнервничалась, даже не знаю, что сказать.
- Да зачем ему их поднимать. У него абсолютная полная непререкаемая власть. Что сказал, то и будет.

- Но наш класс, кажется вступил в борьбу.
- И я рассмеялась.

Я учитель биологии, работаю пятнадцать лет, правда работала в училище, зарабатывала квартиру, у меня нет своих детей, но это значит, что я могу много времени уделять вашим. Сейчас время перестройки, и я могу впервые сказать за пятнадцать лет, что я всего лишь маленький учительшка, чьё мнение и желание нигде нигде ничего не значит, в этом я имела возможность убедиться за все эти

же пятнадцать лет. Но, кажется, с перестройкой идёт революция, и я хочу сказать то, о чём так долго молчала. Я бы смогла научить каждого, если бы из сорока мне оставили двадцать. Мне бы хотелось, чтобы раз в месяц дети писали, что они думают обо мне или о своих товарищах. Хотела бы, чтобы дети учились, всё понимая, я практически могу оказать помощь по любому предмету. В воскресенье я хочу сходить с ними на экскурсию, взять пробу воздуха, воды и почвы. С экологией сейчас очень плохо. Они должны быть в курсе событий.

Она так хорошо говорила, что я подумала, не сглазить бы что ли. Потом пришла ещё одна мысль: "Директор подсунил ей этот класс, пускай повозится с фискалами, добренькая." Не зря же он приходил, он никогда ничего не делает зря.

- А что, действительно, Любовь Ивановна ударила там кого-то? Все молчали. Молчали, наверное, потому, что поняли, что эта история никогда не кончится, она ещё всё продолжалась.

Кто-то устало сказал: "Зачем ворошить старое". Сейчас каждому с позиции так сказать времени дана была возможность ещё раз оценить, что они не очень много в этом преуспели и добились.

Городской центр.

Человеку приехавшему в город в первый раз, хочется прежде всего пройтись по центральной, самой ухоженной части города. И лучше всего это сделать от гостиницы по улице, навстречу потоку машин.

Кинотеатр с афиши обаятельно улыбающегося Ван Дамма, фильмы которого так любят в России ; Мэрия с мягким мелодичным почти колокольным звоном часов, отмеряющих главное время в городе, универмаг, магазин "Космос", торгующий престижной немецкой мебелью, и наконец, "Дом книги", в котором самое большое место занимает современный европейский любовный роман. Его легко определить по практически одинаковой суперобложке, выполненной в одном и том же стиле. Однако, триллеры достигли на своих обложках более совершенного уровня, которые заполняются своими ужасами и лучше.

Детективный жанр тоже представляется неплохо: это в основном английские и американские переводы. Здесь можно теперь свободно

купить Яна Флеминга, из серии романов про агента 007 Джеймса Бонда "Из России с любовью", "Человек с золотым пистолетом", и Питера Чейни "Ночной клуб", композиция романов которого может быть очень изощрённой.

Действие романа "Ночной клуб" выстроено намного сложнее, чем во многих романах Агаты Кристи, которая тоже продаётся.

Русской классики XIX века, немного томит Лермонтов, гармония и совершенство поэтического мира которого поражают и в XX веке. Александр Грин (неполное собрание сочинений). Сверкающий мир его метафор, богатство человека, живущего в строгом согласии со своей духовностью, достойны восхищения.

Центральный сквер города замыкает серое основательное здание бывшего Горкома партии, в котором расположен теперь также суд. Оставшись без хозяина, оно выглядит теперь внутри не очень уютно. Похоже, что, кроме Эрнста Неизвестного, тревожно стучащегося в наше сердце своими памятниками жертвам сталинских репрессий, сами мы, словно устав от своей во многом снова неустроенной жизни, хотели бы сейчас многое забыть.

А ведь именно в России раньше многих других стран был введён и действовал суд присяжных, и, как показало время, именно он является основой, гарантией честного суда и неприкосновенности каждой личности.

В России всегда кто-то умел при желании останавливать время. Кто только об этом не писал, начиная с А.Кюстина и заканчивая А.Блоком.

А ещё недавно, уже в советское время, мы сами выбирали своих судей, и, наверное, вряд ли кто-то сделает лучше самих людей, живущих в своём городе.

Прогулка назад по хорошо ухоженному скверу, широкому и чистому. И совсем немного людей, позволяющих себе сейчас это сделать легко и непринуждённо.

Люди спешат, они заняты.

№1.

Разные причины заставляют человека в современной жизни отправляться в путешествие, а иногда ему достаточно выйти на улицу своего города и не спеша прогуляться: темп и ритм современной жизни высок, а человек жёстко в него заключён.

И вот эта прогулка и стоящее за ней размышление о жизни, о себе, о том, как жить дальше: иногда человек очень остро испытывает необходимость во всём этом. У нашего города своя уникальная

история, начавшаяся с решения Петра I основать Бийскую крепость, и жило в нем уже не одно поколение людей.

А в любом современном учебнике географии Бийск будет отмечен, как один из немногих городов России, связанный с космической промышленностью.

И это совмещение двух эпох и культур делает небольшой сибирский город по-своему уникальным.

Как жили здесь раньше? Для меня старинные дома - это живые, самые правдивые страницы жизни тех людей, кроме того, дома очень многое могут рассказать из того, к чему стремились их владельцы, как любили, что хотели оставить после себя.

Однажды научный сотрудник музея рассказал мне то ли отрывок живой легенды, то ли настоящую историю, касающуюся, может быть, самого красивого здания в городе: театра. Он был, оказывается, построен ещё вполне молодым человеком, на наследство, полученное от родственников. Здание, построенное перед самой революцией, было подарено городу для того, чтобы люди, в том числе и из народа, обучались там всяким нужным им профессиям и ремёслам.

Красивая история в духе Александра Грина.

А на театре теперь нет даже мемориальной доски, рассказывающей, кем и когда оно было построено на самом деле.

Если это было действительно так, то как себя чувствовало пролетарское сознание, жадно рвущееся к власти?

Ему, по-видимому, невыносима была сама мысль о том, что дворянин или царский служащий мог совершить такой прекрасный шаг в своей жизни для людей и стремился жить с ними в любви и согласии.

А вот насколько наше время испытывает потребность в таких идеях и поступках? Сейчас здание театра реставрируется и делается это очень тщательно.

Наш мэр Геннадий Карпушкин нашёл в городской казне деньги для этого благородного дела.

В наши трудные времена в городе принято решение о том, чтобы пенсионеры, которые не могут получить пенсию вовремя, смогли приобрести самые необходимые продукты питания в магазинах. Многим это помогло спасти жизнь.

Очень красиво современное здание кассового центра построенного недавно и заслуженно получившего премию за свои архитектурные идеи. В нём совмещаются спокойствие и основательность, присущие кирпичным постройкам, с красотой мраморных колонн.

Разные стили умело функционально совмещены.

Рядом с ним, через дорогу, в банальной пятиэтажке на первом этаже, здание Собеса, где работают очень знающие люди. Поднимаясь по его ступенькам, я услышала обрывок разговора крепкого русского деда, словно шагнувшего ещё из той, первой эпохи, одетого в драповое советское пальто.

Он вслух, очень заинтересованно решал со своим собеседником самый важный для современной России вопрос: богатые или бедные, и как им жить вместе.

Ему в этом принципиальном решении вопроса не мешало самое престижное здание в городе, совсем недавно построенное за его спиной.

А действительно, как?

№2.

Новое поколение уже в своём парламенте будет, наверное, уже цивилизованно решать этот самый важный для России вопрос.

Может быть, они начнут решать его, начав платить людям вовремя заработную плату.

Именно о парламентском механизме говорит в своих воспоминаниях Милюков, политический оппонент Ленина. Мы опоздали опубликовать их и прочесть почти на сто лет.

Здание городского банка (старого универмага одновременно) ещё полностью не отреставрировано, но уже сияющего от центрального входа прекрасной массивностью входа и совершенством луковицы купола, говорит нам, что торговля - это, наверное, прибыльное дело при любой власти, только не станем забывать, что-то оставлять и тому, кто производит товар.

Рядом с театром здание бывшей школы №11, где сейчас располагается филологический факультет пединститута. Каким прихотливым, почти музыкальным вкусом обладал его создатель!

Перед его лёгкостью сам застываешь в изумлении. Слава Богу, совсем недавно его крышу покрыли белой жстью, но вот на нескольких башенках ветер уже успел её сорвать. Торопились, делали так, как привыкли при Советской власти.

Самым значительным и самым ухоженным зданием при коммунистах было здание Горкома КПСС, где сейчас располагается городской музей, с хорошей экспозицией внутри. Для меня этот итальянский особняк в детстве был неразрывно связан с таинственной женщиной, купчихой Асановой. На все мои расспросы дед неохотно говорил, что раньше в этом доме жила одна и замолкал.

На все эти вопросы мог бы ответить Виктор Шипилов, который, наверное, лучше всех знал историю города и людей, живших в нём.

Он первым вступился за здание церкви, в котором частично располагался завод "Элетропечь".

Может быть, самое интересное занятие на свете - это разглядывать небольшие прекрасные старинные особняки, возникающие на стареньких провинциальных улицах, время почти ничего не смогло изменить.

Мы их, наверное, должны все сохранить для будущих поколений. Хорош и целый посёлок из особняков, внезапно выросший в наше время очень быстро на краю города, рядом с Льнокомбинатом. Их архитектура - это тоже вклад в будущее города, они уже созданы по законам архитектуры XX века. Это мечта нашего времени о красивой и достойной жизни и её воплощения.

№2.

Из телевизионных новостей мы совсем недавно узнали, что, например, во Франции такая профсоюзная забастовка культурно объявляется профсоюзами затем все, кого она касается не выходят на работу, затем после переговоров, следует не менее цивилизованное повышение зарплаты, а жизнь течёт по привычному руслу, а не по-новому, как у нас, при каждом новом режиме. Нам очень сложно, согласитесь, сейчас решить, что лучше социализм или капитализм. Устраивает это там тоже, по-видимому, всех.

Между тем на улице Вали Максимовой успеваешь обнаружить, что вдоль всего сквера выстроились новые магазинчики и конторы. Рядом со старой парикмахерской, около которой всегда стоят несколько хороших иномарок, появилась новая "Шарм" с компьютерным подбором причёсок. Вместо продуктового советского магазина, в который раньше всегда собирался с силами зайти, открылся новый "До встречи", который работает допоздна. В центре его витрина из сладостей, чая и кофе. Цены такие, что каждая из сторон не обращает на другую никакого внимания. Рядом со стеклянной стеной в магазине поставлено несколько хороших современных столиков, где можно присесть, выпить бутылочку пива или газводы, съесть мороженное и посмотреть на рядом идущий по улице поток машин, а сразу за ними, сквер с настоящими большими берёзами и тополями.

Рядом с дверью в этот магазин другой, который начинается с косметики, где большой и хороший выбор её для покупателя и где современная девушка с русыми волосами и глубокими глазами поможет вам, действительно, сделать хороший выбор. Я бы на месте владельцев магазина доплачивала ей за соответствующий имидж. Глядя на неё понимаешь: новое поколение выбирает не только "Пепси", сколько, другую, новую жизнь.

Конкурирует с этим магазином хороший пивной бар кафе "Отдых", расположенный буквально в двух шагах.

Выйдя на улицу, видишь, как лёгонькие иномарочки и джипы посOLIDнее, проезжая мимо новой аптеки из красного кирпича, шагнувшей из пятиэтажки на улицу, за ней любит прятаться милиция, чтобы измерять скорость идущих мимо автомашин, стремительно набирают скорость снова, проехав это место.

Глава № 3.

Словно зеркально отражаясь друг от друга, в начале улицы Мерлина стоят две каменные девятиэтажки, делаая её современной. Это широкая улица, где много света и воздуха.

Для школьников, спешащих в школу №8, они, эти здания, являются, наверное, квадратными параболоми, развернувшимися вдоль улицы - оси.

А вот для девушек, которые гениально молоды и которые всегда хорошо одеты (и как им это только удаётся) самое важное сейчас, что пришла снова весна, что сами они тоже полны цельного внутреннего желания жить, несмотря ни на что, хорошо.

Но то, что жить становится всё сложнее, лучше всего понимают люди постарше, целенаправленно направляющиеся дальше к центру социальной помощи.

Это люди, страдающие от хронического безденежья, которое возможно и в том случае, когда человек работает. Но есть и много таких, которые работу найти не могут. Проблема эта вот уже целое десятилетие вдруг поразила всю нашу страну.

Около него сейчас стоит целая семья и прямо здесь же обсуждает вопрос: сможет ли собирать огромное количество справок или нет, чтобы получить очень скромную помощь.

У респектабельных и внешне преуспевающих дам, по-видимому, тоже бывает, что деньги кончаются. Несколько смущаясь, они тоже входят в это здание.

Когда реформы в стране так многообещающе начались, все тогда так привыкли получать зарплату, что никто, вероятно, не подумал, что они вот так могут кончиться для него, и реформы, и деньги, а сейчас, согласиться, очень сложно найти причину, которая бы заставила снова начать её платить.

Конечно, все теперь интересуются есть ли точно у нас закон, по которому её обязаны платить, а если нет, то когда его примут в думе. И обязательно ли будут его исполнять.

Вроде бы мы сейчас строили капитализм, а при капитализме во всём мире её платят.

Выходит, капитализм у нас русский, свой.

Конечно, причин не платить теперь накопилось много, в этом никто не сомневается. Есть ещё и такой вариант: все думают, что кто-нибудь, наверное, иногда заплатит. Да так время от времени иногда и случается.

Выйдя из этого центра, хорошо перейти на соседнюю улицу Вали Максимовой и прогуляться по ней и осознать, что, возможно, в нас медленно, но что-то требует перемен, как раньше нас это подметил и пропел нам гениальный Виктор Цой.

Но, конечно, не таких перемен, как одинаковые бесконечные революции с обличающими речами с броневигов, а перемен более цивилизованных, как, например, Всероссийская стачка, о которой так обаятельно говорит профсоюзный лидер Шмаков и в которой мы совсем недавно, хотя и не так обильно, как в советских демонстрациях, но всё же участвовали...

Горный Алтай.

Современная цивилизация представляет каждому человеку неплохие возможности побывать едва ли не в любой точке зелёного мира, Земного шара, не выходя из дома, и эта великолепная возможность ТВ, которой мы часто пользуемся, устав от обыденности и обыкновенности нашей жизни, в которую мы почти всегда узко и жёстко заключены.

Но со временем мы начинаем всё острее осознавать, что нам чего-то не хватает не то, чтобы чувства реальности увиденного, вроде бы вот всё, здесь, сейчас, перед тобой, на экране, и ты умело включён в происходящее. Однако потом ещё не раз заставишь себя отмахнуться от этих неудобных размышлений, плохо вписывающихся в твою тоже быстротекущую и тоже как-то всё-таки скользящую мимо жизнь.

И вот, может, однажды, когда вечером идёшь со своей дачи и начинаешь привычно вглядываться в такую спокойную сверху, но всю наполненную настоящей тяжестью и силой быстрого движения реку с повадками крупного прекрасного зверя, у тебя вдруг начинает рождаться мысль, что она, река, по-своему живая, и никак не можешь от этой немного нелепой мысли отмахнуться. Вот так что-то сильно вдруг перевернулось в твоей усталой от привычной и одинаковой жизни душе.

Наверное, после такого открытия никогда уже не будешь относиться к своей реке равнодушно, и, если бы это могло зависеть от тебя, ты

бы никогда не посмел больше разрешать сливать в неё из огромных труб отходы с заводов и из массивов жилых домов.

Мы в двадцатом веке оказываемся не умеем точно определять и вычислять вреда причиняемого нами природе, гораздо чаще мы просто констатируем её смерть. Наверное, не трудно организовать современную технологию очищения, уже применяемую во многих других городах мира, да и нашей страны. Ценность её несоизмерима с причиняемым нами вредом природе.

Может быть, это не только чувство чистоплотности, а священное и древнее чувство восхищения и глубокого понимания того, что она, река, живая и настоящая, что она нам, всем, очень нужна.

Вот так возникает понимание сложности наших связей с окружающей жизнью и природой в двадцатом веке, о которой мы совсем недавно не подозревали и которую ещё не умеем с точки зрения науки определить.

Такое чувство ответственности за свою природу могло родиться в нашем сознании раньше, чем у других в нашей стране, потому что наш город - это ворота знаменитого Чуйского тракта, ведущего в Горный Алтай, на природу редчайшей, как сейчас принято говорить эталонной красоты, о которой рассказать почти невозможно, а нужно побывать там хотя бы раз в жизни. Вот так в очень разные моменты своей жизни люди приходят к такому решению: сделаться на короткое время настоящими путешественниками.

Конечно, придётся с трудом, но находить деньги для этого настоящего и только твоего путешествия. Посмотреть необходимую литературу и выбрать маршрут несложно: везде хорошо.

ЦЕЛЛУЛОИДНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ. Автор Ганова Людмила.

- Мурзик, секс, - сказала Катерина, когда мы все вместе лежали на диване, а наш чёрный кот, которого Илья маленьким украл в деревне, пытался устроиться рядом с моим боком, как наиболее безопасным и спокойным местом в доме. Мы стали привыкать к друг другу, вот он и лапку на меня положил.

- Да, не часто мы с вами собираемся здесь, каждый живёт своей жизнью.

- Мурзик, иди ко мне.

И Илья потянул его к себе.

- Ты русский или нет, Мурза? Ты почему не отвечаешь, а? Я кого спрашиваю?

Мам, дед говорил, что на Руси чёрные коты были всегда, значит, ты чёрт русский! Князь Черниговский!

Илья положил его на руки, на спинку и внимательно и требовательно, в который раз в жизни стал рассматривать своего драгоценного кота.

Кот настолько привык к этой процедуре, что лежал совершенно расслабившись, почти уснув.

Но эта любовь носила не только преданный, но и диктаторский характер. Когда я начинала восставать против навязанного мне ухода за ним, любить-то хорошо, а вот кто будет кормить и песочек убирать, то здесь сразу же следовала дежурная фраза, если куда-нибудь моего кота денете, то в школу ходить не буду, вот посмотрите.

Кот всё ещё лежал не шелохнувшись, он давно знал, что сейчас это делать опасно. Илья разглядывал белый галстучек, белый невинный сияющий пах, три белых кончика чёрных лапок, узенькую белую полоску на животике и абсолютно чёрную мордочку сверху.

- Весь в шерсти.

Убедившись, что всё это вместе по-прежнему очень красиво, он довольный отпустил кота на пол, как священное животное. В душе его наступил мир.

- Вот только попробуйте!

Кот важно пошёл на кухню, Илья за ним прыгающей походкой подростка внезапно выросшего до метр девяноста подростка.

-Илья, у тебя попочка тоже ничего сзади круглится, но нос, по-моему, всё же перевешивает.

-

Кот не только становился всё нежнее и доверчивее, но и пришло время, когда он в доме стал чувствовать себя совершенно свободно.

Глядя, как достигнув гармонии внутреннего мира, он лежит на вьетнамском ковре на полу, купленном за три года в кредит в магазине перед тем как из них исчезло почти всё, мне стали приходить в голову мысли совершенно отличные от тех, к которым я уже привыкла в своей жизни.

Ребятишки уходили утром в школу, и я на полдня оставалась один на один со своей жизнью.

Глядя на Мурзика, безмятежно, как в вечности, лежащего на ковре, я стала понимать, что я потеряла чувство человеческой цельности, что я почему-то несчастна, в сущности не знаю, зачем живу, боюсь за детей в этом жутком давящем мире. Моё я совсем почти исчезло и сделалось маленьким.

В общем, это были символистские переживания в стиле Андрея Белого, которого я почему-то не любила. Но кот убедил меня в том, что символисты были правы в своих занятиях такой прозой. Мне тоже захотелось походить на Мурзика, и я стала учиться. Кот вернулся из кухни уверенной неторопливой походкой и снова лёг на ковёр. Но Катерина наклонилась с дивана и первобытным жестом схватила его и положила к себе на животик. Чёрный хвостик кота свесился между её ножек.

- Мурзик, не щекочи, я кому сказала?

Кот вытянулся длинной узкой блестящей полосой, устремлённой в какую-то ему одному видимую цель. Всё-таки с Катькой они всегда были на равных.

- Мурзик, я тебя хочу попросить, давай залезем в наш магазин и утащим целый ящик сосисок?

- Катерина, ты что есть хочешь?

- Я давно хочу сосисок, сколько тебе говорить?

- Тебе быстренько сделать отбивные котлеты?

- Нет, я хочу сосисок.

- Мало ли кто, что хочет, я вот живу всю жизнь как придётся.

- Я тебя уже сколько раз просила пойти работать и на апельсиновую базу.

- Странные у тебя фантазии, если мне нужны сапоги, то я что должна идти работать на обувную фабрику? Забудь про сосиски, одному богу известно, когда они появятся в магазине, к сожалению, я не могу того же сказать про сапоги. В общем стоит, однако, подумать.

- Катька, не мучай моего кота!

- Да он что, твой что ли?

- Да мой, я его из деревни привёз, значит мой!

- Да ты его не кормишь, он у тебя бы давно умер.

- Ну и что, всё равно мой.

- Мурзик, пока они здесь пластаются, ты бы сходил да чайку поставил.

- Илья, она - малышка, а ты посмотри какая оглобелька. Немножко соображать надо, какой смысл драться, нужно уметь делиться. Кончайте его растягивать.

Зрачки у кота расширились, золотой ободок стал тяжёлым, червонного золота, и, улучив момент, кот бесшумно и гибко прыгнул с дивана на ковёр в третий раз.

Откуда у второклашки эта фраза про секс? Правда, в нашем доме год назад появилось кабельное телевидение, и мы, как большинство жителей нашего большого дома клюшки, смотрели его нелегально. Просто в подвале была одна из студий, и передачи легко ловились на принесённую Ильёй какую-то запчасть похожую на летающую тарелку, и висящую теперь на почётном месте над телевизором. Правда эта штука напоминала мне не её, а немецкие мотоциклы, тоже чёрные, так меня накормили наши телевизионщики.

Вначале я испытывала нечто вроде шоковой терапии, потом я поняла, что ГУЛАГ очень даже жив, стоит только переключить ручку канала, вот почему у нас был только один. Не наши фильмы были искренними и по человечески открытыми. Каждый вечер - два фильма. Что же касается сексуально эротических, чуть не сказала по привычке социально - эротических, то любовь - это может очень красиво и выглядеть, хотя и необычно для нас.

Когда Катя не спала после девяти, то мы сначала в трудных местах затеняли экран, потом кто-нибудь из нас становился перед ним, но в конце концов стали говорить: "Катерина, закрой глаза". Значит она подглядывала.

Но западная культура действовала не только на первоклашек. Илья наш купил всевозможные сорта гантель, турник, эспандер, похожий на вехотку, а ля Брюс Ли и Шварценеггер и поначалу смотрел все фильмы со Сталлоне. Но потом он ему надоел, как, наверное, надоел и американскому зрителю, потому что во всех фильмах он был одинаков. Потерял он интерес и к азиатским боевикам а ля Шаолинь, где все дрались, как заведённые.

- А вот Катя любит фильмы с Сильвестром Сталлоне, да Катя?

- По-видимому, да, но точно ответить я затрудняюсь.

Видикам он стал предпочитать беседу с друзьями в коридоре, и чаще всего я оставалась одна, полностью погружаясь в новый мир.

Вообще-то, хотя женщина у них и более свободна, но и там мужчина охотно ставит её в любви на колени. Ну поставил, ну и что? Всё равно

самой любви не было, и неизвестно какая она могла бы быть. Да, мудрая я стала, наверное, старею, ой как плохо.

Теперь вся подъездная мелюзга непрестанно звонила по телефону, в дверь, свистела подолгу в коридоре. Я стала бояться зверской бабки домкомши с седьмого этажа. А вчера молодой человек лет десяти одиннадцати, позвонив, совершенно независимо и открыто спросил:

- Где Илья, не скажете?

- Нет, голубчик, не знаю.

- Когда придёт, скажите, что Женька приходил.

- Хорошо.

- Илья, что это за независимый молодой человек к тебе вчера приходил в половину двенадцатого?

- Это Женька, живёт в девятиэтажке на вокзале. Брат у него учится в десятом классе на одни пятёрки, а он на двойки. Мать у него никак смириться не может, да он и сам не идёт домой, как двойку получит, вчера получил две. Она его бьёт и может выгнать из дома.

- Вот это мама, привыкла, значит, получать пятёрки. Это развращает. Он просто такой уродился, очень независимый от природы, и с этим ей надо бы смириться. Дура, ой дура. Они там учителя-то сами рабы, разве они потерпят такое.

Хорошо, что он ещё в третьем, а в четвёртом ему придётся воевать уже со всей стаей. Но ничего, должен выдюжить, бог его для этого создал. Она, что не знает, какой там директор сидит. Я раз с ним сцепилась, когда они тебе одному по математике двойку собрались ставить. "Не надо всех поголовно считать дураками, - сказала я ему, - покажите-ка мне лучше контрольные тетрадки по математике ваших гениев. Вроде бы в эпоху гласности и открытости живём."

Он ответил, что такого указания свыше не было. Однако через неделю по его ценному указанию тройка была поставлена.

- Илья, да хватит тебе целоваться с котом.

- Ой какие титечки, Мам, целых шесть штук.

- Да ну их.

- По-моему, девушки тебе всё-таки звонят.

- Да это Дрюнька телефон дал.

- А я знаю, как ты будешь целоваться с девушками.

- Да ну тебя Свинка Хрю-Хрю.

- Сколько раз тебе говорить, что меня такой бог создал и специально для тебя я худеть не собираюсь. Дед-то у себя в деревне ренуаровскую Анну повесил над койкой. Она нежная и чистая.

Да вон и американки дылдами быть не боятся, ну а Вилли Токарев просто не советует. Боюсь, что тебе просто нечего ответить.

- Мама, я в классе самая высокая. Учительница зовёт меня рабыней Изаурой.

- Ну насчёт рабыни я думаю это совершенно точно. Я была второй.

- А я тоже самый большой с первой смены.

- Девочкам нравятся высокие мальчики. "Синеокая, бог тебя создал такой гений первой любви надо мной." Это Блок, в школе тебе не грозит, там Двенадцать замучили, да ещё и врут.

- Катя, ты видишь, что коту надоел этот контакт. Иди ко мне, я тебя лучше поцелую, вам какие бантики велели на этой неделе носить?

- Синие.

- Хорошо.

- Мам, мы сегодня с учительницей вместе чихнули.

- Понятно.

- Она на меня так посмотрела и сказала: "Болезнь не нужно, а я вот тоже болею".

- Илья, если ты завтра пропустишь свою драгоценную школу, то я за тебя возьмусь. Мы уже давно живём в какой-то заведённой жизни, но выпадать из неё никому не позволено. Лично я распадаюсь на части, а потом, мне оказывается не удаётся себя даже приблизительно собрать. Сюжет для видеофильма с превращениями, но, боюсь, что вы не понимаете о чём речь.

- Катерина, сходи завари чайку, мы с тобой попьём хоть что ли.

- Мам, я, ладно, пойду погуляю.

- По-моему, ты только этим и занимаешься, и чего ты с потеряннным видом без конца слоняешься? Надо закончить в этом году девять классов и распрощаться, а то вход в наше общество для тебя будет закрыт, но зато откроется вход в другое, о котором ты даже и не подозреваешь. В школе это очень хорошо знают. Да и в деревню свою горячо любимую не попадёшь летом. А я смотрю ты солидно подготовился, сто литров бензина и почти столько же масла, а если кто-нибудь спичку на балкон сбросит сверху? Замучил ты меня вот что, ладно или шагай.

День сегодня повеситься хочется или тихо незаметно исчезнуть.

Вообще-то беда, должна я вам сказать, читать мне совершенно нечего. Где любовник в "Иностранке"? Ну хотя бы стихи Лоуренса напечатали и на том, как говорится, спасибо. Вот Соловьёв остался и всё. Лет сто был в забвении, нет, ругать-то, конечно, мог всяк, кому

не лень. Где-нибудь в нагловатой вступительной статье. Но вот издать, совсем не обязательно.

- Катя, ты зачем закрыла книгу, не садись на меня, займись чем-нибудь. Статья была написана в 1888 году, а на дворе у нас 1991, тоже любопытно. Кто бы мог подумать, что вся наша советская история уложится вот в эти несколько строчек; "Прекрасно понимая и усваивая чужие философские идеи мы не произвели в этой области ни одного значительного творения, останавливаясь, с одной стороны, на отрывочных набросках, а с другой стороны, воспроизводя в карикатурном и грубом виде те или другие крайности и односторонности европейской мысли."

- Илья, послушай я тебе читаю.

- И зачем ты только эти книжки читаешь?

- А зачем ты всё время свою читаешь, надеюсь, что со временем и к другим перейдёшь.

- Катя не устраивайся на мне, включи свой телевизор что ли. Нет, я лучше вот русские мемуары почитаю, точнее перечитаю. Вот Маркиз Де Кюстин, французский маркиз, побывал в николаевской России и оставил нам свои мемуары. Неужели, Илья, неинтересно, как до тебя жили на этой земле и что думали?

- Господи, словом обмолвиться не с кем.

- Нет, если я тебя прошу послушать, то, наверное, немножко можно: "Стремление к правде, воодушевляющее ныне Французов, ещё неизвестно в России". По-моему, так и осталось. Демократов уже соблазнил бизнес. Ну а бюрократический аппарат, это такой монолит, который даже несмотря на всю его нелюбовь даже Ельцину не переиграть.

"Сколь не необъятна эта империя, она ни что иное, как тюрьма, ключ от которой хранится у императора."

- Закона о въезде выезде нет, это точно, и неизвестно когда будет. А если даже будет, то тебе никогда не заработать деньги на билет. Словно некий волшебник превратил шестьдесят миллионов человек в автоматов, ожидающих магической палочки другого чародея, чтобы возродиться к жизни.

Всё здесь есть, не хватает только свободы, то есть жизни.

Вот появились две газеты благодаря Горбачёву "Аргументы и факты", а у Ельцина "Российская". Много бы отдала, чтобы почитать маркиза полностью и в оригинале, но мы, конечно, тоже его не печатали тоже, да с 1930 года.

Чем мог бедный маркиз провиниться перед государством, о существовании которого не подозревал, но вот революцию точно предсказал, как и класс её поднявший. Огромность империи и её многоукладность - вот вечные козыри, направленные против любой идеи и реформы. Интересно, Ленин читал?

Надо сходить к тётке, у неё есть полное собрание сочинений, посмотреть.

- Ты мне денег дашь, в спортивный палатки привезли?

- А сколько стоит?

- Надо поговорить с отцом. Он тоже помешан на рыбной ловле, в каждом углу удочка, так что думаю трудностей у тебя не будет.

А вот про цвет дворянской интеллигенции: "Русские обезьянничают во всём, что касается светских обычаев, но те из них, которые мыслят, таких правда наперечёт, превращаются в интимной беседе снова в своих предков - греков, наделённых наследственной тонкостью и остротой ума".

Всех повырезали, уничтожили интеллектуальный генофонд.

Ты у меня красивый, много горя женщинам принесёшь, как говорит наш деда. Но, правда, боюсь, что на такой женишься, что, как говорится свят, свят, свят. Но, ничего, женишься ещё раз.

- Я схожу посмотрю, не разобрали ли.

- Вообще-то, чтобы лучше понимать, надо общаться.

- Дрюнька бегают с девчонками.

- Уже, в седьмом классе при метр пятьдесят?

- Вчера весь вечер просидел у какой-то.

- Девочки не теряются. Он ещё в деревне всё время порывался в клуб сходить.

- Мам, Катя уронила твоего маркиза де Кюстина.

- Катя, я тебе тысячу раз говорила, что не люблю грязных и рваных книжек. Если чай готов, то неси сюда. Включи телек, может что-нибудь есть.

При товарище Кравченко наше телевидение совершенно обезлюдело.

- Мам, кот топчется на Илюшкином шарфе.

- Илья, надо бы его за реку отдать, у отца на работе просили. Они мышей боятся. Он бы жил в частном доме, познакомился с кошками. Тебе его не жаль? Сейчас март.

- Ничего. А что я буду делать без него, вдруг его там убьют? Как ту белую кошку в деревне повесили. Она всё время летом к нам приходила. Пусть живёт.
- Ну, а за реку?
- Так от них идиотов своя кошка ушла, потому что они её не кормили, решили так заставить мышей ловить.
- Да, логика советская.
- Они и этого кормить не будут, Мурзичек мой.
- Да, но без кошки ему плохо. Опять вон запел свою сексуальную песню. Да и на улицу его не выпустишь, ухреначат там. В прошлом году в доме всех кошек перевёл какой-то сексуальный кошачий маньяк.
- Я его видел. В модном голубом плаще. Я зашёл в подъезд, он кошку поймал, положил на плечо и гладит. Я обалдел. Потом пацаны рассказали, что он их под трамвай кидал.
- Да и мода пошла на немецких овчарок. Гадёныш.
- Ну, я пошёл.
- Мам, смотри, этот дядька на экране похож на куклу. Ведущий телевизионной встречи, действительно, выглядел по-деревянному.
- Мутант. Химический. Сейчас много. Просто мы этого ещё не осознали. Нас постигла, как сказал бы Витя Шипилов экологическая катастрофа в масштабах всей империи.
- Он, в общем-то по своему образован, но ровно настолько, чтобы его можно было жёстко использовать. Узкофункционально. Он почти ребёнок, совершенно неразвитый. Не состоялся как человек, не пережил того, что полагается, почти робот.
- Женщин надо любить, молодой человек. Глаза безо всякого выражения, приплюснутый носик, крошечный подбородок, деформированный череп, почти полый, и это лет в тридцать пять. Бесцветный абсолютно.
- Вот почему у него такое целлулоидное выражение.
- Пытается говорить на затасканную политическую тему. За всю жизнь пара много раз употребляемых мыслей: "договорные цены, кто с кем договаривался, не известно". Деньги ему в общем заплатят, и он сможет существовать.
- А ведь сейчас уже дети в школе падают от голода, хлеб остался на полях, на десяти миллионах Га, подсолнечник на пяти. То есть страну в очередной раз хотят поставить на колени, и похоже, что это им удаётся. Одни шахтёры, как самый бесстрашный и порядочный народ, залегли на забастовку.

Голикова - люблю. Какое у него ребята было выступление. Илья, по моему ты не знаешь, что такое ГУЛАГ, и, хотя представить это очень трудно, попробовать бы можно.

- Катька, я тебе много раз говорил, чтобы ты оставила моего кота в покое. Видишь, у него обиженное лицо, и он хвостом бьёт. Ну я тебе сейчас надаю.

- Катя, выключи эту гадость по промыванию мозгов, и оставь кота, раз ему не нравится. Илья, это тебе, наверное, звонят.

- Ты, что, бандит из школы пришёл? Сейчас подожди, я выйду.

Тютелька в тютельку, наверное, ещё с портфелем. Как говорит наша бабка. Долго не ходи, не общайся всё время с Дрюнькой. Это единственный товарищ, который целый год не ходил в школу. Мать его за ручку отведёт, он через пятнадцать минут оттуда назад с ясным как у богоматери лицом. Все остальные с ним играть запрещают, вот он здесь и крутится.

- Мам, посмотри Мурзик лежит как Царь.

- Недаром в древнем Египте кошки были священными животными, там хорошо знали, что в них священо.

- Катя, давай я тебе картошечки с солёным огурчиком отварю, вчера из погреба принесли. По-моему нормально, а?

- Давай.

- И почитаем, ты своего доктора, а я маркиза.

- Ты у меня умница, девочки всё-таки лучше этих мальчишек.

- Катя, открой, это, наверное, уже Илья вернулся, черти носят.

- Илья, зачем ты наливаешь молоко в новую крышку?

- Дрюнька притащил Мурзику кошку, а у неё лишай во всё ухо. Она голодная, её надо покормить.

- А почему свою не принёс? Покормите и отпустите в подвал, там мусоропровод и тёплые трубы.

- Вадькина мать вышла и сказала: "Фу, какая гадость!"

- Ну она сильно хорошая. Только обязательно вымойте руки, а то придётся долго лечиться.

- Слава богу вечер, может быть, удастся ельцинский съезд посмотреть, но боюсь, что эти мастера по гласности придумают скользкий график.

- Где мой Мурзик?

- Вон сидит на твоей койке, моется.

- Мам, он глупый доверчивый, посмотри как смотрит.

- Да, ты прав, у нас если доверчивый, то глупый. В тоталитарном государстве нет вещей более опасных. Ну, слава богу, день прожили. Не так-то легко жить, когда ты обязан.

- Я бы сейчас выпила, да боюсь, что это невозможно. Все, ну все заботятся о моей нравственности. Включая...

Ганова Людмила.

Это знаешь кто. Это я.

Откуда мне было знать, что здесь всё не так.

Вот что я поняла, когда проснулась: "Может быть даже глубинный сон, словно я проваливаюсь в какую-то узкую всё сужающуюся вращающуюся ватную клочьями воронку-глубину".

А потом быстро иду из комнаты в комнату. Это уже яснее. Вот это ощущение точного движения и пульсация его, и расширение на мгновение комнаты. Но меня сопровождали. Несколько изгаляющихся издевающихся людей, а под конец они уже пристально и открыто смотрели, ну что же я буду делать?

Не сон, а настоящий видеоарт, потому что и себя я тоже видела одновременно, хотя и очень размыто.

Это была ещё одна модификация сна что ли, к которому я не могла привыкнуть много лет.

Проснувшись, я как всегда испытывала сильное отстранение от окружающей меня жизни: она сама по себе, а я, выходит, сама. Только вот не знаешь, куда бы деться. В сущности я давно этим занимаюсь, хочу почувствовать, кто я сама по себе.

Совсем недавно я побывала в основательном дачно-купеческом, нахально-пузатом изнутри доме и обшитом досками. Всё ходила и рассматривала. Я давно мечтаю иметь кухню, прихожую, дом, обитый досками, нежная мягкая, светящаяся поверхность успокаивает берегёт. И чтобы ничем, ничем не красить. Посмотрела и вышла. А там зелень дачи. Тепло после зимы, виктория безмятежно зеленеет, млеет - хорошо. Посмотрела вышла на косогор речки.

Но и их много набирается, и они вот почему-то все запоминаются.

Я даже боюсь сказать, что они меня преследуют по какой-то бездомной советской, лишь свойственной нам методике. Недаром мы так любим это слово. И даже стала думать, что это лишь на первый взгляд она, наша жизнь - плохо организована и нелепа.

На самом деле, она очень хорошо и методично организована по всем направлениям ответственными товарищами.

С одной стороны тебя всю жизнь оставляют без квартиры и заставляют её ждать по мифической очереди, заставляя таким образом принимать участие в этом грандиозном массовом спектакле - по заботе и ожиданию, а в конце концов Н-ное число миллионов должно было понять в конце, что им ничего и не светило, ну не получилось, не дождались, бывает.

Прождать всю жизнь. Это должно впечатлять. Ну а кто посообразительнее? Тут тоже готовая, у всех на виду, схема более быстрого прохождения, пытайся, пробуй, обставляй менее сообразительных товарищей.

Обычно во сне я гуляю одна. Бывает и ночью. Захожу в тихий, безмолвный, ждущий меня напряжённо в темноте дом. Почему-то именно меня. Прохожу. Мне важно пройти. Не знаю зачем, но я могу делать только это, проходить в безмолвии дома.

Помню, как однажды, я лежала в белой нависшей подо мной ниже конструктивной девятиэтажки. Должно быть хорошо, а мне трудно улечься. Ниша беленькая чистенькая, я как-то пытаюсь к ней прилежаться, но не могу привыкнуть соединиться, чтобы не замечать всего этого.

Бывает, что поселят куда-нибудь, что надо пройти через узкую крутую тёмную, ещё мещанскую, лестницу детства в комнату. Тоже тёмную, тяжёлую, ничто в ней даже воздух не могут шевелиться, и глупо даже надеяться, долго, томительно и чем больше веришь, одна вера здесь глупо и пытается жить и живая всё.

А то вот прежде чем до своей дойти нужно пройти вот эту дурацкую комнату - площадь, везде кучи хлама, мусора, с какими-то нелепыми столбами. И идёшь и идёшь через эти несуразности. Сколько можно.

То есть я, конечно, свои 26, 7 на четверых получила точно по заданному плану сценарию, а сколько миллионов у нас над этим трудится не спеша, через 14 лет ожидания. Точнее я её выколотила, собрав всю растерянную волю в кулак на год. Через этот их Горком. Там был симпатичный шустрый малый со всё понимающими глазками. Наверное, он дальше собрался идти тоже по служебной лестнице. Но после этого расслабляющего растекающегося бессильного ожидания - собраться очень трудно. Я себя поддерживала: "Сволочи, подонки, негодяи, мерзавцы. Расстрелять вас мало."

Революции у нас поэтому всегда запаздывают и очень быстро совершаются. Хочется просто всё уничтожить и всё. Других задач они обычно не ставят.

Этот дрессирующий души ГУЛАГ по-своему не хуже (он сейчас уже и не нужен) всамделишнего, только он изощрённее, но внешне, конечно, пристойнее, и всё на первый взгляд очень просто и наивно. Очень просто организован. Вот эта простота ставит абсолютно в тупик. А польза какая: некоторые свихнутся, другие сопьются, третьи заворуются, кто-то заболеет и умрёт. Да душа долго мучиться не может, и может и должна, по-видимому, отмереть сама собой. Так тёпленький послушный и безмолвный робот готов.

Дети травмированы с детства и так небольшой срок у них с родителями отпущен уж часть жизни совместной у них пройдена. Негде и побыть человеком: отдохнуть, почитать, посидеть с друзьями, поговорить обменяться. Читай газеты и всё. Останется совсем немного тех, кто захочет ненавидеть. До жилья 20 000 остаётся десяток лет, а уже опять говорят, не рассчитали, что-то случилось, зря сболтнули (это у нас самые смелые), рассчитывая на популярность.

Ну вот для этих, кто начнёт возмущаться и чего-то недопоймёт, есть ещё одно и верное средство. Этот круг отписок, от Москвы до самых до окраин, которые с той же замечательной методичностью вернутся все до единой к тому же товарищу, на которого ты посмел пожаловаться, чтобы ему было легче тебя ненормального наказать и преследовать ещё больше.

Мол мягок ты, дорогой товарищ, демократичен что ли?

Как это он у тебя писать-то начал?

В результате лет через 10-15 человек становится почти автоматизированной системой управления. Жизнь, как у нас любят лаконично упрощённо говорить, берёт своё. Конечно, остались ещё совсем немного, просто по единицам пересчитать можно, но об этих и говорить не хочется, ясно что с ними бывает. Мы вообще всю жизнь вмещаем в несколько удобных и дальновидно так немногословно выражаться - задолбленных по всем единственным канонам информации фраз. Фразой - как жизнь. Да, ясно, кто любил (листок отсутствует...)

Конечно, очень ёмких, но привычных и доходчивых. Одни и те же мы их выучим и слышим везде и всегда. Вчера я думала вот над этой: "Вышли мы все из народа". А где остальные.

Ну вот почти до всех дошло, что действовать невозможно, что ошибся ты что ли, ну бывает живи дальше, если можешь. Для тех оставшихся немногих, кто всё-таки не может, ну тут ясно. Вот люди и перерождаются становятся, как бы теньями тех людей, которыми могли бы быть. Отрешённость, пустота, одиночество, разве не это мы

видим чаще всего на тихих замкнутых, ушедших в себя, лишённых энтузиазма лицах каждый день едущих в трамвае на работу. Можно сравнить своё самочувствие. Все чувствуем и понимаем одиночество и не одна шальная чужая мысль не залетит, просто не откуда взяться. Они здесь и их здесь нет сказал бы Альбер Камю. Но есть и другие лица, которые магически приросли не к трамваю, а к письменному вечному столу со служебной машинкой и готовой с первого дня квартирой. Они привыкли к этому магическому не отпускающему от себя столу. Они слились с ним навечно.

Мой дед говорит: "Посиди-ка целый день, что с тобой будет. Геморрой, как минимум."

А максимум у них на лице. Однажды, года два назад, увидев одного пересевшего из служебного в телевизионное, на какой-то встрече, где товарищ проводил с нами беседу, я испугалась. Да, конечно, очень высокого ранга ГОСПЛАН. ГОССНАБ, у нас одних министров почти тысяча.

Так вот я испугалась за него. Он сделался нежно-желеобразным. Очень мягким, опасно колыхающимся. Разленился, вообще не двигается, спит в кресле что ли. Секретарь, наверное, к такому большому никого не пускает.

Обычно всё-таки потвёрже, попрочнее, что положь, что поставь. Попочка делается большой, совсем женской, шея проваливается внутрь в туловище и исчезает, да и поворачивать её ему некуда, он всё время смотрит вперёд, на входящего в дверь на приём вот она и прирастает, волосы тоже правда отпадают как ненужные - в кабинете всегда тепло и ровная температура, нечего обогреть. И человек делается гладкий как яйцо, да и до хорошей еды, наконец, дорвался. И за этим столом сам весь в себе. Сформировались товарищи хорошо, прибегая к своей старой терминологии, скажу как класс. Потому что Илья у меня с десятилетнего возраста отличает их по телевизору. "Мам, - смотри, бюрократ." И точно, как только начинает говорить кто принимал участие в передаче, так обязательно у товарища хороший чин.

Попробуй, прими участие. Кравченко тебе покажет участие. Теперь у него остаётся одна, но главная функция: слушаться тех кто выше и совершенно не понимать тех кто ниже. Опять получается совершенная идеальная система по принципу торможения и подавления.

Да и сидеть можно, где угодно, на какой угодно работе, это ничего не меняет. Меняются только от скуки, да, может, повыше.

Ну, а мысль без употребления она тоже уходит, исчезает куда-то, и мы рады любому проблеску, любой степени разумности. Да, это для

них и неважно. Налицо-то успех, по сравнению с голодными вечно работающими, и ничего не имеющими согражданами, в самом низу, не скажешь же сотоварищами про тех, о ком должны проявлять отеческую заботу.

Но иногда, показывая нам ответственных за нас товарищей, нам по недосмотру показывают и то, что не положено видеть. Вот кадры дружественного визита члена политбюро т.Яковлева в Японию. Года три назад, наверное, ездил. И кадры, всё как у нас, как ответственный товарищ интересуется производством.

Мы это видели миллионы раз, особенно если товарищ у нас заступает руководить. Но, т. Яковлев почему-то начинает судорожно бегать в японском цехе, где всё полностью автоматизировано, а эти умные штуки-роботы, все весело переворачиваются, приворачиваются штампуют и передаются друг дружке товарищами роботами.

Ну, т.Яковлев растерялся и бегаёт, а японцы стоят и подсмеиваются. В общем ситуация с блохой наоборот. Но беда в том, что от этого и глаз сразу не оторвать и быстренько не пройти. Стоял бы и стоял, смотрел бы и смотрел. Он ведь тоже человек. Ну вот и мы посмотрели. А как у нас мы очень, ну просто очень хорошо знаем. Правда в "Труде" я читала, что наши выразили опасение, что как бы рабочие японские без работы не остались, наши так пугали умно. Ну говорить-то мы можем. Уже и есть нечего, а всё говорим, и даже науку для этого говорения придумали, называется Марксизм - Ленинизм, который нас всё куда-то ведёт. И не свернуть нам с пути. Так нам и надо. Их и ещё сейчас 15 Млн. говорят и руководят. Это, у нас, одно и то же. А может больше? Японцы ему и шприцы одноразовые подарили, много тысяч, и ещё что-то дали, потом во "времени" нам сообщили, что их куда-то к нам в провинцию отправили. Заботятся, выходит, о нас снова. Своих-то как не было и, наверное, долго не будет. Этот в очках по-простому так объявил, как детям малым, а у самого глаза какие-то прозрачные, ничего не выражают. Сейчас я ничего не знаю про товарища Яковлева, но думаю всё нормально, да и знать не положено; Руководит. Или мемуары для нас неразумных пишет, чтобы мы учли его ошибки.

А теперь в Японию собирается сам. Правда сам, у нас теперь почти такой же как все. Обаятельный, от этого обаяния долго не отходишь, раскованный, весь наш, если захочет. Наверное, отдаст острова. У нас их сколько и куда их нам. Они и не наши, говорят, да и деньги нам нужны, а японцы собираются все на дальнем востоке построить и

газопровод по дну Хоккайдо, и Целлюлозно-бумажный из нашего леса. Ну а нам сельхоз продукты обещают.

Собрался сразу как забастовали шахтёры, говорят сами хотим распоряжаться результатами своего труда. Рыжков так и не смог оправиться, когда узнал. Вещь, конечно, небывалая, что они на такое способны, оказывается. Подай им видите ли приватизацию. Ну ответственные товарищи, сначала приватизации подвергнется тот кто надо, и так как надо. Ну, а и потом уж и все остальные.

Да и рынок приспособлен к нам и дальше как всегда. Да и сам против различных форм собственности выступает, поторопились мы с формами выходит, сама собственными глазами в газете опять же "Труд" (а у нас одна газета на всех) видела. Вот только не прибрала на всякий случай. Главное нас стимулировать и управлять нашим трудом. Так нас ещё можно долго продержат.

С японскими вливаниями как ещё потянем. И кого надо накормим, оденем, обуем. Сейчас вон ни одной пары обуви в магазине нет. Ну а дискутировать есть у нас рынок или нет, это, пожалуйста, если охота.

Достала я сонник у сестры в АНИИХТе; На фотопринте ИТР быстренько размножили, она и для меня один принесла. Кое-что я уже знаю. Если голая и в бане - так к болезни, не дай бог ягоду собираешь - то жди очень крупные неприятности.

Как увижу целый день не своя. Через месяц, но обязательно сбудется. Но вот, что значит летаешь, там нет. Мне всё хотелось узнать. Я только один раз, когда кончала школу, увидела, что лечу. Легко так поднялась. И поля, холмы, синь, всё ярчайшее, цветное. Больше в жизни я никогда не летала. Но вот запомнила, как легко я поднялась и как легко лететь.

Плохо тебе у нас, давай собирайся. Откуда такие мысли пришли - нормальному человеку они прийти не могут, это для них ясно тоже куда.

Ганова Людмила.

0

Сейчас я снова смотрю олимпийские игры, на сей раз прыгают мужчины. И вот он стоит очень спокойно на краешке вышки, собирается, сосредотачивается, собирается, углубляется и мне

показалось, что это мгновение открытия, мгновения творчества, прорыва вперёд, несмотря на столь отрешённый вид.

Я целыми днями сидела у телевизора, потому что олимпийские игры - это очень интересно. Я теперь смутно помню те, у которых я просиживала в те дальние годы, остались какие-то отдельные кадры, впечатления, которые как я поняла позднее тоже открытие, новый вид художественного творчества, человечество потихоньку набирающее свой разбег. Сейчас я вижу прекрасные совершенные фигуры юношей мужчин. какие мгновения мне кажется останутся от олимпиады в Сеуле.

Конечно, изогнутая великолепно чаша стадиона, мгновения отвечающие уровню технической мысли XX века, поднятие огня, и зажигание факела, пять колец парашютистов, которые приземлились символично точно на стадионе, и на фоне этого древнейшие, прошедшие через тысячелетия танцы. Вот показывают хоккей на траве, а на трибуне сидят корейки в белой одежде с ветошами и поют им. Ну где это можно увидеть ещё.

Азиатский континент стремительно набирает технический, технологический рост. И это видно по нескольким кадрам Сеула, в чём-то не уступающему и Америке. В первый день мы с Катериной, которая лежит у меня на коленках, уютным котёнком и с неподдельным интересом наблюдает за экраном. Меня даже удивляет, как с такого расстояния она за ними наблюдает, и многие моменты её просто смешат. Потом к нам подключается Илья. Несколько боёв, действительно смешно воспринимаются. Вот какой-то боксёр всё время стремится взять голову соперника под мышку и раз пять обязательно стучает соперника сзади по макушке, у которого теперь болтается шнурочек от шлема.

Вот Венесуэлец в длинных белых трусиках с худенькими руками приходится бороться с дылдой, и поначалу кажется, что ему очень трудно, но вот длинной закруглённой рукой он добирается до подбородка и все мы удивлённо уставились на экран.

Длинный нескладный старался, стремился от дышащего страстями орущего шумящего мира и куда-то ушёл. Но вот, наконец, его удалось привести в чувство и без маски это оказался красивый свободный молодой негр.

В первые же дни показывали выступление прыжков с трамплина девушек в воду.

Наша Анджела Стасюлевич - спелая и белая как яблочко, выполняла безупречную стойку на краю десятиметрового трамплина и вся её фигурка и ножки были само совершенство. Так же мягко раскованно разворачивалась она в полёте и легко входила в воду.

Конечно, как правильно сказал комментатор, думать о повышенной сложности прыжков надо было думать раньше и не ей. Я подумала сколь сильна у нас бюрократическая система, как глубоко она пустила корни, что даже в репортаже с олимпийских игр приходится говорить о многолетних разговорах по поводу отсутствия у нас специальных трамплинов, на которых, оказывается, тренируются китайские спортсмены. Особенно одна меня и в зале поразила Чен. Безупречная точность лёгкость сила и красота была в том как дельфинчиком она входила в воду, не оставляя никаких брызг. Это было лицо китайской мадонны, ещё в сущности девочки, в первый день она прыгала безупречно десятки раз, а вот во второй день её борьба в чём-то была построена неверно. Самые сложные прыжки она оставила на конец. И вот последний прыжок: она может иметь и золотую медаль и другие, а может быть и никто. Вот распахиваются широко её тёмные глаза, в которых тревога, волнение. Может быть нужно было собраться подольше. Нет, не получился. Но мы все знаем, что у неё получится ещё потом.

Американские прыжки Митчел. Сильно в них выделено основное. Мне нравится аргентинец, в очень современном модном купальнике, чёрном с белым, похожий скорее на наряд балерины. Все прыжки, каждая стадия, что особенно чувствуется, когда показывает замедленную съёмку. Сколько в них женственности, красоты. По особому красивая голландка, мощная красивая с размахом крыльев сильных рук.

Меня волнует то, что я вижу в женской гимнастике. Для меня совершенно ясно, что в мире существуют несколько совершенно равноправных школ, и что наша наиболее традиционная и консервативная. Румынская школа по совершенно непонятным для меня причинам, завоевала вышла на более современные и именно открытия. Достаточно выполнить совершенных композиций, освоение техники до художественного уровня, как вся наша слитность, чистота, гладкость летят к чёртовой матери.

Очень плохо мы выглядим на бревне, шатаемся и качаемся не рискуем сделать что-то посложнее.

Даже американки создали более красивые композиции, где верно почувствовали, пусть это не кажется смешным, возможности, которые оно открывает, позволяет раскрыть.

Но судейское мышление во многом традиционно неповоротливо и вот за более сложные вещи в вольных упражнениях и за две маленькие ошибочки лидер румынской получает даже на десятую меньше, чем канадцы. А ведь эти румынские девочки открывают

будущее. Ни в чём не уступающие нашим, а, пожалуй, и превосходящие нас. Мне понравилась и корейская гимнастка выступающая на бревне: настоящий праздник, блеск, красота. Пригласили ведущих западных тренеров и те помогли быстренько выйти на ведущие позиции. Причём за каждым движением чувствуется личность, свобода, совершенство выражения. А какая гибкость. Вечером мы пьём с Катериной чай и нам уже не хочется спать. Показывают соревнования тяжелоатлетов. Мне кажется, что здесь открываются наиболее драматичные моменты олимпийских игр, исследуется сама возможность человеческого организма к нечеловеческим перегрузкам. Сколько здесь симпатичных открытых людей, готовых в жизни к самому большому. Открытие - болгарская школа чемпионов. Ну хоть бы тот, который взял 202,5 в толчке (и люди боюсь ошибиться) когда он после взятия этого жутчайшего веса взял да и от радости, как котёнок, кувыркнулся через голову. А вот другой, издав подбадривающий клич, чтобы смочь превозмочь всё это, а потом торжествующий жест рукой вверх. Прыжок. Очень важно для меня чуткая доброжелательность мгновенный контакт, который я вижу между выступающим и зрителем. Здесь рождается суть олимпийских игр, открытость человеческая личность её способность сопереживания другому, неизвестному доселе человеку...
(Часть тетради, остальное отсутствует...).

Ганова Людмила. Рассказ.

Стояла в очереди за сапогами; Дискуссия вокруг женщины с ребёнком.

День учителя, с утра ребёнок, с которым мы говорим на всякие темы, и который в чём-то напоминает мне мои отношения с шефом, он жадно хочет дотянуться до какого-то уровня познания жизни, утром он меня поздравил с днём учителя, потом мы поздравили друг друга с его мамой.

Я решила побольше поспать, встала собралась и в библиотеку пришла уже в 10 часов, мест не было, и я нашла стульчик и устроилась около какой-то этажерки, сверху которой стоял диковинный заморский цветок. Доработала до 3 часов, пошла разыскала шефа, поздоровалась. Меня встретил холодный взгляд, что я как-то невольно попятилась.

- Вы где сидите?
- Да я вон там, около цветочка, как Камбрия? Я в общем-то и немного опоздала, но мест уже не было.
- А я хочу вас пригласить пойти на Марину Цветаеву. Читает какая-то артистка филармонии Курицова. Может быть плевать придется, а может быть и ничего.
- Да я видела это объявление, но думаю, если на всё буду растрачиваться.
- Ну как пойдём. Без пятнадцати четыре подходите.
- Хорошо.
- Когда я посидела и почитала, то всё-таки решила, что лучше не ходить мне. Мне, конечно очень хочется сходить с вами. Прямо не знаю.

Улыбка, значение которой я не понимаю, совсем, потому что она сложная. И очень мягко.

- Нет, давайте сходимте.
 - Без пятнадцати четыре я сдала книги. Подхожу к шефу.
 - Михаил Северьянович, вы почему сидите? Уже без 7;
 - Разве?
 - Не знаю, точно, но на моих так. К соседу напротив, еврею. Вы не скажете сколько времени.
 - Он, без пяти четыре. Говорит он, не смотря на часы.
 - Вы как чувствуете что ли?
 - Он вытаскивает чеховские часы и там точно без пяти четыре.
 - А почему вы раньше не подошли? Это деликатность.
 - Теперь придется бежать, одеты вы по спортивному.
- Выходим, холодно, зябко, быстро бежим. У шефа такой аллюр, что я еле поспеваю.
- Кажется всё успели проделать за минуты две. Народу немного. Выходит женщина самая средняя. Читает несколько стихов просто так для пробы. А потом отрывочек из Каролины Павловой, эпитафия.

Видно, что читать ей трудно, но постепенно начинает убеждать, великолепно про Стеньку Разина, причём она лепит образ; Она умеет вывести одну главную мысль и это обличение постановка каких-то основных вопросов совести и бытия, бесстрашная постановка.

Эта стихия русской жизни, и странное дело те страсти, которые меня волнуют и над которыми я иногда мучаюсь, стали мне вдруг сразу проще, понятнее, я сама себе стала понятнее.

- Ну как? - Поворачиваюсь я к шефу.

- Молодец. Она победила. Публика шла только на Марину Цветаеву, ей было всё равно, но она смогла вставить стишок.

Шеф оглядывает женщин. Хорошо бы снять одежду.

- Да поди можно так, не спрашиваясь. Ну как пойдёмте ещё заниматься. Нет что-то не хочется. Сегодня вечером всё равно придётся отменить, соберёмся, нужно только купить или там или после что поесть. Ну наш-то магазин он до шести, нужно зайти в другой.

Мы выходим на Калининской. Я даже ни разу не была здесь.

Покупаем виноград, сыр, я купила ещё бутылочку шампанского.

Михаил Северьянович. - Давайте сюда вашу сумку.

- Да я и сама могу. У вас какие-то устаревшие взгляды на вещи.

Тем не менее шеф отбирает. Потом мне делается его жалко.

- Я всё хочу у вас спросить. М.С. правда ли что подобный расцвет искусств связан с демократией

- Да, занимаясь, я открыл очень интересную вещь. Оказывается в Афинах при 30 тысячах 14 тысяч граждан было по переписи, и что Поликлет, что принимал участие в обсуждении проблем уговаривал вече и пользовался большой властью, он был первым гражданином, но он не мог отстоять Фидия, когда того обвинили в присвоении какой-то там части золота.

- Да, очень интересно.

- Вот хочу заняться скульптурой Москвы. Маяковский очень не любил.

- Да это и понятно. Я как-то на одной остановке вышла и прямо содрогнулась. Осталось от того времени.

- А мне хочется посмотреть на скульптуру Родена, какое-то невысказанное совершенство, надо же обладать такой мощью в постижении красоты. Подружка говорила мне, что она маленькая.

- Вот наша спортивная. Значит где-то через часок.

Я принялась срочно гладить рубашку, прибираться на столе. И вдруг стук в дверь. В чистенькой рубашечке, в руках у него были цветы, розы.

- Я хочу поздравить вас как начинающего молодого преподавателя.

Всё это было сказано спокойно, красиво, уверенно. Я боялась испортить что-нибудь своим длинным языком, боялась и поцеловать его. (Про возможность интеллектуального труда в решениях XXI съезда было записано, что сокращение рабочего дня)

Я не летала на самолётах лет 12; Нет, конечно, ещё в студенчестве, для того, чтобы посмотреть Москву, а потом как говорится не довелось. Привычка эта укоренялась, то не было денег, то подорожали билеты, то нужно сестру отправить на юг отдыхать, девочка днём работает, а на вечернем учится.

Летом я тихо сидела на крылечке в деревеньке, на дачке, и тихо отдыхала. Смотрела как садится солнце не в просвет между домами , а медленно и спокойно уходило за горизонт. Ему не на что было садиться здесь. Глаз непривычно разбежался от такой ширины. Время тоже ровно и спокойно шло само собой, а ты словно освобождался наконец от какой-то тяжести, напряжённости, погони за ним как в городе. Люди в деревне, жившие на земле и соприкасающиеся с ней постоянно, словно подчинялись каким-то природным законам и жили безмятежно вековечным порядком в согласии с ними. Дом этот в своё время не смогли продать, и я откровенно радовалась этой удачной мысли оставить его под дачку. За три года мы его огородили, построили баньку, сажали овощи, покупали парное молоко, а сыночек летом как козлёнок бегал, прыгал и рос слава Богу как трава на солнце. Мне даже удалось покупать ему парное молоко.

Теперь же мне предстояло лететь, я боялась опоздать на самолёт неправильно посчитать время; В общем трусила, как всегда, когда делаешь что-то важное в первый раз.

Но наш тихий провинциальный аэропорт отправил всех вовремя, и только в Новосибирске моим иллюзиям о возможностях авиации пришёл конец. Наш рейс отменили, и после суток ожидания и отнесения всех рейсов за исключением Таллинского принцип загрузки стал беспощадно ясен; Два три рейса совмещались, уплотнялись, а всё что осталось, ожидали следующего уплотнения тоже двух трёх рейсов.

В автобус, направляющийся к самолёту последними вошли два пилота. Один из них с сильной проседью в волосах с крупными морщинами, которые его почему-то не портили и с улыбкой прятанной в усах был всё-таки симпатичен. Наверное, это от того, что человек этот бесстрашен, он как Барон Мюнхгаузен привык их совершать от столько-то до столько. Лётчики это всё-таки не обыкновенные люди, редкая порода людей, и мне от этих мыслей сразу же стало легко и спокойно.

В окошечко было видно как АН легко оторвался и я вдруг почувствовала, что лечу, лечу сама. Это самое чувство я испытывала только раз во сне. Оно было яркое, и по чувству и по краскам. Обычно сны я вижу чёрно-серыми какие-то глубинные всё куда-то уходит, куда-то вглубь и из этой глубины возникают и как-то медленно вязко движутся, вязко и весь сон от начала до конца окрашен одним чувством, чувством мучительно ждущего какого-то разрешения. Здесь же я в этом единственном окрашенном яркими цветами, легко и свободно даже с какой-то целеустремлённостью, словно знала куда, а я ведь не знала поднялась в высоту и полетела над ярким миром, прекрасно помню зелёный молодой живой цвет.

Всего несколько раз приходилось мне вспоминать этот сон и вот снова, воспоминание дарующее радость, такую же как гордая улыбка этого старого лётчика, на лице которого так мною узнаются отвага и бесстрашие.

И ещё одно воспоминание. Мне вспомнились первые строки ночного полёта Сент-Экзюпери, чувства братства с землёй, с людьми на ней, чувство объединения, которое у него возникало в полёте. И захотелось быть таким же как этот лётчик, так же радостно и бесстрашно пройтись по жизни.

В Новосибирске людей было мало, после рассказа стюардессы о нём, как о крупном промышленном и культурном центре, возникало ощущение умно организованной большой жизни, но после суток ожидания, за которые рейс откладывался раз 7 (так же отменялись и все остальные рейсы, за исключением Таллинского) принцип работы аэропорта стал для меня беспощадно ясен: два три рейса совмещались и уплотнялись, так как оставались и пустые места, например на нашем из 85, было людей 50-80, а всё, что оставалось ожидали следующего уплотнения так же двух трёх рейсов.

Люди издёрганные, опухшие, зелёные ото сна при объявлении регистрации на какой-нибудь рейс лезли друг на друга, стремясь в эту лазейку как-то попасть. В Москву я полетела на рейсе Якутск-Москва, и многих из тех к лицам которых пригляделась не увидела; Меня осенило попросить отметить билет интеллигентного мужчину, за которым я оказалась в очереди, с которым мы вели краткие разговоры о самолёте сутки, и он сначала мягко отказался, а потом всё-таки почему-то взял;

В этом самолёте, огромной сигаре нас, как изгоев, посадили после всех на свободные места, я посчитала нас было человек 18, какая-то дама у трапа властно и повелительно заорала - вы куда на трап, но, наконец, все были в самолёте. Было холодно, зябко. И я постаралась уснуть. Проснулась я уже очень высоко, взлёт я пропустила, шея была как свинцовая, я боялась заболеть.

Домодедово - был закрыт женский туалет и длинная очередь вниз показала мне что всё должно быть рассчитано, даже туалеты и принцип их обслуживания. И, наконец, я на свободе; На улице к автобусам была такая же длинная очередь.

...

Устроилась в общежитии на Усачёвской улице, тихом старомосковском районе, где жизнь текла размеренно и степенно по давно установленному руслу.

Первые три дня мне было тяжело, потому что человек имеет гораздо более сильные, чем дерево корни и когда их вырывают, то, что-то должно умереть.

На второй день мне приснился сон; Как будто бы я на даче, и меня и в жизни томило эта низенькая крестьянская кухня, с белой русской печкой, занимающей весь угол. Около этой печки я увидела стоял мой белоголовый сынок Илюша и я.

Весь сон и меня обнимало чувство страшной томительной тревоги за сына, я никак не могла вспомнить, кто же его отец и куда он подевался, и почему я такая безалаберная и непутёвая.

На третий день я что-то сумела позабыть, что-то во мне умерло и я встретила Михаила Северьяновича своего шефа. Обрадовалась я ему

как родному человеку несказанно. Я год работаю на кафедре и обязана ему всем и своей поддержкой, да и в жизни такие люди встречаются так же редко как алмазы. Редчайшая порядочность нравственная безупречность. Боюсь, что конкретно представить человека, исходя из этих идеальных характеристик очень трудно, но я бесконечно уважала и ценила его.

Мне казалось, что природа создала этого удивительного человека, который бы мог сделать очень Но создала слишком рано, в общем он отличался от обычных людей так же как, например, соната Шопена от ординарной песенки срок жизни которой месяц.

На ФНК первую лекцию прошла старушка Божий одуванчик, которая была уже так некомпетентна, что переврала списанное где-то из трудов выжимки Бахтина, мини главу сатиру? она назвала менипеивой сатурой?

Я не ожидала, что даже здесь встречу такую запись.

Вторую лекцию читал Михаил Борисович Ладыгин, очень симпатичный молодой человек с яркими всегда смеющимися глазами, формирующийся молодой специалист по предромантизму, вероятно, его будущей докторской диссертации. Я думаю соперников ему в этой области нет. Он кокетничал, рассматривал всех и забавлялся, во всяком случае, как сказал М.Бахтин в нём жило много голосов и это было интересно. Вечером шеф предложил поужинать, но я ушла куда-то, потом решила разыскать его. Девушка сказала, что он живёт в 427. На стук дверь кто-то широко и вольно распахнул и я увидела шефа в белой шерстяной кофточке с короткими рукавами мягкого уютного, домашнего обворожительного. Он был один.

- Ой - (сказала я, ибо столь быстрый жест напугал меня.)

- Все остальные ушли смотреть хоккей, наши играют с канадцами. А вы почему не смотрите?

- Да вот, я вам жаловался, что сегодняшней день был невыдержанным, так видно он так и закончится. Нам, наконец, сделали ключи и мой сын, когда его открывал, сломал замок. Теперь не знаем, что делать, я вот пока сижу сторожу.

- Да, вы что стоите, садитесь. Я вас сейчас угощу яблоками.

- Да, у меня в общем есть я купила на Усачёвском рынке.

Маленькое замешательство.

- Ну всё равно садитесь.

- А я вас хотела пригласить чай попить, у меня есть бутылочка, за встречу, так вы не можете.

- Погодите я сейчас принесу.

Не успел шеф ничего сказать только вздохнул, как я притащила бутылку коньяка с тремя звёздочками Чечен-Ингуш вино.

- Да, нет, сказал он. Эту мы оставим у меня есть лёгонькое.

Подождём когда ребята придут.

- Да ну их.

- Ну так за ваши успехи. Вроде бы начало хорошее?

- Бутылочку белого сухого.

- Нет, сейчас холодно, да и его лучше оставить запивать с мяском.

- Ну так и мясо есть.

- Нет, коньяк лучше всего, когда расстроился или устал и замёрз.

На миг завязалась короткая борьба, когда я мешала ему открывать его бутылку.

- Я не умею, а то я сама бы свою открыла. И он, наконец, как-то по детски просто что-то сказал что-то о настойчивости, имея в виду настырность. И я вынуждена была признаться, ну что же делать, такая я дама решительная.

- Ну так что, ваши успехи? Начало вроде бы хорошее.

- Я тут три дня думаю. Мне бы может кучу детей, да не работать. Лицо сделалось серьёзным. Коньяк оказался вкусным и острым, потихонечку пили его.

- Я сейчас чай поставлю. Наливая его, Северьянович, всё-таки отметил, что пить его нужно не из таких стаканов.

- Да, ну так что же делать теперь.

- Ну да я привезла статью, правда я её сильно изменила, помните ту самую "От Кармен Мериме до Кармен Блока" она прошла у меня весьма долгий путь развития. Дело всё в том, что я, наконец, поняла что Блок в цикле создаёт несколько реальностей. (- Может за бутылкой не надо. - А тогда о чём же, нет давайте.) Реальность оперного действия, реальность того, как он чувствует себя как Хосе "Среди поклонников Кармен спешащих пёстрою толпою", реальность действительности и наконец символическую реальность бесконечного переживания своего чувства. Все они имеют статус существования. Принцип композиции и контраст. И в этом контрасте они уравнивают друг друга. Этот контраст идёт от новеллы Мериме. Там ведь она тоже построена на контрасте. Контрастное развитие образа Хосе, контрастное развитие образа Кармен.

Блок остаётся удивительно верен как Кармен Мериме. Помните даже в её портрете он говорит что с каждым недостатком она соединяла достоинство, усиливающееся в силу контраста; На этом принципе контраста построен и образ Кармен Мериме так же построено на контрасте. Во-первых это контраст "Океана искусства и океана жизни", которые она воплощает в удивительном единстве, так как исполняет оперную партию Кармен и является возлюбленной Блока, и на принципе контраста построен и её образ.

"Сердитый взор бесцветных глаз
Их гордый вызов их презренье
Всех линий таянье и пенье
Так я вас встретил в первый раз"

Потом в этом же шестом есть строчки:

"Так на людей из-за ограды
Упрямо взглядывают львы"

А у Мериме (Особенно в глазах её таилось чувственное и жестокое выражение глаз, чтобы представить его достаточно посмотреть на кошку подстерегающую воробья).

Правда.

Здесь дверь открылась и влетел реактивный молодой человек лет под тридцать.

- А где наши?
- Да хоккеем смотрят.
- Ну так я тоже побежал.

Северьянович рассмеялся. По-моему, мы достаточно далеко друг от друга сидим. Саша прямо весь задёргался.

- Не нужно чересчур много думать. Это общежитие. Ничего страшного.
- Вы это всё написали?
- Более или менее, не знаю, правда, как Нина Павловна к этому отнесётся вроде бы женщина справедливая, все о ней отзываются в высшей степени хорошо, но боюсь, что она не специалист по Блоку, да и не всё написано так ярко и доказательно как хотелось бы.
- Ну так нет должна. Они же здесь со всего союза принимают.

На следующий день снова был дождь, и очень сильный, он лил каждый день с немецкой методичностью, было холодно и зябко, но я к этому уже перестала относиться как к трагедии. Путь мне был знаком и перед коварной развилкой, в три дороги, откуда я начинала обычно бродить как главный герой "Рукописи найденной в Сарагосе" предыдущие три дня проделывая безошибочно ошибочный путь, я наконец, прошла его с полным знанием дела, Северьяновича не было.

Сегодня должны быть лекции профессора Пуришева и я приготовилась услышать нечто интересное. Это был несомненно глубоко интеллектуальный человек, с цепкими острыми глазами, с мягкими интонациями глухого старческого голоса. Он начал говорить о древнерусском искусстве, о живописи и сказал несомненно очень интересно. Он притащил гору альбомов, столько сколько смог снести, и живопись Феофана Грека (А ведь через шесть столетий традиции его искусства возродились в творчестве Врубеля, и многое в космическом символическом космосе Блока, где каждое явление духовного мира соотносится с космическим) стало для меня понятно. Рублёвский Христос, удивительно реальнейший портрет земного человека, но с огромным богатым внутренним духовным миром был потрясающ ; (Нужно сказать, что обычно рублёвскую Троицу мне как-то плохо удавалось. Я никак не могла проникнуть в её тайну, и только фильм Тарковского "Андрей Рублёв" вернее съёмки в конце пробудили во мне понимание какого-то сияния, великолепия красок.)

Здесь же были приведены и слова Ромена Роллана о гармонии древнерусского искусства и сделано замечательное слово о гармоничности, о вечности этой молчаливой беседы.

Но фильм Борису Ивановичу не понравился и была дана его убийственная характеристика, было сказано замечание и о том, что Троица показывалась странно, то нога, то рука, то один ангел то другой. Ну да и ведь мы так и смотрим, это ведь тот самый ритм о котором он говорил.

Но что мне не понравилось больше всего, так это голоса безоговорочного осуждения - поддакивания с места. Это было иудейское предательство Тарковского, которого я любила и "Зеркало" которого считала главным фильмом современности.

Вместе с Северьяновичем и с Ритой мы снова под проливным дождём шли домой, разговор перескакивал с одного на другое.

- Михаил Северьянович, а вы любите стихи Арсения Тарковского? По моему прекрасные стихи.

- Да, но я слишком медленно всё осваиваю.

- Интересно, когда он кончится этот дождик.

- На завтра тоже передавали на весь день.

- Ну так я вас попрошу на остатки коньяка зайти, наши мужики там прикончили, так что осталось для нас с вами.

- Ладно хорошо.

Когда я зашла в комнату, то там был его сынок Николай. Северьянович о чём-то думал и забывал одно за другим, как сестра милосердия он пытался уговорить меня поесть бульону (как же я сам готовил) я вынуждена была признаться, что с коньяком ничего не люблю есть.

Северьянович стал подшучивать над Колей, что Коньяк мы собирались распить вдвоём и он действительно куда-то вышел. Я сказала, что моё женское сердце против, потому что вчера, когда мы с Колей пили чай, то у нас возникло чувство симпатии, мы много разговаривали о пользе сна (оба любили поспать). Из той и с другой стороны была приведена соответствующая библиография подтверждающая наши пристрастия.

Наконец Коля пришёл. Северьянович разлил остатки и мы чокнулись.

- Да дружно, это у нас стало получается....

- Людмила Ильинична мы тут жалели, что вы не две три бутылочки купили (Северьянович).

Я надеюсь, что традиция будет продолжена её поддержит кто-нибудь следующий.

- Ну да вряд ли, отрешённо констатировал Бодров.

- Жаль, конечно, тогда мне придётся следующую бутылку потихоньку распивать у себя в одиночестве, и потихоньку спиваться.

- Коля вдруг собрался звонить и мы стали дружно уговаривать его не ходить.

Разговор зашёл о Василии Харитоновиче, была у нас такая одиозная фигура, он испортил мне много нервов, весьма умело преследовал, я считала его тупицей человеком в футляре. Ходили слухи, что он отсидел в тюрьме за предательство командира

партизанского отряда, первый раз меня до того, что я будучи бедной и дрожащей ассистенточкой всё-таки проголосовала вместе со всей кафедрой против него, чем, вероятно, повергла его в шоковое состояние. А я не была ни проведена по конкурсу и будучи исполняющей обязанности ассистента работала преподавателем. В конце концов, благодаря поддержке кафедры и ректора меня провели, но у меня были грозные соперники, одна большая дама возвращающаяся из аспирантуры не с нашей кафедры, которую поддерживал проректор, а второй просто всегда делал так, чтобы усидеть на своём месте. Так вот Бодров поверг меня в немалое изумление тем, что стал защищать методические способности всех у которых всё железно разложено по полочкам.

- Так ведь ум М.С. это не железная логика мысль проходит рождение, развитие у неё какие-то очень сложные законы, да и потом литература - это же совесть человеческая, как можно без нас обходиться. Может быть вы, конечно, стоите на позиции какой-то очень высокой, но я вас не понимаю.

- И какое право имею я преподавать, если я уходил от семьи со студенткой.

- Нет, нет, горячо стала я его защищать. Во-первых свобода личности сопряжена для меня со свободой поступка человека в браке, да и потом, по-моему, сейчас не церковный брак, историй таких сколько угодно. Вот, например, у Нади, она работала в политехе, зам. ректора развёлся с женой женился на студентке, получил квартиру и живёт. Просто это с вами разделался скорее всего. Прибытков, просто он хотя и честный человек, но здесь ничего не понял. Северьянович лежал на койке, улыбался, и нужно было отметить, что это был очень внутренне красивый человек, настолько красивый, что мне пришла мысль о Блоке именно эта мягкая нежная улыбка удивительно на его 33 фотографии когда он был влюблён в Дельмас?

Я то казалась Северьяновичу смешной, заниматься литературой женщине адский труд, а соперничать в науке думать чисто мужская привилегия сложная наука, вот он и улыбался, глядя на мои штанишки вельветовые вязанную маечку, одета я была по законам поколения, его сын которому было 17 и относила сама себя к этому же поколению.

- Вообще интересно когда человек говорит искренне. И снова эта улыбка.

Вообще вы меня провоцируете М.С, а я очень легко поддаюсь на провокации, но вы знаете я с удивлением обнаруживаю, что во мне оживает то, что когда-то определяло мою жизнь в общезитии, я

думала, что это во мне умерло. Ну так вы заговорили об логике, не логика учит, а жизнь.

Ну что вот я приехала в Академгородок отличница, воспитанная как мальчишка из тихого провинциального городка в Академгородок. Академгородок был сложное место, где люди заняты работой, выдвижением, деловой жизнью, там много...

Мне казалось что я вас понимаю, а я вас не понимаю совсем.

- Он считает у него железная логика. Всё понятно и всё чётко разложено по полочкам.

- Литература это не железо, которое определяется железной логикой, да и потом зачем говорить понятные вещи. Литература без чистой совести невозможна, конечно, интеллект любой другой науки может без совести, а вот с литературой дело плохо.

Кстати, вы не видели в Литературной Газете фотографию мистера Коэна? Кто-то из читателей поинтересовался, что читает мистер Коэн "Майн Кампф" Гитлера или материалы Нюрнбергского процесса. Кто-то остроумно поместил его фотографию, когда он сидит на диванчике под книжной полкой, а внизу фотография обезьяны, которая со страдальческим лицом сидит в испытательном кресле облучена.

Так вот поражает в мистере Коэне животное начало, несмотря на книгу, тупое, сильное хищное и страшно ограниченное, с какой-то не то что улыбкой, а даже исковеркано улыбкой, страшно ущербной.

Напротив у обезьяны лёгкая интеллигентное непринуждённая посадка и сморщенное лицо, полное печали и человеческого чувства.

Роднит их в общем-то нос, что у мистера Коэна, что у обезьяны носы удивительно похожи, но мистер Коэн такими пустяками не занимается, у него удивительно логичное мышление, направленное на уничтожение.

Нейтронная бомба убивает быстро, причём тут моральные соображения.

"На следующий день мы пошли на спектакль "Игра воображения" Э. Брагинский?"

Спектакль проходил в театре "Ромен". У меня не было ничего выходного, и я одела старое деловое платье, в котором не чувствовала себя очень-то хорошо; Михаил Северьянович (я зашла пораньше).

- Погоди я ещё штаны не одел (что за манера издеваться над всеми подряд.)

- Ну одевайте ваши штаны, я потом зайду, и я направилась к дверям.....

- Ну вот сразу смущаться.

Потом я заблудилась и шеф сверлил меня своими тёмными глазами. Разобраться в таком человеке как Михаил Северьянович далеко не просто, я привыкла иметь дело с гораздо более простыми человеческими моделями, с ним всегда было интересно.

Он не знал, где театр "Ромен", но очень быстро сориентировался. И вот мы по длинному скверу с аккуратно подстриженной травкой (цыгане так устроились, чтобы табор где можно было разбивать) идём к театру. Оформление сцены хорошее, современное, облака из поролон, ширма имитирующая квартиру в ней условные стул, стол, тахта и вокруг наподобие человеческих фигур. Текст остроумный, задача пьесы - отразить современную московскую жизнь с её проблемами:

- И так обыкновенная московская квартира.

Жена, муж, дочка (медсестра). Папа возвращается из командировки, мама пять дней как ушла к другому.

Мама приводит себе замену, женщину работающую в типографии; Начинается роман с этой женщиной и когда возвращается жена эти двое уже любят друг друга. Эта женщина мать одиночка, а дочка начинает жить с молодым человеком, который работает в институте Таков сюжет пьесы. Мама - современная мещанка "Ой вы знаете, что давали сегодня в магазине" энергичная напористая; Пьеса пытается отразить современность, и у тебя такое чувство словно ты присутствуешь при рождении искусства современности.

- Но всё-таки мало.

- Ну по мелочам - то набирается, что-то там про цены.

- Подмечено хорошо, что женщина одиночка - это социальное оскорбление женщины, "ведь их двое", и остроумно, что на языке юриспруденции "два человека и больше это банда". Интересно, что все они собираются вокруг пустого аквариума, (с рыбами за ним ухода много) и начинают мечтать: "(И вижу берег очарованный и

очарованную даль") и потом, когда новый муж (умеющий всё достать, и всё имеющий приносит рыбок отборных, то они на него напускаются, что ты наделал.

Мне кажется что прав был Герман Гессе когда говорил, что наступает фильетонистический век, пьеса отразила пародийно какие-то важные проблемы современности, ну хотя бы ту, что женщине принадлежит какая-то очень важная роль в формировании отношений с мужчиной "Что я ждать буду, когда он придёт".

Шеф долго хлопал, радостно по-детски улыбался, и, казалось, забыл всё на свете, я даже позавидовала этой лёгкости.

По дороге он рассказывал, что сумел пробиться на выставку "Москва - Париж", и что там вся русская живопись начала века, что сходить нужно не раз и не два, что через два часа выгоняют.

У меня было такое странное чувство, словно я вишу в безвоздушном пространстве и я как-то не знала, как-то я даже почувствовала какое-то облегчение, но выразить эту радость боялась.

На следующий день я пошла на выставку "Москва - Париж". В музее Пушкина я не была ни разу, народу было много и в первые двери пускала милиция; За два с половиной часа я очень устала, было много народу.

Я увидела много интересных работ, но они требовали, конечно, внимания и неоднократного.

- Прекрасен был портрет Анны Ахматовой Альтмана "Такой странно нежной и странно красивой женщины". Рядом с ним висел замечательный портрет Ольги Хохловой Пикассо. Я, наконец, поняла, почему Пикассо гениален. Здесь были работы разных периодов и всё-таки существовала какая-то тайна, связывающая его метод и художественного объекта каким он был написан. Портрет Ольги Хохловой был написан в манере близкой к реалистической, это красивая удивительно изящная женщина.

Близки оказались мне и работы М.Шагала, особенно "Над городом". "Облачко и скрипки спели давай улетим". Этот какой-то щемящий полёт в простеньком сереньком небе над простой деревенькой. И начиная от большой обнажённой, мощной и притягательный заряд

сексуальной энергии, кончая чудаковатым и притягательным образом Амбруаза Воллара.

Потрясла меня картина Леопольда Сюрваж / Leopold Survage "Продавщицы рыбы" я даже не могла от неё оторваться и конечно "Сирень" Врубеля.

Вещь одновременно со строгими социальными приметам, сугубо реалистическими, если бы этот нехватаящий за душу полёт хрупкой радости.

На следующий день в воскресенье снова накрапывал дождик, но теперь он, словно бы выдохся и падал медленно и неохотно, листья на тротуаре лежали мокрой кучей тоже какие-то покорные и я решила не грустить, какой от всей этой грусти смысл.

...

Было холодно, и я решила пройтись. Улочка от музея заворачивала вниз и была, наверное, старомосковской улочкой, ведь сейчас строят не желая считаться с понятием улочка и эта неустроенность поражает (например, комплекс Марьино). Людей было немного, но в магазинах всё равно очередь. Я зашла в магазинчик похожий на ванну, стены белый кафель, где внутри за маленьким окошечком продавалось и шампанское, и купила около метро в букинисте, продавались и Блок (прижизненное издание 15 рублей) и Маяковский и Имажинисты, но таких денег у меня не было и я тихонько вышла. Молодой человек, оперативно торгующий имел какой-то вид московско-приказческий, и я ещё раз поняла, что Коровин - великолепно уловил наш русский дух, у него есть там картина, когда считает деньги. (Не забыть включить эпизод с женщиной).

На следующий день опять шёл дождь, но никаких особых чувств при этом не возникало, клёны по аллее к институту стояли с ярко болотно-зелёной листвой, когда была мокрая и казалась чёрной. Я сделала кажется большую глупость в аптеке для сведения бородавок я купила ляписный карандаш и теперь вся переносица у меня была чёрная. Я кляла себя за то, что такая неосторожная, но теперь только осталось заклеить нос и идти на лекции. Чувствовала я себя препаршиво по дороге нас нагнал шеф и с мягкой нежной улыбкой осведомился с кем это я так?

- Да кому я нужна Михаил Северьянович.
- Вот не нужно поселяться одной в комнате.
- Ну да вы знаете как это у Слуцкого, "Обнимут, зацелуют убьют за рубль". Теперь даже не знаю, как идти на встречу с Борис Михайловичем.
- Да если Борис Михайловича не обаять, не знаю, что и будет.

И снова мудрые чудесные морщинки собрались у его глаз. И снова мне подумалось, зачем природа создаёт таких красивых людей. Чувствовала я себя с ним всегда необычно. Мне хотелось сказать, ему что вы Михаил Северьянович очень хороший и красивый человек и чувствуешь себя с вами удивительно, правда есть опасность, сказать какая? Можно в вас влюбиться. Хорошо что я уезжаю. Интересно, что бы он сказал на это? Правда, что.

- Думаю, что его любило много женщин. Такого человека не любить невозможно, но ведь женщины часто любят для себя и мало заботятся о любимом. Ну взять хотя бы эту студенточку, что заставила его полюбить. Девочка прехорошенькая, хорошо одевалась, прелестные

Разговор с Борис Михайловичем оказался прелюбопытным, он как чертёнок выскочил откуда-то и остановил нас, шеф и здесь оказал мне услугу, он попридержал его.

Разговор касался темы моей будущей диссертации. Неистовый романтизм, поэзия Жорж Санд, Эжен Сю. Я же неосторожно предлагала символистов Рембо и Варлена, Сент-Экзюпери. Глазки его яркие карие, как у пантеры прыгали, я подниму свои он отведёт.

- Почему поэзия Жорж Санд? Я не терплю её манерность, а её любовное описание от них веет такой фальшью.
- Я её сам очень не люблю.
- Так может быть Мюссе? Нина Петровна мне предлагала его.

Глазки его яркие, чувственные снова прыгнули в сторону. Ну я ещё раз обговорю с Ниной Петровной, а вы зайдите ко мне после обеда я буду сидеть на своём месте зам. декана вечернего отделения.

- Хорошо - ответила я, со всей возможной почтительностью на которую была способна, при всём при этом я была где-то на голову выше его.

Разговор вечером носил более дружественный характер. Московский интеллигент не стал больше не узнавать меня, демократично усадил и объяснил мне, что Нина Петровна дала мне тему Мюссе.

Новеллистика? Можете посмотреть в развитии. Сказано это было достаточно безапелляционно. Мне были даны все необходимые указания. Статья возвращена со словами, что филологический склад мышления у меня есть, ряд ценных мыслей в ней содержится, но посвящена она в основном Блоку, и поэтому к ним не имеет никакого отношения.

- Так я пыталась проследить развитие всей традиции. "От "Кармен" Мериме до "Кармен" Блока".

- Потом здесь не правильно сделаны сноски. Я, конечно, могу вам это объяснить за час как это делается.

- Да негде было посмотреть.

- Нужно купить всё, что печатается на нашей кафедре.

- Я купила на десять рублей.

- Статьи у нас выходят на достаточно высоком теоретическом уровне.

- Я в этом не сомневаюсь.

В конце быстрая и лёгкая улыбка, искренняя.

- Я на неделю уезжаю в командировку, в понедельник зайдите ко мне расскажите как дела.

- Хорошо.

Вечером мне стало нехорошо, и я пошла посоветоваться с шефом "Там под высокой крышей, окно горящее не от одной зари".

- Михаил Северьянович. Вы человек умный. Я хочу с вами посоветоваться. В общем мне достаточно безапелляционно была предложена тема Мюссе. И только новеллистика. Понимаете. Меня загнали в самый угол. Романтизм, это ещё даже не реализм. Нужно погружаться туда далеко, а я ведь дитя XX века, мне близки те качества литературы XX века как трагедийность, напряжённость; Катастрофичность; Я им говорила про символизм. Они не в какую. Конечно, я понимаю, что здесь легко сломать голову, но всё-таки какое это преимущество заниматься любимым делом.

- Ты девочка, напрасно совершенно так рассуждаешь. Если дают тему значит она диссертабельна, да и потом на лекции ко мне подседа, она говорит, что мне бы хотя бы маленького писателя, но не дают никакого. Так что к тебе здесь отнеслись весьма благосклонно. Бывает и так, что вот человек работает, трах тарарах, вся эта проблематика полетела к чёрту и приходится распрощаться со всеми надеждами.

- Ну ладно спасибо. Я пошла в свой изолятор.

Идти мне туда совершенно не хотелось, было холодно, кусок обоев оторвался и висел, символизируя собой запустение. Окошки были чем-то заляпаны и там висела вата; Я постирала штанишки, кофточку, носки, пошла с удовольствием постояла под душем, одела тёмный свитер, носки, налила чаю и залезла в кроватку почитать. Стук в дверь.

- Кто там?

- Это я. Это был Северьянович. Он что-то так смутился (строгим голосом) но постепенно природная живость взяла своё.

- Надо бы заклеить сказал он, и стал заботливо прикладывать полотницу к стене.

- Да ну их.

Он оставил их и тихонечко присел на край койки. Да и холодно. Он был одет в лёгонькую шерстяную кофточку.

- Ничего я уже привыкла.

- Я пришёл взять статью. Посмотреть хочу. Я её ему вручила. В комнате был беспорядок ой, ой и я бросилась убирать ...

Стремилась поправить халатик и это движение вызвало в нём смех.

- Слушай, как ты здесь живёшь?

- Да я уж просила её поселить кого-нибудь ко мне. Знаете, как это у Слуцкого "Обнимут, зацелуют, убьют за рубль". Вот эта дама теперь ни за какие деньги ко мне никого не поселит; Она надеется получить с меня тридцатку. Не знаю, как выйти из положения ведь мне сюда придётся ещё возвращаться.

- Шеф, ну ладно я пошёл.

На следующий день я весьма безмятежно пошла на занятия. Лекции должен был читать Пуришев. Его ястребиные зоркие глаза, глубокое знание предмета, тихий старческий проникновенный голос. Слушать его лекции по древнерусской живописи было одно удовольствие (рассказать эпизод с его предложением перейти на литературу 17-18 века.)

- Привет подруга.

- Здравствуйте. Я вся в хлопотах, всё кормите НТР? Ждёте когда душа завопит? Или как вы любите говорить вопиет?

- У шефа было хорошее настроение духа и он довольно засмеялся.

- Вот получил письмо из дома, очень ждал его, и он принялся читать его.

Потом откинулся и выпятил свой животик и, наверное, стал переваривать только что сваренный обед. Он помылся и его чистые с сединой волосы свободно как у художников спадывали вниз.

...

Михаил Северьянович мы пригласили вас с Ритой сегодня вечером, если вы не заняты, на бутылку шампанского.

Внимательный взгляд на Риту.

- Ну, в общем те три рубля, которые мы нашли, я немножко добавила.

После занятий он шёл бледный, постаревший, путь ему показался долгим, и он даже оглянулся назад. Всё-таки мило дорассказал анекдот.

Я сказала что у меня сегодня был трудный день. Я ещё расстроилась с утра. Да ещё Дубровин расстроил, сказал, что они отчисляют из-за недостаточно высокого уровня, а потом на эти места принимают своих.

Правда в университет я проскочила через конкурс 20 к 1.

- И проскочила.

- Да. Но теперь нервы не те. Я начинаю заикаться, когда очень сильно волнуюсь.

- Мой научный руководитель раньше не заикался, а сейчас тоже стал.

- Что вы хотите. Иерархия, тяжёлая работа, жизнь, тяжёлая обстановка на работе, так же как везде.

- Вы можете взять с собой своего ребёнка. Я, конечно, не знаю, как вы там воспитываете своего ребёнка, но по-моему ничего страшного в этом нет.

Насмешливо-снисходительная улыбка. Я его вчера отправил домой. Перед отъездом мы сфотографировались. Я ему говорю, ты улыбнись перед фотоаппаратом, ну хотя бы для мамы. А он мне отвечает, когда я думаю о маме мне совсем грустно.....

- Вы уникальный человек. Шеф сидел мягкий добрый интеллигентный; Очень похож на Дика Дайвера.

Рита - А вы что преподаёте?

- Преподавал советскую, русскую XIX, теперь зарубежную.

Она - Я никак не могу выбрать тему. Она бы мне помогла.

- Я тебя не понимаю. Сама выбери.

Северьянович - Я тут с ней согласен.

И снова хитроватый взгляд в её сторону. Но всё это самое говорится мягко, нежно, спокойно.

- Рита - Я тоже преподавала советскую. Но защититься не смогла. Расформировали совет, переписывать в третий раз я уже не захотела. Проживу как-нибудь без диссертации. Вы же сами знаете, что в институт требуют научно-методические работы.

- Я тоже подавал свою работу во время расформирования. Официальным оппонентом у меня был П.... Он сказал, что мне удалось по-новому взглянуть на Маяковского. Всё это было сказано просто.

Она - Да мне бы хотя бы самую маленькую тему.

Он - Да у вас ещё всё впереди.

Она - Да мне уже 45 лет. Поздно.

Он - Столько же сколько мне, но мне дают больше, лет 60.

Мы в голос - Нет, мы вам дадим меньше под 50. Вы гораздо моложе.

-Я вышла замуж в 30 лет.

Михаил Северьянович - Где же были мужчины. Такая великолепная женщина.

Она - Ну так как мы с вами говорили, где была она сама.

- Нет, Михаил Северьянович дело то всё в том, что вы мужчины или вернее над вами ...

...

Я поняла что с русским у неё плохо.

- Ну зачем.

- Так хочется.

Я стала терять терпение. Но при всём при этом она принесла на чай вишни, пару яблок, а сама чай не пила.

Да разве тебе не жалко маму, ведь она тебя кормит, одевает, а ты вот пожалуйста.

- Иногда мне хочется, чтобы она умерла.

- Это тебе сейчас так хочется милка потребитель, но когда умрёт будешь жалеть.

- Я вот устала учиться и очень скучаю по делу.

- Интересно догадывается ли мама, о этих наклонностях дочки.

Потом Татьяна рассказала, как она ходила в подвал целоваться с мальчиком.

- Мама узнала, там она кричала. Да я думаю есть от чего кричать.

Постучалась мама. - Таня пора спать. Чтобы через три минуты была дома. Но Таня и через 10 не сдвинулась с места, я взяла её за руку и мы пошли с ней...

...

Вот почему у вас такое грустно-скушное отрешённое лицо.

- Ну так я за вами зайду.

Рита пришла поздно. Я робко поскреблась к шефу.

- Почему так робко?

- Ну да ведь ни в самом же деле я такая навязчивая.

- Хорошо мы переставили?

- Да уютно. Ну да вы приходите.

- В отдельный кабинет.

- Да, честно говоря, я уже отвык от радостей жизни.

Я пошла за ней. Шеф элегантный длинный сидел на кровати как в салоне и читал книгу. Я поставила шампанское, яблоки положила на листик, Рита принесла виноград.

- Михаил Северьянович, открывайте.

Пробка аккуратно взлетела. Рита - чувствуется мастер.

- Да нет.

- Да, да.

- Давайте выпьем за успех, чтобы поступила в аспирантуру.

Я, - да нет. Я хочу за другое.

- Да вы выпейте.

Я глотнула.

- Мне хочется выпить за вас Михаил Северьянович. Сказать это живому. Вы очень красивый человек, редко людям удаётся в жизни оставаться исключительным.

Интеллектуальная болезнь слишком много пришлось перенести нервов. Нужно учиться затрачивать как можно меньше сил вот в таких делах и оставлять их на другие. Я попыталась сделать всё возможное чтобы успокоиться и к вечеру мне это удалось. Я спокойно прогулялась к своему любимому Новодевичьему кладбищу, город жил, и эта жизнь была доведена почти до автоматизма. Я встретила прелестную пару: девушку и парня в кожаных куртках. Девушка была красива, они целовались. Какая-то женщина лет 35 тоже в кожаной куртке несла своего ребёнка крошечного, месяца три, и говорила ему ласково, нежно, как будто бы он понимал: "Ну что миленький проснулся".

Вечером я разговаривала с Татьяной, и этот ребёнок имеющий своим прототипом Лопухину на знаменитом портрете с непринуждённостью мне, что вот она хочет познакомиться с той белобрысой, которая живёт напротив и курит. Ну зачем это тебе?

-Хочу и всё. Хочу курить.

Так ведь это вредно. Может быть рак. Ты ни разу не видела, как кричат больные раком? А мне приходилось. И я рассказала ей историю женщины больной раком правда по женски, на вид крепкая, плотная, здоровая женщина, которая начинала кричать страшным голосом через три часа и умолкала, когда ей ставили болеутоляющие. Но медсестра сказала, что она начинает кричать раньше, чем ей положено и что существует привыкаемость к этим лекарствам.

Но я поняла, глядя на Татьяну, что мои рассуждения не имели для неё никакого значения. Тогда я сказала, что гораздо лучше поцеловать свеженькую щёчку, а не паровоз с дымом. Но и это не подействовало.

- У вас нет сигареты.

- Нет. В студенчестве я попробовала и бросила, мне не нравится.

- Ведь у тебя хорошая внешность.

Ты можешь нравиться без курения.

- Вот я иду дня три назад, смотрю, стоит девушка прямо на тротуаре и курит. Некрасивая, в джинсах, зачем спрашивается стоит. Всё ведь всем ясно. И чувствуется, что уверенности в ней нет.

- Это видно.

- Конечно.

- Мне мальчик в школе обещал принести папиросу, принёс одну, но плохую без фильтра, я её курить не стала. Завтра обещался принести с фильтром. Я стала терять терпение. Хочу накуриться и пройти мимо учительницы по-русскому.

Сегодня мне приснился страшный сон. Как будто бы я приехала к К на ней чёрное бархатное платье, в общем-то ничего, но ведь фигура у неё уродливая, но она была мила культурна и сидела на своём крылечке в этом старом безобразном доме коридор, у которого как кишка. Но она сидела на крылечке. Я взялась поиграть с её ребёнком, а ребёнок был уродлив маленькие подёрнутые синей плёнкой глаза и нос, нос похож на папу (папа у неё еврей) и этот нос торчал как Он сел на велосипед, (как у моего Ильи Школьник) и покатился, а я рядом. Рядом и мальчишки. И ребёнок упал. Упал так неудачно, что кнопка на земле чётко впечаталась и когда я оторвала его, то там были дырочки ребёнок захныкал. (Вся эта ситуация очень напомнила мне наяву, ситуация, когда мой Илья играл с Вовкой в деревне и подрался и пробил ему голову. Мне было очень трудно совладать с собой, когда я увидела, когда тот бежит ко мне, на лице, голове и ручке кровь, а Илья страшно бледный рядом. Потом я поняла психологически, что произошло. Вовка он от природы жесток, доброты в нём нет, он бьёт камнем мелкого мыша, хочет отрезать голову мёртвой курице, вообще воспринимает смерть, как

нечто обычное (у нас на огороде там как-то убил из ружья щенка, в нём уже черви).

Ильку занимала проблема воскрешения. Так он уже не встанет никогда. Нет, Иля, никогда. Я тоже ходила смотреть на этого щенка, он лежал доверчиво уткнувшись в землю, хорошенькой щенячьей мордочкой, и его уже практически было не отделить от этой земли. А на брюхе, видно Вовка поковырялся там палкой, кишки черви. Дома с дедом мы поговорили о том, что даже не могут закопать землём, и я заставила деда пойти зарыть.

Так вот они тянули этот мотор друг к другу и Илька как более сильный перенял этот порыв жестокости (я уже давно заметила, что он очень склонен к влиянию).

Во сне мне стало не удобно перед Галиной и я кинулась к ребёнку, но он уже успел упасть в какую-то кошачью конуру, я кинулась распугивать кошек, тёмных, пушистых, всяких и страшных и очень боялась что его сожрут. Страх этот был так велик, что вдруг я поняла, что мне его не найти, что его сожрали.

Проснулась я и стала думать, что значит этот сон. Сегодня мне предстоял разговор с Михаил Борисовичем. Тема моя не укладывалась в рамки диссертации, и мне предстоял важный разговор, и как всегда я в жизни трусила. Я стала медленно обдумывать, что значит эта трусость. Почему так волнуюсь, ведь это уносит последние силы, последнее здоровье...

Ганова Людмила.

Сейчас я работаю в архиве. В общем, начало, наверное, мало подходящее для любовной истории. Да и то сказать, любовь требует как никакое другое занятие чувствования, времени "любви старинные туманы". Сегодня пятница, сынок с дедами на даче, туда же уехал мой муж, я помыла полы в четырёх комнатах, сварила суп, целую неделю я жила всухомятку, замочила бельё. Уже 10 часов. Я помылась сама, одела свой любимый банный халат, села в кресло, включила магнитофон, Джо Дассен, налила себе в хрустальную рюмочку нежной "Тальянки". И стала слушать и вспоминать. Чувство влюблённости, если сказать о нём со всей серьёзностью - самое глупое чувство, человек вдруг оживает и ни с того ни с сего как майское солнце начинает цвести. Это так неожиданно, что только диву даёшься.

(Часть страницы вырвано...)

Помню, когда в первый раз, около года назад впервые увидела его в архиве. Это был худенький, с жёлтым болезненным цветом лица, шаркающей походкой и утомлённым видом молодой человек. Постепенно впечатление вялости стало проходить, он стал чаще бывать у нас интересоваться архивными фондами, копаться. Он оказался из интеллигентной семьи: мама педагог, папа инженер, начальник отдела. Хорошая библиотека, тысяч на 40000, интеллигент в четвёртом поколении. Неплохое начало для карьеры: поступление в военное училище в Ленинграде, но на учениях тяжёлая травма и он вынужден вернуться в родной провинциальный город. Это, конечно, не могло не отложить отпечатка на характер: нервный, легко ранимый...

Если говорить о характере, то это, скорее всего смесь противоположных качеств: нежности и колкости, ума и неумения жить, незнание жизни, желание поскорей самостоятельно встать на ноги и проживание у родителей.

Как-то разговорились, я узнала, что одно из самых ранних впечатлений детства, это когда в первом классе учительница математики за какую-то провинность взяла его и головой ударила о стенку, да так, что кровь хлынула из носу: с тех пор он питал отвращение к точным наукам на всю жизнь.

Мама, просвещенный человек, почему-то наказывала сыночка железными прутьями.

Он поступил заочно на исторический, да ещё и женился. Я почему-то думаю, что здесь ему должно было повезти.

Как много браков ранних и неумных, когда муж, наконец, сумев разобраться в жене, уйти уже не может: квартира, семья, дети.

Как-то раз я слышала голос жены по телефону: это был юный, чистый, полный тревоги голос жены: она спрашивала, где Володя. Родился ребёнок, Дашенька, а жена - студентка, он получает 100 рублей, живут у родителей.

Мне почему-то кажется, что папа с мамой были против этого брака, действительно, чтобы изменилось, если бы он подождал три года, да не вешал себе жену с ребёнком на шею.

Но всё дело в том, что их гениальное скороспелое дитя влюбилось и это была любовь Ромео к Джульетте, в которой он выразился полно и совершенно, да и счастливо.

Самой любви молодой военнопленный
Рукой Челлини ваянная чаша!

Иногда он приходил к нам пить чай. Во всех близлежащих кормёжных заведениях кормили плохо, были длинные очереди, мы сложились, купили кофеварку за 15 рублей и приносили что-нибудь из дома. Разговоры были обо всём, помню наше столкновение по оценке роли личности Сталина. Я говорила, что такие явления в политике не должны забываться, что они не должны повторяться.

Однажды произошла вообще комичная история. До меня в фондах работала женщина, которая сумела сделать себе карьеру. Она перешла работать в горком партии в газету, на высокооплачиваемую должность, где-то раза 2, 5.

Теперь она с интеллектуальным видом пописывала статейки в газете об искусстве. Несомненно, то, что она была, конечно, образованна интеллигент в третьем поколении, но несомненно и то, что деньги и карьера определяли её всю с головы до пят.

Она никогда не посмела выступить ни с одним критическим выступлением, то есть в сущности её место в газете не оправдывало себя. При всём при том это была аппетитная красивая хохлушка с тёмными льющимися волосами до плеч, с блестящими чёрными яркими глазами, пленительной улыбкой.

Серёжа с ними был знаком, и вот когда я выступила однажды на чае с подобным разговором, он как-то странно стоял, голова немного вниз и вбок слушал слушал мои желчные выступления и видно на столько это не вязалось с его представлениями с услышанным, что он пулей сбежал по лестнице, сказав, что он не желает со мной разговаривать.

И он, действительно, ходил и два дня переваривал услышанное, а я ему взяла для помощи подкинула цитату:

"И крупной солью светской злости
Стал оживляться разговор."

Помню раннюю весну. Какой-то праздник. Я сидела у окошка на солнышке и блаженно оттаивала. На мне был чудесный льняной костюм сшитый с косовороткой, мои любимые золотые серьги с янтарём.

Серёжа зашёл покрутился: - Ну приходите.

Было хорошо. Посидели за столом, потом пошли в библиотеку слушать музыку.

Я сшила себе платьице сарафан с открытыми плечами и грудью. Он мне очень шёл, я это хорошо знала. Да, ну вот, я пошла в тот корпус

показаться. Пришла и села. Он всё это хорошо понял. Это был очень умный мальчик. Внимание к женщине, когда она ему нравится.

Он как-то весь освещался хорошей мужской улыбкой, когда ты ему нравишься. А вообще-то это было почти детское лицо, я как-то никак не могла понять какие у него глаза, наверное, всё-таки зелёные, круглые, иногда очень лукавые. Губы как у Маяковского, так же у него припала к ним презрительно сигарета, очень чувственные и очень странные волосы, густые, тёмно-каштановые, какие-то непокорные, как у скифов, почему-то подумалось мне.

Вообще-то для его роста, наверное, 172-178 ему не хватало несколько килограммов, как-то раз в разговоре он признался, что весил до операции 71 кг, а после 63-65. И это впечатление в хрупкости, и длинных мальчишеских рук, и почти мертвенной бледности вызывало желание позаботиться.

Мы его дружно подкармливали.

Помню весенний день, после очередного рытья в фондах он извлёк изящную тросточку XIX века с инкрустацией, и подражая денди XIX века изломанной элегантно избалованной походкой стал прохаживаться между куч музейного хлама, сваленного после потока.

Потом я достала пирожки и угостила всех, ему достался пирожок с мясом.

Валерия Петровна, занозистая полная бабка смотрительница надкусила его.

- Смотри-ка Надежда любит его больше всех.

- Да нет, засмущалась я, слишком он тощенький.

Женька обиделся. На следующий день, желая загладить свою вину я стала звонить ему по телефону.

- О великолепный стройный юноша. Приходите сегодня в полдень на пироги с картошкой к нам в фонды. Я была награждена великолепным смехом.

Он был неровен, нервы его были напряжены до предела, он был слишком чуток, раним, открыт, и сколько ещё ран он получит в борьбе с жизнью прежде чем научится не обращать на них внимания, или обрести хоть какой-то защитный механизм.

У него бы великолепный дар розыгрыша. Я ему как-то об этом сказала, что искусством мим он владеет великолепно, можно подаваться в актёры.

Он любил оружие, в фонды он стал ходить, потому что сначала посмотреть, а потом привести его в порядок.

Он его разобрал, чистил, описывал входил в тонкости дела, и сделался настоящим знатоком этого дела. Завёл инвентарную книгу и помногу часов возился с ним.

Так вот эта страсть к розыгрышу или может быть талант перевоплощения привёл его к тому, что он, приставив ружьё по всем правилам к плечу и прицелившись, мог спокойно спустить курок. Он как-то весь подбирался в этот момент, и классически точно и спокойно прицелившись спускал курок.

Никогда до этого мне не приходилось видеть как этот зловещий чёрный металлический кружочек с уходящей в глубь чернотой завораживал, и какое-то оцепенение навстречу неожиданно поднимался страх, какая-то робость. Я старалась не смотреть

Однажды он отыскал в какой-то куче ружьё, показал мне, как он туда вставляет пульку и навёл на меня. Я как раз была в том сарафанчике.

Какая-то сила подтолкнула меня, я не смогла долго смотреть на этот чёрный точный кружочек и я выскочила за дверь обитой железом библиотеки.

- Слушай Женя, а если эта штука выстрелит? У меня ведь есть ребёнок, для которого я только и живу.

В глазах его зажёгся пыл охотника, преследующего дичь. Я выскочила за эту дверь и стала держать её.

- Женя нужно быть благоразумным.

Он перестал держать дверь.

Через некоторое время я её приоткрыла. Он сидел на моём стуле, и сразу же стал приподнимать ружьё.

Я захлопнула.

- Слушай, не даром раньше существовало выражение пагубная страсть. Ну так ты ещё не бросил шутить?

Со смехом я опять захлопнула дверь.

- Некоторым интеллигентам в четвёртом поколении вредно, утомительно долго заниматься умственным трудом.

Доводом, заставившим на этот раз закрыть дверь, был всё тот же спокойно поднимающийся ствол ружья и улыбка понимаемого превосходства.

В "Литературке" недавно печаталась статья, как один забравшись на крышу небоскрёба и методично переколошматил человек 30, а мы говорим западная молодёжь, наша похоже тоже не отстаёт.

Он стал открывать дверь и я при своих 1м 71см и 71 кг веса не смогла её удержать. Я перебежала в следующую и захлопнула.

- Ой, ой, Женя, слушай ты сломаешь мне ногу. Я, конечно, по утрам гантели не поднимаю. Этот поросёнок самым нахальным образом

просунул сначала дуло, потом ногу и после короткой борьбы, я была вынуждена сдаться.

Господи, Боже мой, помоги спаси, это что за напасть.

- И не остановиться и не сменить ноги.

Сияют наши лица сверкают сапоги.

Я выскочила за дверь рядом был замок и я его кое-как нацепила на щеколду.

- Вот так-то голубчик. Посиди-ка в карцере. Именно к такой мере наказания вас приучали в военном училище.

Самое время посидеть подумать.

- Людмила Ильинична, я больше не буду.

- Нет, нет, я не верю, и что это за охота такая.

И всё-таки я открыла его. Потом пошла села на диванчик в углу. Из-за угла высунулось, приподнялось и стало медленно опускаться на меня дуло, я старалась на него не смотреть, какое-то время оно неподвижно нацелившись смотрело на меня, я устало сидела, мне почему-то стало безразлично, щелчек и он подошёл ко мне.

Я перебирала папку с листочками и мне встретилась чудесная фотография. Дитя где-то в годик, докторша прикасалась его слушала и, вероятно, холодные прикосновения слуховой трубки заставляли его весело и счастливо смеяться всему вокруг.

- Смотри какая прелесть.

На следующий день, когда я помогала нести плотнику три длиннющих полки, я увидела как он стоял и нервно курил.

Я оглянулась.

- Женька, бери палки и помогай нести.

Он смутился и чудесная милая улыбка смущения

В общем мы были оба смущены. Я - тем, что мне 32 года, а вела себя как девочка несерьёзно и не солидно, а может быть от живого отклика, что было во мне юного, а он может быть от своей дерзости.

Он позвонил по телефону жене.

- Лариса, я сейчас тут чуть не убил сотрудницу. А ты умеешь стряпать....

..... узнала, что он на ней женился.

Вообще я довольно скоро поняла, что никто здесь не желает особенно страстно влюбляться, очень высокий уровень профессиональной подготовки занимал почти всё время и для развития чувств, к сожалению, не оставлял времени, да и, вероятно, сама способность сильно влюбиться являлась признаком глубокой

натуры, что, наверное, тоже редко. Я прочитала в это время книжку стихов Элиота. И название "Полые люди" поразило меня.

Впрочем, мне пришлось жить и большую любовь, отнявшую два года жизни, результатом которой было то, что однажды, когда моя любовь объявила мне что женится, внезапно страшно влюбившись в женщину, которую я презирала за холодность души и называла леди Сибли-Блери Кэролайн, то мне неотвязно захотелось броситься из автобуса в речку, мимо которой он шёл, и это желание было настолько сильно, что испугало меня. Раньше-то я, размышляя о Анне Карениной, никак не могла понять, зачем же убивать себя. Теперь мне всё стало понятно. Мне пришлось затратить около года, ежедневно, каждый день работая над собой, чтобы не позволять себе думать вообще о нём. Потом я вышла замуж за человека, который мне понравился, высокого красивого простого парня, родила сына и мы никогда не говорили о прошедшей моей и его жизни: от него ушла жена.

Приехали жить мы к своим родителям в тихий провинциальный городок, как небо от земли отличающийся от университетского центра.

Да и первое время это было хорошо, всё прошедшее приобретало оттенок нереального, все живые связи когда-то бывшего не со мной, какой-то другой чужой жизни.

Работать пришлось в школе, и это оказалось так же чрезвычайно трудно. Вскоре я обнаружила что здесь нужно было применить не меньше сил для выживания: директор вероломный хам, с поразительным скудоумием направленным на сохранение собственной персоны в школе. Это была диктатура направленная против человеческого достоинства: каждый педсовет он орал на нескольких по отдельности, поучал и поносил всех сразу: и такие совещания по разным классам и по всем сразу, по дисциплине и учёбе, по воспитанию и разбору были поразительно одинаковыми каждый день. Они были рассчитаны на вселение страха и он действительно ожиданием каждодневного позора запугивал души. В учительской висела огромная доска на четверть, на каждой было исписано по тетраднему листку. Те, кто не выдерживал этой атмосферы страха и оскорблений уходили: считалось, что не выдержал трудностей школьного преподавания, но а оставшиеся обладатели крупными характерами, от крупности которых я вскоре стала уставать, от которых можно ждать всего чего угодно. Обычно считается, что к хорошему директору подбираются хорошие учителя, которым импонируют его воспитательные идеи, но если доводить эту мысль до конца, то к плохому подбирается плохое, должны

подбираться плохие учителя. К незабвенному Николай Петровичу, невозможно было относиться снисходительно, казалось в его оголённом черепе, с остатками чёрных жиденьких волос царствовали два крупных качества: нападать, чтобы боялись, и трусить самому всегда и везде, ожидая каких-то козней и неприятностей, выпадов от других. Что, конечно, время от времени случалось с учителями, потерявшими над собой контроль: нервишками здесь никто похвалиться не мог, да если судить о других о себе, то ничего другого ему и не оставалось.

Из школы я ушла и устроилась в музейный архив, место в начале казавшееся мне земным раем, потому что здесь никто не устраивал каждый день одинаково похожих разносов. Здесь никто никогда не проводил почти никаких собраний и хотя к этой работе у меня не было душевной склонности, где-то в душе у меня ныла мысль, что дни мои идут впустую, что я что-то могу сделать, но в музее мне встретилось двое людей, с которыми впервые за столько лет я могла поговорить спокойно, не боясь быть превратно понятой, и ославленной.

Был ещё один Валя, все его звали Валюшей. Он меня любил и единственный предложил мне выйти замуж. Но я отказалась, потому что он был историк. Пусть это не покажется парадоксальным, но это может быть является показателем на сколько низко оценивались гуманитарные науки по сравнению с точными, да и за стенкой у меня жили четыре историка, которые, сдав сессию устраивали попойки, и матерно ругались.

Вообще это показывает, каким большим апломбом заражены мы были, мне не нравилась его любовница: крикливая, крашенная перекистью блондинка с апломбом курившая.

А самое главное: он никогда не красовался он был прост, а я думала обыкновенен.

Сейчас мне бы хотелось встретить его, попросить прощения за доставленное горе и низко - низко поклониться. Спустя много лет, я всё поняла и эта любовь каким-то ей присущим светом поддерживала меня в трудные минуты моей жизни.

В школу работать я поступила зимой и поэтому должна была работать летом. Пётр Николаевич издал приказ, согласно которому я должна была работать в летнем лагере в школе.

В нём должны были работать учителя начальных классов, а я и ещё дали восьмиклассницу. Двух учителей поставили вместе, а меня

вместе с восьмиклассницей и хотя я протестовала, ведь я совсем не знала детей, всё это оказалось бесполезно мы так и работали.

Когда я в первый раз осталась среди этой шумной беспечной ватаги, то мне стало страшно. Я не знала никого по имени, и ребятишки эти сидели не за станком парты.

Это был труднейший месяц в моей жизни. Кормить их нужно было водить через дорогу и линию, по которой шли поезда, всегда было двое трое, которые не слушались. За два дня до окончания работы, утром часов в 11 зашла мамаша одного мальчика Коли. Это была сокрушительная дама, увидев которую, мальчишка скрылся. Вечером она тоже пришла, но он так и не пришёл.

- Я кому доверяю своего ребёнка.

- Я не знаю где он, он как ушёл так и не приходил, я не могу гоняться за одним вашим ребёнком у меня ещё 37 человек, нужно сдавать ребёнка, который слушается.

Вечером директор пришёл в школу по делам ремонта школы (во всей школе за исключением двух классов для девочек и мальчиков шёл ремонт). Я ему сообщила, что один мальчишка убежал и не пришёл домой.

На меня глянуло лицо такой жуткой убогости, что мне стало страшно.

Поздно ночью мы с мужем сходили к этой женщине ещё раз, мальчишка не пришёл. Это был район нахимовки, находящейся около реки, и самовольно застроенный временками с маленькими кривыми улочками, произвёл на меня тягостное впечатление. Я с трудом заснула после трёх таблеток Димедрола. Утром, когда я вышла в магазин за хлебом у меня было такое чувство, что за мной кто-то следит, я почти бегом прибежала домой и заперлась.

Я понимала, что это от перенапряжения сдают нервы. Я постаралась успокоиться и пошла в школу и оттуда к этим людям.

В комнате на диване сидел белобрысый мальчишка с каким-то туповатым выражением лица.

Оказывается он, увидев мать, убежал от неё к каким-то родственникам на лесозавод: она, его мать, страшно его била за любую провинность, но как не странно послушание у него от этого не прибавлялось.

Но меня поразила мать. Сокрушительной напористости у ней ни сколько не убавилось, она не чувствовала себя ни в чём виноватой передо мной, и даже не посчитала за нужное прийти в школу и сообщить мне, что он нашёлся.

Учительница, у которой он учился рассказала мне, что он даже встаёт с уроков и уходит, а иногда не приходит в школу совсем и это во втором классе.

Директор при встрече со мной голосом грубо (он всегда играл как очень плохой актёр) спросил:

- Ребёнок нашёлся? Всем видом показывая, что я виновата во всех тяжких грехах.

Со временем я стала учиться хоть как-то противостоять ему.

Мол на демонстрации 7 ноября, (было очень холодно) решением педсовета не должны были идти. И я решила тоже не идти, чтобы не мёрзнуть 4-5 часов.

Когда начались занятия я была вызвана на ковёр.

- Людмила Никитишна? Вы почему не были на демонстрации? Вы что-нибудь имеете против Советской Власти?

Глубоко вьёвшаяся категория врага народа прорывалась здесь глухим эхом давних и трагических событий.

Спокойно и как будто я ничего не понимаю я ответила.

- Да что вы Пётр Николаевич! Я просто решила хорошо выспаться.

Я никак не могу решить для себя вопрос: почему я всё-таки так и не смогла добиться того, чего больше люблю, больше всего на свете: заниматься литературой, вернее всем тем, что связано с ней. Здесь очень много причин и легко обмануться и принять за главное какую-либо одну из них. Начало вроде бы вполне обнадеживающее или что-то моё положение полностью определяет, если я в своё время что-то не поняла. После школы серебряная медаль, университет.

Наверное, первое из них - я не смогла выйти удачно замуж. Это выражение, удачно выйти, вызывает у меня не слишком сильный, но внутренний отпор, что-то сродни неприязни, уж лучше всё так как теперь есть, так что этот отпор теперь сродни вроде стоицизма приносящего удовлетворение.

Учение в школе, самый светлый лёгкий радостный этап в жизни *Pas de problemes*. В университете я изо всех сил занялась учёбой. Потом, когда мне стукнуло 23 года, я спохватилась, я-то считала, что она, любовь, сама должна прийти и особенно на этот счёт не расстраивалась. Внешность у меня самая средняя, но сколько женщин вокруг меня выглядевшие куда хуже. Я могу быть

объективной, были замужем. Так что опять вроде бы расстраиваться нечего.

Плохо то, что в группе у нас на всех был один мальчик, который потом уже после университета женился на женщине, старше его на 10 лет и, говорят, счастлив. Правда, такие браки держатся не более 10-15 лет. Ну да спохватилась я курсе на третьем, то что это у меня не так как у всех начало на меня наводить тоску.

Я стала регулярно посещать субботние танцульки, шить дешёвые, но модные тряпочки. Особенно то прилагать стараний к своей внешности не хотелось, я знала некоторые девицы красятся по часа два, я всегда ограничивалась тем, что каждый день - душ. Для меня куда приятнее и интереснее было полежать в кровати с книжкой и попить чаёк, уж что, что, а это мне нравилось больше всего на свете.

Танцы назывались скачки. Огромный холл на первом этаже, одна левая сторона полностью застеклена, и, выходит, на небольшую площадку с газоном и цветами, на другой стенке прямо чёрно-белая роспись, какие-то древние мамонты (древние охоты то ли на бизонов, ну что-то вроде), как они называются я так до сих пор не знаю этого. Бизоны эти были, наверное, в натуральную величину, и красиво олицетворяли силу и мощь природы, а люди с копьями, казавшиеся рядом с ними худыми и интеллигентными, имевшими какую-то связь и с нами.

Выключался свет и можно было пускаться в приключения и оглушительный туман чаще всего английских Битлов наполнял сердце, то вдруг сменялся проникновеннейшей вкрадчивой мелодией, которая делала тебя внутренне бесстрашной. Обычно этим заведовал Серёжа будущий историк-археолог.

Пригласить танцевать меня мог далеко не каждый. Тут я впервые пожалела о своём высоком росте 1м 71см, но всё-таки я танцевала и стала иметь возможность получать информацию о своей собственной персоне не только от себя, но и от других, и вступила в зыбкий мир чувств.

Мой первый поклонник крепкий, среднего роста, хорошо стоящий на ногах, физик пятикурсник. Было в нём что-то земное, если не сказать посредственное, чтобы ни сказать, но его узкие коричневые глаза выражали неподдельный интерес и я ему за этот интерес была благодарна, и он пригласил меня пойти показать в номер какие-то иностранные журналы.

Комната - келья студента пятикурсника была уютна и удобна. Мы начали их смотреть и говорить. Он удачно сказал, что я красива, а потом поцеловал, так же неподдельно просто, как само собой

разумеющееся. Он попросил меня остаться, и не задерживал, когда я ушла, объяснив, что я не могу, у меня к этому другое отношение.

Потом я некоторое время не ходила на танцы.

В моду входили миниюбки, и к моим длинным ногам и мальчишеской фигуре.... И где-то недели через две я пустилась в новое приключение. Как только я зашла в полутемный холл и глаза мои привыкли к полумраку, меня пригласил высокий блондин с большущей лысиной и круглыми на выкате голубыми мягкими глазами. Наверное, аспирант.

Это был немец аспирант химик, приехавший на стажировку в научный центр. Он очень плохо говорил по-русски, мягко по-детски и сразу, несмотря на лысину, привлёк меня этой мягкостью. В школе я учила немецкий, но в университете стала учить французский и теперь не могла вспомнить ни одного слова.

К концу танца он сказал, что любит меня, и предложил пойти погулять.

- Откуда у тебя такие красивые ноги?

Нет, любить я его не любила, но мне было приятно, что он ухаживает за мной. Я была всё-таки плохо одета, и очень от этого страдала, в моём гардеробе не хватало основных модных вещей, пальто, сапог.

Через некоторое время я увидела его на улице с маленькой симпатичной женщиной очень тщательно одетой, потом....

(Остальное отсутствует)

Сердце матери.

По вечерам возвращаясь с работы, я всё чаще стала замечать маленькую худенькую старушку, которая выходила "посидеть, подышать свежим воздухом" на скамеечке у подъезда пятиэтажки, а за одно и поглядеть за внуком.

Как-то раз я разговорилась с ней.

- Внучек-то у вас бабушка уже большой.

- Да это у меня не внучек, а уже правнучек, я и мать его вынянчила, да вот теперь и его пришлось, а куда его девать-то, мать работает, дома со мной ему лучше.

- Наверное тяжело?

- Ничего, помаленьку. Мне уже скоро восемьдесят.

Её лицу, действительно, была присуща особая красота и выразительность, свойственная глубокой старости.

- Бабушка а сколько у вас было детей?

- Да четверо было, три сына и дочка. Сыночки-то все на войне погибли.

Голос её задрожал, и на глаза навернулись слёзы, а простое лицо вдруг стало беззащитным, почти детским от горя.

- Извините, я не знала.

Меня поразило: 35 лет прошло, а горе матери так же живо и неизменно.

- Как я их трудно растила, тяжёлое тогда было время, ели лебеду и мёрзлую картошку: а только вырастила: война, совсем не пожили.

Получив похоронную на Георгия, сердце матери безуспешно молило сберечь Фёдора и Антона. Как это страшно, один за другим!

И все эти 35 лет, день за днём, она жалела об их непрожитой жизни, и каждый день её тревожило сознание, что три её сына могли бы черпать в них радость бытия.

- Только жить бы да жить! Вот Георгий когда уходил, сделал мне из медного пятака колечко, может, предчувствовал, что не вернётся: "Носи, говорит, - Мама, помни обо мне".

Теперь стало оно совсем тоненькое, истёрлось от времени.

Она улыбнулась, потом снова задумалась.

Была прохладная сухая осень, и ветер лениво трогал упавшие листья.

- Пора бы помирать уже, хватит жить, устала, да вот за Сергеем некому будет ходить, я ведь и накормлю, и присмотрю, и постираю.

В четвёртый раз она совершала со своим правнуком жизненный круг, возвращала новую жизнь просто и добро и поэтому, наверное, мудро в этой жизни не было ничего лишнего. Да у меня два внука, один сейчас в армии, тоже Серёжа, а другой Саша, вот вот пойдёт. Письмо нужно написать, а внучка ленится. Я-то не умею.

- Приходите, я вам напишу.

Так мы стали писать с ней письма.

- Сначала напиши поклон, ну все живы, здоровы: скоро картошку будем копать; Мать-то его, Поля, дочка моя, прихворнула, да об этом не нужно писать, нельзя ему сейчас волноваться, ему и так трудно.

Самым тяжёлым для неё моментом было время, когда она провожала своего второго внука Сашу в армию. Это так явственно напомнило ей проводы на войну погибших детей, что она не могла найти себе места.

Но время принесло свои мирные плоды и первый внук Серёжа, повзрослевший, окрепший и поправившийся вернулся домой и лицо Акулины Даниловны освящается чудесной улыбкой, устраивается на работу. А мы регулярно где-то раз в месяц пишем письма Александру,

тот очень любит бабушку, велел ей его ждать. Когда их не получает, и Акулина Даниловна Главина частенько приговаривает:

- Стара я стала, совсем болею. Не знаю, дождусь ли, а хотелось бы...

Ганова Людмила.

Яйцо Птеродактиля. (Чистовик)

Всё дело в том, что я о нём никогда не думала. Ну что-то там когда-то слышала, смотрела пару раз в музее на картинки с существами, от которых хотелось отмахнуться. Мало ли чего не было, ну вымерли, и слава Богу, очень уж несовершенны были, негде на них глазу опереться, жили, а вот были обречены. Правда, может быть, они так и не думали. Какие странные печальные глаза на маленькой обнажённой голове, трогательные крошечные лапки венчают неуклюжее большое туловище. Интересно, насколько совершеннее мы, чтобы выжить? Но ведь есть очень красивые люди?

О яйце Птеродактиля, я впервые услышала, пробегая из коридора на кухню, уже вечером. Нужно было готовить ужин. Если всех не накормить, то будут возникать всякие странные ситуации. Я варила лапшу с курицей, и все спрашивали, скоро ли.

Ну вот бегу, взгляд на телевизор в комнату Ильи и слышу: "если их всего два яйца Птеродактиля, то они, наверное, очень дорогие".

Голос молодой, нежный, говорит с иронией.

Да, если вписать яйцо Птеродактиля в нашу бедную жизнь, то оно сделается не только дорогим, а бесценным. Хотя, оно, конечно, не всем нужно.

Голос по сравнению, вероятно, с яйцом, был такой живой, что это тоже останавливало.

Играл в фильме тот американский толстяк, который кажется играет в каждом втором, может быть, третьем фильме.

Он такой толстый, что всегда хочется найти побыстрее ответ, почему.

Второй раз я взглянула из коридора, на экран, когда толстяк тоже шёл по коридору, или по огромной комнате, которые бывают только у американцев, а в витрине за стеклом был, наверное, этот самый Птеродактиль, точнее изящные позвонки позвоночника.

Но даже и позвонки устремились один за другим куда-то, наверное, за добычей. Стремление это осталось в позвоночках, наверное, навсегда. Меня уже года два тоже занимала одна и та же мысль, которая мне казалась очень важной.

Сам ты яйцо Птеродактиля, подумала я на толстяка и рассмеялась. Какие вы американцы сытые, много, наверное, едите, хотя вся страна, кажется, хочет похудеть разом. И целая промышленность выпускает специально малокалорийную пищу в красивых банках.

Вот русским-то голодать приходилось, действительно, не по наслышке, нас даже в своё время морили голодом, а мы живы, голодный часто выживает. Русская картошка.

Ну да ладно, в конце концов, к тебе привыкаешь.

Утром я проснулась и мне захотелось посмотреть этот фильм. Но, по-видимому, я долго думала, как все русские, теперь его не скоро увидишь.

Вообще триллеры, боевики и детективы у них великолепные, мы до их уровня вряд ли к началу третьего тысячелетия дотянем. В этом тоже бедность виновата.

Бизнес, это великолепно, по-американски, а вот по-русски как-то не очень ещё получается. Больше смахивает на воровство. Нужны, наверное, законы, для бизнеса, а мы их не хотим принимать ни за что.

- А что если в этой жизни такие же узкие функции как у Птеродактиля, откуда-то в сознание ко мне вползла эта мысль. И я похолодела.

- Боже и что этот Птеродактиль ко мне привязался. И времени у меня так же мало, как у него.

- Муся, ну что разлеглась как королева.

Что больше всего он, Птеродактиль, любил больше всего на белом свете? Пощипать травки, полежать на солнышке, заботливо посидеть на яйцах, или поохотиться? Что он чувствовал?

Муся я тебя тоже нашла как в джунглях, какая ты красивая.

К тебе нечего не прибавить не убавить. А какая шерстка у тебя стала. Кто-то долго думал над тем, как тебя разукрасить. И эти два ошейничка и эти пятна и полосы. Всё - совершенно. А какие бессовестные - жёлто-изумрудные глазки. Не надо так смотреть на меня, я знаю, что ты умная.

Вообще Муся, я тебе должна сказать, что жить ты умеешь гораздо лучше меня.

Ожила да...

Рукопись...
Яйцо птеродактиля.

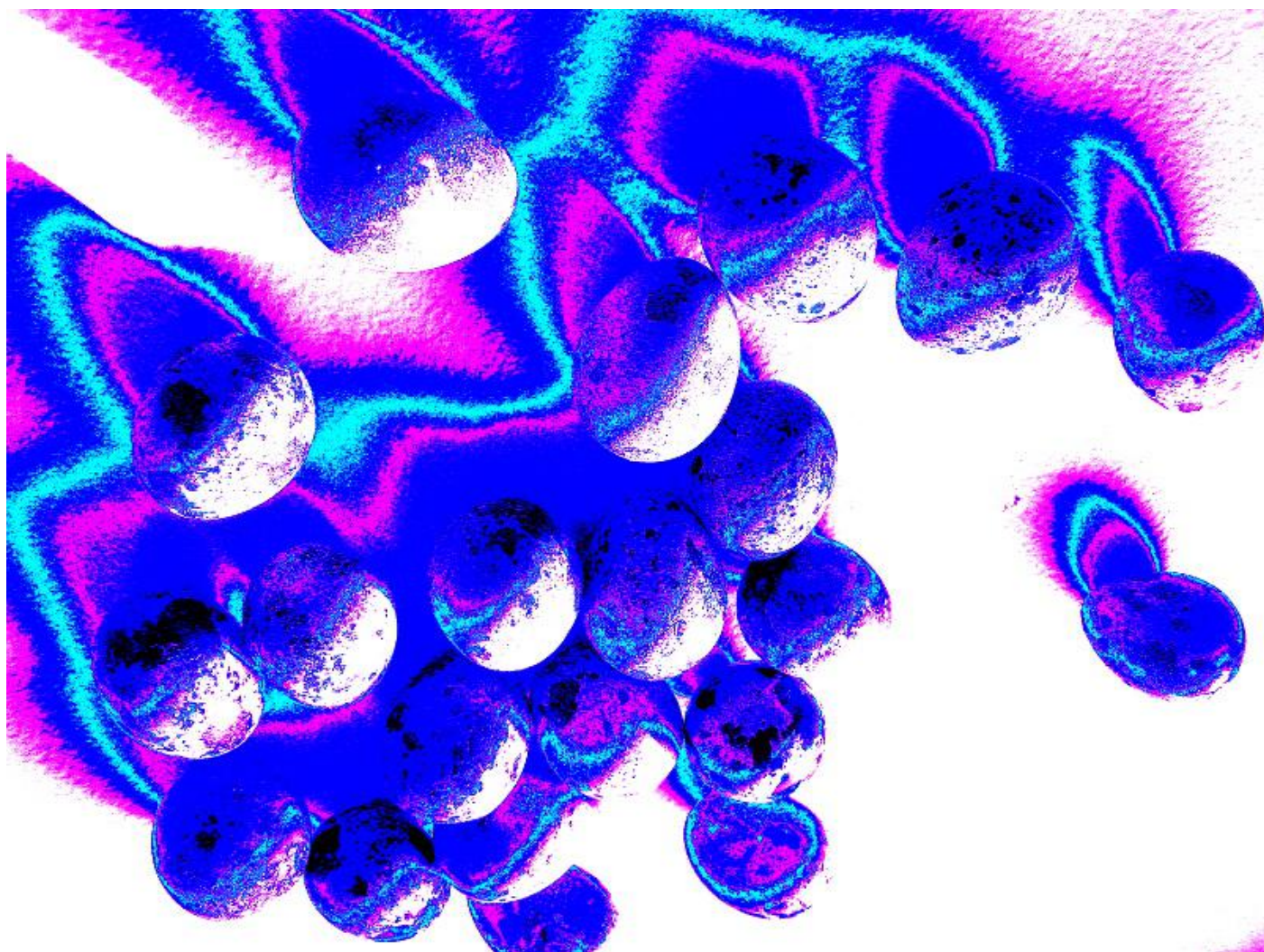
Фото Цуриков Илья & Ket Gun

Всё дело в том, что я о нём никогда не думала. Ну что-то там когда-то в детстве слышала, смотрела пару раз в музее на картинки с существами, от которых хотелось отмахнуться. Мало ли чего не было. Ну вымерли и слава Богу, очень уж несовершенны, негде на них глазу опереться, были обречены. Правда, может быть, они так не думали, какие странные печальные глаза, трогательные лапки, чересчур большие туловища, неуклюжие, и трогательные вытянутые шеи. О них, о яйце Птеродактиля, я услышала, проходя из коридора на кухню готовить обед, если всех не накормить вечером, то будут вспыхивать всякие странные ситуации. Варила лапшу с курицей, а все спрашивали скоро ли.

А на сколько совершенны мы?

Но вот бегу, взгляд на телевизор и вдруг слышу: "если их всего два яйца Птеродактиля - то оно, наверное, дорогое". Голос нежный живой, говорит с иронией, умный.

Да, если выписать яйца Птеродактиля в нашу бедную жизнь, то оно сделается не только дорогим, а бесценным. Вот только почему? Да, это действительно, смешно. Сказано это было мечтательным голосом, очень живым, даже сиюминутным, который но вот голос был такой живой в данный момент и это самое прекрасное, что ты это понимал.

Фотография Цуриков Илья & Ket Gun. Арт Директор Ганова Людмила. Аукцион Современного Искусства 21 века
<https://www.auction21.ru>

Играл в фильме тот актёр американский, толстый, толстый. Наверное, его больше всего снимали.

Я часто себя спрашивала, почему он такой толстый, всегда всегда хочется найти побыстрее ответ, ну просто невольно себя спрашиваешь, хотя и понимаешь что нет никакого смысла, но вообще то лично на него эта толщина никак не действовала, для него

самого она не существовала. По-моему, любовью он заниматься просто не в состоянии.

Второй раз я взглянула из коридора на экран, когда толстяк шёл тоже по коридору или по огромной комнате, а в витрине был, наверное, этот самый Птеродактиль, точнее изящные позвонки позвоночника.

Но даже и позвонки изогнутой линией устремились куда-то, наверное, за добычей.

Стремление это осталось навсегда и в позвоночках, оно было сильно выражено, вот что поражало.

Ну, а я в это время обдумывала деловое предложение, вернее додумывала деловое предложение уже полгода. Думать мы пока быстро не умеем. Получилось почти целая статья она пыталась походить на деловую статью бизнесмена, точнее как я его могла себе представить. Ну, а название пришло само собой. Яйцо Птеродактиля. Я рассмеялась.

Мне так хотелось назвать её так, но я себя пересилила.

Потому что назвать её так нельзя было, судя по тому человеку, которому она представлялась.

Вообще-то я вспомнила ещё один позвонок, который имел отношение к этому Птеродактилю. "Иностранная Литература" публикует очень хорошие репродукции, так вот на обложках, на одной и была женщина, в каком-то необычном взгляде, разрезе до позвоночника. Он этот разрез, виделся автору, по-видимому, самой её сутью. Но женщина всё равно оставалась прекрасной и в разрезе.

Может быть он хотел сказать, что всё в ней прекрасно и этот великолепный позвоночный столб и каждый позвонок в отдельности, и что ему хочется любоваться и им. Да позвонки были действительно великолепны и нежное тело, кожа их просто нежно охраняла и укрывала. Женщина сидела в экстазе, закинула голову, сине-фиолетовые тона, тёмная коса, чёрное платье.

Я на неё тоже иногда заглядывала, проверяя впечатление. Да, прекрасна всегда.

"Сам ты яйцо Птеродактиля", - подумала я на толстяка. Вообще вы американцы сытая страна, едите много, все стремятся похудеть, и едят потому какую-то макулатуру калорийную пищу в консервных красивых банках для похудения. Вот русские раньше-то не знаю, а в советское время всех морили голодом, радиацией, геноцидом, и поэтому мы и живы. Полуголодный часто выживает. Правда картошка и плохой хлеб тоже не лучшая еда, и многие женщины у

нас в последнее время сделались толстушки, но много и худых худеньких русских женщин. Но почему толстый ты? Ну да ладно, в конце концов к тебе привыкаешь...

Утром я проснулась вполне созревшей для желания посмотреть этот фильм. Но долго думала, как все русские.

Вообще триллеры боевики и детективы у них великолепны, мы до них вряд ли и в следующем столетии дотянем. А вот до психологизма. Тут уже русским нет конкуренции. Они про страдание смерть, счастье всё знают. Доподлинно.

Сейчас опять принялись народ морить голодом теперь, чтобы быстро завелись у нас богатые на американский манер. Ничего у вас не получится. Голубчики с этим воровством. Охренели. Нет, бизнес, наверное, дело хорошее, только вот надо бы какие-то законы ну для бизнеса как в других странах.

- Наверное в этой жизни у меня такие же узкие функции как у Птеродактиля, Боже и что этот Птеродактиль ко мне привязался.

Я почувствовала, что я не смотря ни на что близка к истине - И мне из них не выскочить, и времени у меня так же мало как у него.

- Муська, ты тоже красива, какая шёрстка, ну что ожила. Вот недавно я подобрала кошку во дворе огромного дома, где я живу. Кто-то выбросил. Долго обсуждали оставлять или нет. Да, дом наш как джунгли: заворачивает клюшкой, полно народу, машин, детворы, бабок, а крошечный котёнок умирает от дистрофии, не нужен абсолютно никому, никто его не замечает. У нас в подъезде десятки бабок, живут как сычи с кошкой то полегче. Ну, если они Сталина пережили им сам чёрт не страшен. Даже прикинула, сколько ему осталось жить. Денька три, не больше, идёт на встречу шатается, от голода, на ножках палочках, а глаза - бесстрашные. Это меня и остановило. Сумерки уже были.

Катя: "Мам, давай возьмём накормим".

- Катя, не могу же я их в дом всех тащить, а потом будет жалко выбрасывать. Ведь никто потом не возьмёт, не надейся. В подъезде полно бабок, живут одни, хоть бы было кого погладить.

- Мама, мне их всех жалко. Я бы для них приют открыла.

- Ну, в конце концов, один раз накормить можно, если этого уже никто не сделает всё равно. Усилим возможность выживания.

Котёнок зубами, которые уже плохо слушались надкусила сосиску и долго над ней трудилась.

- Смотри-ка осилила. Это кошечка.

Потом она обошла кухню, и улеглась рядом со столом. Легла как дома.

- У ней и животик появился.
- Окрас у ней красивый, расписана как настоящая тигрица, когда-то была. И осталась.
- Очень непосредственно, почувствовала себя уже дома.
- Бросить ей ещё?
- Да она может объесться, не осилит.
- Зачем вы притащили кошку?
- Да пусть немножко поживёт, отъесться, а потом, если никто не возьмёт, то окрепшая поди и в подвале проживёт.
- Мама, выбросите её побыстрее, у нас есть Мурзик.
- Илья, тебе что жалко, если она поживёт пару дней.
- Я люблю Мурзика...

В этом дворе трущобы почище чем у Птеродактилей. И защититься от них, пожалуй, от проблем потруднее.

Раньше ты мог надеяться на личную храбрость, защищая своего ребёнка, а теперь его возьмут в армию и убьют. На какой-нибудь маленькой войне, которые никогда не кончаются в мире.

Или отравят радиацией вместе с тобой. А ты и знать не будешь. Или ты медленно умрёшь от голода, надеяться на добычу здесь нечего, сколько не работай, не заплатят, чтобы ты был сыт. Нет раньше во времена Птеродактилей бороться за свою жизнь и жизнь своих детей было легче. Удачная охота - и все блаженствуют без подвоха.

Что больше всего он любил Птеродактиль на белом свете? Я даже не знаю охотился ли. Пощипать травки, полежать на солнышке или охотиться. Что он чувствовал?

Наверное, охотился. Потому что он умер, а вот стремительный изгиб позвоночника - и сейчас погоня, стремление вперёд.

Непреклонен. Это осталось и после смерти. Только вперёд. Хорошо это или плохо.

- Мурзик, настоящий джентльмен, мне самой иногда неудобно перед ним за своё поведение. Научился говорить слово Мама. Вы говорите, что он тоже умница.
- Мама, ты её сегодня выбросишь, ты же обещала.
- Мама, у него есть кот, а я тоже хочу.
- Да она же уличная, Катька.
- Илья, а ты где своего взял. Ты его тоже украл в деревне. Илья, мы все тоже с улицы в конце концов.
- Мурзичек мой.
- Мама, смотри какой красивый. Весь чёрный, галстучек, и две лапки передние.

- Вообще-то глаза у ней умные.
- Поживи-ка на улице поумнеешь быстро.
- Смотри как заурчала. Да он у ней и не трогает.
- Поголодай и ты станешь умнее, начнёшь урчать.
- У ней, наверное, блохи.
- Придётся купать каждый день.
- Ну ладно ляльки, давайте спать. Скоро поедем в деревню, там они будут на природе. Илья - ты Мурзика, Катя, а ты свою, повезёте. Не я же с этим кошатником взгроможжусь в автобус. Теперь вам нечего драться.

В деревне Мурзик жил лето уже третий год, днём его Илья не отпускал, а ночью он гулял, по-моему, он создан для этого, все ночи.

Однажды его не было три дня и Илья торчал на дороге, и ему удалось его встретить. Он шёл прихрамывая и мяукая на каждом шаге.

- Мама, что с ним.
- Дерётся с котами, видишь клоки висят.

Муська освоилась в ограде, она была проворная очень пластичная - обязательно поймает бабочку или стрекозу. А когда я шла в огород, то она обязательно бежала туда впереди меня. Тишина глубочайшая встретила нас когда мы шли дорогой до дома. Дом стоял по-прежнему старый покосившийся, большой.

Я любила посидеть на крылечке, у дороги шумели старые ветлы, через дорогу у тёти Кати наша ветла светилась жёлтым жаром, светилась и волновалась на воздухе. Яковлевна была слава Богу жива, я к ней ходила по тропинке из травушки-муравушки.

И всё-таки вокруг что-то происходило другое, я это чувствовала. Когда ходила за реку, в забок, то возвращаясь по тропинке рядом с берегом и полянами вокруг с боярышником, шиповником, бузиной, то мне всегда казалось, что кроме меня здесь ещё кто-то есть. Что всё вокруг вместе это одно живое целое, непрерывно думающее и я словно попадала внутрь к нему и оно, словно принимало меня к себе и не отпускало, я чувствовала себя всегда так среди этих кружащихся полян задумчивых одиноких вётлах с краю, я спешила поскорее отмахнуться от этих мыслей. Ни к чему.

Любила я и поляну, которую назвала лягушачьим раем, столько там было лягушек, по краям которой опоясывала калина и дальние весёлые цепкие заросли шиповника.

Муся, какая ты красивая. К тебе нечего ни прибавить ни убавить. А какая шерстка у тебя стала. Кто-то долго придумывал как тебя

разукрасить и эти два ошейничка, и эти пятна и полоски. Всё - совершенно.

- А какие жёлтые - изумрудные глазки. Не надо так смотреть на меня, я знаю, что ты умная. Вообще Муся, я тебе должна сказать, что жить ты умеешь гораздо лучше меня. Есть чему поучиться.

Это была обыкновенная степная деревенька. Но и здесь ты оживал и начинал понимать, как ты должен жить.

Всё дело в том, что природа сама вела тебя по жизни, и тебе лишь оставалось понимать её.

Но иногда мне всё-таки хотелось уехать и побыть хотя бы несколько дней у Катуня, где Господь Бог приложил к своему творению весь свой гений. Где личность Бога выражена всеобъемлюще и человеку остаётся быть только бесконечно счастливым. Радоваться рядом с ней. Помню последний день в Чемале. И это настолько ново и необычно для человека, что потом он будет стремиться попасть туда всю оставшуюся жизнь.

Осенью был пожар, ремонт, потом дети пошли в школу, и я снова не успела поехать туда, но в желании и стремлении своём укрепились сильнее.

И здесь меня посетила идея...

Выпал первый снег, и крыши домов им тихо накрылись, небо поднялось и , сверху мне всё хорошо видно.

И я решилась. Был ясный лёгкий зимний день, и я чувствовала себя легко и спокойно.

Здание банка в ложноклассическом стиле, небольшой новый двухэтажный особняк из белого кирпича, свободно стоял у трамвайного пути.

Я открыла железную дверь, весёлые глаза милиционера, лестница.

- Можно пройти к управляющему?

- Да.

- Лестница легко шла наверх, на площадке была повешана хорошая желтоватая штора. Стены были выкрашены желтоватой яичной краской, хорошие кресла, по коридору прошла хорошо одетая женщина в китайском пуховом костюме, она тоже шла независимо, в открытую дверь узкого коридора, я увидела в большой комнате почти светскую беседу, сидящих за столом дам. Обычно в советских учреждениях царит такая убийственная атмосфера, что она способна уничтожать всё и всех.

Она настолько подавляет, что люди ходят пришибленные, лишённые всякой инициативы, с отстранёнными глазами. Им нечего ждать в жизни. По коридору прошёл мужчина в костюме. Этот нет, он, пожалуй, слишком выдержан бухгалтер - банкир? Секретарша тоже приятная женщина с русскими красивыми светлыми глазами оповестила, что управляющий сейчас подойдёт. И здесь я увидела мужчину.

Первое что я увидела острые показавшиеся мне чёрными глаза, свободная уверенная поведениe, властный голос, который говорил впрочем мягко.

- К вам можно будет зайти?

- Вы по кредитам, - он обернулся в своей двери.

- Я смешалась - Вообще-то нет, ну да, впрочем, скорее всего да.

Неплохое начало - мне минут десять.

- Давайте отпустим вот человека, ему недолго.

- Внимательный взгляд из-за разворота плечей.

- Хорошо, - легко согласилась я. Мне терять ещё было нечего.

Наконец, длинный кабинет со стульями, со столом буквой т; Крест, распятие и в центре этой голгофы сидит суховатый человек с яркими очень понимающими глазами. И снова этот взгляд.

Пока я шла вдоль этого креста я заволновалась. Это было предательское волнение. И снова этот взгляд. Понимающий: "Садитесь".

Располагающая спокойная интонация.

И здесь из-за этого идиотского волнения я начала говорить неожиданные даже для самой себя вещи, что я в своё время боролась и это самое яркое впечатление моей жизни, за то, чтобы не было строительства Катунской ГЭС что это была русская интеллигенция из АНИИХТа, что это самое яркое впечатление моей жизни, и что моё предложение связано с этой борьбой.

Я сказала, что я думаю, что мы нужны друг другу, потому что так и на западе, приходят люди с интересными принципиально новыми идеями к людям, способным оценить эти идеи и они начинают работать вместе.

Такой идеей я считаю идею снимать природу Горного Алтая на видеокассеты и продавать их. И хотя до меня никто не снимал её в чистом виде, но это лишь потому что никто не понимал, что это возможно.

Про себя я подумала, что лишь Паустовский и Пришвин понимали природу как главную героиню своего творчества. А ведь можно сделать шаг ещё дальше в этом направлении.

- Но ведь банк не может заниматься этим. Отказ был решительный.
- Нет.
- Это уникальное место, здесь можно развернуть туристическую деятельность, американцы строят дорогу, они всегда начинают с дорог, когда-нибудь здесь будет Национальный парк.
- Три года назад приходили мужчина с женщиной. Они хотели организовать Т.Б.
- Ну вот видите. Сама идея висит в воздухе.
Банкир помедлил. Ну давайте.
- Нет, я не хочу заниматься турпоездками. У меня немного другое.
Бог мой, я не смогла из-за волнения ясно изложить суть даже своего делового предложения.
- Я вас не знаю.
Я устала. Мне было очень трудно вести этот разговор. У меня не было профессиональных навыков делового разговора. Я вела несколько другую жизнь, идеи вещь очень медленная, они долго вызревают и рождаются, и я не была готова к их обкатыванию.
- И всё-таки миром двигают идеи. (Очередная глупость в разговоре).
- Ну от того, что банк купит камеру он не разорится, вообще-то пора банку заняться и такой деятельностью.
Крупные банки уже покупают картины современных и даже старых художников. А вы бы не могли узнать, сколько стоит хотя бы приблизительно всё это?
- Наверное смогу. Снимать это очень сложно.
Я была благодарна ему, что он это понимает, но ведь неудобно говорить, что ты талант.
- А не могли бы вы всё это написать?
- В общем да, я даже напишу лучше.
- В дверь заглядывали. Селектор надсадно гудел, телефоны тоже перезванивали.
Я вторглась в чужую напряжённую жизнь со своими законами.
Через недельку я напишу. Пишу я лучше, чем говорю. И я быстренько побежала к выходу.

У входа в дверь меня встретил Мурзик. Он затаился, чтобы сбежать, как это делал не раз в деревне. Его янтарные, сусального золота глаза загорелись.

- Мурзик, это тебе не деревня, здесь тебя ухреначат в два счёта, воздух в городе пахнет убийством (как Катька говорит, выходя на улицу, опять что-то выпустили в воздух). Сиди и жди лета.
- Разговор оказался тяжёлым для меня.

Я никогда не общалась с банкирами. Экологи - святые люди. Упёршиеся над бездной и махровые тупоголовые советские бюрократы - ублюдки второго большевистского поколения, которые были способны на всё, они даже не могли шевелить мозгами и подумать о будущем собственных детей. Не могла я их воспевать согласно своей профессии у их общего корыта.

Банкиры это что-то новое.

Мурзик лежал посередине комнаты, вытянув лапы вперёд и находясь в абсолютном равновесии. Я заварила крепкого чая. - Мурзик, ты само совершенство. Вот бы мне так научиться. Я о тебе уже давно хочу написать роман, да времени нет. Нелегко это будет сделать. У меня были великие предшественники, я, Мурзик, имею в виду Гофмана и мне будет трудно. Но ты ведь совсем другой кот.

Я пошла и заварила крепкого чая и прилегла на диван.

Да, я никогда не общалась с банкирами. Мне с чем сравнить. Но одно я хорошо поняла...

В детстве я запоем читала лёжа на перине с ангиной читала разрозненные романы Бальзака и помнится барон Нусинген был банкиром и Бальзак его несомненно любил. Авантюрная, богатейшая по мыслям и людям атмосфера этих романов вообще, конечно, не вязалась с замедленной совсем не интересной жизнью вокруг.

Меня никогда не волновало чужое богатство. Куда бы я вложила деньги, если бы они бы у меня были?

- Построила бы дом на берегу Катуня, где-нибудь в районе Чемала или повыше. И по ночам бы слушала, как поёт очень сложные вещи Катунь.

А выйдя из дома молилась бы этим горам вокруг. Я знаю я бы там нашла то, что иногда смертельно нужно человеку.

Деньги в России достаются очень тяжело. Конечно, богатство - это свобода. Деньги - это и власть, но ведь власть должна быть для чего-то нужна. Но сколько я видела людей обладающих большой властью, которые лично ничего не делают. Или это была не та власть, хотя мне и не нравилось то, что я там говорила.

Я выдержала очень трудный разговор с очень сложным и сильным человеком. И я знала хорошо. Ни за какие деньги я бы не пошла на то место, на котором был он.

Ильи не было целую ночь дома. Неужели стал гулять с девочками. Сказал, что будет ночевать у друга. Вряд ли он что-то смыслит про СПИД, хотя я ему и показывала по телевидению того американского

баскетболиста-миллионера, ведущей команды НБА, брат сидел в правлении Кока-Колы, он ожидая ... от своей будущей жены, заразился СПИДом во время случайной связи. Все об этом узнали, когда жена была беременна на третьем месяце. Заразил своего любимого, своего единственного сына. Он сидел на зрительской трибуне с годовалым ребёнком на руках.

Ни за какие миллионы долларов, я бы не захотела быть на его месте, и совсем не потому что я уж так дорожу своей жизнью. Он медленно и верно поднимался к величайшему страданию за ту женщину. Это было распятие Христа уже XX века.

У этого человека тоже были великолепные глаза, и он ещё мог улыбаться.

- Илья, ты лезешь, куда попало, нужно влюбиться. Это прежде всего. Не надо слепо делать как другие.

Но вряд ли он что-нибудь понял. Народ вооружается, в аптеках были, а сейчас во всех полностью исчезли презервативы. Тебе это о чём-нибудь говорит? Но я стеснялась говорить про презервативы и замолчала. Проклятое советское воспитание. Почему я? Впрочем, это к делу не относится. За рубежом там в школе с 12 лет обучают, как пользоваться ими. Насмотрелся этих сексуальных паршивых американских фильмов и принимает всё за чистую монету. Нет, жизнь это не сексуальный фильм, лялька.

Я не могла ничем заниматься и села за своё деловое предложение банку, чтобы переключиться хоть как-нибудь.

Статья получилась немного заманчивая. А строчки про "выхолощенную стерильную городскую жизнь" были для меня в этот момент как недостижимое счастье.

На следующий день, когда утром он явился домой, я со спокойной совестью села за свою старейшую пишущую машинку и перепечатала на четырёх страницах всю свою статью. День был проходящий скушноватый, он тёк незаметно сам для себя, кошки после долгого сна, лежали и играли на полу.

- Мам, Мурзик лежит на полу как мёртвый. Муся лежала напротив него, абсолютно свободно, помахивая хвостиком, она была настоящая женщина. Позвоночник с хвостика Мурзика был изогнут как у Птеродактиля.

- А я раньше этого Мурзик не замечала. Когда они разыгрались, то Муся встала на задние ноги и пошла на Мурзика. Это был очень древний, даже для неё жест.

- Мам, она всегда нападает первая.

Перепечатывание заняло всю вторую половину дня и пора было идти встречать из школы Катю. Я была у неё личным телохранителем.

Завтра - отнесу. Но что-то во мне сопротивлялось этому визиту.

В пятницу после обеда банк был закрыт на толстенную цепочку с массивными зелёными дверями, и я с облегчением вздохнула. Ну что же понедельник, день действительно тяжёлый.

Когда я выходила в прошлый раз, то навстречу мне попался молодой милиционер, с весёлыми глазами и автоматом на шее.

От неожиданности, автомат я видела только в кино, я сказала - Ой.

Конечно, вы Пётр Николаевич, профессионал в своём деле.

Я это чувствовала. Видела я и что вы думаете по-другому. То же профессионально по-другому. За одно поколение, наверное, трудно этому обучиться. Вообще это большое понимание людей в глазах.

Наверное, это немного сумасшедшая ситуация приходят самые разные люди и все просят денег. Кому давать? Кого ждать?

Несмотря на то, что при мне по телефону было кому-то вежливо из руководителей предприятий отказано: наверное, нечем платить заработную плату, догадалась я, я всё-таки не почувствовала небрежного отношения.

- Илья тебе пора в школу? Вставай. Ты за час не успеешь собраться. Больше я подходить и будить не буду.

Илья врубил: "здесь деньги стоит даже чистая вода".

- Мам, скажи ему, потише, чтобы сделал, он здесь не один.

Ну вот вам и первое желание. С творчеством Вилли Токарева мы досконально знакомы с 1983 года. "Небоскрёбы, небоскрёбы, а я маленький такой".

- Катя, а ты знаешь, если бы было можно, то я бы сейчас рванула в Америку, в ресторан, где он поёт. Ведь он ещё живой. Понимаешь ты, что это такое, Катя - он великий певец.

- Мам, я с тобой.

- В Америке не запрещается сидеть в ресторанах с детьми.

Давно я не высказывала ничего подобного. У меня была тихая давняя глубоко хранимая мечта пожить ну месяц, ну два, во Франции: что зря я что ли выучила французский язык и прочла всю французскую литературу.

Но эта мечта просто украшала жизнь. А вот эта откуда.

- Илья, ты знаешь давай потише, и поставь что-нибудь другое более успокаивающее. Например его поурри советских песен, это всё-таки укрепляет в желании остаться на родине.

В Америке слушают это же попури, наверное, из других соображений: воспоминание о родине. Он их так весело и великолепно поёт. Да, надо поосторожнее с желаниями. Это мозговая атака.

Мы с Катькой были начинены всей современной музыкой, начиная с «Голубых мальчиков» и кончая «Армией любовников», под завязку. Я даже могла ещё в кресле, в метре от колонки, слушать тяжёлый рок.

Катерина, пошли побыстрее в школу, мне нужно заглянуть в одно место.

День был солнечный яркий весь словно светился. Оцинкованный верх банковского иконостаса сиял на нём. Секретаря не было. Вторая дверь была приоткрыта и от туда доносился раскатывающийся в пустой комнате голос.

Речь шла о ста миллионах. Именно эти два слова отчётливо прозвучали. Голос разносился и раскатывался, но он был спокоен. Все остальные разносились и раскатывались сливаясь в доброжелательный тон.

Ну вот могут же спокойно относиться.

- Можно войти?

- Да.

- Снова этот длинный непривычный путь в огромной комнате снова боковые стулья. Достāju из сумочки четыре листика и кладу ему на стол.

Пётр Николаевич закуривает, и начинает внимательно и спокойно читать.

Сидит тихонько и читает, табачный дым тихонько вьётся кверху.

Я рассматриваю люстру. Свет тихого серенького дня освещает всё окно.

Вообще-то я не очень понимаю, как он думает, я знаю по-другому. Но это всё.

Поворачивает ко мне лицо. Я близорука, и без очков даже и с такого близкого расстояния мне его не разглядеть.

Не дай Бог обидела. Но, когда пишешь там сама собой рождается логика и ты меньше всего виноват в написанном. Он тихонько спокойно говорит. Здесь всё правильно. Но мой банк - это филиал, и нужно поговорить ещё в Барнауле.

Я бы мог отвезти, для вас это была бы экономия времени.

- Да.

Я ему благодарна, это не только экономия времени, но для меня и нервов.

Из-за своего общения с советскими бюрократами я обычно выносила очень тяжёлое чувство ненависти к этому особому классу отобранному искусственной селекцией. Илья бюрократа по телевизору узнаёт с первого взгляда. Начальника проверяет потом по диктору.

- Вам повезло, завтра в банк приезжает заместитель, это женщина, вы бы не смогли прийти без пятнадцати десять и подождать внизу.

Голос сделался вкрадчивым.

- Нет, женщины плохо оценивают идеи, хотя я и сама женщина.

- Женская неприязнь друг к другу.

- Утечки информации не будет.

Я снова с благодарностью взглянула на Петра Николаевича.

Рекламная компания банка была неплохо разработана, да и стоило всё это недорого. Минимальный прожиточный уровень для двух человек на 1-3 года. Всё равно мы эти деньги отработаем.

- Хорошо.

И я двинулась к выходу.

- Но около подножия креста я неожиданно остановилась, развернулась к нему и неожиданно для себя сказала.

- Чужие деньги. (Да, это, конечно, тяжкое для меня бремя), которое я попыталась стряхнуть сейчас с себя.

- Я и к своим-то не очень отношусь бережливо. Просто беда. Я продолжаю говорить. Чёрт, неожиданные вещи.

На следующее утро я встала пораньше.

Интересно, когда я перестану говорить неожиданные для себя и, по всей видимости, и для других.

(Заметки на полях)

(Визит к миллиардеру, Шпенглеру позволил родиться "Континент".

Здесь же его автору нашли место в психбольнице. Там же это украшение цвет Европейской культуры.

Это был толстый культурный пирог, в котором целью поколения культура, мягко ложились один на другой. Неплохо устроилась там и наша советская по рождению я имею в виду журнал Континент.)

Утром, раненько, я встала приняла ванну. Пошла к трамвайной остановке. Лёгкая метель, мелкий сухой снежок. Трамвайчика не видно. Мне бы не опоздать. В распоряжении у меня всего полчаса.

Слава Богу не опоздала. Сажусь на первом этаже под пальмой.

Две в натуральных мехах дамы садятся рядом за столом:

- Он всю сумму отдал пятёрками. Я как увидела так обалдела. Вчера напился.

- Ты всегда опаздываешь, обратились они к третьей.

- Ну что мы будем здесь сидеть и ждать. Пойдёмте.

Я тоже иду за ними, и они приводят меня прямо в приёмную. Они идут важными походками кошек.

Так вот что их беспокоило. Они не вернули денег в срок. Пишут с помощью смеющейся женщины на высокой шпильке заявление.

У меня рядом с ними вдруг возникает чувство отстранённости от происходящего. Может быть, я не туда попала.

Спрашиваю у секретарши:

- Наверное, он вас не примет. Сейчас он разговаривает с ревизором.

- Одевается.

- Может быть, он меня всё-таки оставил на конец.

- Скорее всего не примет.

Два раза выходят и заходят женщины. Из двери напротив выходит пожилая женщина, которая повелительно движется.

Открывается дверь и появляется Пётр Николаевич.

Я поднимаю глаза. И вижу перед собой совершенно другого человека. Сияющие миндалевидные карие глаза, лицо освещённое насмешливой умной улыбкой, все движения лёгкие, точные.

Это своеобразная игра со всеми окружающими женщинами, игра, полная обаяния, красоты, зрелости. Он в дублёнке и норковой шапке? Всё ему очень идёт.

- Нет, не забыл. Разговаривать некогда (другая интонация). Ваше предложение я сам отвезу в Барнаул.

Он поворачивается и в сопровождении людей идёт к выходу.

- Позвоните потом.

Не так уж часто присутствуешь на празднике не дутого ума, успеха, человеческого обаяния, которые приходят в результате, вероятно, человеческой жизни.

Около банка стоят машины, последнее, что я слышу, а мы здесь поместимся.

Метель сделала воздух чистым, всё прикрыла лёгким снежком, и банк и фигуры на этом белом контрастном свете кажутся одинокими. У меня на душе тоже легко и хорошо. Я задумалась. Иду к трамвайной остановке. Здесь всегда тихо. Поднимаю глаза, вижу перед собой автобусик остановившийся, оглядываюсь назад. Там легковая машина. Я провожаю её глазами до дороги на мост.

Снежок снова начинает идти. Я иду мимо пустынного кинотеатра. Катя дома уже не спит.

- Где это ты была?

- Катя у меня была важная встреча.

- Ты даже не предупредила.

- Но я не хотела волновать.

Несколько дней я действительно мучаюсь. Нет, не за фильмы, я знаю, что я их сниму. Но вот как я смогу купить камеру, как я в этот жёсткий ритм работы впишусь, если вдруг я получу согласие, хотя это и маловероятно. Но всё же если вдруг?

Где-то через неделю, я набираю номер телефона через 09.

- Это Пётр Николаевич.

- Да, да.

- Здравствуйте я хотела узнать ответ насчёт рекламного бюро. Это Ц.Л.И.

- Что? Что?

- Холодный тяжеловатый голос.

- Ах, да, да. Я не запомнил ваше имя отчество.

- Ну я отдал. Поговорили минуты три. Она уехала в командировку на полторы недели. Позвоните числа 25-го. А вы пока побегайте по предприятиям.

Я чувствую, я знаю, что меня направляют по ложному следу.

- Ну бегать-то это вещь тяжёлая.

Управляющую Лидер Банка я видела по телевидению. Ну, она, конечно, по-своему, умная, цельная.

Но ехать нужно не к ней, а к Неверову? Но он в Тюмени. Он просто пускает самые разные идеи в дело, чтобы, наверное, понять, какие из них принесут наибольшую выгоду.

- До Тюмени далеко.

- Да.

- У него здесь где-то в Кемерово есть пункт говорят; Но здесь-то как бы хорошо рядышком.

- А вы знаете, я понимаю, что вы значительны по уму, значительны по чувству и я была рада познакомиться с вами.

- Всё это святая правда.

- Позвоните числа 25-го.

- Слышу я сложный по составу чувств отрывистую фразу.

- Но 25-е завтра. Это суббота и я бы не хотела никому портить Новый Год, в том числе и себе.

Но я смогла убежать от себя и от кружащейся под моими ногами поляны. Мне было тогда достаточно сидеть на крылечке у дороги и тихо прислушиваться к нарождающейся жизни во мне в ответ на окружающий дом мир. Он был един и не разрушен, и он жил этой единой жизнью.

Опять пошёл снежок. Я купила Катьке буханку горячего мягкого хлеба и завернула за угол к магазину "Спутнику". Но мне был нужен не магазин, а мне хотелось пройтись.

Кинотеатр выглядел сонным и притихшим, сейчас, даже не верилось, что там что-то идёт. Рядом с ним на большом пустом месте в самом центре города стояла машина, и подойдя, я с удивлением обнаружила, что в самом центре города в 11 часов утра с неё торгуют, как сказала бабка голландскими яйцами. Яйца были - шоколадного до насыщенного коричнево-фиолетового цвета. Откуда у нас голландские куры? Наверное, завезли. Торговал мужчина средних лет. Он постоянно смеялся. С его лица не сходила ироничная улыбка, но занятие это ему, вероятно, всё-таки нравилось.

Я подсчитала деньги и взяла 50 штук. Мне попались мелковатые, но они словно все светились.

- Не замёрзли ли? - Спросила я вслух у самой себя.

Бабка рядом ответила, осторожно складывающая свои в ведро. Она тоже тихо светилась.

- Да нет, вот разломанное.

В трамвае женщина пошла прямо на меня. Я не выдержала и как можно мягче ей сказала: «Но, если они разобьются, так ведь вам же будет хуже».

Но женщины есть очень напористые, они с трудом способны изменить свои привычки.

Ругаться мне сейчас не хотелось ни с кем. Домой я зашла с совершенно целой сеткой, не одно из них так и не провалилось в дырочку.

Мир вокруг меня расширился, от какого-то сильного движения...

Они сделали всё чтобы меня уничтожить. С самого рождения и до самой смерти. Но я жива. Они выражаются день ото дня, год за годом. Этот круглый смертный вид, что-то в них замедляется выпадают волосы, делаются как сосиски пальцы. Эти бегающие, трусливые понимающие глаза. Толстый мягкий зад, на котором удобно сидят.

Человек превращается в куклу, в робота, интеллект умирает первым, полное и жалкое зрелище, если бы ты только не знал, что он в любую минуту может тебя убить. Тебя, реку, море, твоих детей, убить тебя ещё раз, работой тупой, тяжёлой опасной.

Так я думаю о них целый час. На полу валяются фотографии. Катя вчера смотрела и уронила.

Как я могу вырваться из этой жизни. Почти никак.

Я очень хочу жить на берегу сильной вольной свободной реки, реки моей жизни, где я была три дня и три дня счастлива. Это не река моей жизни, но я думаю, что это будет река моей жизни. И я хочу успеть. Построить дом и жить вместе со своими детьми.

Построить маленький белый лёгкий как церковь дом на самом берегу Катуня, похожий немного на дом художника.

И Катунь лёгкая стремительно несущая свой бирюзовый поток снова поможет родиться. В своём каменном прекрасном ложе, она будет петь мне песнь свою неповторимую песню счастья.

А рядом возвышающиеся

Ганова Людмила.

Работаю в вузе я недавно. И всякий раз, когда у меня лекция, я не то чтобы очень сильно боюсь, со страхом можно и нужно бороться в разумных пределах, но напряжение, которое ты вроде бы уже победил вдруг откуда-то совершенно неожиданно, как из-за западни может тебя настигнуть; Но успехи я повторяю есть; Сегодня суббота и я решила прогуляться, потому что поняла, что это очень успокаивает; Я оделась и вышла на улицу; Лекция то поздно, где-то часов в 6, а сейчас около 4; Целую неделю стояла холодная погода, это в конце-то февраля, но сейчас отмягло и мягкое тёплое солнце каким-то неярким светом согревает всё. Для меня есть ли солнце или нет имеет очень большое значение, потому что если есть солнышко, то этого вполне достаточно, чтобы я себя чувствовала хорошо, почти счастливо, не знаю почему я не смогла написать счастливо, наверное, для этого нужно обладать смелостью; Прохожих мало, везде ощущается что суббота, и в свободной спокойной походке немногих людей, и в том, что мало транспорта, во всём; Утром наоборот поражает это усилие, какая-то сосредоточенность, когда люди идут на трудовой день. Да, они особенно сосредоточены и молчаливы, почти до суровости; Целый трамвай, до отказа набитый людьми и молчаливый; Или на меня всегда производит впечатление, как прорезает тьму натруженно идут машины, утром много, сразу;

Особенно идти мне было некуда, я зашла проверила, когда начинается третья пара. Ну да, правильно около 6, не знаю почему, но я всегда боюсь опоздать; Наш старый храм науки стоит рядом с храмом божьим; Он весь храм божий в отличии от нашего,

грязненького, давно побеленного, сияет белоснежной колокольней устремившейся вверх, а боковые пониже, прочно поддерживают её в этом стремлении; Когда я вхожу в наш, то мне видна эта церковь сбоку и вскоре не знаю, почему это стремление вверх у меня стало ассоциироваться с нашими современными ракетами и космическими кораблями, в них ведь тоже поражает это устремление вверх, только эпоха другая более грозная и это устремление в форме стало тоже более грозным и лаконичным; Ведь не будете же вы утверждать, что нет ничего похожего в этой форме.

В том-то и дело, что есть.

Иду я мимо стадиона, немного людей беспечно и беззаботно катаются на коньках; Пойду-ка в кинотеатр, посмотрю, что там;

Вообще-то сейчас его сделали детским, а в детстве я посмотрела в нём много чудесных фильмов, не знаю почему, но особенно я помню итальянские фильмы; Было в них что-то странное и привораживающее, что заставляло запоминать надолго; Ну да иногда там идут и взрослые фильмы, видно для сбора.

На афише "Единственная". В ролях В.Высоцкий; Последний фильм с его участием; Надо сходить; Высоцкого я люблю, этот буян, человек не укладывающийся в рамки прокрустова скучного официального поведения, наверное, не всем по вкусу. Но он выразил наше время, нашу эпоху в своих потрясающих песнях; Потрясающих, наверное, потому что очень честных;

11.5. 8ч: 40 минут; Завтра бы успеть, пока не сняли; Ну да, а теперь обратно; Стараюсь идти медленно, размеренно, ведь всегда я спешу, словно выиграть лишнюю минуту, это принципиально, а ведь есть люди, которые устроены принципиально наоборот: они медлят, где это только возможно, причём бессознательно; По радио выступала знаменитая актриса Фатеева. По-моему, эта женщина принципиально не стареет; Она выглядит так же, какой я её помню по детским фильмам, а за это время я выросла и превратилась в тридцатилетнюю женщину. Так вот она утверждает, что нужно уметь гулять, не обязательно специально, можно перед работой; В этом весь секрет красоты; Ещё нужно совершать лыжные прогулки; Да, да эту зиму я ни разу не надела лыжи; Моя подруга после вылазки на турбазу, когда приехала домой то с ней сделалось плохо, рвота, вызвали скорую помощь; Врач поставил диагноз: кислородное отравление; В общем подышала чистым воздухом. Лучше без таких эксцессов, дышать тем чем привык; Ну вот и церковь; Перед ней грузовая машина с открытым задним бортом и небольшим ковром. И небольшой автобус; Отпевают; Старушка, наверное. Не знаю что

меня подтолкнуло, но мне захотелось зайти, посмотреть; Узорчатая спокойная чугунная калитка; На высоких зелёных металлических дверях надписи мелом, как на школьной доске: "Мужчины, снимайте головные уборы, входя в храм". На другой двери: "Не забывайте вытирать ноги". В прихожей сидит мужчина лет 50, с каким-то кротким лицом, без ног. Я ему кинула 15 копеек.

В церкви слышно пение. Поют очень хорошо; Много раз по телевидению в художественных фильмах я его слышала и теперь узнала; Это впечатление реальности происходящего какое-то страшное необычное, я никак не могу в нём разобраться; Бас густой сочный по голосу я определила лет за сорок, перекрывал хор тонких; Я перешла налево, где стоял народ.

Поп, с очень умными глазами, по-деловому отпевал покойницу, вот он увидел, что подошла я и с минуту изучал меня; Должен принять за родственницу; Жаль, что у меня накрашены губы; Он был в тёмной ризе, а длинные волосы, вполне соответствовали теперешней моде, его вполне можно было бы отнести к художественной богеме.

Нет, всё-таки толстоват, как у Блока в 12. Вот он мельком взглянул на то, что в гробе; Потом последовало его деловая команда. Закрывайте крышку. Мне не видно было, ту, что была в гробе и мучительно захотелось посмотреть, ведь теперь это лицо навсегда бесследно исчезнет из мира. И я чуть-чуть переместилась;

В гробу, действительно лежала старушка, в платочке, и сначала она мне показалась маленькой, маленькой; Она была старенькая и обхватила себя ручками, это был последний жест, какой-то судорожный, и единственно живой, что связывал её с жизнью; Казалось, что она вся ушла в себя, ушла от жизни, ушла далеко.

И такая она была старенькая и неподвижная и жалкая, и так она изболелась от какой-то болезни, что долго на всё это смотреть нельзя было; Это было как само воплощение страдания; Вот принесли крышку; Стали забивать гвозди, поп пошёл к какому-то входу и притворил его за собой; Я пошла к выходу, но сзади снова раздалось хоровое пение, и я обернулась. 6 мужчин за 40 несли гроб; Впереди, махая кадиллом, шёл поп; Он вышел на крыльцо и хор старушек остановился на крыльце; А старушку несли к машине; Это прохождение и достойное красивое пение, всё это было хорошо; Наверное, каждая из старушек думает так покинуть мир; Какая-то бледная и белая как лунь совсем, спросила у меня: "Как зовут покойника". Не знаю.

В дверь навстречу процессии протискивался мужчина, вполне деловой, с окладистой бородкой, с папкой всё-таки двадцатый век

накладывает свой неизгладимый отпечаток и на служителей церкви; Но бледность его лица была такая же как и у просящего милостыню.

Ганова Людмила: Рассказ.

Я прошлась по чистым пустым и тихим комнатам. Дома всё-таки редко бывает идеально чисто слишком тесно мы живём: всего 28 кв.м. на четырёх. Но и эту квартиру мы получили, когда Ильке исполнилось 10 лет. Катя спит в детской, во сне она два раза сказала Мама грудным воркующим голосом. Что-то во мне всегда ждёт, как она скажет это Мама. То что этот воркующий звук голубиный я знаю точно. Раньше мы жили с родителями в панельной пятиэтажке на четвёртом этаже и на кухне через отдушину был слышен постоянно этот волнующий звук воркующих голубей, греющихся или живущих на крыше у отдушины голубей. Новый дом пока не вызывает во мне никаких чувств, я к нему никак не отношусь, и мне самой это странно.

Когда я прихожу к бабке, в тесную четырёхкомнатную смежную малогабаритку и ложусь на кровать, напротив стеллажей, где стоят мои книги, каждая из которых были куплены с таким трудом, и где нет ни одного собрания сочинений, то я начинаю явственно ощущать, что я дома, что мне хорошо. Больше всего от отсутствия дома в семье пострадал мой первый ребёнок, который совершенно не умеет находиться один в комнате. Что мне с ним сделать не знаю. Создать нормальной жизни в своей новой двухкомнатной квартире я тоже пока не могу, хотя прилагаю много сил: мне не хватает навыков этой нормальной жизни, слишком многое запущено и у него, и у меня. В общем исключая срывы, мы начинаем лучше друг к другу относиться. Это я говорю Ильке вечером в ярко освещённой комнате, где просто болтается лампочка, измученная суетой дня, его какой-то бесполезностью для себя, и собственной неудовлетворённостью от него. Но я надеюсь, что смогу понять что-то в себе и в нём, и в муже, и мне хочется, чтобы дома воцарился мир. Мне становится немного совестно за это древнее и пышное "воцарился", теперь вместо него всё более употребительное и скоротечное "был" неуловимое в своём движении, но всё управляющее в небытии.

Со своей точки зрения я постаралась устроиться возможно комфортабельнее со своими небольшими возможностями, ибо я не

работаю, как родилась Катя, мужу не давали детский сад, а уходить на другую работу он не мог, ждали квартиру. В полированный шкаф, подаренный сестрой, я поставила несколько любимых книг: Томаса Вулфа "Взгляни на дом свой ангел", Хорхе Луиса Борхеса "Избранное", так устранившее меня при первом чтении, причём я не могла понять, откуда этот страх берётся, ведь никаких особенных ужасов он не описывает, потом я поняла, что повествование у него строится и движется взаимоисключающими противоречиями; Альбера Камю, его "Падение" на французском языке, которое я считаю наиболее точно соответствующим моему восприятию современной жизни; Марселя Пруста "В поисках утраченного времени". Я думаю, что так бы я жила или точнее воспринимала жизнь, если бы у меня было столько свободного времени как у господина Свана, Соколова-Микитова, его "Избранное" с удивительно современным пониманием жизни, счастье. Меня поразило, что то же впечатление счастья, ощущение счастья от своего единения с природой, миром я нашла в рассказе Камю "Бракосочетание в Типаса".

Мне не хочется употреблять слово природа, настолько оно превратилось в штамп, телевизионную декорацию природа это что-то другое, гораздо более сложное, живое и совершенное, чем она нам представляется, многое тут верно почувствовано Николаем Заболоцким. Мы же всю жизнь ходим со школьным подходом к ней. Старый диван, мы обили льняной с лавсаном в клеточку синей материей, над ним повесили взятый в кредит грузинский ковёр, наполовину из синтетики, за который расплачивались целый год, который по вечерам почему-то делается более ярким и насыщенным почти тёмно-красным, новое кресло подарила нам Матушка, на окнах льняные жёлтые шторы на самодельном карнизе, старый купленный десять лет назад телевизор Славутич тоже в кредит стоит напротив окна, у большой стенки.

Но Ильке нужна во-первых люстра хрустальная за 300 рублей, и стенка. Как она светит Мама, а стенка есть у наших соседей, они умудрились с двумя детьми мальчиками, старшему столько же сколько моему сыну получить трёхкомнатную.

Когда я хожу и усыпляю Катю на руках я люблю смотреть на корешки книг, читая их я была счастлива: Ф.О. Маттисен "Ответственность критики", Н.Конрад "Очерки японской литературы", прекрасно оформленная книга, белая с красным и золотым "Александр Бенуа размышляет", купленная в букинисте,

В.М.Жирмунский "Избранное". Крайняя в красном супере с фотографией гениального Рембо стоит маленькая в четверть листа. Стихотворения его на французско-немецком языке, под супером она в настоящем кожаном переплёте, в центре в круге парусник. Я не знаю, обозначается ли так серия издания, или это символ "Пьяного корабля" Рембо. Но ведь не менее прекрасен и его.

Стоит только взять её в руки мягкую, живую тёплую, открыть на любой странице с такой любовью к делу напечатанную изумительным тоненьким шрифтом, что начинаешь ощущать себя бесконечно богатым.

На средней полке за десять лет по случаю и очень недорого купленные болгарские большие круглые фужеры для шампанского, каким красивым может быть простое стекло, как красиво живёт там свет, наша тяжеловесная хрустальная ваза для цветов в виде тюльпана, четыре японские тарелочки с изящными маленькими лепесточками, купленные мной в Новосибирске, когда я там училась, четыре чайных чашки с блюдцами, очень белые, нежные, купленные мной там же на стипендию. Стоило это всё тогда очень недорого. Наверху рядом с часами стоит китайская вазочка из простого тёмно-фиолетового стекла, купленная мной на базаре. За много лет, приглядываясь к ней я обнаружила такое редкое совершенство и точность формы, которое вырабатывается, вероятно, за сотни, тысячи лет.

Самовар, который я притащила с кухни и поставила на окно с жостовским подносом мне кажется тоже вписался, а как-то вечером, глядя в темнеющее окно с безымянной тревожной звездой и его тёмным силуэтом, я поняла, что по форме он напоминает пропорции греческой классической вазы. Это мне показалось забавным: древние греки и русский самовар.

И ещё, чем я гордилась и что любила, так это треснутой тёмной коричневой иконкой с ладонь, которую я обнаружила в старом умирающем доме мужа, где он жил так долго один, после того, как умерли все его близкие: Мать, тётка, дед. Наверное, она не была очень древней, но она уже почти стёрлась под временем. Написана она была очень скупо, в основном тёмно-коричневой, да чёрный цвет, только где-то на одежде один красный бледный мазок.

И в общем непонятно, почему глаза живут такой интенсивной жизнью, откуда берётся это напряжение духовной жизни, они беззащитны от добра и соперничества с вами. Через полгода как мы переехали, на пол я постелила деревенские шерстяные половички

сотканые умершей от рака матерью Саши. Это очень яркие, очень чистые по цвету полосы красного, чёрного, оранжевого цвета, про которые Илья сказал: отличные. Ну что бы он понимал поросёнок? И почему ему так важно жить комфортабельно и красиво?

Я поняла, почему с такой любовью художники пишут интерьеры жилых комнат, что должно быть какое-то соответствие внутреннего мира жилища и человека.

По утрам, когда мы с Катей вставали в общем-то поздно, проводив Ильку в 7 часов в школу, солнце уже ярким, чистым зимним светом наполняло комнату, мы шли на кухню, пили крепкий свежий чай с лимоном, с сахаром вприкуску, варили кашку и время потихоньку спокойно текло. Илька приходил из школы в 12, 1 часа, и я, пока Катя где-то с час играла, могла посидеть в кресле с книжкой, подумать. Дело не в том, что я открыла, (нет ничего прекрасней бытия), человек должен побыть хотя бы немного наедине с собой, попытаться решить назревшие проблемы, вопросы, он должен ощутить себя полностью. В современной жизни человек используется функционально по частям, в домашней работе, на производстве, во всевозможных мелких надоедливых хлопотах, телевизором, это его здорово обедняет, мы слишком этой повседневностью утомлены, обкрадены, нам не хватает цельности, её обретения.

Вечером я купала Катю, Илью, готовила ужин, делала уроки, если были силы успевала постирать, укладывала спать, пыталась снова наладить семейную жизнь и уладить конфликты, сама я ждала третьего ребёнка. Сегодня в детской, Катя охотясь за тетрадками, чтобы "решать уроки", выронила одну марку, из старой тетрадки в шифоньере, где она лежала и где я прятала чистые тетради. Я подняла её. Это была прекрасно оформленная марка с картиной Петрова-Водкина "Петроград в 1918 году". И мне стало ясно, что в ней от традиций древнерусского искусства: та же мастерски усвоенная, вернее воспринятая сдержанность в изобразительных средствах, ведь женщина с простым русским лицом в по крестьянски подвязанной косынке с ребёнком, это Богоматерь с Христом, великолепный светящийся цвет её голубого платья это от Андрея Рублёва, в гражданском здании живут и сочетаются и принцип церковного храма.

А народ, это народ 1918 года, такой же, каким мы его видим на картине Кустодиева "Большевик".

Из окна нашего шестого этажа виден спиртзавод, непрерывно работающий день и ночь с огромным элеватором, трубой, которая вечно дымится и клубится, а внизу частный сектор маленьких

домиков, которые кажется простоят вечно, а за ним летом течёт река, которая смыкается у горизонта с небом. Сначала я боялась, что выстроят быстренько зданий и всё закроется, и снова я буду смотреть на картонную пятиэтажку, убивающую своим картонным видом. Но потом поняла, что при современных темпах строительства это произойдёт нескоро, чтобы пройти эти полкилометра нужно наверное лет двадцать. Наша каменная девятиэтажка самая большая в городе, её зовут клюшкой, она загибается углом на другую улицу. В ней 12 подъездов, и наверное, ну-ка посчитаем, на каждом этаже две двухкомнатные и две трёхкомнатные квартиры, значит 2×3 или 2×4 или $2 \times 5 = 6 + 8 + 8 + 10$ 32 человека $32 \times 9 = 288$ или около 300 человек, или 250 человек, $250 \times 12 = 3000$ человек. Пускай две тысячи, но она производит удивительно пустой вид, десятка два ребятишек на улице, зимой редкие прохожие, жизнь людей доведена почти до автоматизма, с раннего утра до пяти часов работа, потом дом, дети, ужин, телевизор, даже для прогулки нет времени, в сущности это большая спальня, в которой человек задерживается только во время болезни, или декретного отпуска. Люди в сущности не живут. По утрам этот дефицит времени сказывается и у меня в виде какого-то напряжения, сделать быстренько то, сделать.....

Одно это сильно утомляет. Летом как только все заселились все принялись бешено наводить уют, квартиры многие получили через 10, 15, 20 лет. Немногие счастливицы, сумевшие добиться этого раньше о них стоит сказать особо. В коридоре лежал кучками неубранный цемент, он страшно таскался по ногам, но никому и в голову не приходило подмести площадку. В окна беспощадно светило солнце, но в магазине не было карнизов, под окном шумел трамвай и не заасфальтированная пыльная автострада. Я себя плохо чувствовала. У меня появилась привычка смотреть в окно, в даль и на небо. В сущности к небу, к Богу, я была ближе, чем к земле. Хотя близорукому человеку привыкшему глядеть метра на 2, 3 вперёд это трудно. Река была очень красива, и это меня поражало всякий раз. Потом, в один из летних дней до меня, наконец, дошло, что прежде чем приобрести такую совершенную красоту, она должна была пройти большой путь развития, совершенствования. Не умирая. Особенно я полюбила смотреть на неё в яркие глубокие солнечные дни, когда она отливала зеленоватым живым блеском драгоценной шкурки таинственно лежала или текла под высоким голубым небом. В серые дождливые дни она клубясь сливалась с таким же серым дымящимся небом, и тогда казалось, что между ними нет ни какой преграды, они одно целое. Но ближе к зиме, она словно впала в

зимнюю спячку, потом незаметно покрылась льдом и снегом, и исчезла.

Её словно заслонил постоянно дымящийся и испаряющийся спиртовой завод, который казался постоянно недовольным, словно он хотел всё крепко переварить.

И вот ранней зимой Илья почему-то вспомнил, что можно съездить на речку, посмотреть её. Мы ездили туда на ледоход в прошлом году все. Сойдешь с автобуса на конечной, перейдешь дорогу и за старым почерневшим зданием ДЮСШ сразу река. Я согласилась. Остановка выглядела буднично и скучно. Здесь, за квартал я жила 25 лет назад, и как только я увидела всё это, я поняла, что я ничего и не забывала, просто это всё лежало до поры до времени неиспользованным, я снова почувствовала себя беззащитной, словно я не кончала университет, не была матерью двух детей, не работала. Это был чисто провинциальный вид мещанского сибирского городка, который не менялся в последние 100-150 лет, правда двухэтажное деревянное здание с деревянным кружевом, зачем-то выкрашенное в зелёный цвет как-то сжалось, две доски на крыше отстали, но и оно самое хрупкое не хотело сдаваться времени. На втором этаже в чистой квадратной солнечной комнате жила когда-то моя подруга по школе и я запомнила как поднималась по почерневшей от времени купеческой лестнице в гости к ней стеснялась. Мама мне казалась очень умной, она работала в пединституте. Очень я любила приземистое из красного кирпича, с окнами бойницами и метровыми стенами маленький особняк, построенный нерасчётливо на века первым владельцем.

Современное строительство уже не одно снесло их неразумно с центральной части города: никому из отцов, властителей города, конечно, не пришло в голову, что это шедевр, ведь ничего подобного им не приходилось встречать. Там по-прежнему были кружевные выбитые задержки и красная герань. Несколько современных венгерских икарусов среди наших старейших развалившихся облезших и облупившихся автобусов странно вписывались и поглощались этим видом, почти вечным видом. Наверное, от такого вот неменяющегося ритма жизни у человека родилось понятие рая, в котором ничего не меняется. Итак я сделала несколько шагов по пересекающей переулком дороге, потом несколько шагов по откосу к реке и, не мешкая, попала совершенно в другой мир, существовавший параллельно первому. В нескольких шагах совершенно другой жизнью жила река и можешь жить ты.

Река километра полтора выше делала красивый плавный поворот из-за острова, по ней плыли льдины, значит, она ещё не замёрзла, но

с берегов метра на два её уже сковал лёд. Голубовато-жемчужный мир гармоничного, совершенного живого неба, реки, льдин, песка. Я вгляделась тёмно-серая - чистая темнеющая глубиной вода, под невысоким прозрачным нежным сероватым небом с лёгкими как льдинки облаками, чисто промытый желтоватый песок косы или песчаной отмели напротив, и просвечивающий более насыщенным лёгкими коричневым блеском тальник на далёком острове.

В сущности это был один цвет, который меняясь по тонам, то усиливался, то ослабевал, но заполнял всё вокруг. Одно не могло существовать без другого, долгие века они подбирались и вот в несравненном совершенстве создали гармонию красоты или жизни. С реки дул свежий пронизывающий ветер, голубые глаза Кати под красивейшими бровями стрелами, которые ей подарила бабка, засияли.

Катя встань против ветра, а то боюсь простынешь. Илька несмело встал на лёд, под которым таинственно текла вода. Провалюсь?

Да нет, видишь ребятишки уже здесь катушку сделали. Потом он несмело разбежался и прокатился. Мама, давай ты. Ну ещё меня здесь не хватало. Потом он забыл про опасность и стал самозабвенно, как умеют только дети кататься и на спине, и по пластунски.

Бледные его щёки налились тонким нежным румянцем, заблестели зелёные глаза.

- Мама, придём сюда ещё раз?

- Ладно придём, а теперь ты замёрз, пошлите.

Наверху женщина, которая жила наверху при ДЮСШ вывела крупную овчарку, которая тоже мёрзла и отворачивалась от ветра.

Илька, когда поднимался по откосу, почему-то остановился и ещё раз взглянул. Захотелось и мне взять всё это с собой.

Пока ехали в автобусе, быстро летящем, Катя уснула на руках, перед глазами назойливо вертелся какой-то пьяный юркий дед. Я с радостью вышла из автобуса. Она была тяжёлая и я с трудом донесла её до своей многоэтажки, освещённой теперь сотнями окон ячеек. На встречу попала любопытная соседка на пенсии, из другого подъезда, которая много времени проводила на улице.

- Где это вы были?

Илька дёрнул меня за рукав.

- Мама, не говори.

Ганова Людмила.

НАРИСУЙ МНЕ ГИТАРУ...

По вечерам я с детьми долго укладываюсь спать. Илька читает, Катя рисует, а я засыпаю между их койками на полу, или читаю, или

Катерина сидит у меня устроившись у коленок, как в кресле и рисует. Люди у ней получаются из какой-то концентрической окружности. Я пытаюсь расширить круг её рисунка и заставляю нарисовать гитару, которая висит на стенке. Выходит очень интересно, есть в этом какой-то свой взгляд, как у Брака или Пикассо.

В двенадцать лет Илья вдруг зачитал после того, как я хитростью: три страницы я, одну ты, "Старика Хоттабыча", чтобы я отдохнула. Многолетние нравоучения ни к чему не привели. И я уже чуть не плюнула. Ему нравилась эта атмосфера, когда каждый занимается своим делом, атмосфера открытой им тишины. Только иногда я, умаявшись за день домашними делами, которые в 21 веке будет делать "робот домашний".

Эта революция роботов произойдёт сама по себе, как все революции в этом мире, как предыдущая компьютерная. Это я поняла, когда побывала в цехе Сибприбормаша, огромном помещении, где у станков военного образца и потенциала стояли десятки, сотни женщин и вытачивали блестящие маленькие кругленькие детальки. В помещении ... цеха стоял вой на очень высокой ноте, и даже если ты пытался что-то проорать на ухо собеседнику, это было почти бесполезно. Я запомнила лицо женщины, бледная, какое-то стыдливое от этого происходящего безобразия, её худенькую маленькую поникшую фигурку.

Я выскочила из него, как ошпаренная. Нет, не всё я знала о жизни. Попыталась сравнить огромную современную девятиэтажку административного здания, где в огромных и небольших современных кабинетах, с панелями, полированной мебелью и телефонами сидели властные и уверенные женщины и спокойные образованные мужчины. Рядом строилась ещё одна девятиэтажка, а перед входом цвели розы.

Кто, когда задумается, что нет оправдания этим условиям труда? Вспомнила первые статьи критические о роботах в Японии, о том, что они освобождают рабочие места, а значит конкурируют. Ну, а нам бы хорошо, занялись бы гармоничным устройством, то бишь воспитанием личности, или воспитанием детей, или строительством жилья.

Когда устанавливается тишина, особая тишина вечера и покоя, я тоже успокаиваюсь.

Большой и неустроенный мир с его проблемами отодвигается и где-то замирает.

- У меня часы ушли на пять минут вперед, интересно, куда они ушли?
- Сказал Илья сегодня вечером. Теперь, сейчас время для меня течёт медленно, ровно, я могу почувствовать его плавное лёгкое, заполняющее собой всё наполнение.

Редко мы смотрим на звёзды, какой таинственный чудесный, огромный и пока не доступный нам мир. Мы даже редко о них думаем. Наверное, мы боимся огромного бесконечного мира, который открывается нам в нас привычно в нашем конечном замкнутом постоянном мире.

Вот уже несколько недель подряд я не могу достать прочесть ничего свеженького. А ведь сколько печатается во всех журналах, газетах, но с Катей никуда не поедешь, купить мне не по карману. Вчера у неё распух глаз, она его снова раскорячала. И я целых два дня была выбита из седла. Пришлось собраться и пойти к хирургу. Пришли. Хирург Чхеидзе, а дальше я не запомнила, Джурабович, оказался тем самым хирургом, к которому мы приходили недели три четыре. когда у неё болел живот. Высокий, сильный, очень красивый грузин, у него оказались гибкие сильные, какие-то, с каким-то особым чутьёмдвигающиеся руки, он самым внимательным образом прощупал её животик, и снова меня поразили эти руки, была в них какая-то одухотворённость, как в руках музыканта. Через три - пять минут, он всё точно там, как не совершенен язык не перебрал не перещупал, а что? Он спокойно и уверенно сказал, аппендицита нет, и я поверила. Нельзя было не поверить. "А вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейте водосточных труб".

Дома катя сказала: Мне в больнице доктор животик погладил.

На этот раз вышел какой-то пациент, а когда зашли мы, он тщательно мыл руки.

- Проходите, садитесь. Голос звучал почти без акцента, но как-то молодо, немножко одиноко.

- Вот это глаз. Иди сюда.

- Как тебя зовут? Катерина задрала свою совершенную мордочку, бесстрашно подошла, но отвечать и не собиралась.

Так же бесстрашно он своими руками взял её мордочку, всё это самым профессиональным внимательнейшим образом рассмотрел, потрогал, да хирург милостью божьей, и это в то время когда ...

Глаз вздулся, ранка была гнойная.

- Да, действительно, расцарапан.

- Снимай валенки, пойдём.

Из операционной, где ей, наверное, продезинфицировали ранку раздался Катин крик.

- Ой, щипит.

- Ну, ничего, Катя, потерпи.

А потом призыв о помощи.

- Мама, Мама.

- Ты чего, Катя? - Обратился опять он к ней близко, как это умеют делать русские.

Катерина продолжала взывать.

- Нехорошо, Катя, нужно потерпеть.

Оттуда она вышла забинтованная.

- Спасибо.

- Пошли-ка, Катерина, нечего тут орать, никто не собирается тебя слушать, если тут всех целый день слушать...

Я взяла валенки в руки и стала тянуть её из кабинета, она упирается.

- Да оденьтесь здесь.

- Ну вот, теперь хочет остаться, - сказала сестра.

Врач рассматривал карточку, и увидел свою запись.

- Чего она там поела?

Оказывается среди этого моря ребятишек он нас помнил, и я сразу это почувствовала, когда зашла. Очень серьёзное лицо, как-то немножко издали он следил за реакцией человека, такие помнят людей, он копил свою ему нужную информацию, как компьютер.

- Да горох поела, вообще-то ни каких консервов, всё свежее готовлю, надоело до смерти, - запальчиво сказала.

- Доктор, нам приходится ещё?

- Ну дня через два, если будет беспокоить, то завтра.

Я села с Катей на скамеечку, время было после обеда, холл был пуст, и только из зубного кабинета доносился плач: "Ой, больно". Господи, не могут обезболить. Взрослые-то как огня эту бормашину бояться, только в дурном сне может присниться, а здесь дети. За свою жизнь, я прочитала о десятках нововведений начиная от сверления водой, кончая тем, что могут выращивать повреждённый зуб, то есть дырка

Но на практике, пока я живу сверлили всегда этими машинами, не обезболивая. Наверное, просто уже никогда не будут выпускать другие. Это факт очень тяжёлый в нашей жизни.

Мы сидели, Катя на ручках, отходила от того, что её не послушались, её надутая капризная мордочка потихоньку стала забывать происшедшую обиду, и возвращалась к привычным заботам.

Дверь стремительно открылась и на пороге хирургического кабинета появилось не менее стремительная фигура Чхеидзе, увидев нас, он её так же стремительно закрыл.

- Молод совсем! Хоть ты и талант, если не гений, но человеческие отношения тоже проживаются годами. Так всё по дурацки устроено. Наверное, по заявке прислали, после окончания института. И я пожалела его.

Ну вот тот гениальный американец, который делал операции на сердце, ему вовремя предоставили все условия, а что придётся испытать тебе?

Ванечка Фрисс Иван Иванович, наш лор был милейший с чудесной улыбкой молодой человек, который стал страдать приступами гнева. Толи провинциальная жизнь действует, он просто прекратил принимать детей без талончиков, и часами сидел в кабинете. Надоело.

Наш участковый терапевт просто страдал от однообразия своей работы, наверное, и во врачи пошёл, потому что престижно. Сопли и прослушивание, выписка бюллетеней и ничего более. Как-то оживляла его борьба за сокращение бюллетеней, и справок школьников. Потихонечку он полностью дисквалифицировался унифицировался, зацикливался, застывал.

Моему хирургу был дан великий дар точного знания, профессионализма, желание понять, но, вспомнив заведующую, тоже провинциальную высокую худую истощённую дылду, я почему-то подумала, что она способна подставить в служебном рвении, самосохранение своего звания подножек. Но ведь умный же ты, должен понять. Хирурги менялись в больнице с быстротой чёрт знает какой. Я вспомнила того, русского, чуть-чуть заполошного, среднего роста, улыбкой на кругловатом чуть потрепанном лице, вечно уставшего, совмещающего операционную работу и здесь. Попали мы к нему потому, что веко к глазу, как сказал, не относится. Доктор, а глаз будет цел. Только очень болит. Это воображение нужно иметь.

Да хирурги боги, которые могут намного больше, чем обыкновенный человек, представить, что ты там кого-нибудь зашил.

На следующий день Катерина на отрез отказалась идти к дяде врачу, и я собрала её только в два часа, прогнав Илью в школу, в которую он тоже часто наотрез идти отказывается.

Я её одела получше, причём раскапризничалась из-за платья, она дома ходит в штанах и рубашках тёплых. На улице был яркий морозный день и мы мимо прошли в новых валенках мимо зимних берёз. Скорей, Катя, а то опоздаем. От двери обидевшей её больницы, она демонстративно отвернулась. Скорей, Катя.

- Мы тут немножко опоздали.

- Можно?

- Проходите.

Сестра толстененькая светленькая, крепко сбитая, мыла ловко пол, а он сидел за столом и, по-видимому, ждал конца рабочего дня через полчаса. Он весь собрался в этом стремлении, молодое сильное тело, звучный глубокий голос, акцент чуть заметнее. Углубился в своё.

- Иди сюда.

- По-моему, лучше стало?

Он кивнул головой.

- Ничего не надо больше, помажьте зелёной и всё.

- Катя, пойдём, даже забыли сказать спасибо.

Снова этот внимательный взгляд за уходящим человеком. Какова у него будет судьба, я видела перед собою яркого, необычного человека, подумала об его Грузии, женат ли он, где живёт, есть ли дети. Надо будет кого-нибудь расспросить. Да ведь никого в этой больнице не знаю. Зашли в аптеку, там была марганцовка, глюконат кальция, новокаин (я встречала это название по лекарственным травкам).

Дома я не стала убираться, это надо делать каждый день, и от пережитого за два дня, мне захотелось уснуть. Пережитое волнение отпустило меня, и я самым непосредственным образом, несмотря на то, что выпила чашку крепкого чая, уснула.

Катя принялась, пусть и за час раза четыре меня разбудила. Я подумала о современной медицине. Вообще-то я не разу не вспоминала (3 - 4 года?) о том хирурге-американце. В литературке была очень хорошая статья. Уильям де Фрисс? Откуда возникло это имя. Там была фотография, его с длинными тоже очень красивыми руками. Наверное, не меньше в его жизни значило и имя того человека, который понял каким уникальным талантом он обладает и предоставил ему эту возможность реализовать талант.

Почему мы не умеем ценить талантливых людей. Раньше были специалисты, а сейчас, почему деловые качества, не оцениваются по выдвинутым идеям, реализованным человеческим судьбам,

открытым талантам. Ну исключая, что разве в спорте, где называли имя первого тренера.

Всю эту неделю мы с Ильёй сидели у телевизора и смотрели олимпийские игры. Я выдавила из терапевта справку на четыре дня и мы смотрим все дневные передачи. Конечно, построено, наверное, великолепно, наверное, осмелюсь высказать предположение лучше, чем у нас, комментатор, комментатор горнолыжников сказал, что о таком горнолыжном городке можно только мечтать. Как и о развитии горнолыжного спорта у нас (все наши горнолыжники сошли с трассы, не сумев скатиться). Скатиться, конечно, трудно, сложно. Боже какая красота. Здесь человек вынужден не готовиться к риску, а он поставлен на предельную для человека возможность постоянного преодоления своих сил, самосохранения. И вот взбрыкнув, они устремляются вперёд, раскидывая, опрокидывая все представления о возможностях.

Как прекрасна человеческая смелость, способность к риску, какая во всём этом красота движения, и человека. Самое сильное впечатление за последние годы. А женщины! Подумать только, стараются не отстать.

Соревнование на льду.

- Мама, посмотри какой лёд. А потом: "Я тоже так хочу". Мужчины сколько в них силы, мощи, фантастика, только многолетняя упорная работа может позволить в какой-то наивысшей момент раскрыться человеческим возможностям в этой одухотворённой борьбе с секундами и победить их. На поверхности вроде бы неторопливое скольжение, элегантно, завораживающее, но есть во всём этом своя особая борьба человеческого интеллекта, всех сил, борьба,двигающая человека вперёд.

Наскоком ничего не возмёшь.

Бег на лыжах, я не поняла, что здесь главное. Тот, который занял серебряную, скользил мощно, спокойно, очень гармонично, хитровато похож на Емелю. А вечером я взяла слова книжки "жизнь и творчество" Соколова-Микитова. В последнее время мне хочется брать только её. И за избранным снова и снова листала. Меня поразила и преследовала одна фотография, где он в шапочке, как у Рериха, где почти в сутане в группе людей со своим секретарём. Живой, высочайший. Поразил интеллектуализм этого человека, его неповторимость прекрасная, он никогда за свою жизнь не сказал, не

написал неправды, то, что к старости, он накопил, собрал и отдал людям всё самое сокровенное, что накопил. Перечитала "Берестяной кошель", "Порошница", "Височные кольца".

Перечитала из записных книжек. Это ещё более отобранное, пережитое, чем у Пришвина. Перечитала вот эти высочайшие строчки: "Приехал в Карачарово. Погода хорошая, солнце, кругом снега. В избушке тепло, но как-то особенно печально, ещё острее смертельная тоска. Ноги почти не шли. Сколько раз был "на самом краю". Всё вокруг русское, грустное, непоправимое. Хороши зимние звёзды, чист и бел снег. Но это то, где теперь Аринушка и Алёнушка. Только там покой и звёздный свет."

Бесстрашная готовность к смерти. Но не только.

Он прожил свою жизнь такую теперь близкую нам. А теперь я подошла к тому, что хотела бы написать, да не могу, потому что устала. Это я тоже почему-то вспомнила сегодня. Может быть кратко. Я вспомнила того, в форменной одежде гинеколога улыбочатого, небольшого, хирурга в роддоме. Я видела, что он всех женщин считал своими и поэтому он ко всем им относился как к своим: очень заботливо, чувствовал себя рядом с ними безопасно и надёжно. Он утром иронично оживлённо весело проходил мимо этого неповторимого дома, где рожали 18 и 40 летние, где ойкали и кричали, стонали и орали, терпели и пытались лезти на стенку, где ругались и терпели, он тоже терпел один за всех мужей. Приходил мимо столов с глубокой уверенностью, что так должно быть. Женщины и всё было позади. Я знала, что он был тоже на своём месте.

А потом, когда развозили ребятишек на косой тележке, которую отремонтировал он же, ребятишек которые прибыли в этот мир неизвестно откуда, и которые лежали своими мордашками в туго спелёнутых кулёчках, мордочка к мордочке самые совершенные в этом мире люди, то женщины в больших палатах, заслышав стук этой тележки, каждая стояла около своей койки в марлевой повязке, как-то странно застыв в эти минуты ожидания новой жизни и в своём желании взрастить её. Призвание для её исполнения природой. Это хорошо бы снять...

Стояла страшная тишина. Рождался новый мир?

Катя нарисуй мне завтра вот здесь гитару...

Ганова Людмила.

ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

Ящики заинтересовали меня, ещё когда я ходила фотографироваться, чтобы устроиться на работу. Длинные, узкие, добротные сделанные и укрепленные железными полосками. Теперь, когда я увидела их окрашенными в зелёный цвет, я поняла, зачем они сделаны. По всей видимости, весь этот огромный завод работал на оборону. Само понятие войны для меня было тесно связано с литературой, кино. А эта встреча как-то выбила меня из колеи: я никогда не думала, что она может состояться.

Старенький самодельный автокар перевозил их от цеха, где они делались, чуть подалее, где их красили под открытым небом. Один из ящиков самовольно упал и мужичонка в фуфайке пнул его. Шёл обеденный перерыв, было мягкое слабое осеннее солнце, и я присела возле какой-то груды.

Мимо прошла беременная женщина в чёрном халате и с булочками в руках. Интересно, ощущает она какую-нибудь связь происходящего со своим будущим материнством. Где-то я прочитала, что оружия накоплено столько, что можно взорвать землю много раз. В принципе мы перешли границы разумного уничтожения, достаточно ведь и одного раза с каждой стороны.

Я хочу верить, что те, кто обладают очень большой властью, всё-таки захотят спасти своих детей, иначе они просто сумасшедшие. А вот как быть с маленькими войнами на уровне автомата? Впрочем, они имеют тенденцию, чтобы у них было всё, как у больших.

Шёл второй мой рабочий день, а вчера, поджидая шефа, я выслушала рассказ, тоже невероятный для меня, темноволосой современной женщины, с яркими карими глазами. Закуривая сигарету и заглядывая в висевшее в шкафу зеркало, она стала торопливо рассказывать, словно не веря себе до конца, что её муж лётчик погиб в Афганистане год тому назад.

Наверное, она не могла не рассказывать эту историю всем, с кем сводила её жизнь, так как уже не мыслила себя вне её.

- Мне надо как-то жить, а я не знаю как. У меня сын Андрей, ему десять лет. Я боюсь за него. Он стал такой скрытный. Мне всё кажется, что откроется дверь, и он войдёт. Это как наваждение. А сын только и мечтает, чтобы стать лётчиком, как папа. Ничего кроме гарнизона и гарнизонной жизни он не видел, а я теперь не хочу, я боюсь.

Мне подруги говорили, не уезжай из гарнизона, устроишь свою судьбу, а я уехала, я даже военной формы видеть сейчас не могу. Дело не в том, что жила за ним, как за каменной стеной, а сейчас я иногда ощущаю себя как никто. Я приехала сюда, где родилась, здесь у меня родители, на этом заводе я начинала работать. Скоро мне дадут квартиру. Летала из-за этого в Москву, начальник гарнизона звонил сюда, чтобы дали. Сейчас в этом доме идут отделочные работы, нам с сыном дали двухкомнатную, на восьмом этаже. Друзья мои ещё со школы помогли устроиться на работу, поступить в институт. Сын мой кончит школу через шесть лет, а я институт. Сейчас мне тридцать лет, и у меня совсем мало сил, да ещё болят почки.

- Полетел он по заданию, нужно было взять подбитый вертолёт, а их там уже ждали. Все остальные остались живы, выпрыгнули, погиб один он. Он мог бы послать своего заместителя, но полетел сам.

Горе и спустя год было живое, только прикоснись, и оно снова и снова властно начинало в ней жить. Я поняла, что подбили они не только его, но они подорвали и её жизненные силы.

Новая же попытка прожить ещё одну, жизнь, очень не похожую на первую, подняться, преодолеть требовали от неё очень многого. Однако для меня было несомненно и то, что она была талантливая женщина. Сейчас же, словно решая стоит или нет, она достала бумажник и показала мне две маленькие фотографии на документы, сына и мужа.

Всё-таки невозможно ни по каким рассказам представить живое человеческое лицо, и эти два были для меня тоже были открытием. У него было русское лицо с шапкой пшеничных волос, с толстоватыми по детски прищёпнутыми губами, а рядом нежное беззащитное лицо темноволосого мальчишки.

Но всё-таки что-то в лице майора тревожило, беспокоило. Это глаза словно что-то знали.

- Фотографии сделаны перед Афганистаном. Глаза словно всматривались в себе во что-то, он уже вступил в поединок со смертью. Он не хотел трусить даже ценой собственной жизни, и это было очень серьёзно. Он словно уже ушёл из этой жизни и вступил в ту другую.

Я тихонько, как можно осторожнее, вернула фотографии. Он в этом долгом длинном поединке, длиною в год выстоял. Он ждал последние секунды, когда выпрыгнут все.

Пуля попала в топливный бак, и самолёт взорвался. Женщина, которая обмывала гроб, говорила, что он очень лёгкий, а муж весил сто десять килограммов.

Любовь Ивановна прячет фотографии в бумажник и задумывается. Я уже знаю, что она хочет уяснить какие-то мысли до конца.

- Понимаешь, Оля, говорила она в другой раз нашему корректору, крупной высокомерной дочери заводского начальника номер два или три. Я ничего не понимала. Не помню, как меня посадили в самолёт, как привезли в Москву. Хоронить его должны были там, где живут его родители.

Я просила вскрыть гроб, хотела проститься с ним, умоляла. Я так долго их просила, что они мне пообещали, что сделают это на кладбище. Просто они хотели меня успокоить.

На гробу стояла дата рождения, дата смерти, фамилия, имя, отчество и написано, что погиб при исполнении служебных обязанностей.

Больше ничего.

Потом я ходила в военкомат и мне вручили "Орден Красного Знамени".

Понимаешь, я ему сегодня пишу, почему ты мне не пишешь, а завтра утром ко мне приходят трое. Я сразу поняла и заметалась. Вышел сын Андрей, когда до него дошло, он им закричал: "Почему вы меня обманули, почему? Вы мне сказали, что папа приедет в апреле, через три месяца?"

В ту минуту я поняла всё, и мне стало страшно за мальчишку, потому что он был прав.

Потихонечку пошли дни, и Любовь Ивановна совсем неплохо справлялась со своими обязанностями, печатала на всю газету, по временам заглядывала и в нашу комнату, где дружно закуривала с дамами. Речь заходила о модной одежде, о знакомых, она умела быть очень спаянным дружным человеком.

Потом я узнала историю с хвастающимся соседским мальчиком, которому отец привёз новую игрушку.

- А мой папа никогда не приедет, и не подарит мне игрушки. Это были единственные слёзы за всё время после гибели отца. Я узнала, что Любовь Ивановна разговаривает и ждёт звонков своего школьного друга, который работает где-то здесь на этажах. Он кандидат наук, неженатый. Как-то раз зазвонил телефон, а её не было в комнате и я услышала густой уверенный голос. Как-то раз, рассказывая, как они ходили в ресторан на Кубе, где они прожили два года: "Идёшь даже страшно, пол под тобой так и блестит." Она не смогла найти верную интонацию и задумалась. То привычное, прошлое отношение, нуждалось в какой-то переработке, переоценке. И она тут-же торопливо вытащила бумажник и взгляделась в его фотографию, словно обращаясь к нему за помощью. А потом мудро и спокойно сказала: "Я не жалею ни о чём, я только жалею, что он так мало пожил".

Наверное, прошёл год, когда она увидела меня в магазине, и подошла. На ней была дублёнка и такая же шапочка. Она свободно и спокойно рассказала, что живёт в трёхкомнатной квартире, замужем за тем самым кандидатом, что они обменяли свои квартиры. Мне показалось, что она счастлива, потому что смогла многое пережить, или я увидела, что она снова может дарить счастье и сама жить. Глаза её были влажными и темно мерцали. Но всё-таки я вспомнила и о майоре. Словно он нуждался в какой-то охране или защите...

Ганова Людмила.

КАК Я ПЫТАЛАСЬ УСТРОИТЬСЯ НА РАБОТУ!

Да, вот такое обидное название. Оно не нравится, даже мне самой. Слишком уж раздетой я себя при этом чувствую, но, к сожалению, оно очень точно передаёт те открытия, которые я совершила, пытаясь на эту самую работу устроиться.

Утром в нашей, чуть не сказала газетёнке, я прочла объявление о том, что в театр требуется два работника, один администратор, то есть человек распространяющий билеты, и организатор, чёрт, я не помню, как там ловко было сформулировано, но очень престижно, чуть ли не в заместители директора. Я заволновалась это была возможность. Когда я зашла то увидела за столом, они всегда все непременно сидят за столом, что он им придаёт, то ли вес, то ли уверенность или они чувствуют, что с ним срослись. Во всяком случае без этой поддержки они как-то робеют и теряются.

Это был не совсем обычный бюрократический кабинет, с бледными шторами, наводящими такое же бледное уныние, что хоть вой. Они всегда пропускали жиденький серенький свет. Но обычно они этого не замечают, вероятно, происходит какое-то оболванивание, когда человек чувствует только собственное значение, и всё в нём работает только на его подтверждение. Этот кабинет отличался тем, что у него были двойные шторы, вторые тёмные тяжёлые хорошо укутывали комнату в полумрак, не давали обыденности, дню, который не состоялся властно проникнуть в комнату, всё подчинить. Комната словно приобретала какую-то тайну, глубину. Стол стоял на наискосок в углу, что тоже было необычно, так что директор, глядя прямо перед собой, мог наискосок взглянуть и на входящего посетителя. Помню телевизор в глубине.

- Можно.

Всегда они чем-то заняты.

- Да.

- У вас вчера в газете было объявление о том, что вам нужны организатор и администратор.

- Садитесь.

С боку рядок стульев. Заходит тоже секретарша, я не успела на неё посмотреть. В шифоновом, из японского шёлка платье, которое, хорошо подчёркивает её всю мяконькую, спокойную полноватую фигуру. Сейчас все женщины кинулись в мужской стиль подчёркивающие их деловые эмансипированные качества, а здесь по всей фигуре разлиты мягкость и покой. Меня это успокаивает.

- Вы знаете я закончила Новосибирский университет, но ведь мы с вами в чём-то очень и близки. Чем бы я могла помочь. Ну в общем я пишу, давайте, я посмотрю три спектакля и напишу три статьи. И принесу вам. Я считаю, что театральные рецензии не совсем верны что ли.

Я вас видела примерно с неделю назад, когда был юбилей газеты. Мне понравилось, когда вы сказали, выступив в конце, и вспомнили Шекспира, что весь мир театр и люди в нём актёры.

Да, там мы действительно увидели неплохо организованный спектакль.

Да, там я увидела выступление, показавшееся мне одним из самых интересных, это была насмешка, открытая весёлая над происходящим, и все кто захотел понять поняли.

Сейчас я видела перед собой: как бы это получше сказать, самого типичного, почему-то мы не говорим усреднённого человека, а он прямо-таки влился в это определение и чётко там держался: средний рост, ничем не примечательная внешность, мне даже трудно было понять, чем оно отличается от выражения ну, например, рабочего лица, очки, и что-то там пряталось, чего я не смогла понять.

- Вот у нас какой репертуар, мы делаем много новых спектаклей и он обратился за помощью к шпаргалке репертуару, который лежал у него на столе.

- Я хожу на "Энергичные люди", Шукшина, "Провинциальные анекдоты" Вампилова. "Все в саду" 2 Олби, то есть на классику современности. Ну, если там будет не о чем писать, то хотя бы талантливая драматургия поможет.

Он встал из-за стола, поднёс мне свою визитную карточку, на которой было написано, что он директор и актёр.

Я видела, как он колебался, давать ли мне разрешение смотреть спектакли бесплатно или показаться щедрым, но скардность победила и он сурово заключил. Смотрите.

В дверь вошёл следующий посетитель. Высокий, с высоким лысым лбом, серовато - зелёной кожей, очень худой, с меняющимися и прячущимися глазами. Вошёл осторожно, стал решать какой-то пустяковый вопрос о ткани; директор властно распорядился. Я очень не любила такие сцены. Сердце у меня упало. Я поскорее вышла, и перепрыгивая через лужи, пошла вверх по проспекту домой. Вокруг театра была страшная грязь. Господи, хотя бы асфальтом замостили, да пару деревьев, клумб сделали, что ли.

Репертуар был разбит, на каких-то числах стояли спектакли, но я так и не смогла понять, когда будут идти нужные мне спектакли. Напротив стоял старый старый двухэтажный провинциальный дом, внизу каменный. Он, наверное, простоял здесь двести лет, и, наверное, его нужно снести, чтобы здесь можно было сделать небольшую театральную площадь. Я примерилась: вот здесь стоянка автомашин, вот здесь. Да, видно, эти мысли не беспокоили директора... А что его беспокоит , скорее неудачи. Я ему волнуясь сказала, что обычно такие объявления в газетах так не пишут. И он, покраснев, согласился. Зачем он его подал.

Целую неделю я проработала над статьёй по пьесе Э.Олби "Все в саду", сходила и прочитала в библиотеку, но все постановки были почему-то отнесены на конец месяца. Я поняла, что это, была, конечно, не самая лучшая пьеса современного драматурга; слишком прямо социально, но это был всё-таки Олби. Наверное, «Не звоните Вирджинии Вульф», более интересна. Но если у них такая яркая современная женщина средних лет, которая смогла бы сыграть её интересно. Всё дело в том, что это должна быть достаточно свободная женщина, чтобы быть независимой в своих суждениях, а не загруженной с утра до вечера, как робот, работой. Страшно да робот.

А где у нас независимые незагруженные работой женщины. Мы ещё не приступали к этим проблемам, они перед нами не стояли. Да и там было столько личного, интимного. Мы в общем-то более общие. И вот, наконец, я на спектакле.

В зале человек тридцать. Обстановка дома, который по нашим представлениям должен быть современно изысканным. Камин, яркие обвёртки от английской продукции, которые каким ... попали в сибирскую провинцию, наверное, из наездов в Москву.

Но вот главному актёру, которого играл Бруленко, верить начинаешь с первых мгновений, когда он появляется на сцене. Откуда в этом человеке могла появиться такая достоверность, как он смог понять, впитать чужую жизнь - всё это тайна, тяжёлая работа каждый день. Работа больше других в несколько раз.

Звонок отцу, по оставленному номеру телефона. Дед, как он мне рассказывал твой директор, что ему очень, очень понравилось. Он пригласил меня в театр. Ну я с ним поговорила. Я говорю ещё видел Генералову. Ну он там. Ты бы послушала - Он уехал в командировку приедет тогда.

Прошло полмесяца. Помню жаркий весенний день, который застаёт людей врасплох. Вся одежда делается громоздкой тяжёлой и её хочется немедленно сбросить как змеиную шкуру.

Я пришла в театр и кое-как пробралась сквозь вахтёра, у которого были молодые бесстрашные глаза. На сцене шла репетиция, и я не знала побеспокоить мне или нет, ждать мне почему-то не хотелось. Я слышала, что репетировали Олби. Вышел Смяжкин, который очень хорошо сыграл роль шофёра в "Провинциальных анекдотах". Снова

театр тогда меня поставил в недоумение за сценами театра шла большая рабочая напряжённая работа, а здесь отдельно, словно отгороженный от этой жизни для 30-50 человек играл и играл по-настоящему большой талантливый актёр. И то что в зале было мало людей, и то, что актёр играл специально для этих людей сейчас сидящих здесь, а я выдела этот цепкий оценивающий быстрый взгляд, чтобы понять, кого он перед собой видит. Это была единственная самая важная для чего создано театральное действие, для общения, для его единства.

Но вот вошёл директор, глаза у него куда-то уходили уклонялись, почти трусили, неуверенность ощущала и я. Придите в три часа. Я измучилась, но в три часа вновь я побежала в Свежий вольный ветер.

Целых два часа я сидела в приёмной рядом с круглой крепчайше сбитой машинисткой, которую по-моему ничем нельзя было вышибить из установленного равновесия. Она была в клетчатом костюмчике и на хорошей машинке распечатывала, наверное, роли.

В кабинет заходили и выходили люди, прочно засела какая-то страшно непородистая с лишним втянутым поднятым носиком дамочка, и всё шептала шептала про какого-то сторожа, который не пришёл на субботник и не убрал какую-то кучу мусора, а пришёл позже и был выпимши.

- Так был выпимши?

Тут вмешался крупный сильный мужчина, который возразил.

- Кто же за восемьдесят рублей пойдёт сюда. А вы видели его выпимши?

- Я, нет, но люди говорят. Но если вы всё знаете, то идите директором.

И он вышел красный, раздражённый, сильный, плечи у него так и разворачивались, но он выполнил свой социальный долг, это была минута его торжества, но что последует за этим. Почему он тоже так волнуется?

Зашла спокойная уверенная красивая молодая женщина, но глаза её были бессовестные, в голубых прозрачных чистейших глазах, было столько откровенного весёлого бесстыдства, что мне захотелось от этого разглядывания спрятаться. Она тоже зашла туда.

Наконец, позвали и меня. Снова я села рядышком на длинный ряд стульев.

- Знакомьтесь. Это наш организатор по ..., Боже я забыла, как это хитро звучало, а это председатель профкома.

Я посмотрела на него. Гнусненькое закрытое лицо, великолепно освоившее умение сталкивать людей лбами. У него просто не было этого места, а своё он берёт от любого соперничества. Он был трус. А объявление в газете было простым камуфляжем, для лёгкого одурачивания других.

- Что касается места администратора, то вот поговорите с ...

- Вы меня подождёте?

- Да, конечно, (Я этим только и занимаюсь. Жаль, что не сказала).

Дед сидел с Катькой.

- Ну, что?

- Сволочуга натуральная.

- А по телефону рассыпался.

Я вспомнила яснейшие голубые откровенные глаза администратора, в которых ясно читалась ли? или виднелось или сквозило, ну в общем я никогда не видела глаз таких откровенных, спокойных и холодно-жестоких.

Эта истина утвердилась в них, по-видимому, потому чтобы выжить в этой жизни и она от ныне не скрывалась.

- Я два года работаю одна, была тут, но она уволилась.

Комнатушка у неё была с двумя голыми полированными столами, с грязными окнами, через которые не то что с трудом, а вообще не могло пробиться солнце. Оно просто там застревало и всё. Но, по-видимому, её эта надёжность не смущала. Она была как бы вся в себе в своём спокойствии и насмешке. Нелегко видно они достались.

Она продолжала меня расспрашивать.

- Образование?

- Да, неплохое. Окончила университет. Филолог.

- Все мы филологи.

- Я принесла директору две статьи о театре, и мне бы хотелось, что-нибудь связанное с литературой.

- У нас тут есть зав. лит. Очень старая. Раньше она каждый день ходила на работу. А вот месяца два уже не ходит.

- Ну что же. Я думаю, что писать статьи и распространять билеты одновременно будет некогда.

Она кивнула головой. Видно свобода была ей дорога и она гораздо лучше обходилась без подчинённого.

- А как с распространением. Да, зимой ещё можно 70-100, ноги в зубы, а иногда хоть плачь ничего, но как только начинаются дачи, почти невозможно.

Ей разговор стал надоедать.

- До свидания.

Дня через два я позвонила директору.

- У вас, говорят, старый болеющий завлит, если она бы ушла, то я бы поработала литературным агентом.

- Но мы сейчас уезжаем.

- Я бы подождала.

- Ну хорошо.

Он быстро повесил трубку. Да, она совершенно на своём месте.

Да, это было, действительно, так. Я думаю, что мне связываться с ней, да и кому-либо другому было бы совершенно бесполезно. Да я и некогда не собиралась отвоёвывать чьё-нибудь место, или моими руками, чтобы другие делали свою чёрную работу.

Не плохо устроился.

Чем я занимаюсь летом. Странно, что мы никогда не оглядываемся вспять тем более на несколько месяцев. Опыт набирается у нас по мелочам, , мы так и живём по дням, и часто мне эта идейность просто точит, угробляет, что мне сейчас вспомнилось.

Ну вот эта ветла, огромная как земной шар с тонкими нежными ветвями, которые танцевали и танцевали на ветру, так что в душе, когда выйдешь и поглядишь, да мне делалось легко. Она вдруг стала дымчато-жёлтой пуховой, и вокруг неё большой, заняли пчёлы. Я сначала не поняла этого гула, а когда подошла то вокруг этого на пол неба цветка кружились и, мерно наполняя всё вокруг сладким гулом, кружились пчёлы.

Дачный дом как старый одинокий прохожий стоял у просёлочной дороги, которая за ним разворачивалась в поле. Целую зиму он был одинок и ждал, ждал, наверное, Ильку, который так его любил.

А сейчас мы сидели и обрабатывали клубнику. Она была старая её давно не пересаживали и корешки сделались деревянными, о них так легко было поранить пальцы.

Во всём огороде вырос только куст бадана около камня, где раньше была баня. Они неплохо прижимались друг к другу. Я подняла голову. Бадан выбросил толстенькую, древнюю сиреневую кисть круглого соцветия, из маленьких редких цветочков с необычным запахом. Мимо по дороге в двух метрах прогудел Камаз, потом ещё один, мне даже показалось, что дорога его не выдержит. Я устала. И

вот на цветок откуда-то прилетела крупная какого-то необычайного чистейшего лимонного цвета бабочка и села на цветок и замерла. Жёлтая бабочка на сиреневом цветке. Они не хотели замечать мчащихся Камазов, сотрясающих дорогу. Они жили так миллионы лет, а теперь Камаз нёс им реальную угрозу, я это чувствовала.

Да впереди должно было быть лето, жизнь с Катериной и Ильёй, сидение на крыльчке. А вот счастливая, во многом то же простая и спокойная древняя жизнь. У нас не было в деревне даже телевизора, и мы могли почувствовать какой длинный вечер, как успокаивается природа и деревня после того, как сделали своё дело.

Вчера мы перевозили дедов на новую квартиру и муж посадил мне на колени цыганочку бабочку, которая залетела в бетонный пустой дом и решила там перезимовать. Но вот приехали люди. Она не могла очнуться от своего сна, но вот лапки снова уцепились за что-то.

- Не трогай. Сказала я Катьке. Давай коробочку. Посадим, унесём. Не можете даже пожалеть божью тварь.

Я принесла её домой, положила в коробочку из под витаминок. Но куда её положить. Я не знала. Вынесла на балкон. Сейчас проверила. Чёрные крылья её мне показались такими печальными, умершими. Но вот чудо, она без еды, такая маленькая раскрыла их со своей неповторимой красотой. Она была жива, вопреки тем законам, которые я знаю.

Надо к весне раздобыть информацию, когда выпускать, не опоздать бы, Боже. Она такая хрупкая.

Лето прошло быстро. Илька с удовольствием жил в своей деревне, к которой он привык с детства. И где я помню его ещё маленьким, сидящим на заборе в жёлтых цыплячих штанишках, вглядывающегося на дорогу, по которой должен пройти автобус. И вот, завидев меня, он бежит своими крепчайшими ножками, несётся по дороге и небо укрывает его с обеих сторон. Он был очень чувствительный, нежный, и я так боялась жизни, которая неумолимо наступала, наседаала, ломала. Я знала, что он сейчас совершенный, что пока что взрослая жизнь излагая самое нехорошее ломание, которое начинается со школы.

Погиб Мухтар. Это надо было пережить. Да, Илька вдруг вырос. Долгое время, он хотя и был большой, но как-то всё в одной А здесь вдруг весь стал как-то выше, идёт и эта длиннота вдруг, стала

иметь решающее значение: большой и всё. Лицо изменилось по своим пропорциям ещё раз, нос стал длинненький. Когда стал заходить в ванну, то прикрываться. Вокруг волосики. Но вообще-то забавно: узкие детские плечики и сильные мощные ноги, хоть в баскетбол подавайся. На голове густейшие русые волосы, такая силища. Смотрю на его очень красивое лицо, совершенное лицо юности, и мне делается страшно: маячит другое лицо поколения Афганистана разбросанно лежащее по кладбищам. И недоумение, что матери, как они позволяют. В наше время так нельзя, иначе мы привыкнем к этим локальным безвестным войнам.

Когда мы захотим сделать жизнь для людей, то есть разберёмся, как каждую ступеньку древней иерархической структуры для угнетения сделать демократичной или придумаем новую структуру. Ну, например, эх да ладно.

Кончилось лето, Илька пошёл в школу. Хочешь не хочешь пришлось звонить в театр. Я волнуюсь, но в целом впечатление неприятного разговора разгладилось устала, забылось.

- Александр Николаевич. Здравствуйте. Вы меня помните. Я вам приносила две статьи про театр. Я была в редакции там мне сказали, что вы готовите премьеру, поручили написать о готовящемся спектакле. Сегодня я уже не успею.

- Да, мы делаем спектакль по роману Анатолия Рыбакова "Дети Арбата". Приходите завтра к одиннадцати. У нас будет линейка. Катерина ни за что на свете не желает оставаться с Ильёй, я одеваю старый Илькин комбинезон, тёплую пуховую шапочку. На этот раз я получила своеобразное приглашение: приходите поговорите с режиссёром, послушайте актёров. Да и у меня вырвалось радостное понимаю, вы хотите как в Барнауле, чтобы на современный спектакль пришло много людей. Даже центральная пресса посвятила этому спектаклю положительную рецензию.

- Утро было холодное, и словно всё сжалось то ли перед снегом, да и люди стояли нахохлившиеся.

На вахте сидел этот упрямый, с вечной повязкой на носу, которого по-моему не было. Я вспомнила "Постороннего" Камю. Но, на этот раз это был, наверное, рак. Он так прирос к своему месту, как будто ему угрожала опасность.

- Мне нужно пройти к директору.

- Вот он.

Я обернулась. Три ступеньками выше, на другой лестнице стоял директор, и когда я подошла то он стал вровень со мной.

Подошла: Поговорите пожалуйста, это человек из редакции. Он таким раздражённым голосом обращался к своей зав. лит. Почему-то я сразу её узнала. На ней был очень приличный деловой коричневый костюм, глаза выпукло блестели под очками, волосы благопристойно венчиком кружились вокруг головы. На это хамское обращение она засуетилась и подобострастно стала говорить пойдёмте - вот сюда в зал, здесь поговорим.

В зале было пусто. И она всё с той же равной смесью наглости и подобострастия стала прохаживаясь говорить.

- Всё дело в том, что у меня готов материал о новом спектакле, и я хочу отнести его Стукачёву.

- Но, наверное, нужно об этом предупредить было, а то вчера я разговаривала с вашим директором он пригласил приходить, поговорить с режиссёром на читку.

Она снова сильно занервничала. Да, но я не имею права писать рецензии, но у меня всё готово.

- Ну, раз всё готово то пишите, только пожалуйста в следующий раз предупредите.

Она много говорила, ей хотелось узнать как можно больше информации, и она, что называется лезла во все дырки. Сейчас я даже забыла, зачем она пригласила меня в свой кабинет.

Но по дороге она мне выложила что у них неплохой коллектив и что актёры чувствуют себя в нём неплохо. Ну в общем эта фраза очень хорошо показывает стиль её мышления.

- Да Товстоногов тоже даёт каждому молодому главную роль: справился, значит состоялся.

Для неё это было слишком, ну слишком много правды. Она замолчала.

- Я подала, тоже выдвинула актрису Елизарову, на заслуженную артистку. Краевое общество поддержало. Елизарова была женой директора, и совсем не ведущей, хотя и неплохой актрисой театра.

Я поняла, почему она так прочно засела в театре, она была нужна.

Мне захотелось поскорее уйти. Комната была большой, в ней стояло только два стола, на стенах были одинаковые скучные афиши, незаметные, скромные; какое-то запустение и тишина. Я представила на миг себя сидящей за одним из них и скучающей по

времени. Нет, на них не было книг и не чувствовалось что за ними работали.

Да, она решила умереть на этом посту и отныне все средства были для неё хороши.

- Вы скажите директору, что мы с вами договорились, что вы напишите рецензии, что мы вас пригласим на обсуждение спектакля.

- Да у меня готова рецензия на "Провинциальные анекдоты" Вампилова, "Энергичные люди" Шукшина и Олби "Все в саду".

- На "Провинциальные анекдоты" мы вас свозим, я вам позвоню.

Мы вошли в директорский кабинет, я снова села на ряд секцию к стене от его стола, она уверенно пошла к перпендикулярному полированному столу.

- Людмила Ильинична, скажите, о чём мы с вами договорились.

- У Ирины... готова уже работа по спектаклю, поэтому она бы хотела её напечатать. Я не против.

- Нет не это. Она просит свозить её на "Провинциальные анекдоты". В семь мы пригласили её на пробы спектакля перед премьерой и премьеру. Я подарила её афишу "Любавины".

- Спасибо.

Она сидела нахохлившаяся встрёпанная, глаза её выражали страшную решительность под очками. Александр Николаевич молчал и листал журнал, по-моему «Огонёк».

Во второй раз стоило только мне встретиться и снова я попадала в интересно составленные бюрократические чары, где я никогда не знала, что со мной произойдёт.

Мне захотелось взять небольшой реванш: так как он не счёл нужным даже извиниться.

Глаза его припухли и затаились под очками, нет, они стремились ничего не выразить.

- Ну да я вот недавно написала и отнесла совсем маленькую статью в газету, у меня там есть целый ряд маленьких предложений к вам.

Ну первое и по-моему главное из них это то, чтобы ребяташки писали каждый год в первую неделю сочинение не "Как я провёл лето", где он описывает, как собирал грибы и ягоду, которые он, может быть вовсе и не собирал, а, например, спектакль. Не обязательно бийский, их ведь много летом приезжает на спектакли. Где он будет писать сочинения более отвечающее самой сути литературы: это будет как бы литература второго более сложного

порядка, где будет анализироваться и уровень игры актёров, режиссуры, воплощения литературного произведения.

На какое-то время театр возьмёт на себя задачи юношеского театра, восстановление утраченных театральных традиций. Например, популярный жанр семейного спектакля. На него, конечно, родители бы откликнулись. Нужно и можно театру шагнуть на рабочую заводскую площадку. Например, спектакль "Энергичные люди" идеально приспособлен для такой возможности. Складывающийся щитом ().

Кроме того в рекламных целях на каждый спектакль какое-то число ну 50-100, потом это количество должно сокращаться.

Такой спектакль как "Энергичные люди" Шукшина не может не начать работать на себя. Кроме того он всё равно идёт бесплатно при пустом зале.

Директор помедлил, не хотелось бесплатно отдавать билеты, я вспомнила, как он медлил давать мне контрамарки или нет. Но я увидела и то, что он пересилил себя и кивнул головой.

Ирина Михайловна сидела какая-то взлохмаченная, словно приготовилась к какому-то прыжку. Она от этой импровизации пришла в ужас.

- Ну да есть ещё интересный момент так называемые малые формы.

Директор молчал. Он перелистнул журнал и как-то тихо приглушённо абсолютно бесцветным голосом.

- Даже земля не принимает тирана. Да да.

И он показал журнал завлиту.

Тут скульптор сделал бюст Сталина, а потом он оказался не нужным, он его зарыл. А совсем недавно он стал вылазить из земли.

- Покажите мне. Я увидела хищный мясистый нос, лицо в котором примитивизм тирана снова были прекрасно видны.

- Нужно было просто его сломать.

Директор кивнул головой, да да.

У завлита было расстояние, не желание соприкоснуться что ли с проблемой. Но здесь меня к моему стулу пригвоздила мысль: да ведь он жив Сталин-то. Он сейчас вот сидит между нами. Сидит в том, что она вот интригует и держит Елизарова в руках тем, что выдвинула его жену в заслуженные: интересно, как она уживается в коллективе, наверное, чувствует себя безнаказанной, а он, может быть, я зря тут

мечу бисер со своими предложениями, какую игру он со мной затеял, или они со мной затеяли?

Какое-то странное чувство зашевелилось во мне, я словно себя спросила не хотят ли во мне запустить некий механизм (имеющий глубочайшие корни) механизм по уничтожению другого человека и одновременно убийство самого себя. Я словно проверила в себе наличие чего-то взглянув на эту взлохмаченную приготовившуюся к бою женщину. Она была нет, не отвратительна, но испорчена навсегда, лишена всяких источников развития, души в ней не было, её загубили, а теперь она продолжала делать то же самое.

Потом, дома мне прилетела мысль, когда я немного оправилась от тоскливого чувства, когда что-то во мне словно угасло, и сам театр побледнел сжался и словно исчез, с этой своей древней, самой демократичной детской и нежной игрой взрослых людей, вдруг испортивших их для меня, да да, вот эта мысль, что это самое древнее, изощрённое губление человеческой души равное её убийству.

Человеку прямо не говорилось в сталинские времена, но их ставили вот в такие условия, убей, погуби другого и ты займёшь более прочное положение, зато ты утвердишься, его манили этой страшной подачкой и сколько миллионов сманили. Он словно преподнёс нам страшный урок нашей непорядочности, ведь каждый на своём месте может быть бюрократом и тогда вся цепочка не срывает.

Я пришла к сестре, они переехали на новую квартиру, в гости ходит соседка, хотела сказать удачно вышедшая замуж. Дело в том, что она его, конечно, женила. Она без образования, у него какой-то значительный пост. Но вот, она, уже говорит что через пять лет мы получим новую квартиру, (это значит уже трёхкомнатную, хотя у него один ребёнок, и она не собирается рожать третьего, ему сделали на заказ мебель, разве сможет он потом возбудить уголовное дело против расхищения), ему сделали квартиру, его уже до вступления в должность связали по рукам и ногам, даже само его назначение уже означает чей-то расчёт, и он, его конечно, оправдывает. Он уже связан прочно с кланом классом бюрократии с подавлением. Единственное, что может этому противостоять разумное, это, когда его просто выберут на общем собрании только, но ведь это невозможно скажут мне. Это будет возможно, когда каждый

осознает, что от этого зависит его жизнь, счастье, и счастье его детей. Но когда он это осознает, почему мы пребываем в таком антисоциальном, антидемократическом состоянии, хотя вроде бы и стремимся к свободе и собираемся в крупные миллионные города, где мы снова оказываемся одинокими, может быть нас приучают ещё в школе быть маленькими.

Ганова Людмила.

ИЗЫСКАННЫЕ РОМАНЫ О КРАПИВЕ...

Как только мы слезли с автобуса и поставили свои вещи у изгороди клуба, напротив колонки, я сразу услышала голос кукушки. Он был объёмный, нет, нет, не стереофоничен, такую технику ещё не скоро придумают, чист, он был низкий и грудной, и древний.

Да, жизнь вот она вокруг, и ты снова вернулся. Утром, мимо моих городских окон на шестом этаже дефилировал по единственной улице, вытянувшейся вдоль реки, весь городской автопарк, состоящий не из одного десятка тысяч автомашин. И я привыкла к этому надсадному насилию. Я была оглушена в своей крошечной идеально спланированной квартирке, где жила словно в камере, не имея связей с окружающим миром.

А вот сейчас я в 16 раз иду только к моему старому дому, который терпеливо ждал меня всю зиму и весну.

Сколько раз мне не хотелось жить, а вот сейчас я полна примирения с жизнью, и оно само пришло ко мне здесь с первых шагов.

Да, жизнь вот она вокруг, она полна такой необычайной мягкости, покоя; и тебе снова предлагается занять в ней своё место.

Я не знаю, та ли эта кукушка, которая всегда сидела на столбе около моего дома, я плохо вижу и в пяти метрах, только силуэт. Но я чувствовала, что она прилетала, садилась и всматривалась в меня. Много раз. Словно хотела понять меня, а я любила, когда она сидела на этом столбе над баней.

В этом доме, я очутилась случайно. Я не должна была здесь быть никогда. Просто умер дед моего мужа, дом больше года стоял безхозный. Нужно было решить, что с ним делать... Я села на маленький тряский вонючий автобусишко, который кое-как довёз меня и выплюнул из своего угара на пустынный неприкаянный русской дороги, около которой тоже в последнем русском желании выстоять, она выстроилась, так ветха и забыта она была.

Дом тоже стоял у дороги, похожий на нахохлившийся гриб, большой и настороженный. Он тоже был стар, низок, чуть присел сзади, но благороден. Он столько прожил на этом свете, что имел уже свою собственную душу, которая, наверное, состояла из переселённых душ всех, кто здесь раньше жил.

Это был классический русский крестьянский дом. Большая кухня с русской глинобитной печкой и полатями. Божница с образом и вышитыми полотенцами. Небольшая горница впереди. Он был полон всякими вещами, сделанными радостно и с любовью, и с поражающим желанием всё делать, жить и быть. Прекрасные русские дорожки отыскала в сундуке с цветными вставочками. Настырные голосистые красные петухи на полотенцах, пузатые крепчайшие бочата, самых разных размеров, сказочная дверь в горницу. Из подполья я вытащила самогонный аппарат и две четверти, которые я видела в кинофильмах о гражданской войне, а теперь держала в руках. В шкафчике, в углу я отыскала два стеклянных бирюзовых блюдецка с кружевами по бокам.

Глиняная крынка, уверенная, прочная с чуть отбитым краем, сказочные запоры на дверях, сделанные в кузнице, перед которыми я подолгу стояла, железные утюги, плетёные кошёлки, в которых вывелось не одно поколение кур, гусей, и уток, и которые до сих пор ими пахли.

Но документы оказались не в порядке, на объявление о продаже никто не реагировал, деревенька умирала, и я прожила в доме столь близком к земле целую неделю.

В сенцах меня всегда встречали фотографии тех, кто здесь, наверное, прожил всю свою жизнь. Меня поразили немногочисленные фотографии деда, у него было совершенное лицо пророка, точно знающего своё место в жизни и её дело. Раньше я его встречала в музейных книгах по иконописанию, и не думала, что такое можно встретить в жизни.

А вот советские фотографии. Молодые женщины с руками рабочего скота, в пиджаках с орденами и в резиновых сапогах. Видно, что они во что-то верят и обмануты. Им нужна большая физическая сила... Строгие покойники, ушедшие в себя и представленные богу.

За божничкой я обнаружила сломанную деревянную иконку Христа. Совершенное лицо, полное гармонии духовной жизни. Глаза, готовые тебе помочь всегда, я бережно сложила половинки и решила взять с собой. Дома склею.

Но крапива под окном меня почему-то бесила. Выглянешь в окно - крапива. Дом-то низкий, прочно стоит на земле. Я пошла, взяла литовку и хоть ожглась и воткнулась ей несколько раз в землю, но всё-таки скосила.

За домом на ветру, в конце огорода с картошкой, стояла ветла, вошедшая в силу и расцвет. Она всегда танцевала на ветру, лёгкая и нежная. самое чуткое дерево на свете, я сразу поняла. И она была как шар под небосводом, где глаз непривычно растекался по горизонту, а не вытягивался прицельно в узком коридоре улицы.

Главные люди села сидели в конторе, они были неприступны и недоступны человеческому голосу совести: дом не переведён на наследника, поэтому он совхозный. Если хотите, подавайте в суд.

Я решила почему-то не отдавать дом, хотя судиться никогда не судилась, а суда боялась, как все русские люди генетически. И дом мне был не нужен.

Сама я родилась в экспропрированном двухэтажном купеческом доме старинного российского мещанского городка. Но тогда я этого не понимала. Когда я буду умирать, то, наверное, вспомню этот великолепный сделанный с редким мастерством круг для люстры и эти обводы по бокам потолка. Потом, во всех других квартирах, я буду жалеть, что их нет и не может быть.

Высоченный потолок, огромные венецианские окна с выдолбленными канавками для воды внизу.

Всегда праздничная лёгкая комната, в которой хочется счастливо жить.

Папа занимал второй пост в городской милиции, был начальником паспортного отделения. Но взятки не брал. Не потому, что он хорошо знал цену человеческой жизни или её одного дня, просто он такой родился. Редчайшее русское исключение. Но ведь и этого было мало, достаточно было и одного доноса. Но он обладал сильным и точным дарованием человеческого обаяния, когда ты душа в душу, ну вот прямо и всё, и которое его не раз в жизни не подвело. Он жив и до сих пор. Он умел быть разным с разными, оставаясь самим собой. Но его и вторая женитьба была неудачна. Он влюбился в женщину обладавшую редчайшей красотой. Когда я и сейчас смотрю эти три сохранившиеся фотографии её молодости, то всегда поражаюсь. Страшная, непонятная красота совершенства. Но она выросла, что называется при феодализме, а дед был умён и образован. Её взяла к себе в город из деревни сестра, когда там все умерли. И жить вместе они не могли. Она идеально белила, стирала, готовила, вязала, варила, красиво одевалась, но не прочла ни одной книжки за всю свою жизнь. Мне думается, что он её купил своим постом и положением, но она этого не осознавала, это была рабская любовь. Потом её, да, у него предлагали купить уже в натуральные деньги, трижды раскулаченный бывший томский капиталист, сбежавший в Бийск, чтобы выжить. Он не раз бывал у нас в доме, я помню орлиный нос, глаза хищника, который раздевали и оценивали даже меня. Кровь всегда бросалась мне в лицо, когда он смотрел, что во мне от матери. Я надеялась, что не так много.

Отец изредка говорил: "Не продам, нехорошо". Но они всегда ругались, мать закатывала бесконечные дурацкие истерики с уходом. И я, как-то не ощущая лада и согласия в этой семье, росла как крапива сама по себе, начала читать рано книги, и научилась не

обращать внимания на окружающую жизнь. Это умение мне потом пригодилось. Мать любила отца и деньги, нас с сестрой скорее всего нет. Я помню, какой был скандал, когда я села по привычке за печку к духовке и попала на праздничный пирог. Помню, как поехала попка на нём. Мало того, я с одного пирога пересела на другой рядом. Это её взбесило больше всего. Она меня так остервенело избила, что я на всю жизнь потеряла охоту к пирогам. Не пеку я их и теперь. По субботам меня водили мыться в городскую баню, где мылся весь город. Длинная очередь с билетиками. Потом баня, в которой от пару ничего не видно. И русские женщины, возникающие и исчезающие в нём, как правило пышные, полные, тазы вехотки, парилка, где меня заставляли стоять, а потом идеально тщательно мыли и тёрли. Газировка и холодный воздух, на котором остываешь и звёзды.

Сколько себя помню, я играла всегда отцовским наганом. Мне кажется, я его и сейчас смогу собрать и разобрать этот тяжёлый прекрасный (наган?), который сама вытаскивала из кожаной кобуры. И золотые длинные пульки, которые пересыпала из руки в руку. Бесконечно. Давать ребёнку оружие? Или жизнь была равна смерти? Но за многие годы я так ни разу и не выстрелила. И тоже не знаю почему. Мы занимали лучшую и самую большую комнату в доме, весь остальной народ селился и теснился кое-как. Кое-где комнатухи были перегорожены простынями. Но никто никогда мне не сказал этого и не упрекнул, даже из детей, а сама я не догадывалась. Дом стоял в городском саду, где вечером мы подглядывали в щелочки на танцующих. Женщины, одетые в крепдешин и креп-жоржет с важными осоловелыми напыщенными знающими себе цену после войны мужчинами в широких брюках.

Мелодия духового оркестра, а в двух кварталах отсюда уже не танцевали, а уже деловито расстреливали, вот, наверное, такими же наганами в затылок.

Но об этом я прочитаю в простенькой незатейливой газетке для рабочих спустя тридцать лет.

Грандиозный спектакль по лицемерию, один из самых величайших по разнузданности в историю вступил в последнюю пятилетку жизни Сталина. Я потом повторю эту ошибку отца и выйду замуж за очень красивого молодого человека, похожего в молодости на Христа, но которого я оказывается так и не смогла полюбить, как ни старалась. Секс и любовь разные вещи, но понимаешь это ни сразу. Меня подвела моя чувственность. Но и она не самый последний дар на

белом свете, потому что позволяет искать свою любовь. Но к мужу я была холодна и он это чувствовал и мы часто ругались из-за пустяков. Но я уже не могла разорвать этот круг. Да и не было никого вокруг: я научилась ценить интеллект. Условием развода он оставлял Катерину себе. Чтобы мою Катерину воспитывала чужая женщина? Он слишком хорошо знал, что я на это не пойду. Мне помогало то, что я всегда была отстранена от жизни, я жила в ней, словно это жизнь была не моя.

Дом мы заколотили и уехали, но на следующий год возникла мысль (у деда) посадить там картошку и отвезти на недельку сына, которого я любила сильнее всего на свете. У этого крепыша были в точности мои глаза и моя душа и я его свято хранила. Меня и в этом году бесила и наводила тоску крапива под окном, но я уже активно садила картошку, а когда пришло время, то поняла, какая это подлая трава картофельник, поскольку я их плохо различала с картошкой. Я решила сначала искать картошку руками и полоть всё вокруг. 25 кустов и я отдыхаю. Я, оказывается, ничего не умею в деревенской жизни, и это не так просто, как кажется на первый взгляд, когда отупело смотришь на экран, где показывают, как охотно это делают другие за тебя.

Я полюбила маленькую речушку, куда мы ходили купаться в жару. Идёшь земля мягчайшая от навоза, пружинит. Царственно стоят лопухи, замерев на жару от пыли и опустив свои войлочные листья. Потом я поняла, что они наблюдают за тобой. Воздух настоян на полыни, а сурепка нежно светится и сквозит золотыми головками. Куры петухи под ногами. Дылдой вымахала крапива, тёмно-зелёная, изумрудная, с великолепными листьями, всегда готовая к отпору. Перед каждым домом сирень. Медленно волшебю цветёт, втягивает. Можно сорвать и потереть в руках горьковатую коноплю, которую я вначале путала с крапивой.

- Из неё делают гашиш, надо скосить у огорода, пренебрежительно говорила я.

- Дура, - сказал мне как-то дед, который любил приехать на недельку и молодецкато походить мимо плетня.

- Из неё раньше делали прекрасное конопляное масло, которое раз в сто лучше твоего подсолнечного. И дурманом никто не маялся. Туда же скосить ей надо.

Так же росла где хотела повсюду. Но в основном я чувствовала какую-то заброшенность, боялась остаться одна ночью в доме, в деревне, наедине с собой.

Как-то раз, когда мы шли с купания, я показала Ильке цветок тысячелистника, отвар которого использовал дед от начавшейся у него в деревне зубной боли.

- Мне его мать показала, почти, да, больше семидесяти лет назад. Очень хорош. Живёт рядом с человеком.

- У него что точно тысяча листьев. Я посчитаю.

- Это ваша примитивная дурацкая школьная классификация по оболваниванию. А это народный юмор. И, как видишь, не плохой.

В другой раз он залез на печку, сказав, что хочет понять, что чувствовал Емеля, когда лежал на ней. Он был тоже чувствителен: он стал бояться гусей, когда прочитала ему сказку, как гуси унесли Иванушку. Но я знала, в кого он такой уродился, я тоже их боялась. Я научилась мыться и париться в баньке. Чувство необычайной лёгкости, когда выйдешь ночью из неё под звёзды и думаешь всякий раз серьёзно что вот сейчас поднимешься и полетишь. Я отличаюсь редкой осёдлостью и вот пожалуйста, такие мысли.

Привыкла собирать чуть ли не тазами ягоду викторию и кормить ею детей на крылечке.

Так 15 лет я провела среди лопухов, крапивы, подлой травы картофельника, огурцов и помидоров. Хочешь не хочешь, но я привыкла. А по вечерам древнее вечное стадо коров единым ритмом тянулось вдоль берега реки, а потом растекалось по деревне. Но молока не у кого купить оказалось невозможно: деревня не была готова ни к материальному, ни к духовному обмену.

Подъездные бабки - стервятницы (половина квартир моего подъезда были однокомнатные), выросшие при советской власти (точнее выжившие) сидели на скамейке около девятиэтажки - клюшки тройками, а изредка и пятёрками, а ты всегда обречённый проходил мимо, заметили мои летние пропажи и, точно выбрав жертву, стали просить у меня привезти из деревни всякой травки.

"Полечиться", - лицемерно говорили они.

Сначала я отбивалась: "Не знаю ничего". "Ну хоть крапивку-то знаете? Из неё такие вкусные витаминные щи." Бабки презрительно и высокомерно отворачивались и подолгу не разговаривали.

"Зачем им травки, - думала я, - их и так ничем не удавишь." Потом я поняла, что травками в общепринятом смысле этого слова не лечатся.

Рядом с моей квартирой жил старый закоренелый туберкулёзник немец - алкоголик Адольф, которому я постоянно относила "Солёное на закуску". Жалко выбрасывать, что ты сам вырастил. Да ещё двум бабкам в подъезде, которые не считали себя обязанными. Одну из них Катерина зовёт Мария Валерьяновна вместо Аверьяновны. Я одна в подъезде не боялась разговаривать с ним tete-a-tete.

" Я, Люда, - говорил он мне откровенно, - дал утреннюю пригоршню лекарств, которыми они там меня лечат собаке, а к вечеру она сдохла. Значит, нечего их и есть."

Но у Ильи поднялось высокое манту -20, и мне предложили положить его в тубдиспансер. Я чуть не умерла от горя и страха.

Я собрала всю научную литературу, все лечебники, всё, что смогла достать и принялась изучать самым основательнейшим образом. Надеяться на врачей, которые больше походили на эсесовцев - палачей своим безразличием, я не хотела.

Когда мы пришли в тубдиспансер делать ему семилетнему рентген (там стоял лучший в городе аппарат), то одна из женщин врачей властно мне сказала: "Стоять в метре от меня". Никакие попытки объяснить, что лично я не подозреваюсь ни к чему не привели. В это же время я купила попавшуюся мне в магазине книгу "Лекарственные травы СССР" и поняла, что травки не лечат какие-то болезни, хотя и это возможно, а мы и они так созданы, чтобы жить вместе.

Это богатство вокруг, оказывается, существует для нас. А не только бифштексы, котлеты, пельмени, наварные щи и варенье существуют на белом свете.

Есть чудесная травка зверобой, знакомая мужчинам по водке с таким названием. Но это не тот товарищ, который бьёт зверя. Зверобой травка хорошо растущая в Сибири, которая вывозилась из России на экспорт в Англию и Францию. В сам Париж. Чтобы долго не

объяснять и не вводить в краску мужчин во всех лечебниках лаконично пишется: от ста болезней. Ни много ни мало. Заваришь, постоит и отвар часа через два делается из зелёного благородным и золотым, как коньяк. Чуть горьковатый. Очень вкусен из холодильника с кусочком льда. Можно настоять и на водке, когда некогда возиться каждый день с травками.

Тогда он действительно, валит с ног мужчину. Если подхватил грипп и кашляешь то, нашатырно-анисовые капли, выписанные безапелляционно врачём и купленные в длинной очереди в аптеке, могут в мгновение ока умертвить раз и навсегда.

Если ты чудом выжил и решил попробовать после того, как их понюхал, то обзовёшь себя самыми последними словами на свете. И не обратишься больше к искусным врачам-целителям никогда. Я даже думаю, что на это они и рассчитывали. Это, если хотите, чисто советская методика профилактики любых заболеваний. Поэтому мы все всегда здоровы. И не выносим разговора о простудных заболеваниях.

Но, два три мать-и-мачехи дают нежнейший по вкусу необыкновенно лёгкого пастельного цвета отвар, который будет пить не замечая самый привередливый ребёнок и измученный лекарствами принципиально не желающий иметь дело с медициной мужчина.

- Если устал от людей, работы, жизни или не хватает сил и тебя задёргали, как деревянного болванчика и тебе хочется только одного - повеситься, то есть травка Богородская - Чабрец. Раньше её наши предки клали за икону Богородицы, так уважали. Растёт на полянках рядом с клубникой. Волшебный запах, лёгкий сок от двух крошечных стебельков, и непревзойдённый вкус. А ещё есть Багульник, который цветёт очень рано по весне розовыми райскими цветочками у Катуня и не сбрасывает своих лаковых листочков даже суровой зимою. Пряный отвар, медовый, тысячи запахов. Из него можно было бы сделать прекрасный ликёр, да никому в голову не приходит.

Если химически разложить Женьшень на А,В,С,Д и т.д... И дать человеку, то результат будет неважный. А если корешок бросить в бутылку водки и продавать её в магазинах, то результат будет отличный. Такую бутылку, купленную в кооперативном, с пузатым корешком Женьшеня на дне я выпила за здоровье корейских товарищей и своё полгода назад, каким ветром перестройки её могло

занести на Алтай в жесточайшие времена антиалкогольной компании, а точнее её последствий, я так и не смогла понять. Смогли оформить, наверное, как целебное зелье. Эти кооперативные ребята, чтобы заработать деньги всё могут.

А корень Бадана, тоже самой ранней весной выбрасывающий стрелки своих соцветий с фарфоровыми цветочками! Стоит только подойти к этой цветочной стрелке и сразу понимаешь древнейшее. Алтайцы пьют с ним свой знаменитый чай - чигирь, и его не сравнить с чаем грузинским, который только продают теперь во всех магазинах. И пусть у них демократия и революция. Но чай ужасный. И я готова заявить об этом на весь мир по тому американскому каналу, к которому они подключились недавно.

Поскольку рисунки в книгах плохо соответствуют тому, что я видела в живой природе, то я ходила с книжкой в руках по полям и зарослям, и всячески примерялась к тому, что встречала. Это, наверное, было интересное зрелище. Близорукий человек с книжкой напряжённо вглядывающийся то в книжку, то в цветок. Пропорции, размеры, цвет - всё в рисунках нарушено. Догадываешься чудом. Но я всегда отличалась упорством в приобретении знаний, начиная со школы, которую окончила с серебряной медалью. И кое-что я узнала и поняла.

Я дала эскулапам расписку, что не согласна на пребывание моего сына в тубдиспансере, что полностью освободило их совесть от обязанностей его лечить и думать о нём. И он, даже и теперь, только увидев в ковшике хоть какую-то травку автоматически как телёночек из копытца всегда сделает несколько глотков. Он знает - не повредит. Я знаю, что никто из его сверстников этого не сделает никогда.

Теперь я пою от простуды Катерину, которой простыть - равно два раза плюнуть.

И болеет он только тогда, когда сильно не хочет ходить в школу и специально простывает, сделать это ему всегда трудно. Я уже чувствую, долго не притрагивается, значит что-то замышляет.

Я познакомилась с французской дворянской культурной традицией пить горячие и холодные отвары трав после французской кухни. На руси тоже такая традиция была: знаменитые водочки, наливочки, настоечки. Чтобы сила была, когда нужно, чтобы не боялся за завтрашний день, чтобы дольше жить и успеть в жизни сделать всё,

что задумал. Да селекционировали мы эту культуру, как средневековую ведьму.

Однако идиотская привычка всех снабжать травками, к которой приучили меня подъязовские бабки, не раз меня подводила в жизни.

Во всём виноваты эти старые стервы, которые никогда не умрут. И то, что так ясно тебе, не всегда понятно другим. Но об этом как-то забываешь. Я стала подозревать, что и меня они тоже переживут. Адольф жив до сих пор: "Люда, я так проспиртовался".

После очередной белёнки, этого божьего наказания, перебирая старые журналы "Наука и жизнь", чтобы выбросить, я наткнулась на Роман Солоухина. Второй раз я его перечитала внимательнее и отложила, чтобы сохранить. Надина подруга Татьяна, инженер химкомбината, окончившая на диплом с отличием политех и долгое время работавшая со ртутью и неважно себя чувствующая, крошечная элегантная молодая женщина, с которой я любила поболтать, взяла его почитать и не вернула до сих пор. Теперь творчество писателя, я по памяти называю "Изысканными романами о крапиве". Именно у него лучшее её описание, которое встречается и в русской и советской литературе.

А деревенская жизнь не так проста, как может показаться на первый взгляд, но идёт своим чередом.

Старая Цуричиха, матёрая глава деревенского клана, мафиози четырёх поколений, которую из-за старости не желает лечить официальная медицина, узнав, что я собираю травки, постоянно лечится у меня от высокого давления. Сейчас оно у неё со 180 упало до 120.

Постоянно заходит маленькая Чулчиха, посмотреть что и как и зачем у меня в огороде. Она, наконец, научилась управлять своим огромным мужем, который страшен в гневе и кроме того успел когда-то отсидеть все мыслимые и немыслимые сроки. У неё постоянно пропадают тёлки, теряются куры, гуси.

Она мать пятерых молодцов - разбойников, которые иногда могли послушаться только её. Ванька постоянно переворачивается на

тракторах и мотоциклах. И она хладнокровно его выхаживает: "Может, чем попоить его, а?".

Тётя Катя вышла за своего Горского, чтобы иметь мужика в доме. Когда он умер, она подхватила дурную болезнь от заезжей бригады строителей-азербайджан и отравилась, как настоящая русская женщина.

Валерка по ночам ходит, наверное, к доброй половине деревенских женщин, такие окаянные и приглашающие у него глаза. А жена его на глазах сохнет от этого и готова сражаться сразу со всеми женщинами деревни.

Вообще я стала подозревать, что живут они всей деревней, единым миром, кто с кем захочет, когда сильно надоедят друг другу в семейной жизни. И я стала бояться, что лет через 10-15 деревня из-за него вымрет от СПИДа и мне вообще будет негде отдыхать.

Астафьев настоящий сенатор, крупен, осанист, никто не сравнится с ним в нашем союзном парламенте. Более церемонного, располагающего и спокойного разговора я в жизни не встречала.

Пашка Семендяев третий год строит поместье рядом с моим домом. Глаза на лоб лезут от такой хозяйственности. С одной стороны дома нарисовал кота у Лукоморья, а с другой - ставни и на всех - русалка.

Борька постоянно женится и разводится. И хотя он очень интернационален в своем выборе, но вот не везет и все. Не судьба.

Чтобы успокоится он постоянно ездит мимо дома на мотоцикле.

Катя на днях сказала : "Мама, Борька весь день, ездил мимо дома на мотоцикле. Надоел."

Интересно мимо кого это он там проезжает?

Сам дед Семендяев, непонятно, как выживший в войну, угробил не за что свою жену.

Это была женщина с королевскими глазами и не для него дурака.

Как-то раз утром, выйдя из дома, я услышала в утреннем чистейшем воздухе её плач по умершему в 40 лет сыну от инфаркта. Я этот плач помню до сих пор.

Когда она умерла, то весной через полгода сам дед обронил: "Цветок расцвёл, а бабки нет".

Тетя Катя напротив отличается величайшим здоровьем, и силищей Богатырши, у ней невинные, как васильки глаза. Одна всё ворочает.

- Люда, какая ты худенькая, городская.

- Господи, тетя Катя, по городским понятиям я очень и очень даже ничего. Вы просто давно не были в городе. Один раз пришла к ней

поболтать на крылечке. Сидит, смотреть страшно: всю щеку разнесло от зуба. А она ещё взяла и сходила в баньку "чтобы выгнать болезнь". И ещё собирается. Так и скончаться можно. Ну как ни сказать: "Тетя Катя, надо бы не париться, а лед в грелке к щеке".

- Это что, как после аборта в больнице, там, охота так дадут, а то и итак сойдет.

- Нет, лучше всё-таки бы приложить, скорее даже обязательно.

- А где я лед-то летом возьму?

- Ну ведь холодильник-то у вас есть?

Два года назад "спустилась с гор" словесник Нина Яковлевна и начала сражаться со школьной мафией Каручинского. А у меня появилась замечательная подруга. Она призналась, что лет двадцать делала регулярно аборт через три месяца. У неё единственная дочка.

- Но вы то про контрацептивы должны знать.

- Знать-то одно, да кто их нам в деревню повезёт. Да ещё в горы.

- Но от этого можно свихнуться. И, пожалуй, собратся и один раз в жизни съездить в Москву, чтобы купить их один раз и навсегда.

Сейчас говорят самые примитивные - самые надёжные. Для обеих сторон. Просто ваше поколение более жизнерадостное чем мы. Мне кажется я бы не вынесла. Я часто чувствую себя счастливой, потому что не родилась в ваше время.

Дядя Ваня, её новый муж, был бы лучший чеховский Дядя Ваня. Но не судьба. Я люблю вслушиваться в мягчайшие проникновеннейшие интонации, которые раньше не встречала в жизни. Я знаю: он может обмануть любую женщину. Он не поленился дать совет: "Люда держись за этот дом, хотя бы месяц в году, в деревне отдохнуть большое дело. Стар я стал Люда, мне уже 54 года". А в глазах не утолённая страсть ко всем женщинам сразу.

В день выборов Российского президента он был сильно пьян.

Рассказал, как на автобусной остановке мужики накинулись на бабушку которая голосовала за Рыжкова. Он играя с отвязанной собакой, которую я всегда боюсь, когда у ней останавливаются глаза и она заходит сзади, и я ей сказала примирительно:

- Ну что кусать будешь.

Дядя Ваня ответил за неё: "Обязательно".

Чтобы отдохнуть, я люблю зайти в огород и постоять перед Баданом и Золотым корнем, которые растут у меня рядом - для меня это священные минуты.

А сегодня Катерина, у которой ожили и заблестели в деревне глаза, сказала мне.

- Мам, когда я вырасту и у меня родится мальчик, то я назову его Шишом.

Цыплёнок смотрел на меня совершенно независимо.

- Ну, например, Валера очень красивое имя и тоже очень редкое. Серьёзно, да?

- Да.

- Видишь ли, деревенские рассказы, которые ты сейчас читаешь Шергина, конечно гениальны, как, пожалуй, и сам Шиш. Но мне кажется, он может этого не оценить. Мы женщины часто совершаем поступки не думая о их последствиях.

Но в одном хотя бы мы чуть-чуть умнее мужчин. Мы лучше понимаем разницу между жизнью и смертью, потому что умираем в жизни гораздо чаще чем они.

Я, кажется, всё-таки научилась полоть картошку: я её теперь просто чувствую. Она так нахальненько из земли штопорком лезет. Если только не задумаюсь, а то штук десять и теперь стяпаю.

Сидя на скамеечке, напротив магазина, и, поджидая вместе с полдеревней, когда же подвезут хлеб, я люблю поболтать с бывшей фельдшерницей Людой, которую незаконно уволили и хотели спровадить в ЛТП, когда она стала возмущаться существующей системой оплаты механизаторов и скотников (её муж механизатор) такую женщину и хотели погубить, подъехал на своём мотоцикле Ревякин, партийный агроном. Это его рук дело.

Знаете, сказала я для себя неожиданно, если бы можно было, как в американских видиках стрелять, и у советских граждан было оружие, то я бы сейчас, здесь на этой площади, так похожею на дикий запад начала века, прикончила его при всех перед этим магазином. Сам он не умрёт никогда, трудясь не одно десятилетие после своей пенсии.

Романы «Катунский дневник по понедельникам», «Глумление», «Ельценбург», «Люди - манекены», «Роман номер ХЗ», «Русская Монархия». Публицистика, кинокритика, арткритика.

«Заметки русского эссеиста о современной политической жизни в России и В.В. Путине.» 2017 год.

<https://russianmonarchy.blogspot.com/p/books.html>

<https://russianmonarchynovel.wordpress.com>

<https://sites.google.com/site/filmcritic21/>

Проекты Гановой Людмилы.

Современная Литература 21 века:

<https://www.literatura-21.ru>

Кинокритика:

<https://www.film-critic.ru>

Аукцион Современного Искусства 21 века

<https://www.auction21.ru>

Видеоблог «Русская Монархия - Блог семьи Цуриковых»

https://www.youtube.com/channel/UCZN9bGrYXxZdWk1_Ze_7VEw

<https://www.bitchute.com/channel/russianmonarchy/>

<https://www.flickr.com/photos/russianmonarchy/>

https://youtu.be/seG_o_VVacg

<https://youtu.be/iuK6ucp69Tc>

<https://russianmonarchybook.wordpress.com>

<https://twitter.com/russiamonarchy>

<https://behance.net/russianmonarchy/>

<https://russianmonarchybook.tumblr.com/>

<https://journalism21stcentury.news.blog/>

